
Россия, Русь! Храни себя, храни!

Союз писателей России

Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ДОРОГИ И СУДЬБЫ

Юрий БОНДАРЕВ. **Память войны** 3

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Виктор ИЛЮХИН. **Польское лобби в Кремле и наследники
Гebbельса в Госдуме** 8

Константин ГОРДЕЕВ. **Навстречу переделу России** 14

Валерий ЧАРУШНИКОВ. **Виртуальное общество** 89

Андрей САВЕЛЬЕВ. **Ельцинизм — технология закулисы** ... 121

Анатолий ВАССЕРМАН, Нурали ЛАТЫПОВ.

Охота за призраком в призрачной стране 205

Константин ЕРОФЕЕВ. **Отчего почернели
червонные маки** 212

Владимир БОЯРИНЦЕВ, Анатолий САМАРИН,
Людмила ФИОНОВА. **Сила, способная спасти Россию** 219

ПРОЗА

Виктор МАНУЙЛОВ. **Жернова**. Фрагменты романа 18

Юрий ПАХОМОВ. **Последняя стоянка**. Повесть 126

Владимир ПРОНСКИЙ. **Два рассказа** 265

ПОЭЗИЯ

Евгений ЮШИН. Родные дожди. Стихи	63
Александр КУВАКИН. Прорасти в небеса. Стихи	69
Стихи поэтов России	260

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Владимир СУТЫРИН. Москва салатовала дважды...	72
--	----

ПИСАТЕЛЬСКОЕ БРАТСТВО

Николай АЛЕШКОВ. Зачерпнув реки небесной. Стихи ..	230
Нугзар ЭРГЕМЛИДЗЕ. Волны памяти. Стихи	233
Николай ВОРКАЛ. Простите нас, ребята!	235
Андрей МИНЕЕВ. Propius mors. Рассказ	238

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Иван УХАНОВ. Бузулукская история	272
Сергей ЩЕРБАКОВ. Как в сказке...	280

ПАМЯТЬ ВОЙНЫ

В жаркий июльский день шел по дороге среди желтеющей пшеницы, овеванный парным теплом, тишиной, нежным пением жаворонков, то справа, то слева весело взмывающих в синеву, и думал о том, что жизнь прекрасна, когда можно видеть, чувствовать вот такое легкое небо, радость птиц, мягкое прикосновение воздуха к лицу и эти полевые запахи середины лета, напоенного солнцем.

Потом впереди на дороге увидел сельский грузовик с обшарпанными бортами, похожий на фронтовой «зисок», серогрязный от засохшей грязи; возле спущенного колеса, невнятно ругаясь, возился с домкратом загоревший дочерна паренек в майке, облупившийся нос сердито ерзал, морщился, всклокоченные волосы торчали, как у молодого петуха.

— Понятно, — сказал я, останавливаясь около машины. — Помощь нужна?

— Ни хрена подобного, — отозвался неприветливо паренек. — Сам обойдусь. И откуда он, черт плешивый, под колесом оказался? В поле на дороге — гвоздь! Вроде понарошку! Смехота в шляпе!

А я смотрел на этого загорелого паренька в пропотевшей майке, на его потрепанный грузовик и, кажется, улыбался, чувствуя нечто знакомое,

ДОРОГИ И СУДЬБЫ

близкое мне, как воспоминание, принесенное полузабытым детством в уральской степи или войной.

От грузовика пахло пыльными проселками, горячей сухостью соломы, каким-то масляным теплом, словно бы машинным потом, как пахли фронтовые «ЗИСы» на дорогах России в те далекие годы, которые были моей военной молодостью. Да, тот же запах издавали полуторки, подвозившие снаряды к нашим орудиям, так же пахло от медсанбатских машин, только здесь примешивался душок пропитанных кровью бинтов и йода.

Но почему вдруг я почувствовал разные запахи, с которыми была связана война?

Я и сейчас помню сернистые ожоги стужи в сталинградских степях, холод орудий, так за ночь прокаленных морозом, что металл чувствовался сквозь рукавицы, помню порохovou вонь стрелянных гильз, жаркий газ от горячего казенника и ледяное безмолвие звездного неба по ночам, пахнущим угрозой и предчувствием беды. Это и сейчас я порой ощущаю в декабрьские ночи, едва опухнет неожиданно жгучим ветром, будто прилетевшим оттуда...

В моей памяти навсегда остался запах мерзлого хлеба, твердого, как камень, ржаных солдатских сухарей, несказанный аромат солдатской «пшенки» из открытого котла наконец-то прибывшей кухни, такой сладостный аромат в застылой фиолетовости зимнего рассвета.

А весна? Чем она пахла? Оттаявшим черноземом, безобразным месивом разбитых колесами проселков, холодком вместе с наплывами тепла из полей, талым снегом в кюветах, возбуждающе терпким дымком махорки в ветерке над головами, нагретыми припекающим солнцем шинелями, захламленными грязью, подоткнутыми за ремень на маршах весенних наступлений. И всех будто радостно охватывало голубыми далями с дрожанием над обнаженными полями парком, когда война отдалена за тридевять земель апрельским солнцем, голубишной простора, теплом, отступлением немцев.

Весенние дни пахли томительной надеждой, неизъяснимой верой в то, что наступит пора, и я вернусь в свое милое Замоскворечье, в свой дворик со старыми купеческими липами и голубятней в тихом переулке.

В знойном же пекле украинского лета прочно стояло горькое удушье черных дымящихся пепелищ, не выветрившийся угарный запах уцелевших печей, торчащих черными столбами среди углей и пепла. И все лето была духота сосновых урочищ, в воздухе тек запах разогретой солнцем смолы, горячего песка — и преследовала химическая приторность выхлопных газов, наносимых от немецких танков, беспрерывно атаковавших нашу батарею на подступах к Днепру.

И до сих пор помню осенний Житомир, оставленный внезапно немцами. Город был пуст, продут ветрами, холоден ноябрьски. Везде на вымерших улицах поздняя сырая ночь, мокрые мостовые блестели. Из-за лиловых облаков над куполом темной церкви расплылось ослепительное сияние уже предзимней высокой луны, и в этом лунном свете я видел, как жестяные листья обрывались с деревьев, падали нам под ноги, под копыта лошадей, под колеса орудий. Мы входили в неожиданно-негаданно занятый нами Житомир в полной тишине. Нигде не слышно было ни голосов, ни смеха, как бывало всегда, когда удачно брали города. Солдаты молчали, ошеломленные затаенным безмолвием улиц, оголенно залитых луной, и влажным запахом осенней ночи, заполнившей все тихой тревогой, которую иногда в предзимнюю пору я ощущаю и сейчас.

И ясно помню серый промокший день в Польше, с утра моросило, далекие тополя мутно проступали в тумане. Наша батарея, утопая колесами орудий, двигалась через разрытое картофельное поле к железнодорожной насыпи, возле которой дымилась огромные бурты пшеницы, издали показавшиеся нам холмами. Дым, прибиваемый водяной пылью, полз в нашу сторону, и скоро я почувствовал тепловатый запах тлеющего зерна, смешанный с дымком, сыростью развороченной земли, на которой узлами лежала картофельная ботва. А за смутными тополями, на краю поля, почти беззвучно рвались снаряды, звук их поглощался влагой осени. Не знаю почему, этот сложный запах того тихого сентябрьского дня не забыт мною спустя много лет.

Но чем все-таки объяснить, что чувственная память моя охотно выделяет сейчас столь небольшое, незаметное, вытalkingивая из себя хаос запахов невезения и несчастья, острых, давящих, тошнотных: липкую сладковато-гнилостную вонь разлагающихся трупов; вызывающий озноб солончатого-пресный запах крови; гнойный запах бинтов; чесночно-луковый яд немецкого тола; забивающий дыхание пыльный ветер от танковых гусениц; прогорклость горелой брони...

Законы памяти неисповедимы, неподвластны нам.

* * *

Человеческая память несет в себе огромную энергию. Она прочно сохраняет в себе то, чего уже нет, что прошло и было. Время старательно и ревниво формирует и отшлифовывает наш опыт.

Бывает так: ты душевно спокоен, в весенних сумерках идешь по улицам, читая мокрые афиши, ощущая влажный пахучий ветер апреля; зыбко блестит асфальт на мостовой, отражая вечеряющее небо и уже освещенные, как зеленые аквариумы, троллейбусы; движутся толпы на тротуарах мимо

витрин магазинов — мир, будни, смех, тот особый неестественный смех людей, когда в их жизни умиротворение, тишина, покой. Это стоит обычный, теплый вечер весны в Замоскворечье, и сиреневые пролеты улиц начинают зажигаться светом в окнах, вспыхивают рекламы кинотеатров, в переулках шуршат велосипедные шины и прыгают по асфальту желтые мячики света; а от перронов уставших за день вокзалов уходят поезда в затянутую дымкой даль с мигающими фонарями стрелок.

И вдруг прощальные гудки паровозов, и вечерние облака, багрово подсвеченные снизу закатом, и запах нефти и шпал, и дымы по горизонту, и купы деревьев за вокзальными зданиями, черные, вырезанные по красному, — все словно толкнет в грудь.

Но как давно это было...

Мохнатые зарева широко прорезают тьму на горизонте, багровый отблеск дрожит на проселочных дорогах, в зрачках солдат, шагающих по обочине... Зарево ближе; разваливаются, трещат, будто выворачиваются в пламени дома, дымом затянуты сады, остро, горячо пышет в лицо жаром, и везде этот огонь смерти: на брусчатке уже забытых по названию городов, на осколках витрин, на пряжке ремня безобразно раздутого трупа немецкого солдата, лежащего на площади со странно вывернутой под голову рукой, с красным от пожара стеклом часов на запястье... Город горит, он пуст.

Мы входим в этот пылающий город. На нас дымятся влажные плащ-палатки, дымятся холки лошадей. Мы прикрываем их попонами. Мы идем вперед.

Потом выкатываем орудия на прямую наводку. Немецкие танки, мрачно блестя в зареве броней, точно облитые кровью, медленно отходят за посадку, на шоссе, поджигают окраины. Видно, как зажигательные трассы впиваются в крыши деревянных домов и занимаются огнем стропила.

Мы идем на запад от Сталинграда по снежным степям, металлически скрипящим под ногами в стужу, пестро-черным от воронок, проходим по земле Украины, где помидоры имеют привкус пороховой гари, а яблоки запеклись на обуглившихся яблонях. В темные, осенние, ветреные ночи мы форсируем Днепр, эту реку, озаренную ракетами, по которой плывут трупы, касаясь наших плотов. И между боями, во время короткого отдыха, «на пятачках» правобережных плацдармов лежим, греясь на осеннем солнце, видим, как в желто-золотистых лесах Левобережья встают дымы разрывов, разрушая первозданный покой осени, и листья вместе с осколками летят в густо-синюю воду. Мы думаем: хорошо, если бы в эту воду шлепались поплавки удочек. После лежим на

краю окопов, черные, закопченные толовой гарью, в пропотевших гимнастерках, и видим, как косяк «юнкерсов» с тугим гулом разворачивается над переправой.

Мы идем через Польшу; весь горизонт в пожарах; с карпатских высот улицы городов казались нам огненными реками, площади — пылающими озерами. Отступая, гитлеровцы хотели оставить после себя безлюдные пространства.

Если горе имеет свой запах, то война пахнет огнем, пеплом и смертью.

Война — это пот и кровь, это после каждого боя уменьшающиеся списки у полкового писаря, это последний сухарь во взводе, разделенный на пятерых, оставшихся в живых, это котелок ржавой болотной воды и последняя сигарка, которую жадно докуривает, обжигая пальцы, наводчик, глядя на ползущие танки.

Война — это письма, которых ждут и боятся получить; и это особая обнаженная любовь к добру и особая жгучая ненависть к злу и смерти; погибшие молодые жизни, непрожитые биографии, это несбывшиеся надежды, ненаписанные книги, не совершившиеся открытия, невесты, не ставшие женами.

Иногда я вижу, как дети играют в войну; в их понимании война — лишь романтика и подвиги. У детей нет той памяти-опыта, что есть у взрослых.

В войну мое поколение научилось и любить и верить, ненавидеть и отрицать, смеяться и плакать. Мы научились ценить то, что в силу привычки теряет цену в мирные дни, что становится обыденным: случайно увиденная на улице улыбка женщины, парной майский дождик в сумерках, дрожащий отблеск фонарей в лужах, смех ребенка, впервые сказанное слово «жена» и самостоятельное решение.

Мы научились ненавидеть фальшь, трусость, ложь, ускользающий взгляд подлеца, разговаривающего с вами с приятной улыбкой, равнодушие, от которого один шаг до предательства.

Наша память — это душевный и жизненный опыт, оплаченный дорогой ценой.

Вот почему, когда по случайным ассоциациям — то ли скрежет трамвая на поворотах, напоминающий свист тяжелого снаряда, то ли похожая на пульсирующий огонь пулемета вспышка автогена в каркасе строящегося дома — память возвращает нас к дням войны, мы начинаем больше ценить тишину, спокойный блеск солнца, прозрачность воздуха.

ПОЛЬСКОЕ ЛОББИ В КРЕМЛЕ И НАСЛЕДНИКИ ГЕББЕЛЬСА В ГОСДУМЕ

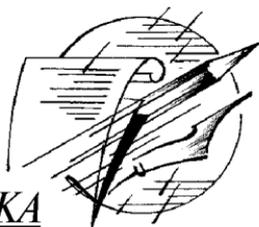
*(ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ПРЕЗИДЕНТУ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)*

Господин президент!

В декабре 2010 года Вы дали интервью польским СМИ, в котором наряду с другими проблемами затронули и вопросы гибели польских военнопленных под Катынью Смоленской области.

Судя по ответам, Вам известно о том, что в России сложилось неоднозначное мнение о виновниках трагедии. Есть официальная версия власти о расстреле поляков НКВД СССР весной 1940 года. Она сложилась под влиянием польского лобби, активно действующего в кремлевских и правительственных кругах, в том числе и из российских ученых, до сих пор получающих из Варшавы солидные гранты, а проще говоря, деньги. И есть иная точка зрения, что поляки были уничтожены фашистами, после оккупации ими Смоленской области. По мере того, как российские граждане вникают в суть проблемы, эта версия находит все большее понимание у нас в стране, да и за ее пределами.

Длительное изучение обстоятельств Катынской трагедии и определенное знание исторических и правовых материалов позволяют мне заявить, что многие документы, находящиеся в уголовном деле №159 Главной военной прокуратуры о гибели поляков

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

от рук НКВД, являются необъективными или сфальсифицированными. С этим я выступил 26 ноября 2010 года с трибуны Государственной Думы. В ответ Вы заявили, что это не серьезно, это чуть ли не провокация людей, которые хотели бы не замечать истории и природы сталинского режима, с чем я не могу согласиться.

Конечно, от открытой полемики Вы откажетесь, а я хотел бы вести ее не только как депутат Госдумы, но, в первую очередь, как один из руководителей Главного следственного управления Генеральной прокуратуры Союза ССР, хорошо знающий в юриспруденции теорию и практику доказательств. Событиями, произошедшими в Катыни, я начал заниматься в то время, когда Вы были еще студентом юрфака. Но не в этом главное.

К сожалению, и Вы, глубоко не изучив суть вопроса, как и предшествующие российские президенты, скатились на геббельсовскую версию о расстреле поляков НКВД СССР, которая широко стала распространяться немцами с весны 1943 года.

Я не собираюсь защищать И.Сталина. Он не нуждается в этом. История сама все расставит и уже расставляет по своим местам. На фоне разваливающейся российской государственности, расцвета коррупции, всесильной оргпреступности и казнокрадства его значимость и весомость в отечественной истории будут укрепляться и усиливаться. Это неоспоримая закономерность, которую невозможно перечеркнуть антисталинскими административными мерами, указами, постановлениями, отвратительным голосованием послушного Кремлю большинства думских депутатов или грязными телерадиопередачами.

А встав на Вашу позицию, получаешь вывод: в СССР были репрессии, поэтому и вали все на Сталина. Именно на него, как будто фашисты не уничтожили десятки миллионов людей. Однако это огульное охаивание лишь дискредитирует в первую очередь русский, российский народ, порождает комплекс неполноценности и собственную ущербность. Его поставили на колени, требуя вечного покаяния даже и в том, чего он не совершал. Такая нация будет неспособной к великим созиданиям.

Вы сказали: «За это преступление отвечает Сталин и его приспешники». Сославшись на то, что сами смотрели документы из так называемой «Особой папки», которые сегодня выставлены на интернет-сайты. Хочу сразу отметить Ваше выражение: «приспешники». Не знаю, как точно после окончания президентских полномочий назовут Ваше окружение, но убежден, что гораздо резче и нелицеприятней уж только

потому, что краснодарский душегуб Цапок присутствовал в Кремле на Вашей инаугурации в составе делегации края.

Как старый криминалист, утверждаю: чтобы сделать глубокие и неоспоримые выводы, документы надо не смотреть, а изучать. Конечно, римское право, которым Вы увлекаетесь, этому не учит.

Мои коллеги, крупные ученые, специалисты многократно приводили аргументы, говорящие о подложности документов «Особой папки», в том числе со ссылкой на экспертные исследования.

От Вашего внимания ускользнуло то, что выписка из решения Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г. не имеет подписи и на ней стоит печать ЦК КПСС. Вам не подсказали, что название КПСС появилось позже 1940 года на двенадцать лет, и оттиск печати ЦК КПСС на документе в момент его принятия не мог стоять. По нашим данным, выписка была сфальсифицирована в начале 90-х годов прошлого столетия ельцинским окружением или, как Вы изволите выражаться, «приспешниками».

Вы не заметили, в выписке (даже фальшивой) указано: «Предложить НКВД рассмотреть дела на военнопленных поляков...», однако в материалах уголовного дела, в иных источниках нет никаких сведений о их рассмотрении, о реальной судьбе тех самых 27 тысяч поляков, упомянутых в выписке. Есть всё, в том числе сведения о перемещении пленных, о конвое, о питании, о другом, кроме сведений об исполнении решений и приговоров. Такого в работе НКВД СССР быть не могло, ведь в этой организации фиксировалось все до мелочей. А тут расстрел стольких людей, но в документах о нем ни слова. Над этим стоит задуматься.

Вы обвиняете Сталина и его «приспешников» в убийстве нескольких десятков тысяч поляков, но следовало бы знать, что после 14-летнего расследования дела Главная военная прокуратура не признала их виновными в уничтожении военнопленных под Катынью и никакого решения на этот счет не приняла.

Об этом умолчали и в Государственной Думе. Поэтому высшая российская власть, не замечая того, сама скатилась на стезю политических репрессий. Ведь Ваши предшественники-президенты извинялись перед поляками за гибель их сограждан до окончания следствия, которому только и осталось облечь политическую волю руководителей государства в правовую форму, признав НКВД СССР виновниками в гибели военнопленных. Иного решения здесь быть не могло, даже если следствие и пришло к другим выводам.

Вы в столь сложном вопросе, имеющем международное значение, должны были потребовать исчерпывающую информацию. Если скрыли ее от Вас, то избавьтесь от нерадивых помощников и советников.

Вам не доложили, что списки большинства погибших под Катынью представила следователям Польша и они оставлены без тщательной проверки. Поэтому и стали появляться после войны 1941—1945 годов живые люди из числа объявленных мертвыми.

Не доложили и о том, что следователи злоупотребляли служебным положением, выезжая на отдых в Польшу, для них устраивались застолья, они получали подарки, а в конечном счете все были награждены польскими государственными наградами. Только поэтому, основываясь на международном праве и практике, постановление следователей по гибели польских пленников должно быть объявлено несостоятельным и не порождающим никаких правовых последствий.

Советский Союз обвиняют в расстреле десятков тысяч поляков, но предварительным расследованием проведена эксгумация лишь 1803 трупов поляков, а обстоятельства их гибели, как и других, так до конца и не установлены. Если нет трупов, то не может быть и обвинения в убийстве.

Вам видимо не доложили, что все польские офицеры под Катынью были убиты немецкими пулями из немецкого оружия.

В материалах Нюрнбергского трибунала имеются убедительные доказательства, представленные советской комиссией Н.Бурденко о расстреле поляков немцами, которых трибунал не оправдал и не возложил ответственности за эти злодеяния на СССР.

То, что происходит сейчас, — это уже наглая попытка ревизии истории, пересмотра приговора трибунала. В его материалах есть показания начальника лагеря Ветошников В.М., который за несколько часов до оккупации немцами Смоленска прибыл в город и просил выделить ему 75 вагонов для вывоза поляков в глубь страны. Вагонов ему не выдали из-за сложности положения, а сам он уже не смог вернуться в лагерь.

Значит, поляки были еще живы, а не расстреляны НКВД СССР весной 1940 года, как утверждает сейчас. И таких показаний достаточно, в том числе собранных и после войны 1941—1945 годов.

В материалах трибунала есть показания Михайловой О.А., Конаховской З.П., Алексеевой А.Н., которые осенью 1941 года работали на кухне столовой 537-го немецкого полка, оккупировавшего район Катынь под Смоленском. Они по-

яснили, что были очевидцами доставки в это местечко пленных поляков и расстрела их немцами. После каждого расстрела фашисты шли в баню, а потом в столовой им выдавалось усиленное питание и двойные порции спиртного.

Плохо, если Вам не сообщили, что болгарский ученый М.Марков и чешский профессор медицины Ф.Гаек, участвовавшие в 1943 году в работе геббелевской комиссии по исследованию трупов под Катынью, заявили о чудовищной необъективности медицинских документов, составленных немцами. О том, что еще в декабре 1945 года два профессора, два ведущих польских специалиста в области судебной медицины Ольбрихт и Сингилевич доказали, что пленных поляков под Катынью расстреляли немцы осенью 1941 года. Об их выводах сейчас пытаются не вспоминать.

Вам не доложили, что группа российских ученых, которых мы считаем настоящими патриотами, летом 2010 года подготовила рецензию на заключение экспертов от 2 февраля 1993 года по уголовному делу №159 о расстреле поляков и полностью опровергла его выводы, с чем потом согласилась и Главная военная прокуратура. Добавлю, что эта рецензия мною была передана в администрацию президента.

Вас не поставили в известность, что Конституционный суд РФ, рассматривая так называемое дело о запрете КПСС, отказался исследовать документы, представленные ему президентской стороной по Катынской трагедии из-за сомнительности их происхождения.

Вас не проинформировали даже о наиболее существенных и важных обстоятельствах гибели польских пленнх под Смоленском, тем более о материалах, опровергающих версию о их расстреле НКВД СССР.

Вы ссылаетесь на Заявление Госдумы о виновных в Катынской трагедии. Вам и российскому правительству наверное удобно, что в фальсификацию истории втянут и законодательный орган — есть на кого переложить ответственность. Поэтому Вы и не хотите знать, что три комитета — по международным делам (К.Косачев), по делам ветеранов (Н.Ковалев) и по делам Содружества Независимых Государств и связям с соотечественниками (А.Островский), возглавляемые представителями «Единой России» и ЛДПР, даже не обсудили, как это положено по регламенту работы, проекты Заявления и Постановления Госдумы на заседаниях своих комитетов. Не представили депутатам никаких информационных материалов по обсуждаемой проблеме. Госдума голосовала «в темную». Как я считаю, в ней есть большая группа депутатов, которая ради сохранения своих кресел, тем более по

команде из Кремля и из правительства, проголосует за любое решение, в том числе и подрывающее отечественные интересы. Про таких говорят в народе — «Мать родную продадут». И в этом смысле Госдума стала опасной для нашего общества и государства.

Больше всего волнует то, что Вы, соглашаясь с фальсификаторами, скорее всего хотите вычеркнуть из истории нашего Отечества весь советский период, а он героический, созидательный, хотя одновременно и трагический. Смею утверждать, не получится.

В связи с этим, напому известное высказывание У. Черчилля, который сказал, что если кто-то объявил войну настоящему своему прошлому, то он вскоре обнаружит, что у него нет будущего. У России должно быть будущее.

Заканчивая свое открытое обращение, сообщаю, что я и мои товарищи — крупные ученые, исследователи Катынской проблемы, готовы к любой дискуссии на любом уровне. А чтобы установить и защитить истину, было бы правильным направить уголовное дело № 159 Главной военной прокуратуры в Верховный Суд РФ для публичной оценки имеющихся в нем доказательств с участием сторон. Одну из них по защите интересов России я готов представлять.

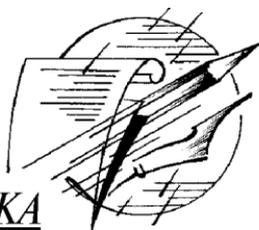
7 декабря 2010 г.

НАВСТРЕЧУ ПЕРЕДЕЛУ РОССИИ

«Миром правят дилетанты!» — любил восклицать известный мультяшный герой. Не знаю, как к глобальной, а к российской действительности это утверждение в точности применимо. Газета «Ведомости», намекая на наличие у нее высокопоставленных источников, представила читателю очередное творение управленческого гения — предложение отменить существующий принцип административного деления России на 85 субъектов Федерации, заменив их двадцатью агломерациями вокруг городов-миллионников. И даже карту вывесила!

По версии «Ведомостей», целью административного реструктурирования России является устранение «регионального беспорядка», «упорядочивание инвестиционных потоков из центра», «отказ от нерационального использования бюджетных средств» на поддержание инфраструктуры в убыточных районах. «Надо наводить порядок, — говорится в документе, — ввести критерии численности населения для городов и поселков и установить единые критерии размещения территориальных федеральных органов».

Там еще и другие похожие слова есть: «бесперспективность развития малых городов», «необходимость институционализировать расселение населения», «мировая тенденция к будущему в агломерациях».

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Если же без этой идеологической мистики, то суть предложения сводится вроде бы к чисто бюджетным соображениям: «Ну, нет в современном российском государстве денег на нерентабельные, мелкие населенные пункты — разворовали, разорили, «эффективно управляли» — и потому их списываем и снимаем с содержания, предоставляя населению «самому расселиться по экономическим законам». И к своим умо- заключениям разработчики цифры всякие приводят — как бы в подтверждение правоты (цифирь эта уже не единожды воспроизводилась многими изданиями и повторять ее здесь не будем).

Лучше посчитаем сами — в логике, отличной от той, что предложена счетоводами из «Ведомостей» и их анонимными источниками. Тем более, что исходные данные для этого они нам предоставили.

Для начала просуммируем численность населения, проживающего на данный момент во всех нынешних агломерациях — будущих административных единицах «отреформированной» в очередной раз России. И сразу обнаружится, что во всех двадцати мегаполисах с городами, пригородами, селами, поселками, деревнями обретается ныне — с округлением в большую сторону — аж 51,5 млн. человек.

И сразу возникает вопрос: а остальных-то жителей что — вместе с отброшенными населенными пунктами тоже в списание?

Согласно официальной статистике, нас, проживающих на территории РФ, приблизительно 140 млн. человек, согласно неофициальной (есть и такая — гуляет цифра по интернету) — 80 млн. человек. То есть, **выходит, запланировано в течение 2—5 лет загнать в России от 30 до 90 млн. человек.** Это не Егор Гайдар с того света и не мадам Олбарайт — это наши реформаторы из «Ведомостей» (вместе с их «источниками») предлагают!

А может быть, в наши расчеты вкралась ошибка? Может быть, есть другие критерии оценки последствий реформации, нами не учтенные, и результат должен выйти другой? Читаем в тех же «Ведомостях»: «Основой новой экономики Медведева станут трехмиллионные агломерации, подчеркивается в документе». Ну-ка, перемножим 20 агломераций на 3 миллиона, сколько получится? Все те же 60 миллионов. То есть к нынешним 51,5 миллиона человек домигрирует еще с десяток граждан, преимущественно из государств Средней Азии и Южного Кавказа — и вот они, искомые 60 миллионов. Да и, помнится, покойник Е. Гайдар, в бытность его председателем правительства не особенно скрывавший свои каннибальские воззрения, прямо так, в камеры по Первой програм-

ме на всю страну, и говаривал: «России экономически не обосновано содержать 150-миллионное население, а вполне достаточно и пятидесяти».

М. Тэтчер, правда, в те же годы называла другую цифру — 15 миллионов человек для обслуживания газовой и нефтяной труб, но эта цифра, видимо, запланирована на более отдаленную перспективу. А пока за ориентир взяты 50 миллионов. Таков пересказываемый «Ведомостями» план «перспективного развития».

Гайдару несложно было пророчествовать. Те, кто пристроил его к власти, еще в начале 90-х определили для России колониальный путь развития. Это значит, что еще 20 лет назад основой экономики территориально обрезанной России стало административное управление распродажей ресурсов — производственных, сырьевых, энергетических, человеческих. Соответственно, полученный доход не использовался для развития экономики, а проедался: в большей своей части присваивался «туземными управляющими», в меньшей — перераспределялся среди остального населения, дабы заткнуть недовольным рты.

Естественно, что, не развиваясь, ничего самостоятельно не производя, не делая заделов на будущее, бесконечно проедать доставшееся наследство невозможно. Однажды деградация достигает критической точки, когда основные ресурсы уже исчерпаны, и тогда вопрос лишь в том, как долго продлится агония. Здесь и приходит время «кризисного менеджмента», основной принцип которого — ликвидация полностью убыточных филиалов. Собственно, одним из примеров и является план «новой перестройки» — перекройки территориально-административного деления России.

Еще раз напомним: согласно этому плану, населению «нерентабельных» российских областей предлагается самостоятельно «расселиться по экономическим законам». Это означает, что для десятков миллионов граждан РФ, которым не повезло родиться в нужном месте и нужном сословии, не будет ничего — ни организованного переезда на новые места, ни создания в необходимом количестве рабочих мест, ни развития дополнительной инфраструктуры. Да и откуда, если уже существующее развивать не на что? Другими словами, выплывайте, друзья, как хотите, конкурируя на равных с неприхотливыми китайцами, таджиками, украинцами, неграми и иными гастарбайтерами. Выживите — ваше счастье, не выживите — ваши проблемы, нам же экономия.

И притом экономия немалая. Во-первых, «долгой лишние рты и нахлебников» (напомню: заработком является чистое администрирование и распродажа). Во-вторых, для обслуж-

живания труб и туристического сервиса и в самом деле много народа не требуется (еще и названных 50 млн. может оказаться слишком много). В-третьих, освобождаются огромные территории, которые могут быть опять-таки использованы для распродажи и расширения туристического бизнеса (как в Африке, например, что-нибудь вроде сибирского сафари). В-четвертых, заметим, все названные агломерации лежат на стратегической Транссибирской магистрали. Использовать управление транспортом вдоль нее, как устойчивый и относительно долговременный (для узкого круга лиц) источник дохода, давно подсказывают «кризисным менеджерам» их зарубежные консультанты.

В этом свете не случайны и законодательная приватизация дорог, и концентрация вдоль линии агломераций игорных зон, и объявленное намерение НАТО «интегрировать» в себя Россию, а в качестве первого шага — заручиться ее согласием на использование российских транспортных магистралей для переброски техники, вооружений и личного состава всюду, куда нужно.

И все эти «реформы» мало-помалу воплощаются в жизнь.

Вот уже построили под Москвой «нечто» — с неизвестными целями, под непонятно какие задачи, вбухали кучу бюджетных средств, назвали наукоградом, а теперь бегают по всему миру, чтобы за нехилые взятки найти тех, кто согласится неизвестно над чем там работать. Хотя, конечно, и в этом можно при желании усмотреть часть плана мероприятий по «заместительной демографии»: взамен развития национального научного центра создание транснационального (нероссийского).

Вне зависимости от того, под влиянием каких умственных процессов возникла идея сплющивания современного Российского государства до плоского блина под названием «Двадцать агломераций», план, предложенный крыловскими музыкантами из «Ведомостей», изначально плох уже тем, что как его ни разворачивай, под каким углом ни рассматривай, какими намерениями ни объясняй, направлен к скорой и бесповоротной ликвидации России.

Уморив население, проев богатства, потеряв территории, заселив их недружественными пришельцами, «кризисные менеджеры» ускорят процесс государственной деградации, доведя до точки коллапса, После чего сами они, так и не дождавшись вождя «глобализационного лидерства», став никому не нужными, разделят судьбу брошенного ими народа.

ЖЕРНОВА

(ФРАГМЕНТЫ РОМАНА)

МЫ ОСТАЛИСЬ ПОД ВЯЗЬМОЙ

1. Поздним вечером 10 октября в деревне Шутово, что затерялась среди лесов северо-западнее Вязьмы, сорокадевятилетний генерал-лейтенант Лукин, принявший на себя командование остатками Девятнадцатой и Тридцать второй армиями, а также Группой генерала Болдина, собрал совещание старших командиров — от дивизии до армии. Когда прибывшие генералы и офицеры расселись по лавкам вокруг большого деревенского стола, Лукин, сидевший под черными от копоти лампадки и лучин иконами в «красном углу», поднялся и, упираясь костяшками пальцев в стол, заговорил глухим голосом:

— Ну что ж, товарищи, приступим. Все, кого пригласили, прибыли. Думаю, «совет в Филях» можно начинать. С Кутузовым я себя сравнивать не собираюсь, но вопрос и тогда и сегодня стоит на повестке дня один и тот же: как отстоять Москву.. И, я бы сказал, Россию. Должен вас уведомить, что я сегодня получил радиogramму от товарища Сталина. Он ничего от нас не требует, ничего нам не приказывает. Он просто уведомляет, что прорыв наших армий жизненно необходим для обороны Москвы.

ПРОЗА

Сами понимаете, товарищи, какое положение сложилось в результате тех событий, которые произошли за последние несколько дней на нашем фронте. Ясно одно: Москва в опасности, войск в распоряжении фронта нет, надежда только на нас. Иначе бы товарищ Сталин к нам не обращался.

Невнятный гул прокатился по избе. Командир отдельного артиллерийского дивизиона, сидевший у печки, произнес с кривой усмешкой:

— Похоже, нет уже не только войск, но и самого фронта, товарищ генерал: профукали.

Лукин выпрямился во весь свой высокий рост, сверкнул серыми глазами, вздернул тяжелый подбородок, голос его зазвенел:

— Пока мы живы, фронт есть и будет, товарищ полковник! — Помолчал немного, продолжил все тем же размеренным голосом: — Сейчас не место и не время выяснять, кто виноват в том, что случилось. Потом разберемся. Кто останется жив. И я собрал вас для того, чтобы решить сообща, что нам делать. Новый командующий Западным фронтом генерал армии Жуков потребовал от нас нацеливаться на прорыв. Он требует, чтобы мы прорвали линию обороны противника в течение 10–11 октября. И ни днем позже. При этом Жуков требует сохранить тяжелое вооружение. Он предлагает нам прорываться либо на Гжатск, либо на Сычевку. Есть у кого-нибудь свое мнение на этот счет?

Поднялся генерал-майор, командир Второй дивизии, подтянутый, застегнутый на все пуговицы, с лицом решительным и дерзким взглядом глубоко упрятанных в подбровья глаз.

— Разрешите, товарищ командующий?

— Слушаем вас, товарищ Вашкевич.

— Прорываться надо там, где у немцев имеется слабина. А мы со всей определенностью не знаем, где таковая имеется. Основываться на догадках и предположениях — это значит окончательно погубить людей. Нужна глубокая разведка и точные данные. Иначе и дальше будем тыркаться, как слепые котята.

— У вас все?

— Так точно.

— Что касается разведки, то она действует, — снова заговорил генерал Лукин. — Но сидеть и ждать, когда все прояснится, мы не можем: дорог каждый час. К тому же рекомендации нового командующего фронта Жукова, надо думать, основываются не только на догадках и предположениях. Теперь о том, с чем мы пойдем на прорыв. Наши танковые бри-

гады потеряли до семидесяти процентов личного состава, из бронетехники осталось не более десяти единиц. Да и у тех танков горючего всего на сто километров хода. Снарядов — по несколько штук на орудие, патронов к пулеметам и винтовкам на час-два активного боя. Самолеты иногда сбрасывают нам боеприпасы и медикаменты, но это капля в море. Какой-либо помощи с внешней стороны окружения по деблокированию ожидать не приходится. Противник продолжает двигаться к Москве, и нетрудно догадаться, что у Жукова голова болит больше всего о том, как остановить это движение. Следовательно, наша главная задача, помимо всего прочего, состоит в том, чтобы привлечь к себе как можно больше дивизий противника и тем самым помочь Москве выстоять. Разумеется, эта задача наилучшим образом решится, если мы сумеем прорвать кольцо окружения и вывести подчиненные нам войска к своим. Вместе с тяжелым вооружением. Но есть и другое мнение: организовать круговую оборону и драться до последнего патрона и последнего солдата. Если остановиться на этом варианте, то надо иметь в виду, что немцы могут блокировать нас сравнительно небольшими силами, высвободив остальные для наступления на Москву, и будут ждать, пока мы не передохнем с голоду. Приняв вариант на прорыв, мы, во-первых, выполняем приказ командования; во-вторых, по-прежнему приковываем к себе значительную группировку войск противника; в-третьих, получаем шанс выйти к своим. Да, все наши попытки до этого заканчивались полным провалом и большими потерями. Ясно, что противник создал очень плотное внутреннее кольцо окружения. Вокруг Вязьмы сосредоточены его танковые и моторизованные дивизии. Сколько чего, мы не знаем. Наша разведка устанавливает лишь те части противника, которые ближе к нам. Что у них во второй линии, неизвестно. Вот все, что я имел вам сообщить. Теперь прошу высказываться по существу. В связи с традициями нашей армии, первым слово предоставляется младшему по званию. Прошу командира кавдивизии подполковника Стученко.

Подполковник, сухощавый, поджарый, с широкими плечами и резкими чертами лица, поднялся, пробежал пальцами вдоль ремня, собирая складки гимнастерки сзади, поправил шашку, пригладил спутанные волосы. Кашлянул: ему впервые приходилось выступать перед такой аудиторией. К тому же его не устраивал ни один из названных вариантов. Он уже не раз обжигался на том, как пехотное начальство использует его кавдивизию — отвратительно использует, не считаясь ни с людьми, ни с обстоятельствами. Следовательно, и даль-

ше собирается делать то же самое. А его кавдивизия, несмотря на понесенные по вине пехотного командования потери, единственное здесь более-менее сохранившееся воинское формирование, способное нанести противнику неожиданные и весьма болезненные удары. Его коня не нужен бензин, а конники могут, в конце концов, пользоваться и холодным оружием. И этим же оружием добывать немецкое, чтобы им же немцев и бить.

— Я, товарищи, так считаю, что надо разбиться на группы, — произнес подполковник Стученко и с подозрением оглядел собравшихся. — Скажем, на дивизии, если иметь в виду, что в большинстве дивизий и полноценного полка не наскребется. И этими, так сказать, группами просачиваться сквозь немецкие заслоны. А тут уж как кому повезет. Такая моя точка зрения на текущий момент. — И подполковник опустил на лавку. Но тут же вскочил. — Все равно мы к этому решению придем. И у меня имеется предложение.

— Какое предложение? — спросил Лукин.

— Предложение мое такое. Я со своей дивизией наношу отвлекающий удар, оттягиваю немцев на себя. А вы, стало быть, прорываетесь в другом месте.

Заговорили сразу несколько командиров дивизий, перебывая друг друга:

— А обозы куда девать?

— А раненых?

— Ему хорошо: сел на коня и рванул в любую сторону..

— Какой там отвлекающий? Мы у немцев — как на ладони!

— Прекратить болтовню! — оборвал разговоры генерал Лукин. — Ни о каком дроблении не может быть и речи. И не в одних обозах и раненых дело. Дело в том, что сильным кулаком и ударить можно сильнее. В противном случае немцы нас поодиночке расколошматят. Если не удастся прорваться здесь, повернем на юг. Мы пытались установить связь с командующим южной группы генералом Ершаковым для налаживания совместных действий. Пока нам это сделать не удалось. Но надежды мы не теряем. Если соединимся с Ершаковым, силы наши удвоятся.

При этом генерал Лукин умолчал, что радисты слышали передачу немецкого радио, и там сообщалось, будто немецкие войска под Вязьмой уже взяли в плен пятьсот тысяч русских солдат и офицеров. А также с десятков генералов, фамилии которых были названы. И большинство генералов из тех армий, что попали в окружение южнее Вязьмы. Лукин не сомневался, что немцы прибавили вдвое количество пленных, но даже если и так, то армии под командованием Ершакова

оказались в таком же трудном положении, что и те, которыми командует сам Лукин. Так что идти на юг имеет смысл лишь в том случае, если там еще сохранились боеспособные подразделения.

Испытующе оглядев своих товарищей по несчастью, он спросил:

— У кого-нибудь будут другие предложения?

Никто на это вопрос не ответил.

— Так, понятно: других предложений нет. Тогда слушайте приказ: прорыв начать завтра в шестнадцать часов ровно. Командирам дивизий и отдельных частей к этому времени занять отведенные позиции. Бензин из автомобилей слить в артиллерийские тягачи и танки. Все лишнее уничтожить или зарыть. Артиллерии выдвинуться на прямую наводку. Цели для поражения огнем разведать предварительно. «Катюшам» свой последний залп нанести по крупному скоплению войск противника. В случае угрозы захвата реактивных установок немцами установки взорвать. Порядок следования колонн и места их сосредоточения получите у начальника штаба. Выдвижение на исходные позиции начать немедленно. Движение производить по возможности скрытно, применяя все способы маскировки. Танки сосредоточить на направлении главного удара в сторону села Богородицкое. Разведротам предварительно прощупать оборону противника. Обозы и штабы подготовить к движению. Приказ по армии получите через два часа. На этом совещание считаю закрытым. Постарайтесь подбодрить своих людей, разъяснить им стоящую перед нами задачу. На этом все. Желаю успехов.

Когда командиры покинули избу, Лукин составил радиogramму на имя начальника Генштаба маршала Шапошникова, Верховного главнокомандующего товарища Сталина и командующего фронтом генерала Жукова, указав в ней принятое решение на прорыв, место предполагаемого прорыва, попросив помочь авиацией, патронами и снарядами. Ответа так и не дождались.

2. Вдали виднелись крыши села Богородицкое, а над ними плыла среди розовых облаков высокая черная колокольня без креста и без колоколов. Она пялилась мертвыми глазницами на окрестные леса, на тихую речушку Бебря с топкими берегами, на сгрудившиеся в ложине машины, повозки с имуществом и ранеными, на артиллерийские упряжки без снарядов, на минометы без мин, на плотные колонны пехоты. Все это шевелилось и медленно подвигалось поближе к сосредоточивающимся для удара полкам и батальонам, к

артиллерийским позициям. А сзади, среди деревьев густого леса, надвигались другие части, нажимая на передних. Всхрапывали лошади, когда на их крупы опускался безжалостный кнут ездового, ругались и хватались за оружие командиры, пытаясь навести порядок в этом потоке, но усталые, измученные, голодные люди, хотели только одного, чтобы эта новая попытка прорваться, уже не первая в течение последних трех дней, быстрее началась и быстрее же закончилась. Может быть, на этот раз удастся проскочить в пробитую передовыми частями брешь в немецкой обороне; может быть, они успеют до того, как немцы заткнут эту брешь, и не придется начинать все сначала.

До начала атаки оставалось совсем немного времени, а еще не все части, назначенные в эшелон прорыва, заняли исходное положение в соответствии с приказом командующего. Продираясь сквозь густой лес, обходя плотные колонны тылов, полки и батальоны, подгоняемые окриками командиров, спешили занять свои места в боевых порядках. Туда же стремились отставшие артиллерийские батареи. Спотыкались на валежинах лошади, застревали и подпрыгивали на корнях колеса орудий, артиллеристы тащили свои пушки вместе с выбивающимися из сил лошадьми. Среди деревьев мелькали черные бушлаты бригады морской пехоты, синие бескозырки, платки, каски, фуражки.

Командир Второй дивизии, бывшей дивизии народного ополчения Сталинского района города Москвы, генерал Вашкевич, наблюдал, как масса людей, повозок и машин медленно надвигается на позиции артиллерии, изготовившейся к стрельбе. Он нервно поглядывал на часы, понимая, что остановить в ближайшие минуты эту стихию не удастся, что порядок следования частей или плохо продуман, или еще хуже организован, что, наконец, надо или немедленно начинать атаку, или отложить ее до утра.

Потребовав от ординарца коня, он кинулся к командующему объединенной группировкой войск генералу Лукину, КП которого располагался в километре южнее на небольшой высоте.

Он гнал в открытую по берегу речушки, зная, что немцы видят его и могут обстрелять. И было странно, что они не стреляют.

Взлетев на холм и спрыгнув с коня, генерал Вашкевич подошел к Лукину. Закатное солнце освещало высокую фигуру командующего, и Вашкевич впервые заметил, как густо посеребрилась его голова за последние два дня.

— Что случилось? — спросил Лукин, не дожидаясь доклада комдива.

— Надо отложить атаку на утро, товарищ командующий, — ответил тот и тут же начал торопливо доказывать, почему это нужно сделать: — Надо отвести тылы назад, привести в порядок перемешавшиеся части, иначе они или сомнут атакующие полки, или будут расстреляны противником.

— Вашкевич, ты не представляешь всей обстановки, — заговорил генерал Лукин со злой усмешкой на узких губах. — Или мы сегодня, сейчас прорвемся, или к утру нас сомнут. Немцы знают, что мы здесь. Они знают, что мы готовимся к прорыву. Пока нам противостоят лишь отдельные части. К утру здесь будут танковые дивизии, и нам тогда не пройти. Это ты понимаешь?

— Понимаю.

— А если понимаешь, то иди и прорывайся. Желаю успехов.

— Есть прорываться, товарищ командующий, — кинул руку к фуражке генерал Вашкевич, вскочил на коня и погнал назад.

И опять немцы не стреляли. Или их действительно было слишком мало, или они не хотели раскрывать свои позиции, ожидая атаки. Но теперь это уже не имело никакого значения.

3. Солнце висело над самым горизонтом. Длинные тени тянулись от деревьев и кустов. Кое-где еще золотились березы на фоне темно-зеленых елей и бурого чернолесья, золотилась пожухлая трава, ни лист не шелохнется, ни травинка. Во всем мире сгустилась такая неподвижная тишина, которая не позволяла поверить, что она вот-вот взорвется грохотом орудий, пулеметными очередями, криками боли и отчаяния. Даже гомон десятков тысяч людей, сгрудившихся на тесном пространстве, затих и как бы затаился. И куда-то исчезли немецкие самолеты, которые весь день бомбили колонны войск, продирающиеся сквозь леса.

Стрелки на часах сошлись на 16.00.

Тотчас же оглушительно рывкнули 152-миллиметровые гаубицы. Им вторили орудия меньших калибров. Полки Второй дивизии начали выходить из леса на сырую луговину, примыкающую к реке. На левом фланге шла бригада морской пехоты. Под ногами чавкала вода. Развернуться негде, поэтому шли густыми колоннами, надеясь ими перейти речку и уже за ней начать разворачиваться в цепи.

Генерал Вашкевич видел, как передние ряды вошли в воду там, где места перехода вброд заранее обозначены вешками. Вода после недавно прошедших дождей кое-где доходила до пояса.

Немцы молчали.

Передовые роты, преодолев речку, начали разворачиваться в цепи. Все это делалось под грохот артиллерийской канонады. Едва цепи двинулись к селу, обходя его с флангов, к реке устремился понтонный батальон, который должен наладить переправу для танков, транспорта и других войск. За ними надвигались повозки и сбившиеся в толпы батальоны вторых эшелонов.

Вот тогда-то немцы и открыли огонь.

С окраины села, слева — от леса, справа — с холма ударили пулеметы, счетверенные зенитные установки, минометы и орудия. Вокруг вдруг все замерцало густыми огнями выстрелов: стон снарядов и мин, частые взрывы, визг осколков, свист пуль, яростное дудуканье зенитных установок — все это обвалилось на людей грохотом и ревом, прижало цепи к земле. Вскакивающие кое-где командиры не успевали произнести и двух слов, как тут же падали убитыми.

Наши минометчики выпустили несколько дымовых зарядов, и белые дымы стали медленно наползать на луговину перед селом, укрывая атакующих. Но стрельба со стороны немцев не прекратилась, она даже усилилась. И слышно было, как сзади, в лощине, где яблоку упасть негде от тесноты сгрудившихся людей и лошадей, особенно густо рвутся снаряды и мины, как стонет от боли и ужаса раздираемая ими человеческая масса.

И тогда атакующие поползли. В надвигающихся сумерках зашевелилась трава, густая осока, низкие кусты ивняка. Казалось, сама земля со всем, что на ней росло, двинулась вперед, к окраине села, издавая глухой, отчаянный стон. Атакующие ползли, перелезая через трупы своих товарищей, через раненых, замирали на мгновение в воронках, остро пахнущих сгоревшей взрывчаткой, делали пару выстрелов из винтовки или выпускали короткую очередь из автоматов и ручных пулеметов по светлячкам выстрелов и ползли дальше. С матом, с воем, с хрипом и стонами.

4. Двадцатитрехлетний командир стрелковой роты лейтенант Скобелев, бывший студент исторического факультета Московского университета, собиравшийся стать археологом, с третьего курса пошедший добровольцем в народное ополчение, полз быстро, хотя, быть может, не впереди всех. Он полз, не оглядываясь, не думая о том, ползет ли за ним его рота или нет: вой и крики, стон и хрип, прорывавшиеся сквозь грохот разрывов и стрельбу, толкали его навстречу огненным сполохам, которые все приближались и приближались. Даже если он полз один, это уже ничего не значило: назад у него дороги не было.

Но не может того быть, чтобы один.

Вчера вечером, когда перед строем полка был прочитан приказ командования на прорыв, встал комиссар полка батальонный комиссар Епифанов, который комиссарил еще в гражданскую, а потом работал преподавателем истории Древнего мира в университете, и сказал:

— Завтра мы должны или прорваться, или погибнуть. Другого нам не дано. Считайте, что мы стоим на самом последнем рубеже перед Москвой, и отступить нам некуда. Поэтому коммунисты и комсомольцы должны быть впереди. А если кто хочет вступить в партию большевиков, тот может прямо сейчас подавать заявление. Оно может быть коротким. Примерно таким: «Завтра предстоит решительный и последний бой на прорыв. Хочу в этот бой идти коммунистом». Далее подпись, число, год. Заявления прошу сдавать политрукам роты.

И тогда ротные политруки стали раздавать четвертушки тетрадного листа для заявлений и карандаши. И лейтенант Скобелев тоже взял листок у политрука своей роты Муравейкина, хотя до этого в партию вступать не собирался. И даже не думал об этом. Но не потому, что как-то не так относился к партии и партийности, а просто не считал партийность для себя обязательной, к тому же боялся, что кто-то может обвинить его в карьеризме.

Сегодня все эти соображения остались в прошлом. Сегодня вся его карьера сводилась к тому, чтобы, как верно сказал комиссар, прорваться или умереть. Последнее даже более вероятно: не может так продолжаться долго, чтобы не убило или даже не ранило. Сколько его товарищей-студентов, вступивших в ополчение вместе с ним, полегло на его же глазах. А какие были ребята, какие строили планы на будущее! А ему пока везло. И вот все его будущее сводится к завтрашнему дню — прорваться или умереть. Что ж, умереть коммунистом, пожалуй, даже лучше. Ведь наступит же когда-нибудь это прекрасное будущее, когда будет искоренено все зло на земле и люди станут светлыми и чистыми, как родниковая вода. Ведь должно же когда-нибудь закончиться то, что называется историей: войны, войны и войны, подтверждение чему он не раз находил в древних слоях исчезнувших городов и раскапываемых могил: наконечники стрел, копий, проржавевшие мечи и шеломы, остатки сгоревших жилищ.

Лейтенант Скобелев писал заявление на своей командирской планшете. Кто-то на прикладе винтовки или автомата. Писал именно те слова, которые были предложены комиссаром. И когда он в раздумье оглядывался, пытаясь отыс-

коть какие-нибудь другие — более сильные, что ли, — слова, ему казалось, что и весь полк склонился к этим четвертушкам белой бумаги в поисках этих слов. Но более сильные слова не находились: наверно, их просто не существовало.

Так что сейчас, на окраине села Богородицкое, оглядываться лейтенанту Скобелеву не было нужды: он был уверен, что рота следует за ним. И где-то рядом младший политрук Муравейкин. Этот тоже назад не повернет.

5. Солнце уже село, но небо продолжало светиться, и землю накрыл сиреневый сумрак, размывший предметы и расстояния. Горели избы. Черный дым поднимался к небу. Внизу, у земли, было почти темно. Там и сям докуривали свои белые дымы специальные мины.

Лейтенант Скобелев заполз в канаву, тянущуюся вдоль улицы села, пополз по ней. На него медленно надвигались закрывающие небо черные громады изб и деревьев, казавшиеся таковыми от земли. Уже слышно, как звенят пустые гильзы, выбрасываемые немецкими пулеметами. Слышны чужие отрывистые команды. Длинные факелы огня, выплевываемые стволами пулеметов, рвут на части зыбкую еще темноту. До них не больше двадцати метров.

Скобелев отцепил от пояса у себя за спиной две гранаты-лимонки. Зубами вырвал кольца и швырнул их одну за другой в этот самодовольный звон пустых гильз, отрывистых команд и пляшущего пламени.

Взрыв! Еще один! Еще и еще! И рядом и дальше.

— А-аа! — закричал, вскакивая на ноги, лейтенант Скобелев в жутком отчаянии, не чувствуя страха, а одно лишь желание дорваться до тех, кто с таким презрительным самодовольством убивает его товарищей, испытывая к убийцам одну лишь лютую ненависть.

И сзади, и рядом тоже закричали, и теперь уже густой треск выстрелов и взрывов гранат покотился по улицам села, сметая все на своем пути.

Яркие вспышки фар ослепили неожиданно, но Скобелев успел упасть и откатиться за угол сарая. Послышался лязг гусениц, безостановочно долбил крупнокалиберный пулемет, затем там вспыхнуло яркое пламя, осветив немецкий танк. Но за ним ползли другие. Ползли напролом через огороды, подминая под свои стальные туши деревья, изгороди, сараи, людей.

Рядом упали двое в черных бушлатах с длинным противотанковым ружьем. Выстрел — и танк закружился на месте. Еще выстрел — и он задымил и замер. Открылся люк, из него

вместе с черным дымом полезла черная фигура. Скобелев короткой очередью заставил ее обвиснуть — половина туловища в танке, половина снаружи. Затем вскочил на ноги, что-то крикнул бойцам, махнув рукой в сторону центра села, и они уже втроем побежали к церкви, колокольню которой сорвало тяжелым снарядом.

А пушки все били слева и справа, и пулеметы не умолкали, но их все более и более подавлял вал криков, стрельбы и взрывов гранат.

Лейтенант расстрелял последний диск своего ППШ, на ходу успел подхватить с убитого немца автомат и подсумок с рожками. Переулки, огороды, голые кусты смородины, возникающие и тут же исчезающие фигуры немецких солдат, короткие очереди, короткие сшибки в рукопашной — и вот уже село позади, а впереди поле с низкой стерней, на котором застыли темные человеческие фигурки, чадающий немецкий танк, рядом бронетранспортер, среди молодого березняка артиллерийские позиции немцев, накрытые залпом тяжелых орудий, и снова трупы, трупы. Когда до леса оставалось совсем немного и казалось, что все позади, взлетели осветительные ракеты и ударили пулеметы.

Лейтенант Скобелев упал и скатился в глубокую яму: видимо, из нее местные жители брали песок. В эту же яму скатилось еще несколько человек. Четверо из его роты. Кое-кто раненый. Лежали, перевязывались, а над ними стонало и выло, визжало и свистело на разные голоса.

Прошло, может быть, минут пятнадцать-двадцать, и стало совершенно темно. На небе высыпали звезды, узкий серпик месяца, повисший над лесом, был туск от наплывающих на него дымов. Затихла постепенно стрельба из лесу, погасли последние ракеты, хотя слева и справа все еще грохотал бой.

Скобелев выбрался из ямы и, осторожно приподняв над травой голову, прислушался. Невдалеке разговаривали немцы. Слышался металлический лязг и рык танковых двигателей. Судя по шуму движения, немцев в лесу было много. Но если приблизиться вплотную и неожиданно ударить... И он хотел было встать, чтобы снизу его могли разглядеть свои, как взлетела ракета, осветив мертвенным светом все вокруг. И Скобелев увидел на поле наших солдат, которые, едва ракета взлетела, стали падать. Их было совсем немного, может быть, несколько десятков, — все, что осталось от тех густых цепей, что пошли в атаку.

Снова заговорили пулеметы, и Скобелев скатился в яму. О новой атаке и думать было нечего. Оставалось как-то выб-

ратся из этой западни. Может, в другом месте прорыв все-таки удался, и они успеют проскочить в образовавшуюся дыру.

Но только через час он и его товарищи ползком добрались до небольшого оврага на южном краю села, и по дну его двинулись дальше к югу, где все еще грохотали орудия, пульсировал свет осветительных ракет. В овраге же к ним присоединились еще несколько красноармейцев. Поскольку других командиров не было, Скобелев взял команду этими людьми на себя.

Постепенно образовалась колонна. Кто-то сказал, что генерал Лукин здесь и находится впереди. Слышалось порывание танковых моторов и тягачей: значит, какая-то техника еще осталась. Фыркали и всхрапывали лошади, скрипели и дребезжали колеса фур, чавкали по раскисшей земле шаги, звучали приглушенные голоса и редкие команды, тяжелое дыхание и сдавленные стоны. Сновали в темноте штабные офицеры, выясняя наличие частей, командиров, оружия и боеприпасов. Скобелев выяснил, что остатки дивизий двинутся на юг, в надежде соединиться с войсками генерала Ершакова.

6. Шли всю ночь. В темноте с боем прорвались через шоссе, затем через железную дорогу. Обе эти дороги вели к Вязьме и далее к Москве.

Сыпал снег попеременно с дождем. К утру стало подмораживать. Снова пошли леса и поля, но и здесь иногда неожиданно нарывались на немцев. Мертвенный свет немецких ракет растворялся в снежной мути, пулеметные трассы возникали из этой мути, в ней же и пропадали. На встречающиеся заслоны и немецкие колонны машин и танков, застрывших на раскисших дорогах, бросались молча, пуская в ход гранаты, саперные лопатки, ножи, приклады автоматов и винтовок. Бой в кромешной тьме затихал так же быстро, как и возникал. И снова среди деревьев слышался шорох шагов и хриплое дыхание смертельно уставших людей, чудом прорвавшихся сквозь стену огня, сквозь которую за их спиной теперь пытались прорваться другие.

Медленно светало. Низкие сырые облака едва пропускали серый рассвет. Колонны встали на краю леса под огромными соснами, среди которых виднелся старый сарай с просевшей крышей. От опушки начинались едва присыпанные снегом поля, перемежаемые небольшими рощами. И куда хватал глаз, всюду бугрились трупы людей, среди которых бродили оседланные казачьи лошади: видать, здесь тоже шли на прорыв и тоже неудачный. За глубокой ложиной, в кото-

рую спускались поля с желтоватой стерней и бороздами небурной картошки, виднелись белые крыши деревенок, изломанные линии окопов, перед которыми застыло несколько танков. На дороге, сползающей в ложину, пропадающей в ней и вновь выползающей на взгорок, грудились искореженные машины, повозки, орудия, трупы людей и лошадей.

Лейтенант Скобелев, много чего повидавший за эти несколько месяцев войны, такого еще не видел. Он и другие смотрели на все это, смотрели молча и неотрывно, как завороченные. Они не знали, что армии, на соединение с которыми они так спешили, прорываясь сквозь плотные порядки немецких войск, лежат перед ними, их остатки ушли еще дальше к югу, но большая часть бредет на запад в колоннах военнопленных.

Прозвучал приказ строиться. Измученные почти непрерывным ночным боем люди, словно тени, вылущивались из тумана отдельными группами, молча скапливались и вытягивались в неровные ряды. Доносились команды, переключки голосов. Генерал Лукин стоял возле сарая, окруженный оставшимися в живых командирами полков, дивизий, армий. Под его фуражкой белела повязка. Командиры докладывали генералу о том, сколько у них осталось людей. Затем последовала команда отдыхать. Люди ложились там, где стояли: на ковер из брусничника и толокнянки, на плотную подстилку из хвои, присыпанной робким снегом. Скобелев привалился к ближайшей сосне, стянул у подбородка отвороты шинели и тут же уснул.

Однако и во сне он все куда-то бежал, стрелял и кидал гранаты, слышал назойливый звон пустых гильз, резкие команды на чужом языке и грохот стрельбы. Он просыпался, обнаруживал, что лежит, изумлялся могильной тишине, которую не нарушал храп спящих людей и отдаленный гул боя, где, надо думать, двигались остатки других полков и дивизий. И снова ронял голову на что-то жесткое, скорее всего на тот же корень сосны, и снова во сне бежал, стрелял и по нему стреляли тоже.

7. Во второй половине дня в небольшой деревушке генерал Лукин проводил свое последнее совещание с командирами дивизий, которые так и не смогли пробиться сквозь немецкую оборону. В последней радиограмме, подписанной командующим Западным фронтом генералом Жуковым, войскам под командованием генерала Лукина предлагалось соединиться с войсками генералов Ершакова и Ракутина и прорываться вместе с ними южнее Вязьмы, где кольцо окружения будто бы не такое плотное.

— Соединиться нам не с кем, — ронял в тишине тяжелые слова Лукин. Он сидел за столом, положив руки, сцепленные в замок, перед собой, и неотрывно смотрел на них, будто ему стыдно было смотреть в глаза подчиненных ему командиров, которых он взялся вывести к своим, но не сумел это сделать. — Судя по сведениям, которые мы получили от пленных немцев и некоторых отбившихся от своих красноармейцев и командиров, Двадцатой, Двадцать четвертой и Шестнадцатой армий больше нет. Я имею в виду как самостоятельных и боеспособных единиц. Где находятся их штабы, нам не известно. Связи с ними нет не только у нас, но и у командования фронтом... — Помолчал и добавил: — Там плохо себе представляют, в каком мы оказались положении. Но вины нашей и наших бойцов в этом нет. Продолжать попытки вырваться оставшимися силами считаю нецелесообразным. Посему приказываю разбиться на отдельные группы, уничтожить всю технику, все, что нельзя унести на себе. Людям раздать остатки продуктов и боеприпасов. Прорываться, думаю, лучше всего на юго-запад, чтобы потом вернуться на юго-восток. Немцы идут за нами следом, части прикрытия долго сдерживать их не смогут.

В тот же день в Москве была получена радиограмма:

«тт. Сталину, Шапошникову, Жукову, Коневу, Булганину

Прорваться не удалось, кольцо окончательно стеснено, нет уверенности, что продержимся до темноты. С наступлением темноты буду стремиться прорваться к Ершакову. Артиллерию, боевые машины и все, что невозможно вывести, — уничтожаем.

Болдин, Лукин, Ванеев».

Это была последняя радиограмма генерала Лукина. Через несколько часов он сядет в танк КВ, танк этот подобьют, и раненного в ноги, в плечо и грудь генерала возьмут в плен.

8. Снег валил хлопьями. В десяти шагах ничего не видно. Под ногами чавкала мокрая земля. Мутные пятна ракет обозначали немецкие позиции, которые преграждали путь на юг — на соединение с Южной группой войск. Или с тем, что от нее осталось.

Генерал, принявший на себя командование остатками двух дивизий, вел их на эти светляки, уверенный, что там, где темно, там им не прорваться. Когда подошли к позициям на два—три броска гранаты, вперед выдвинулись отдельные роты. Один из них вел за собой лейтенант Скобелев.

Шли тихо, стараясь ни единым звуком не выдать своего присутствия. Затем поползли. Вот уже слышны невнятные

голоса, кашель. Иногда мелькнет огонек зажигалки. Шепотом передана команда: «Приготовить гранаты!» Медленно тянутся минуты. И вот наконец-то взлетели три красные ракеты. Скобелев вырвал кольцо и бросил гранату — и по всей линии пронесся шквал разрывов, затем темнота родила дружное «Ура!» — и вот они, немецкие окопы.

Дальнейшее Скобелев помнит смутно: бежал, стрелял, орал, чтобы свои не перепутали с чужими, а что орал, не так уж и важно. И сзади то же самое накатывалось под треск стрельбы и взрывы гранат. Как долго это длилось — сказать бы не смог. Очнулся — лес, стоят деревья, сзади еще стреляют, но редко, и то в одном месте, то в другом. Неужели прорвались?

Кто-то спросил у Скобелева, тронув его рукой за плечо:

— Закурить не найдется, браток?

И чей-то властный голос:

— Никакого курения!

И новая команда:

— Разобраться! Продолжать движение! Не останавливаться!

9. Опять шли всю ночь. Чавкали шаги, потрескивал валяжник под ногами. Глухо шумели деревья, сыпал снег. Рядом со Скобелевым кто-то время от времени начинал что-то бормотать. Скажет несколько слов и замолчит: то ли молится, то ли читает стихи. И в голове у самого Скобелева что-то возникало подобное. Но не молитва, нет, а что-то похожее на стихи, но откуда они, чьи, не вспоминалось. Да и какое это имело значение. Строчки возникали в усталом мозгу — одна, две, четыре... — и пропадали, не находя продолжения. Потом еще и снова вроде бы оттуда же:

*И два часа в струях потока
Бой длился. Резались жестоко,
Как звери, молча, с грудью грудь,
Ручей телами запрудили...*

«Ручей телами запрудили...» — где это было? Когда? Ах, да, у деревни Заболотье. Сколько в России деревень с таким названием! — не считаешь. Болота, болота, болота... Потом у дороги. Немец попался дюжий, а удар саперной лопатки пришелся по каске. И сцепились. Топтались какое-то время на месте, затем упали, и Скобелев очутился внизу. Немец что-то орал все время: то ли звал на помощь, то ли подстигивал самого себя криком, пытаясь добраться до горла. И Скобелев почувствовал, что ослабевает. И тогда он тоже крикнул:

— Ковале-ев!

И в ответ:

— Здесь я, товарищ лейтенант?

И немец сразу ослаб.

Тело до сих пор болело от этой жестокой схватки.

А в голове опять:

*И с грустью тайной и сердечной
Я думал: «Жалкий человек.
Чего он хочет!.. небо ясно,
Под небом места хватит всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он — зачем?»*

— «...беспрестанно и напрасно...» — нет, это не то. Раньше когда-то — да! Но не сейчас», — думал Скобелев такими же отрывочными полумыслями, какими приходили в его усталый мозг стихи. А стихи не отставали, повторясь отдельными строчками. Так полностью и не нужно, полностью и так было ясно, будто это «полностью» продолжалось в каких-то туманных далях, выплывая оттуда, проясняясь, то одним боком, то другим.

Опять остановились. Впереди о чем-то советуются командиры. Слышатся отрывистые, приглушенные голоса. А рядом кто-то все бормочет и бормочет. И кто-то произнес:

— Слышь, Егор, ты бы вслух, что ль, почитал... А? А то спать страсть, как хочется.

«Егор — это кто?» — подумал Скобелев, но подумал равнодушно: в эти минуты и часы его ничто не интересовало. Тем более что его рота столько раз то сокращалась за эти дни непрекращающихся боев до нескольких десятков бойцов, то пополнялась до сотни и более по причине гибели командиров, что он не знал и десятой части ее состава. А он все еще живой и даже не ранен. Впрочем, не он один.

Раздалась команда двигаться дальше.

И в ритм шагов в усталом мозгу Скобелева вновь стали возникать рифмованные строчки, совершенно ему не знакомые, будто кто-то бредил ими, пытаясь получить хотя бы какой-нибудь ответ у этой ночи, у смутного шума движения, сливающегося с шумом ветра, ответа, который бы разрешил все:

*Мы остались под Вязьмой,
Мы не вышли к своим,
Мы в болотах увязли,
Вдоль дорог мы лежим...*

Короткая пауза, и дальше:

*Нет судьбы нашей злее:
Средь кустов у моста
Наши кости белеют
Без звезды, без креста...*

Строчки прервались на минуту-другую, затем зазвучали с той же болью:

*В непогоду послушай
Тихий стон над рекой:
Бродят здесь наши души
Бесприютной толпой...*

«Но это же совсем другое», — изумился Скобелев, и вдруг с него, точно покрывало, сбросило сонливость, и он увидел в свете ракет деревянный мост на правом фланге и пытающихся под огнем минометов и пулеметов прорваться к нему артиллеристов со своими орудиями. Видимо, этот Егор из них...

По рядам побежала команда:

— Подтянись!

И Скобелев автоматически ее повторил:

— Подтянись, братцы! — и добавил: — Еще немного и отдохнем.

Ему никто не ответил, лишь шаги стали чаще да дыхание хриплым, как у загнанных лошадей.

10. Утром налетели самолеты. Скобелев лежал под корнями упавшей ели, переждал бомбежку. Рядом с ним лежали еще несколько человек. Самолеты улетели, люди стали подниматься, отряхиваться. Все, кроме одного.

— Жаль парня, — произнес незнакомый красноармеец с черными петлицами и пушечками на них. Он потрогал лежащего, перевернул на спину, покачал головой. — Стихи, вишь, сочинял. Сам себе напроорочил — бя-да-ааа...

Он сложил парню руки на груди, на лицо положил пилотку.

Кругом неясными тенями шевелились люди. Прошел слух, что вышли к своим. Артиллеристы там же, у вывороченных корней ели, принялись рыть могилу погибшему поэту.

— Как его фамилия? — спросил Скобелев у одного из них.

— А бог его знает, — ответил тот. И пояснил: — Мы все из разных батарей. Все, считай, бесфамильные. Знаю, что звали Егором. А в карманах у него ничего нету. Карточка только одна. — И он протянул Скобелеву небольшую фотографию,

с которой глянули на него испуганные глаза черноволосой девушки. На обратной стороне было написано: «Егору от Нины. На долгую-долгую память. Наро-Фоминск. Май 1941 года».

«Мы остались под Вязьмой, мы не вышли к своим, мы в болотах увязли, вдоль дорог мы лежим...» — вспомнил Скобелев, и удушливая волна горя сперла на мгновение его дыхание.

Послышались команды: «Строиться!»

И тут же среди деревьев пронеслось, как дуновение весеннего ветерка:

— Впереди наши! Наши впереди!

И вздох облегчения вырвался одновременно из многих грудей.

Посчитали — двести одиннадцать рядовых и двадцать три командира.

Но еще долго, до самого декабря, в лесах оставались группы красноармейцев и командиров Красной армии, которые, пробираясь к своим, нападали на немецкие колонны, притягивая к себе целые дивизии врага, не имеющие возможности в силу этого участвовать в наступлении на Москву.

ЗАСАДА

1. Вот уже четвертую неделю бойцы отдельного рабочего батальона роют окопы на правом берегу реки Сходня у деревни Гаврилково, живут по соседству в доме отдыха на казарменном положении, учатся воевать. Если посмотреть на карту, то это почти напротив Северного речного вокзала. На небольшой возвышенности уже устроены доты и землянки, установлены деревянные и бетонные надолбы, сваренные из трамвайных рельсов противотанковые ежи, натянута колючая проволока, здесь же обучаются борьбе с танками и пехотой противника. На весь батальон имеется около сотни винтовок, два станковых пулемета и штук десять ручных, четыре нагана. Чтобы обучение давало хоть какой-то результат, сами смастерили деревянные винтовки, с ними маршируют и кидаются в рукопашную на соломенные чучела; на деревянную основу насадили кусок трубы — получились гранаты, ими рязят деревянные макеты танков.

На стрельбище роты выходят по очереди, каждому для стрельбы выдается по три патрона, после чего винтовку надо разобрать, почистить и смазать. Винтовки не только советские, но и польские, английские, французские. Есть несколь-

ко штук немецких и даже японских. Пулеметчики тоже по нескольку раз в день собирают и разбирают пулеметы, так что их затворы блестят как новогодние игрушки, отполированные десятками рук.

Все чувствуют бесполезность такого обучения, ворчат и надеются на лучшее.

Командует батальоном бывший начальник склада готовой продукции обувной фабрики пятидесятишестилетний Степан Демидович Бородатов, воевавший в Первую мировую прапорщиком, а в Гражданскую — от командира роты до командира полка. Комиссаром батальона назначен секретарь парторганизации овощной базы Виталий Семенович Кумов, тоже когда-то воевавший с белыми. Батальон сводный, набран с разных заводов, фабрик, овощных и торговых баз, из научных институтов — откуда по роте, по взводу и как придется из тех остатков рабочих и служащих, научных работников, преподавателей и студентов, кто по тем или иным причинам задержался в Москве и не попал в первую волну эвакуации. Никого идти в батальон не принуждали, каждый ставил свою фамилию в списке самостоятельно.

Андрея Задонова, сына погибшего в тридцать седьмом Льва Петровича, три года после окончания института проработавшего на заводе имени Серго Орджоникидзе и доработавшегося до должности начальника механического цеха, на фронт, когда в Москве формировали первые дивизии народного ополчения, а было это еще в июле, с завода не отпустили.

— А вы знаете, что говорят рабочие, которые записались в ополчение? — спросил Андрей у директора завода, пятидесятилетнего Гаврилы Севостьяновича Бульжникова, буравя его ноздреватое лицо своими цыгановатыми глазами.

— И что же они говорят?

— Что начальство бежит из Москвы, а они, рабочие, должны защищать квартиры этого начальства.

— Если слушать всех провокаторов и паникеров, то и мне надо записываться в ополчение, — проворчал директор, который уже порядком устал от совестливых добровольцев из числа инженерно-технических работников. — А кто, спрошу я вас, молодой человек, будет снабжать Красную армию оружием и боеприпасами? Кто будет руководить производством? Кто будет налаживать это производство на новом месте, и так, чтобы качество продукции было не хуже, чем здесь, в Москве? Вас пять лет учили не для того, чтобы вы свои знания бросили коту под хвост и опустили до положения, при котором и двух-трех месяцев хватит, чтобы научиться убивать и чего там еще.

— Я в институте проходил военную подготовку, — не сдавался Андрей. — Лето проводил в военных лагерях, я умею стрелять из всех видов стрелкового оружия, знаю минное дело, артиллерийское, у меня первый разряд по боксу. В армии я не стану обузой. Более того, я смогу лучше многих других обучить вчерашних рабочих военному делу, потому что знаю, что может рабочий человек, на что он способен.

— Ну, милый мой, вы слишком самонадеянны, — лучше других! Эка хватило! Ополченцев будут обучать командиры Красной армии, профессионалы, а вы все-таки любитель, и не более того.

— Ученых принимают в ополчение, артистов, музыкантов. У меня дядя — писатель, и тот на фронте с самого начала, — пошел Андрей с последнего козыря. — А я, его племянник, должен, по-вашему, окопаться в тылу? И как я буду смотреть людям в глаза после войны?

— Вот что, Андрей Львович, — потерял терпение директор. — Ваш дядя, во-первых, не воюет, а пишет; во-вторых, еще неизвестно, где будет труднее: в тылу или на фронте; в-третьих, записаться может кто угодно, да не всех пошлют на передовую. Пустой разговор! У меня распоряжение ЦК партии и лично товарища Сталина: специалистов на фронт не пускать. Каждый должен делать свое дело.

Андрей Задонов дошел до райкома партии, но ничего не добился: вы нужны заводу, Родине, следовательно, армии и народу там, где всего больше можете принести им пользы. Вот, и никаких разговоров. Иначе будете считаться дезертиром.

И Андрей сдался.

А через месяц началась эвакуация заводов в глубь страны.

Оборудование, станки и механизмы демонтировались, грузились в вагоны, отправлялись на восток. Туда же эвакуировались рабочие и инженерно-технический персонал вместе с семьями. Андрея назначили членом штаба по эвакуации, работал он по двадцать часов в сутки. Немцы бомбили Москву.

И вот, когда был отправлен последний эшелон, всем оставшимся неожиданно предложили на выбор: или эвакуация, или рабочий батальон. Почти все выбрали второе.

Андрея Задонова назначили командиром роты. В роте три взвода, каждый из шестидесяти человек. Три роты составляют батальон. А еще разведчики, кашевары, повозочные, итого — около семисот человек. Обещали батальону со временем при- дать саперов и связистов, а пока, за отсутствием таковых, сами обучались минному делу, оказанию первой помощи раненым, организации связи и работе с телефонными аппаратами: обещанного, как известно, три года ждут.

Андрей оказался почти единственным из командиров рот, кто более-менее знал военное дело применительно к современным условиям боя. Поэтому поначалу учил всех и всему сразу, что знал сам. Но в конце третьей недели в батальон прислали командиров рот и взводов, выписавшихся из госпиталей и уже понюхавших пороху. Они-то и взяли на себя все обучение ополченцев. Тогда же Андрея с ротных понизили до взводного, а командиром роты стал старший лейтенант Олесич, с лицом топориком и бегающими светлыми глазами.

— Ну, покомандовал, и, будя, — сказал Олесич, кривя остренькое свое лицо снисходительной усмешкой, когда Задонов познакомил его с ротой. — Командовать ротой — это тебе, паря, не бумажки писать. Тут злость нужна и... это самое... безжалостность. А ты, йент: ноги натерли. Как это так: ноги натерли? А куда, йент, смотрел взводный? А ротный? Они у тебя портянки заворачивать не умеют, а ты — тактика ближнего боя! Сказанул, йент! Зачем, спрошу я тебя, рядовому красноармейцу тактика? Она и взводному не нужна. Дело взводного, йент, поднять людей в атаку, показать личный пример, достигнуть вражеских окопов, и — коли, руби, режь. Какая тут, йент, тактика? Взводный живет одну атаку. Ротный — две-три. В лучшем случае — ранят. Обычно — наповал. А ты говоришь — тактика. Чушь это, йент. Я от тебя, профессор, буду, йент, требовать, чтобы твои бойцы умели быстро ходить и бегать, не терли ноги и в строю выглядели орлами. А то они у тебя, йент, ходят, как гуси беременные. Ты у меня смотри, йент, я не потерплю, чтобы, это самое... всякие там штучки. Я, брат, два раза раненный, за себя, йент, не отвечаю. Все понял?

Еще никто и никогда так по-хамски и с таким унижением человеческого достоинства не разговаривал с Андреем Задоновым. Он слушал Олесича, бледнел, до боли в пальцах сжимал кулаки. Его не столько обидело, что понизили до взводного, сколько презрительное к себе отношение этого солдата. И не только к себе, но и ко всем остальным.

Они только что распустили роту, которой был представлен Олесич в качестве ее нового командира, стояли под старым дубом, но кругом сновали бойцы по своим делам, и разговор шел на пониженных тонах.

— Я все понял, товарищ старший лейтенант, — выдавил из себя Андрей каким-то деревянным голосом. — Я понял, что вы хам, что на людей вам начхать, что командовать людьми вы не имеете права.

— Ч-что т-ты с-сказал? — вдруг заикался Олесич, уставившись на Задонина побелевшими от бешенства глазами. —

Да я т-тебя... по з-законам в-военного в-времени... А ну пойд-дем, п-пот-толкуем. — И потянул Задонова за рукав в глубь леса, на опушке которого строились оборонительные укрепления.

Задонов отбросил его руку, пошел первым. Он был весь в мать: быстро загорался, не скоро остывал. На сей раз ему хотелось раз и навсегда установить между Олесичем и собой ту дистанцию, которая бы не позволяла ротному по-хамски относиться к своему подчиненному.

— Стоять! — вскрикнул сзади Олесич высоким истерическим голосом, когда они вышли на небольшую полянку, окруженную со всех сторон непроницаемыми кустами лещины.

Задонов встал и повернулся к нему лицом.

Тот приблизился, схватил Андрея за отвороты телогрейки, потянул вверх.

— Ты думаешь, напугал меня! — зашипел он в лицо. — Меня, боевого командира! Да я смерти сто раз смотрел в лицо, и чтобы такого слизняка, йент... Да ты у меня, йент... сапоги, йент, лизать мне будешь! На одной ноге, йент, вертеться! Мразь! Говно! Удавлю!

И тут же сел от двойного удара по почкам, хватая ртом воздух и с детским удивлением глядя снизу вверх на Задонова.

— Следующий раз получишь по морде! — пообещал Задонов, одернул ватник, поправил кобуру и пошел назад, всем телом своим ожидая, что сзади щелкнет курок и раздастся выстрел. Но ни щелчка, ни выстрела не последовало.

Эта стычка осталась до конца неразрешенной, хотя ротный умерил свой хамский тон, а с Задоновым так и вообще почти не разговаривал, приказы отдавал резким голосом глядя в сторону и кривя свое острое лицо, будто от зубной боли.

2. 16 октября прибыли грузовики, доставили оружие: винтовки, автоматы, пулеметы, противотанковые ружья, патроны, гранаты. Несколько дней ушло на освоение оружия, на усиленные стрельбы, затем батальон подняли по тревоге, выдали трехдневный паек, погрузили на машины, повезли и привезли в Красногорск. Здесь приказали грузиться в вагоны электрички, к которым был прицеплен паровоз. Погрузились, паровоз свистнул, вагоны дернулись, покатались. Мимо Аникеевки, Нахабино, Истры — в сторону Волоколамска, мимо знакомых дачных поселков, деревушек, мостов, мимо рощ и лесов, подернутых тусклым золотом увядания; их провожали рябины, выстроившиеся вдоль железной дороги, кланяясь тяжелыми ветками рдеющих гроздьев.

Люди прилипли к окнам, смотрели во все глаза на родные места, точно прощаясь с ними навсегда. Ни разговоров, ни песен, ни смеха.

День был пасмурным, время от времени принимался дождь, косые струи текли по запыленным стеклам вагонных окон. Быстро темнело. Смотреть стало не на что. Люди курили, вяло переговаривались, дремали. Свет в вагонах не включали, поезд катил без остановок, стучали колеса, громыхали мосты, почти без умолку свистел паровоз.

Андрей Задонов сидел на первой от дверей лавке, испытывал такое состояние, точно спит и все окружающее его чудится ему во сне, хотя и знал, что стоит протянуть руку или поменять положение ног, как они наткнутся на холодный щиток или колесо станкового пулемета «максим», что рядом с ним сидит пожилой рабочий с его завода Тебенев, очень рассудительный и основательный человек, помощник командира взвода, то есть его, Андрея Задонова, помощник, что проходы загромождены пулеметами, ящиками с патронами, гранатами и бутылками с зажигательной смесью.

В голове Андрея привычно копошились какие-то мысли, но былого порядка в них не было, они перескакивали с одного на другое, будто пытались охватить все сразу — всю его недолгую жизнь. Вот он добился своего и попал в армию, едет, судя по всему, на фронт, не сегодня завтра будет бой, который представляется ему в эти минуты с большим трудом, хотя совсем недавно это представление было ясным и не вызывало никаких сомнений: они будут идти на него, Задонова, он будет их убивать. Что могут убить его, об этом не думалось, но что он будет убивать их, виделось как на экране кинотеатра: отчетливо и понятно. Теперь экран погас, все окутала темнота и неизвестность. Неизвестными были они: какие на самом деле, есть ли в их глазах страх, когда они идут на тебя? Неизвестными были их танки и можно ли их уничтожить вот этими длинными ружьями, стреляющими такими маленькими на вид пулями, закатанными в латунные гильзы, поджигать вот этими бутылками.

Но чаще всего перед внутренним взором Андрея возникала женщина с большими коровьими глазами. Собственно говоря, из-за этой-то женщины он и стремился так настойчиво попасть в армию. Нет, он и без нее тоже бы стремился, но с ней... то есть поскольку она существовала и существовала ее власть над ним, Андреем Задоновым, это стремление удешевилось: если бы он поехал в эвакуацию, он снова бы подпал под власть ее коровьих глаз, на вид таких покорных и

беспомощных, а на самом деле решительных и жестоких. Он не любил эту женщину, да и она вряд ли любила его, но что-то тянуло их друг к другу, как тянет два противоположно заряженных электрона. Впрочем, он знал, что их соединяет, но это было совсем не то, что, по его понятиям, должно соединять мужчину и женщину.

Эта женщина первой обратила на него внимание, когда он пришел на завод после института и поступил в отдел главного технолога. Она работала там же заведующей чертежным отделом, а на самом деле чертежной кладовой, куда положено сдавать все чертежи и получать их для работы. Образование у нее — не более четырех классов, но она была женой главного инженера завода, человека известного, старого спеца, старого не только в смысле производственного опыта, но и возраста, она же молода, хороша собой, и ей требовалось место, достойное жены своего мужа, пусть не по значению, а хотя бы по названию и зарплате.

Потом была демонстрация по случаю Октябрьской революции, вечеринка — и везде она выделяла его, Андрея, выделяла открыто, ничего не боясь и никого не стесняясь, и все это видели, окружая их двоих тайной своего неучастия и молчания. Муж ее не присутствовал ни на демонстрации, ни на вечеринке. По-видимому, между ними существовала такая вольность отношений, такая свобода, когда каждый сам по себе. И Андрея закрутило, втянуло в эту опасную игру, тем более что это была его первая женщина, до этого он лишь однажды поцеловался со своей одноклассницей — и только.

Несмотря на самоуверенный и независимый вид, на свою броскую цыгановатую красоту, он не был в себе настолько уверен, чтобы считать себя сердцеедом, перед которым откроется сердце любой женщины. Более того, он был стеснителен и робок, а явные проявления интереса к себе со стороны сверстниц повергали его в смущение и панику, хотя он и сам втайне желал этого интереса, и подсознательно способствовал его проявлению.

Почти три года иссушающей связи измотали Андрея не столько физически, сколько морально, он рад был бы избавиться от нее, но не находил в себе для этого сил. Да и жалко было женщину с коровьими беспомощными глазами. Казалось, что разрыв с его стороны убьет ее и ляжет на его совесть несмываемым пятном.

«Ту-тук, ту-тук!» — стучат колеса вагона, навевая дрему. Женщина эта сейчас где-то в Сибири, ее письма заполняют почтовый ящик в доме, в котором Андрей не был более месяца. В доме вообще никого нет: тетя Маша с детьми эвакуиро-

валась в Среднюю Азию, последнее письмо пришло от нее из Ташкента. Мать выехала с Большим театром тоже куда-то в те же края, но от нее он не получил ни одного письма. Сестра сейчас в Новосибирске, куда эвакуировался медицинский институт, заканчивает шестой курс. Дядя Алексей где-то на фронте, время от времени в «Правде» появляются его статьи, репортажи, очерки и рассказы. Война...

Поезд встал, зазвучал по вагонам приказ выгружаться. Темно, сеет мелкий дождь. С одной стороны железнодорожного полотна чернеет лес, с другой вроде бы какая-то деревня: оттуда доносится встревоженный собачий брех. Слышно, как фыркают лошади, иногда мигнет слабый луч фонарика. Значит, ждали их прибытия, если пригнали подводы, — все какая-то забота.

Велено ящики грузить на подводы. Пулеметы «максим» тоже. Остальное оружие — своим ходом. Так именно и было сказано: своим ходом, словно у оружия есть ноги. Кое-как погрузились, построились, пошли. Под ногами раскисшая дорога, ротные и взводные имеют право на подсветку ее карманными фонариками. Остальные ориентируются по чавкающим звукам впереди идущих. Можно закрыть глаза — одно и то же.

Шли долго, бог знает, туда ли, куда нужно. Наконец пришли, остановились. Послышались властные сердитые голоса. Ощущение такое, что вокруг есть еще какие-то люди, что они своим приходом разбудили их, поэтому они и сердятся.

По рядам покатила какая-то команда, докатилась до третьей роты повторением одного и того же:

— Взводного Задонова к командиру батальона.

— Вас, товарищ командир, — дотронулся до плеча Андрея Тебенов. — К комбату вызывают.

— Да-да, — очнулся Андрей. — Я пошел, Степан Павлович... Остаетесь за меня.

Он шел, подсвечивая под ноги фонариком. Из темноты выступали то человеческие фигуры, то часть крестьянской телеги и нахохлившийся на передке возница, то понурая лошадиная морда. А под ногами чавкало и хлопало.

— Задонов? — окликнули его.

— Задонов, — не по-военному ответил Андрей.

— Давай поближе, — это уже знакомый голос комбата.

Двое держат на вытянутых руках плащ-палатку, защищая от дождя карту, в которую уперся тусклый луч фонарика.

— Смотри, Задонов. Мы вот здесь, деревня Деньково. Батальон будет занимать позиции к северу от Деньково по реке

Разварня до деревни Федоровка. Твоя задача выйти к поселку с тем же названием. Поселок стоит на взгорке, вокруг лес и болота. Здесь болото, здесь тоже — не пройти. Займешь со своим взводом западную окраину поселка, зароешься в землю, да так, чтобы тебя ни с земли, ни с воздуха видно не было. Если немец упрется в нашу оборону, он станет искать обход. Он пойдет сюда — через Шаблыкино и далее на восток, чтобы ударить нам с тыла: тут, если верить карте, есть проход. Твое дело не пропустить немца, держаться до подхода подкреплений. Или приказа на отход. Все ясно?

— Ясно. Не ясно только с оружием: взвод имеет только два ручных пулемета и одно противотанковое ружье...

— Тебе больше и не понадобится. Разве что «максим» подбросим. Немец если и полезет туда, то малыми силами, танкам там не развернуться: местность не позволяет, — перебил его комбат. — Проводника тебе дадут. Одну подводку. Все. Связь пока через посыльных. Будет возможность — кинем провод. Желая успеха. Выполняй!

— Есть выполнять! — ответил Андрей, повернулся и пошел к своему взводу, но комбат остановил его, подошел, положил руку на плечо, спросил:

— Что у вас с ротным? Жаловался мне, говорит, что не выполняешь его приказы, своевольничаешь.

— Это неправда, товарищ командир батальона. Я сказал ему, что он ведет себя по-хамски, неуважительно к людям. Был мужской разговор...

— Вот что, парень, здесь не гражданка. Здесь армия, фронт. Здесь приказ командира не обсуждается, а выполняется. Что человек он дерьмовый, так это я и сам успел заметить. Но что есть, то есть. Это не тот случай, когда муж с женой характером не сошлись. А он воевал, имеет два ранения, орден. Боевой командир. Учти это, иначе неприятностей не оберешься. А пока я вас разделил... от греха подальше. Но это временно... — Похлопал Задонова по плечу, слегка подтолкнул. — Иди! Надеюсь, с поставленной задачей справишься.

— Постараюсь, товарищ командир батальона.

3. В поселок, состоящий из трех барачков и десятка изб, в которых жили лесорубы и торфоразработчики, собранные по оргнабору из ближайших областей, пришли затемно. От деревни Федоровка это всего каких-то два-три километра, но все время лесом по разьеженной лесовозами и торфовозами дороге, которая бойцам взвода под командованием Задонова, да и ему самому, показалась длиннее раза в три. Проводник из местных, обутый в болотные сапоги, шел впереди, вел

под уздцы лошадь, по ступицы утопали в грязи колеса, хлюпала под ногами болотная жижа, угрюмо шумели над головой ели и сосны, по тяжелым каскам барабанил дождь.

— Голова сухая, зато спина мокрая, — угрюмо пошутил шагавший рядом с Задоновым помкомвзвода Тебенев. И пояснил: — С каски все за шиворот льется.

— Воротник шинели подними и застегни на крючки, — посоветовал кто-то из темноты осипшим голосом.

— Пробовал, не помогает. Для этого надо голову задирать, а она не задирается: профессия не та.

— Ничего, не сахарный, — хохотнул чей-то молодой голос. — Не растаешь.

«Хорошие ребята», — подумал Андрей Задонов, отрываясь от своих мыслей, которые вертелись вокруг нового ротного, который ведь никуда не денется, о батальоне, который будет драться без него, о том, что ждет их впереди, и о том, наконец, что немцы вряд ли осмелятся пойти по такой, с позволения сказать, дороге.

В поселке взвод разместился в большом сенном сарае на окраине. Выставили часовых, свалились замертво.

На другой день Андрей поднялся ни свет ни заря, несколько раз обошел западную окраину деревни, намечая окопы, пулеметные гнезда, позицию для противотанкового ружья. За ним издали наблюдали бабы и мужики, к ним жалась ребятнишка. Мычали коровы, которых гнал на пастбище пастух в брезентовом плаще, шелкая длинным кнутом.

Андрей сам подошел к молчаливой толпе, понимая, о чем может сейчас болеть душа каждого из них: придет ли сюда немец, что делать им, оставаться на месте или уходить на восток?

— Здравствуйте, товарищи, — обратился он к ним. — Хотите что-то спросить?

На его приветствие ответили вразнобой и затихли.

— Очень даже хотим, товарищ командир, — выступил вперед бородатый мужик лет пятидесяти и стянул с головы картуз, обнажив светлые волосы, спутанные, как прибитая дождем трава. — Я, как есть тутошний бригадир Вилков, интересуюсь от народа, значит, дойдет до нас немец али не дойдет, али вы нас защитите от супостата? Опять же, скотина: он же ее под нож пустит, немец-то, а это совсем ни к чему, чтобы, значит, кормить его нашими трудами. Опять же, пилорама. То ли ее разобрать и спрятать, то ли работать на ней и дальше? Вот вы нам и объясните, что и как оно будет.

— Я бы и рад вам объяснить, да знаю не так уж много. У меня задача — не пропустить немца через ваш поселок. Это

если их рота. А если батальон да с танками, то должны прислать подкрепление. Я не знаю наверняка, будет ли здесь бой, но вам лучше отсюда уйти куда-нибудь в лес, добро спрятать, особенно продукты, скотину угнуть, пилораму и все остальное тоже временно разобрать и спрятать.

— А зачем тут-то позиции устраивать, коли рядом люди живут? — не унимался бригадир, теребя в руках свой картуз. — Места много, в версте отсюда даже получше позиция будет. Это я вам говорю потому так, что сам германскую прошел и кое-что в этом деле смыслю.

Андрей уже понял, что разговор зряшный, ни к чему не приведет. Но и оставлять людей в полном неведении не мог.

— А коли вы воевали, то должны знать, что в армии приказ надо выполнять, что наша позиция уже помечена на картах, на нас командование рассчитывает, без его ведома менять позицию я не имею права. Вы бы лучше подсобили нам с лопатами, кирками да ломами. А то земля тут у вас щебнистая, — показал Андрей на овражек, обнаживший слой плотной гальки и мелких валунов.

— Подсобить, оно, конечно, можно, — поскреб Вилков свалевшиеся волосы и натянул на голову картуз. — Подсобим, чай не чужие. Наши сыны тоже где-то сейчас маются, тоже, поди, не знают, что с ними станется.

Задонов кивнул головой и пошел поднимать взвод.

После завтрака начали копать. Окопы рыли вдоль жердяной изгороди, отделяющей огорода от выпаса. Кусты бузины и орешника должны укрывать их от взора со стороны леса и просеки, по которой могут пожаловать немцы. В работу включился человек пятнадцать мужиков со своими лопатами и прочим инструментом и с десятков мальчишек-подростков. У них получалось даже быстрее, чем у городских жителей.

Дождь прекратился, но сплошная облачность серой пеленой застилала небо. С юго-запада слышалось настойчивое погромыхивание, из которого выплескивались отдельные тяжелые удары, похожие на удары паровой бабы. Сам воздух, сырой и плотный, был пронизан тревогой и ожиданием. Даже лес в низине понурился, луг затянуло зыбким туманом, в котором по брюхо бродили коровы, между ними виднелись серые комочки овец, будто закутанных в ветхие лохмотья.

Потянулись к окопам бабы с кринками парного молока и свежее испеченным хлебом. Зазвучали шуточки-прибаутки, запахло дымком самосада. Курорт, да и только.

Оставив за себя Тебенева, Андрей взял троих бойцов и пошел по тропе в сторону деревни Шаблыкино, до которой было,

если верить карте, километров пять. Километрах в полутора оставил бойцов в еловых зарослях, откуда просека просматривалась на большую глубину, приказав всех, кто покажется подозрительным, задерживать и отсылать в поселок, из поселка никого не пропускать, если кто вдруг попытается уйти без его, Задонова, разрешения, а в случае появления противника дать знать тремя выстрелами, самим же отходить назад.

Андрей возвращался в поселок, сшибая прутиком побуревшие головки чертополоха. Справа тянулся сырой луг, среди остролистой осоки поблескивали свинцовые окна воды, слева лепетали на слабом ветру бордовыми листьями заросли молодой осины, за ними хмурилась непроницаемая стена леса. Потом справа начал вздыматься над дорогой крутой взгорок, но метров через триста он опал, и снов все та же осока справа, все те же осинники слева, только теперь за ними тянулись вырубki с черными пнями, кустами малины вокруг них и молодой порослью берез.

Андрей остановился. Оттуда, с верхушки взгорка, он был как на ладони, и деваться ему совершенно некуда: ни канав, ни оврагов, буквально ничего, где можно укрыться от выстрелов и гранат. Не об этом ли месте говорил бригадир Вилков? Если пойдут немцы, то закидать их сверху гранатами и обстрелять из пулеметов на этом участке — лучше ничего придумать нельзя. Максимальный урон нанести здесь противнику, а затем встретить на подступах к поселку.. И в самом деле: не устроить ли здесь засаду?

Андрей поднялся на бугор. Похоже, он образовался в результате подготовки площадей под торфоразработки, когда в одно место свозили землю и всякий мусор, добираясь до промышленных залежей торфа. Теперь бывшие торфоразработки превратились в болото, прорезаемое кое-где оплывшими дренажными канавами. Изъезженная дорога, петляющая среди вырубок, лежала перед ним в обе стороны, слева — уходила в лес, справа — тянулась до самой деревни. Но он не имел опыта и не знал, чем может кончиться бой на этой дороге, не знал, как поведут себя немцы, нарвавшись на засаду, как поведут себя ополченцы, встретив отпор со стороны противника. Во всем этом не было твердой ясности, в то время как создаваемая на краю деревни оборона была понятна и почти не вызывала вопросов. А может быть, все-таки рискнуть? Посадить в засаду одно отделение... ну, хотя бы Герасима Порхова, воевавшего с японцами на Халкин-Голе... И решил окончательно: надо будет прийти с ним сюда и покумекать — ум хорошо, а два лучше.

С Порховым и Вилковым еще раз осмотрели взгорок.

— Мину бы здесь поставить, — сказал Порхов. — Он едет — ба-бах! — и крой его из всех видов оружия. Здесь можно роту положить за милую душу.

— И не только роту, — поддержал Порхова Вилков. — В шестнадцатом году вот так же устроили мы засаду недалеко от Перемышля. С одной стороны река, с другой стороны такой же вот взгорок. Трава — выше человеческого роста. А у нас всего рота и должны мы охранять фланг дивизии, которая держала оборону правее. Ну, сели в засаду, пара «максимов», бомбы ручные, по-нынешнему гранаты, ждем. На другой день идет венгерская кавалерия. По четыре в ряд. Пропустили дозор, и давай шмалять из пулеметов. Да еще гранатами, да из винторезов залпами. Накрошили венгерцев — страсть! А у самих — всего двое раненых. Так-то вот, товарищ командир. Правильно это ты решил устроить здесь засаду. Как говорится, с богом. Только надо, чтоб каждый солдат... в смысле — боец, осознал, что и как ему делать. Чтоб не суетился и не паниковал по той простой причине, что его много, а нас мало. Когда его много, то каждая пуля в цель. Глядишь, дальше он и не полезет. Очень даже может быть.

На том и порешили.

4. Вечером приехал на лошади комиссар батальона, а с ним двое незнакомых военных. Один оказался начальником штаба батальона, назначенным уже здесь, на передовой, другой — командиром артиллерийского дивизиона.

Взвод построили для принятия присяги. Комиссар читал по бумажке отдельными фразами, бойцы повторяли вслед за ним мерными голосами. Все это походило на молитву древних воинов перед битвой.

Андрей стоял в общем строю, чувствовал, как с каждым словом новые узы связывают его со своими бойцами, и эти узы крепче прежних; тут связь не через план и сообразительности, а через кровь и смерть, и каждый теперь ответствен за жизнь своих товарищей, за судьбу всей страны. От этого чувства перехватывало дыхание, на глаза наворачивались слезы, и не только у него одного.

Поодаль толпились жители поселка, бабы сморкались в платки, мужики свесили обнаженные головы.

После принятия присяги приезжие вместе с Задоновым пошли осматривать позиции. Начальник штаба, кадровый военный, сделал несколько замечаний относительно расположения пулеметов и противотанкового ружья. Велел отрыть

запасные и отсечные позиции на тот случай, если противник начнет обходить с флангов. Но в целом остался доволен. Пообещал прислать минеров с минами, сказал, что связисты протянут сюда провод из штаба батальона, что сам батальон включен в состав кадровой дивизии, которая ведет сейчас бои в районе Волоколамска, что немец прет, и со дня на день может появиться перед позициями батальона.

Когда уже прощались, Задонов решился рассказать начальнику штаба о задуманной засаде. Тот выслушал внимательно, спросил:

— До этого где-нибудь воевали?

— Нет. Даже в армии не служил. Но в институте проходил военную подготовку.

— Тогда поедем, посмотрим, что вы там напридумывали.

Вдвоем, верхом на лошадях они съездили к предполагаемому месту засады, начштаба внимательно все осмотрел, облазил, даже полежал на мокрой траве.

— Что ж, идея хорошая, — произнес он, отряхиваясь. — Один ручной пулемет вот сюда, другой вон под ту елочку. Гранатометчиков распределите равномерно вдоль всего участка засады на расстоянии метров десяти-пятнадцати друг от друга. Каждому не менее десятка гранат. Впереди у них, как правило, идет разведка. Возможно, на мотоциклах... — Подумал, поправился: — Впрочем, здесь мотоциклы не пройдут. В любом случае разведку пропустите. Но чтобы ее встретили метров через двести. Там я видел валуны у дороги, вот за ними и поставьте станковый пулемет и противотанковое ружье. Это на тот случай, если впереди у них будет танк или бронетранспортер. И учтите: немец — вояка опытный и дисциплинированный, в себя приходит быстро, если смекнет, что вас мало, ударит с фланга, сомнет, только мокрое место от вашей засады останется. Поэтому после первого огневого налета, минуты этак через две, отходите к деревне. Если немцев окажется немного, можно будет уничтожить их всех или, в крайнем случае, рассеять. Больше решительности и отваги. Но еще раз пытаться счастье этим же способом не советую. И заранее потренируйте своих бойцов, чтобы каждый знал свой маневр.

На третий день рано утром Андрея разбудил дневальный.

— Стреляют, товарищ командир, — сообщил он шепотом.

— Где стреляют? — не понял Андрей, имея в виду свой секрет на дороге, но, прислушавшись, по ухающим звукам догадался, что стреляют там, где проходит дорога на Москву, где занял позиции рабочий батальон.

Он вскочил, подхватил шинель, на ходу всовывая руки в рукава, вышел из сарая. В темноте слышался сдержанный кашель просыпающихся людей.

Да, стреляли на юге. Именно там проходят на Москву шоссейная и железная дороги. Конечно, там стоит не один рбачий батальон, есть и другие войска, но немец прошел уже так много от границы, и пока ни один из рубежей, на котором оборонялась Красная армия, не стал для него последним. А западнее Вязьмы, — по слухам, потому что в газетах об этом не писали, — попали в окружение несколько наших армий. И неизвестно, вырвались они или нет. А еще говорят, что бывшего командующего фронтом Конева заменили Жуковым — это тем, который раздолбал японцев в Монголии. А лучше ли от этого будет, никто не знает.

Андрей потер колючий подбородок, решил, что нет смысла ударяться в панику, надо сохранять спокойствие и уверенность, что о них не забудут, что у них своя задача, что если каждый на своем месте будет стоять насмерть, то немец не пройдет...

За его спиной собирались бойцы его взвода, вслушивались в звуки близкого боя, тревожно переговаривались.

Андрей повернулся к ним лицом, произнес решительным голосом:

— Вот что, товарищи! Судя по всему, пришел и наш черед вступить в бой с проклятыми фашистами. Ждать осталось не долго. А пока слушай мою команду: десять минут на туалет, двадцать минут на завтрак, построение! Командиры отделений — ко мне!

Три командира, — всем лет по тридцати, все успели в свое время послужить в армии, — стояли перед Задоновым и Тербеневым, смотрели на них с той надеждой, которая подразумевает, что начальство всегда знает больше, чем говорит, и, следовательно, знает, что делать.

— После построения еще раз самым тщательным образом проверить оружие, боеприпасы, — распорядился Задонов, чувствуя, как его охватывает все более сильное возбуждение. — Затем занимаем окопы, еще раз повторим наши действия при наиболее вероятном развитии событий. Засадное отделение выходит к месту засады, еще раз проигрывает варианты боя. На этом все, можете быть свободны. И никаких хождений и празднующихся.

Поодаль стояли мужики, за ними бабы, ждали, когда освободится Задонов и обратит на них внимание. Андрей подошел к ним, поздоровался.

— Так что, товарищ командир, нам уходить или оставаться? — спросил бригадир Вилков, по привычке стащив со своей головы картуз.

— Уходите. Но пусть кто-то останется, — ответил Андрей. — На всякий случай. Мало ли что.

— Оно понятно: свой глаз не помешает, — как всегда рассудительно поддержал Вилков Задонова. — Тут у нас предложение имеется. — И, показав на мужиков, пояснил: — Вот вам пополнение, мужики хоть и не молодые, а военный опыт имеют: и с немцем в имперьялистическую повоевали, и в гражданскую с беляками.

— Оружия у нас нет, — начал было Задонов, но Вилков остановил его движением руки:

— На первый случай ружья у них найдутся. Охотничьи. А потом возьмут у тех, кого ранят или убьют. На войне без этого не бывает. Свои дома защищать-то будут, да и так, случись чего... — Не договорил, натянул картуз. — Если возражений не имеете.

— Нет, не имею. Мы и сами, как вы знаете, из ополчения, так что лишние ополченцы нам не помешают.

Пятеро мужиков выступили из толпы, выстроились в ряд, сурово смотрели на Задонова, ждали. На них зипуны, подпоясанные веревками, сапоги смазаны дегтем, за плечами ружья стволами вниз, котомки, у кого из-за пояса торчит топор, у кого нож с деревянной ручкой в деревянных ножнах, у кого заточенное кайло.

— Подождите немного, — попросил Задонов. — Сейчас будет построение, там и решим.

К полудню поселок опустел.

Томительно тянулись часы. На высоком дубу возле крайнего барака оборудовали наблюдательный пункт, оттуда виден взгорок, где устроилась засада, часть дороги, лес, откуда можно ждать противника.

Небо прояснилось, несколько раз вдаль пролетали самолеты, высоко среди редких облаков кружил «костыль», как прозвали немецкий самолет-разведчик, то, появляясь в окулярах бинокля, то пропадая.

А на дорогах никакого движения.

Андрей нервничал, не находил себе места, большую часть времени проводил на дубе, вглядывался до рези в глазах в туманную даль. Вроде бы все сделано, все просчитано, и каждый знает, как себя вести, но все просчитать невозможно, одно дело — учение, другое — бой, смерть, кровь, всякие неожиданности. И потом, стоит ли держать людей в окопах,

когда неизвестно, придет противник или нет, а если придет, то окопы под боком, люди всегда успеют их занять. Другое дело — засада.

Бой на юге от поселка то затихал, то разгорался, оттуда бухало, гремело, стучало, тарыхтело. К обеду в стороне деревни Федоровка над лесом стал подниматься и шириться черный дым, сползая на восток. Горело не в самой деревне, а значительно дальше, и горело не дерево, а солярка или бензин.

От поселка по дороге в сторону засады выехала телега: повезли засадникам обед. Снизу позвали обедать и Задонова. Сменился наблюдатель.

Андрей слез, пошел в барак, где, оставив окопы, пообедали два отделения его взвода. Едва успел съесть щи с бараниной и приняться за кашу, как в барак ворвался один из ополченцев, закричал, будто вокруг все горит, и уже ничем этот пожар не остановишь:

— Немцы! Идут со стороны Шаблыкино!

— Много? — спросил Андрей, на мгновение замерев с ложкой у рта, еще не вполне осознавая полученную весть: не верилось, что немцы могли пройти через лес, потому что все, что говорили о них, заставляло думать, будто немец способен ходить только по шоссе, а не по шоссе ходить не может: Европа.

— Не знаю! — в отчаянии воскликнул вестник, взмахнув руками. — На машинах! Из лесу выползают. Впереди танк.

— Все по местам! — приказал Задонов, с сожалением посмотрел на миску с кашей, встал из-за стола и пошел вон из барака.

За его спиной задвигались лавки, зашаркали подошвы по деревянному полу, загремели приклады винтовок.

5. С дерева в окуляры бинокля хорошо видны ползущие по разбитой лесовозной дороге немецкие бронетранспортеры на полугусеничном ходу, впереди танкетка переваливается с боку на бок, видно, как мотают сидящих в кузовах солдат. Андрей насчитал восемь бронетранспортеров, в каждом человек по двадцать, не меньше. Интервал между ними небольшой, но все равно они не вмещаются в линию засады: две задние машины, как минимум, останутся вне зоны действия гранатометчиков, а на каждой машине крупнокалиберный пулемет и бог его знает, что там еще. Никто не мог предположить, что немцев будет столько и что они сумеют пройти через лес на машинах. И Андрей пожалел, что за эти дни не додумался сходить к деревне Шаблыкино, разведать дорогу, что не додумался устроить на дороге завалы. И вообще, если судить

по карте, его взвод лучше было бы направить в Шаблыкино, потому что деревня... Впрочем, никто не знает, что лучше, а что хуже, и надо стоять там, где тебя поставили, а всякие рассуждения на эту тему — профессорские штучки, как говорит ротный Олесич. И он, скорее всего, прав.

Только бы наши не начали раньше времени, только бы не раскрылись.

И как жаль, что ни обещанных саперов с минами, ни связистов с проводом для связи со штабом так и не прислали: то ли забыл начштаба, то ли не имел возможности. И что ему делать? Посылать в штаб связного с сообщением о противнике, или подождать, чем закончится атака со стороны засады?

Андрей уже не слышал орудийной стрельбы и взрывов бомб со стороны Московской дороги, он вообще ничего не слышал, весь превратившись в зрение, и жалел, что не там он, в засаде, а здесь, и никак уже не сможет повлиять на события, которые вот-вот произойдут. Оставалась надежда, что командир отделения, Герасим Тимофеевич Порхов, служивший срочную в артиллерии, слесарь по ремонту металлообрабатывающих станков, сделает все так, как договорились, хотя рассчитывали в основном на пешую пехоту, однако и вариант с танками и машинами тоже учли, но как маловероятный.

Окопавшиеся на бугре бойцы не подавали признаков жизни, даже в бинокль нельзя рассмотреть, что там кто-то есть. Но расчет станкового пулемета, угнездившегося за валунами, прикрытого еловыми ветками, так что с десяти шагов со стороны немцев не разглядишь, отсюда виден хорошо. Видно бронебойщиков в окопе, вырытом на скате бугра, их напряженные фигуры.

По дороге катит телега, возница нахлестывает лошадь.

Все это Задонов видит, но мозг отказывается воспринимать видимое как реальность. Кажется: стоит закрыть глаза, потом открыть — и снова будет только дорога, лес, болото и серое над ними небо. Но глаза он не закрывает, он даже не моргает, боясь пропустить что-то значительное, от чего зависит жизнь и этого леса, и поселка, и людей его взвода.

Вот танкетка миновала бугор, и, чадя выхлопными трубами, поползла прямо на пулемет. И тут коротко твякнуло — и танкетка пошла боком... боком, въехала в осоку и замерла. И через несколько мгновений заухали на дороге взрывы, затрещали выстрелы, зашлись длинными очередями пулеметы. В эту какофонию звуков вплетались все новые и новые, и уже трудно различить отдельные взрывы гранат и выстрелы —

все слилось в сплошной треск, будто по лесу крутится, как огромный жернов, смерч, ломая деревья, ветки, затягивая все в свой смертельный хоровод.

И так же неожиданно смерч опал — и все стихло. Лишь несколько дымов, увеличиваясь в размерах, тянулось к небу, обволакивая черным саваном только что отбушевавшую стихию. И странна была эта тишина, и все казалось, что она вот-вот снова взорвется, разлетаясь по окрестным лесам и болотам острыми осколками страха.

На бугре, между тем, стали показываться отдельные фигурки, они перебегали с места на место, иногда щелкали выстрелы, такие пустяковые и безобидные, что на них как-то даже не хотелось обращать внимание. Потом ухнул взрыв гранаты, коротко простучал крупнокалиберный пулемет, еще взрыв — и снова тихо.

Фигурки, уже не прячась, снуют среди зарослей осинника, то пропадая в дыму, то появляясь из него, что-то волоча по земле или таща на спине. Потом из дыма выполз бронетранспортер и встал возле валунов. На него взгромоздили «максим», и он пополз по дороге к поселку. Через минуту из дыма выполз еще один. За ним еще.

Андрей не выдержал, спустился с дерева и побежал к изгороди, к окопам, в которых его бойцы, тоже сгорая от любопытства, возбужденно переговаривались и вглядывались в приближающиеся машины.

Вот передний бронетранспортер выбрался на взгорок и остановился возле кузницы. С него соскочил командир отделения Порхов, черный от дыма, сверкая белыми зубами в широкой и довольной улыбке. Он подошел к Задонову, вытянувшись, приложил руку к пилотке.

— Разрешите доложить, товарищ командир?

— Докладывайте, Порхов, не томите душу, — тоже не удержался от улыбки Задонов, и вокруг все улыбались, сдерживая себя, и казалось, что люди вот-вот пустятся в пляс.

— Так что, товарищ командир, враг уничтожен, считай, полностью! Подбито и сгорело два бронетранспортера, одна танкетка. Большая часть немцев побита, но часть, человек двадцать, ушла к лесу. Преследовать мы их не стали, потому что людей мало, однако пять человек с пулеметом я отрядил к лесу, чтобы они проследили и докладывали, если что. С нашей стороны двое убитых, один тяжело раненный, пять человек легко. Захвачено одиннадцать пленных, из них один офицер. Пятеро немцев ранены. Сколько убитых, посчитать не успели. Взяли много оружия, в том числе две пушки, три миномета, пять крупнокалиберных пулеметов, ручные пулемет-

ты, автоматы, винтовки и прочее. Там сейчас ребята сносят и складывают на бронетранспортеры. Разрешите, товарищ командир, пригнать другие бронетранспортеры? Там и танк можно забрать, только его сперва вытащить надо.

Андрей шагнул к Порхову, обнял его за плечи и трижды поцеловал в колючие щеки: ближе и роднее этого человека сейчас на всем свете для него не было никого. И вокруг все загалдели радостно, подхватили Порхова, принялись качать.

Бронетранспортеры и танкетку пригнали. Подсчитали трофеи: минометов оказалось четыре, две противотанковые пушки калибра тридцать семь миллиметров, восемь крупнокалиберных пулеметов, — правда, один требует ремонта, — два ранцевых огнемета, пятьдесят шесть автоматов, восемьдесят пять винтовок, патроны, гранаты, мины.

Пленных окружили, разглядывали с тем наивным любопытством, с каким дети разглядывают диковинных зверей в зоопарке, дивились, пожимали плечами: такие же вроде бы люди, ничуть не страшнее, а вот, поди ж ты — прут и прут, и никакого им удержу. А главное, не похоже, чтобы это были солдаты, которых заставили воевать силой, что-то не заметно, чтобы они готовы были броситься в объятия братьев по классу: смотрят хмуро, иные так и со злобой, и вообще даже смотреть на них как-то неловко. Пожали плечами и разошлись.

Раненых, своих и немцев поместили в барак, сделали перевязку. Остальных пленных заперли в бане, выставили часовых.

Офицера, обер-лейтенанта Курта Корфиса, Задонов допрашивал сам: немецкий он учил в школе и в институте, да и в семье практически все старшие Задоновы знали немецкий, а лучше всех тетя Маша, так что практика была. Больше всего Андрея интересовало, не повторят ли немцы еще одну попытку выйти во фланг батальону.

Офицер, ровесник Задонова, держался вызывающе, смотрел в сторону, кривил узкие губы, на вопросы отвечал не сразу, а будто бы после борьбы с самим собой, но все-таки отвечал, и из этих ответов выяснилось, что в Шаблыкино стоит батальон мотопехоты, — а по-ихнему панцергренадеров, — что его рота всего лишь часть батальона, и как решит командование, ему, Курту Корфису, неизвестно. Но он абсолютно уверен, что, как только командование узнает, что рота попала в засаду, батальон обязательно придет сюда и жестоко отомстит за своих товарищей.

Задонов велел отвести офицера в баню, а сам еще долго сидел, рассматривая взятые документы. Здесь были карты,

схема дорог и просек, выполненная от руки и, судя по надписям, кем-то из русских; был письменный приказ, предписывающий роте обер-лейтенанта Курта Корфиса захватить поселок Федоровку, затем деревню Федоровку, организовать там круговую оборону и держаться до подхода всего батальона. Следовательно, Курт Корфис знал задачу батальона, и непонятно, почему врал. Ну да черт с ним. Главное теперь — еще внимательнее продумать оборону с учетом трофейного оружия.

Отделение Порхова ходило именинниками, каждый рассказывал, что пережил, что делал, и выходило, что никто не мог толком рассказать, как шел бой, потому что каждый запомнил что-то свое, да и то весьма смутно.

— Я тоже как увидел, что их целых восемь штук, да еще танк впереди, и вытянулись они на добрые две с половиной сотни метров, — рассказывал Порхов, — так поначалу и не знал, что предпринять. А потом послал гранатометчиков на левый фланг, приказал им бить по последним машинам, а там окопов-то нет, там вообще место почти что голое. Там двоих-то и убило, но дело они свое сделали: гранаты прямо в кузова легли, немцы, которые там были, почти все оказались побитыми, а подстрелили их отсюда, потому что не все успели вовремя сделать бросок, иные так и вообще кидали гранаты, не выдернув кольца. А пулеметчики — ну просто молодцы! — крыли в упор, ни один немецкий пулемет не выстрелил. Только уж в конце, по нашему недогляду, какой-то немец ожил, мать его в душу, и подстрелил кое-кого. Но дыму много было, поэтому он стрелял вслепую, а то бы многих наших положил, гнида фашистская.

Убитых немцев уложили в те же окопы, где таилась засада, едва они там поместились, закидали землей. Своих убитых похоронили на поселковом кладбище в наспах сколоченных гробах.

Андрей Задонов произнес короткую речь:

— Спите, наши дорогие товарищи, — говорил он, с трудом подбирая слова в этой своей первой траурной речи. — Вы с честью выполнили свой воинский долг. Своей смертью вы спасли многие жизни товарищей по оружию, которые еще не раз отомстят за вашу гибель. А мы вас никогда не забудем. — Подумал немного, и закончил словами, читанными где-то: — Пусть родная земля будет вам пухом.

Трижды прозвучал прощальный салют, гробы опустили в могилы, мимо прошли бойцы взвода и все жители поселка, бросая горстями желтоватую глину пополам с торфом.

Андрей стоял в изголовье, пропуская людей, думал, что совсем не испытывает положенной в данном случае скорби, да и мало кто ее испытывает, разве что женщины, что у всех на душе совсем другое: они в первом же бою побили немцев, потеряв всего трех человек. Он думал, что чувство торжества у многих странным образом уживается со смертью этих трех человек, еще несколько часов назад живших со всеми одной жизнью, думавших одну думу, что всякая победа есть трагедия, отличающаяся от поражения лишь соотношением погибших с той и другой стороны, что даже раненые радуются вместе со всеми, а все вместе еще и тому, что остались живы. Он думал, что ему придется писать похоронки и отсылать их родным, и весь ужас трагедии этих трех человек раскроется далеко отсюда и незаметно для тысяч и тысяч других людей.

На складе поселка нашлась зеленая краска, кресты на бронетранспортерах замазали, но красной краски для звезд не нашлось, воткнули, куда могли, красные флажки. Андрей тут же приказал снарядить два бронетранспортера. В кузова рассадил и уложили раненых и пленных, предварительно их связав; надзирать за пленными Задонов отрядил восемь бойцов. Сам же Порхов и повел бронетранспортеры в штаб батальона с докладом.

— Смотрите, ребята, чтобы вас свои же за немцев не признали, — наказывал им Задонов. — Да и по сторонам поглядывайте: мало ли что.

6. Пришли двое из тех, кого Порхов назначил в дозор, доложили, что оставшиеся в живых немцы ушли в сторону Шаблыкино. Задонов отрядил туда же троих из местных ополченцев, чтобы разведали, что там, в этом Шаблыкино. Те взгромоздились на лошадак, поехали.

Ярко светило закатное солнце, лес горел и плавился под его лучами, тихо роняя последние листья, сосновые боры бронзовели стройными стволами, ели чернели густой, будто опаленной огнем хвоей. С юга доносился шум боя, то откатываясь вдаль, то приближаясь.

Взвод разбирался с трофейным оружием, для минометов и пушек рыли окопы, устраивали новые пулеметные гнезда, ходили часовые. Смеркалось. Казалось, что в этот день уже ничего не может случиться.

Самолеты появились над поселком неожиданно. Под рев пропеллеров застучали пулеметы и пушки, посыпались бомбы. Андрей в это время сидел в бараке, записывал в блокнот, служивший обер-лейтенанту Корфису чем-то вроде дневника, его

же наливной ручкой впечатления от минувшего дня. Представлял, как расскажет об этом бое своему дяде Алексею, как будет тот удивляться и, может быть, напишет рассказ.

Одна из бомб взорвалась, пробив крышу барака, в соседнем помещении, отшвырнув Андрея взрывной волной к стене. Оглохший, еще не сообразивший, что произошло, он с трудом поднялся на ноги. Сверху свисали балки, чудовищным веером топорщились потолочные доски. Откуда-то слышался сдавленный стон, густо тянуло гарью.

Задыхаясь от дыма, собрав кое-как бумаги и запихнув их в полевую сумку, Андрей кинулся к двери, но дойти до нее не успел: новые взрывы грохочущей волной прокатились по поселку. Чудом падающие бревна и рушащиеся стены барака не задели Андрея, сжавшегося в комок в самом углу перед дверью. Когда взрывы затихли, он вывалился на крыльцо вместе с дверью и, шатаясь, побежал к окопам, прижимая к груди полевую сумку. На бегу успел заметить несколько человеческих тел, неподвижно застывших на небольшой площади, где еще недавно взвод принимал присягу, горящий бронетранспортер, дальний барак. Миновав огороды, свалился в окоп, и тут еще одна волна самолетов с воем и визгом пронеслась над поселком, и новый грохот охватил все пространство, заставляя людей вжиматься в сырую землю.

Поселок горел. Одни бойцы пытались растаскивать бревна, другие собирали убитых и раненых. Андрей ходил по поселку, отдавал приказания, а в нем все сжалось от обиды и горя, от чувства собственной вины перед погибшими товарищами: это он не предусмотрел подобного развития событий, хотя они были настолько очевидными, что только крайне зазнавшийся человек мог не предвидеть последствий разгрома немецкой моторизованной роты. А ведь у него на руках имелись все данные, чтобы ожидать подобного шага со стороны противника. И где-то в подсознании билась мысль, что он после этого не имеет права жить и честно смотреть людям в глаза.

От бомбежки погибло девять человек, семнадцать получили ранения, двоих не смогли найти. Скорее всего, они сгорели в бараке. Стон, который Андрей слышал после первой бомбардировки, подтверждал это. Но самое неприятное — ранены были оба отделенных командира. Раненых перевязали, убитых похоронили. На этот раз без недавней торжественности, зато с плохо скрываемым недоумением. Пожары не тушили: и нечем, и недосуг. Сгорел, к тому же, один бронетранспортер, у другого сорвало гусеницу, был уничтожен один торфяной миномет и три пулемета.

Задонов велел обновить окопы, распределил заново бойцов по позициям, назначил новых отделенных. К этому времени вернулись посланные к Шаблыкино разведчики, доложили, что да, в деревне много немцев, бронетранспортеров и даже танков, что оставшиеся в живых немцы достигли деревни и, разумеется, рассказали о том, что произошло с их ротой. Так что с утра надо ждать гостей.

Но около полуночи прискакал посыльный и привез письменный приказ командира батальона, который предписывал Задонову покинуть вместе со своим взводом поселок, двигаться ускоренным маршем по направлению Новопетровска, куда отходит батальон.

Собрались, погрузились в бронетранспортеры, тронулись. Впереди ехал на лошади один из рабочих поселка, на круп лошади и спину его брошена белая простыня, за ним, ориентируясь на это мутное пятно, ползла танкетка, сам Андрей сидел за ее рычагами. Мысль о самоубийстве отодвинулась куда-то в темноту: он должен привести взвод к своим, а там будет видно. Позади остался разрушенный поселок, могилы его товарищей, которых он не смог уберечь от вражеских пуль и осколков.

Их провожали несколько поселковых рабочих. Они стояли рядом с подводой, груженной трофейным оружием, озабоченные затухающими пожарами.

Деревня Федоровка была пуста: ни батальона, ни немцев. Зато взвод встретил отделенный Порхов со своими бойцами. Доложил, что оба бронетранспортера сдал командованию, что батальонный хвалил их и велел дожидаться взвод, чтобы вместе с ними идти к Новопетровску.

— Батальон ушел по дороге через Деньково, — докладывал Порхов. — Там остались двое наших, Дугин и Сурепков. Это на тот случай, если немец войдет в Деньково раньше нас, чтобы предупредили. Раз их нету, можно считать, что дорога свободна.

Двинулись. Дорога к Деньково получше: меньше разбита, имеет щебеночное покрытие. Танкетка впереди, за ней два бронетранспортера с прицепленными к ним пушками. Вроде стало посветлее, или глаза привыкли к темноте. Миновали мост через Разварню, дорога потянула на взгорок, лес расступился, и вдруг открылась удивительная картина: вдали по дороге к Деньково тянулась колонна танков и машин с включенными фарами. Немцы! А где же Дугин и Сурепков?

Задонов остановил танкетку, открыл верхний люк, высунулся по пояс наружу. Нет, немецкая колонна не двигалась,

стояла. Однако ни начала ее, ни конца разглядеть не удалось: то ли лес мешал, то ли холмы. Не исключено, что колонна стоит перед разбитым мостом через Разварню. В таком случае проскочить можно.

И Андрей повел свою колонну к Деньково.

Им повезло: немцев в Деньково еще не было. Зато дорога оказалась перерытой, а в некоторых местах заваленной бревнами и камнями, утыканной надолбами и «ежами». Здесь-то их и ожидали Дугин и Сурепков. Они провели колонну через заграждения по узким проходам в минных полях.

К утру взвод Задонова прибыл в Новопетровск, но здесь не задержался и двинулся дальше, в сторону города Истра, где создавался новый рубеж обороны.

7. — Товарищ комбат, командир второго взвода третьей роты Задонов по вашему приказанию прибыл.

— Ага, прибыл, вот и хорошо. С чем прибыл? — спросил комбат Бородатов, отодвигая в сторону алюминиевую кружку с чаем.

— Взвод понес потери в результате боестолкновения с противником — три человека, в результате бомбежки — одиннадцать человек и семнадцать раненых. Четверо тяжелораненых скончались по дороге. В строю осталось двадцать восемь бойцов. Последние потери целиком и полностью лежат на мне, командире взвода, по причине халатности и самоуспокоенности.

— Тэ-тэ-тэ! — укоризненно покачал головой Бородатов. — Сразу — и виноват. Доклад считаю неполным. Нет данных о потерях противника.

— Да что противник! — обреченно махнул рукой Задонов и переступил с ноги на ногу. — В бою — куда ни шло. А то ведь боя-то не было. А что самолеты налетят, так это ж дураку ясно было, товарищ комбат, а я вот...

— Ты вот что, Задонов, садись-ка рядком, поговорим ладком. Чайку вот попей, успокойся. Потери — это одна сторона дела. Причина — другая. А причина у нас у всех одна: воевать мы как следует не умеем, только учимся. И требовать от тебя, чтобы ты в первый же день все предусмотрел, я не имею права. Батальон тоже имеет потери, которых мог бы избежать. Тут и непредусмотрительность командиров, и неопытность бойцов, и, наоборот, опытность и коварство противника. Так что казнить себя нечего. Другой на твоём месте не сделал бы и половины того, что сделал ты... Как думаешь, комиссар? — повернулся Бородатов к комиссару батальона Кумову.

— Думаю, что надо представить взводного Задонова к награде. За проявленную инициативу, за грамотное руководство боем, за смелые действия при отходе на новые позиции. Ну и за честность и самокритичность по отношению к своим действиям... А потери... что ж, на то она и война.

— Прошу наградить в первую очередь командира отделения Порхова. Это он очень грамотно организовал засаду и провел бой. И его бойцов, разумеется.

— Наградим и Порхова, и всех, кто участвовал в этом бою. А каковы потери немцев?

— Человек сто сорок, товарищ комиссар. Ну и пленные.

— Пленных мы видели, допросили, получили очень ценные сведения. И за бронетранспортеры спасибо: очень нам помогли при эвакуации раненых. Из вас, товарищ Задонов, вышел бы хороший командир Красной армии.

— Почему — вышел бы? — удивился Задонов.

— Потому что получен приказ откомандировать вас и еще несколько человек из вашего взвода в Москву в распоряжение Наркомата боеприпасов. Вы ведь в последнее время занимались производством патронов для противотанковых ружей, не так ли?

— Занимался, — упавшим голосом подтвердил Задонов.

— Вот то-то и оно. Тут по вашу душу товарища из Москвы прислали. Вот, познакомьтесь.

Из полумрака комнаты выступил человек в командирской форме, на которого Задонов не обратил внимания. Представился:

— Старший лейтенант НКВД Глухочко. — И пояснил: — У меня приказ: собрать людей и в десятидневный срок наладить выпуск патронов для ПТР.

— Но я... но у меня взвод, — попытался возразить Задонов, уже понимая, что все его возражения напрасны. — Я только начал воевать, получил кое-какой опыт... И потом, разве в Москве не осталось никого, кто мог бы заняться выпуском патронов?

— Товарищ Задонов, у меня список, полученный в наркомате. И право снимать людей отовсюду и возвращать на завод.

На Андрея смотрели два серых неподвижных внимательных глаза, и он понял, что ему не отвертеться.

— И кто в вашем списке?

Глухочко стал читать фамилии, Задонов кивал головой, иногда вставлял:

— Погиб. Ранен. Ранен.

Это все были люди с его родного завода.

Четырнадцать человек с Задоновым и старшим лейтенантом Глухочко во главе двое суток добирались до Москвы из Истры на стареньком автобусе, на котором Глухочко и приехал на фронт: тормозили забитые войсками и беженцами дороги, разрушенные авиацией противника мосты, частые проверки на контрольно-пропускных пунктах.

Приехали прямо на завод. Здесь уже, к удивлению Задонова и его товарищей, кипела работа: в пустых до звона цехах распаковывали и устанавливали станки, разысканные на запасных железнодорожных путях, на других заводах, — конечно, не новые, конечно, брошенные именно по старости и разболтанности, по некомплектности и прочим причинам. Старые рабочие, давно ушедшие на пенсию, оставшиеся в Москве кто по болезни, кто по болезни родственников, а кто просто потому, что не верил в возможность сдачи Москвы, занимались ремонтом, изготовлением недостающих деталей, обучением токарному, фрезерному и всяким иным профессиям вчерашних школьников и школьниц, бывших киоскеров и мороженщиц. Женщины и ребяташки со страхом подходили к станку, пятились при виде вращающегося шпинделя, неуверенно трогали ручки, с опаской подводили резцы к вращающимся заготовкам.

— Я — ответственный за выпуск боеприпасов, — еще по дороге в Москву сообщил Задонову старший лейтенант Глухочко. — Вы — ответственный за производство. Моя задача собрать людей, ваша — организовать их труд.

И Андрей Задонов с головой ушел в работу.

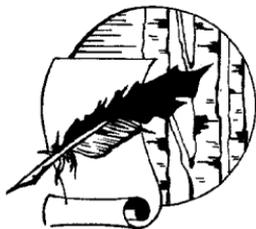
На другой день на завод приехал секретарь райкома партии и седой генерал, с рукой на черной перевязи. Собрали в цехе людей. Всего человек пятьдесят.

— Товарищи! — начал секретарь райкома. — Враг рвется к столице. На Москву он направил сотни и сотни танков, чтобы взломать нашу оборону и ворваться в город. Танки надо уничтожить, а уничтожить их нечем, потому что заводы эвакуированы, на новом месте они только разворачиваются, пройдет какое-то время, прежде чем они начнут давать фронту снаряды, патроны, оружие. Люди там работают в тяжелых условиях надвигающейся зимы. Партия, товарищ Сталин решили Москву врагу не сдавать ни в коем случае. Без ваших патронов противотанковое ружье выстрелить не может, без них танки зарвавшегося врага не остановить. Вы должны в кратчайшие сроки наладить производство патронов. От вас зависит, быть или не быть Москве, ибо Гитлер решил сровнять ее с землей.

Затем выступил генерал:

— Я только что из-под Тулы. Там идут ожесточенные бои с немецкой танковой армией генерала Гудериана. Его армия должна обойти Москву с юго-запада, взять ее в клещи совместно с другими армиями, которые наступают с северо-запада. Нам не хватает патронов для ПТР. Пехота отбивается от танков гранатами и бутылками с горючей жидкостью. Но для этого танк надо подпустить почти вплотную. А он стреляет из пушек и пулеметов, бойцы часто гибнут, не успев использовать оружие ближнего боя. Мы очень просим вас сделать все возможное, чтобы эти патроны появились в наших войсках, чтобы можно было уничтожить танки врага на любом доступном для этого оружия расстоянии. Такая вот просьба, дорогие товарищи, у наших бойцов.

На двенадцатый день цех стал выпускать патроны для противотанковых ружей. Еще через два дня первая машина, груженная ящиками с патронами, выехала за заводские ворота и покатила в сторону Тулы.

Евгений ЮШИН

РОДНЫЕ ДОЖДИ

* * *

Я вырос в городе уездном
В пятидесятые года
С каким-то чувством бесполезным,
Что счастье будет навсегда.

В саду мелькала кепка деда.
Я с ним на пасеку ходил.
И зеркальцем велосипеда
Мне зайчик солнечный светил.

Вареньем пахло, огородом.
И в тишине по вечерам
Гармонь бродила за народом
И мы шныряли по садам.

Открыты, чисты, незлобливы,
Мы ликовали, — боже мой! —
Когда в весенние разливы
Летел Гагарин над страной.

Трубили в горны пионеры,
Знамена яркие несли.
Мы жили в счастье, но без веры,
А значит, слабыми росли.

И вот теперь, когда сломались,
И век, и песня, и страна,
Мы в новой жизни потерялись
Безвольно, горестно, сполна.

Не встали мы с тобой ни разу
За лес и песню у реки,

Когда банкирчик пучеглазый
Всю даль скупал за медяки.

Звенят чеканные монеты
И воровской жирует класс,
А счастья — нету, счастья — нету
Ни у него и ни у нас.

В СТАРОМ ДОМЕ

Как прежде ровен статных сосен шум.
Года — прошли, скорее — пролетели.
Я в дом вхожу, как будто в старый трюм —
Давно корабль уплыл от колыбели.

Но свет избы, желанный и родной,
И пятна солнца на полу дощатом
Все эти годы прожили со мной
И в трудную минуту были рядом.

Какой потерей полнится душа!
Как будто я стою на пепелище,
И вот душа все что-то ищет, ищет.
На месте все — и нету ни шиша.

Вздохнут сиротски форточка и дверь,
И по-сиротски скрипнет половица.
Они теперь до смерти будут сниться
Средь горьких неминуемых потерь.

Кровать, сундук и вековая пыль.
Не возвращайтесь в детские просторы!
Пусть давние леса твои и горы
Живут в тебе, как прожитая быль.

Но как влечет в родимые места!
Как хочется из мира нажитого
Попасть туда, где у крыльца родного —
Отец и мать,
и жизнь твоя — чиста.

* * *

Взорвалась весны пружина.
Через кованые льды

Реки мечут, выгнув спины,
Тонны стонущей воды.

Петухи на шест взлетают,
Рвут зарю на лоскуты,
И огни ее вплетают
В размохренные хвосты.

На окне — слеза мороза.
Солнце режет напрямки.
Сок березовый тверезый
Ташат в ведрах мужики.

Как меды, бушуя в ульях,
Зреют сосны в небесах.
У меня — заря на скулах!
У меня — роса в глазах!

* * *

Нам все даровано с рожденья:
Родные люди, отчий дом,
Цветы лугов и звезд круженье,
И взгляд родимый за окном,
Любовь, друзья и стылость буден,
Туман дорог, отец и мать,
И все, что мы по жизни будем
С годами горестно терять.

МАРТОВСКИЙ СНЕГ

Снег подталый, золоченый,
Ноздреватый, острый, злой,
Солнцем точеный, каленый —
Не смести его метлой.

В горсть сожму — и справа, слева,
Словно из худой сумы,
Между пальцев льется небо
Нами прожитой зимы.

В половодье все утонет,
Все сравниет даль и высь.
И гудит огонь в ладони —
Убегающая жизнь.

* * *

Поплыли селенья на том берегу,
Поплыли холмы и овраги.
И все, что недавно лежало в снегу
В весенней запенилось браге.

Пустынные дали разбил ледоход,
Задвигали скулами льдины.
У пристани старой проснулся народ,
Скользит сапогами по глине.

Выводит петух засидевшихся кур.
От облака — длинные тени.
У Любки-буфетчицы — синий прищур
И солнцами светят колени.

Анюта соседу несет молока.
Наладил сетенку Василий...
Пока что не громко, пока что слегка,
А все ж оживает Россия.

* * *

Горевые русские селенья
Прячутся в чащобах у болот.
Денег нет — варенья да соленья
До весны сосед не сбережет.

Разошлась капуста на закуску,
Разбрелись под рюмочку грибы.
За село снесли тропкою узкой
Зимние студеные гробы.

Будет по весне сирень вихриться,
День придет просторный и большой.
Дачники приедут из столицы,
Чтоб почуять родину душой.

Примут от земли печаль и сладость,
Пропоют про луг и лошадей,
Но поймут, что жизнь уже промчалась
На сырых асфальтах площадей.

Подытожат прибыли-утраты,
Соберутся — и растаял след.

И как будто в чем-то виноваты
Будут избы шуриться вослед.

НА РЫБАЛКЕ

*Николаю Ныркову,
Игорю Нестерову*

Новый день приподнял синеву.
Топчет лето ветрами траву.
А на Пре за Подлипским мостом
Щука плещет упругим хвостом.

У друзей моих лодки туги.
Хорошо идут волны вразбег.
И под веслами, как пироги,
За кормою уходят круги.

Далеко полетела блесна,
Поднимает со дна глубину.
На корягах дремучего дна
Настоялась густая волна.

Будет добрый сегодня улов,
Потому что и я не простака.
И крапивный букет комаров
Отгоняет поречный сквозняк.

И смеются мальки у мели,
И преследуют чайки косяк,
И плывет, утопая в дали,
Как туман, молодой березняк.

Широко поднимается день.
И ложится от облака тень.
И от весел уходят круги
В зоревые затоны куги.

ИЗ ДЕТСТВА

Сиж у реки и ловлю облака
И лодки, как длинные тени.
Корявые ножки гнилого мостка
Озябли в воде по колени.

Ловлю облака, но они по воде
Уходят, минуя коряги.
Сопит водяной, и в его бороде
Зеленые плавают ляги.

Горит костерок на другом берегу
И тихие кони пасутся...
И осами росы сидят на лугу
И жалят, когда прикоснутся.

Приду с окуньками, кота накормлю,
А утром под щебеты птички
Проснусь и пойму, что бессмертно люблю
Весь мир этот в звонком величье.

Томятся грушовка и белый налив
На розовом блюде щербатом.
И яблочный воздух, волною наплыв,
Скользит по щеке ароматом.

И снова — в луга, по росе молодой,
К стрекозам, к речному затону...
И бабушка тихо качнет головой:
— Никак тебе нет угомону! —

И волны по солнцу бегут босиком.
Вот так же и время промчится...
Я это узнаю не скоро, потом,
Успею еще огорчиться.

* * *

И сердцу в радость, и душе в угоду
Брести и наблюдать по сентябрю
Реки прозрачной тающую воду
И не спеша идущую зарю.

И никогда не надоест дорога
С улыбчивым рябиновым кустом,
И светит золотым яичком стога
Пустое поле в воздухе пустом.

Не надоест дымок над крышей дома,
И сосен шум, и облака полет.
И ежиком топорщится солома...
И светел дождь у маминых ворот.

Александр КУВАКИН

ПРОРАСТИ В НЕБЕСА

ПАМЯТИ МОЕГО ДЯДИ

«Ваш сын красноармеец Лукин Николай Александрович, 1923 г. р., уроженец Воронежской обл., с. Грязи, находясь на фронте, пропал без вести 15 февраля 1942 г. при выполнении спецзадания по разведке.

Штаб 849-го артиллерийского полка. 8 мая 1942 г.»
Из похоронки. Ленинградский фронт

Красноармеец Николай Лукин
Шел по войне, не замечая мин.

«Что нам война!» — друзьям он говорил.
И спирт водой ни в жизнь не разводил.

«Вот Волхов, — говорил, — вот Шлиссельбург.
За Ленинград их бьем, за Петербург».

А после оборачивал свой взгляд
В ту сторону, где отчий дом и сад,

Где мать с отцом да младших братьев — пять
И четверо сестер — родная рать!

Глаза его влажнели на ветру.
«Нет, — он шептал. — Так просто не умру!»

И в боевых товарищах своих
Дух поднимал, читая древний стих

Про Куликовский бой, Бородино,
Про битвы, в сердце певшие давно.

И впереди немецкий наглый враг
Бойцам казался обращённым в прах.

Когда Лукин в разведку уходил,
На Сретенье пух снежный повалил.

Со Сретенья рукой подать — весна.
Весна — кругом. Была ли ты, война?

Восьмого мая в штабе артполка
Над похоронкой пели все века —

Красноармеец Николай Лукин
Стал в русском небе вечный русский сын.

* * *

Мне площадные зрелища чужды.
В течении лавинных демонстраций
И в митингах волнующихся наций
Присутствуют всегда свои вожди.

И даже там, где демократов сход
Копает яму власти бюрократов,
Мечтая жизнь устроить, словно в Штатах,
Незримо тень диктатора встает.

Пророк без чести в городе моем.
Пророк без чести. И одна отрада —
Сбежать в конец заброшенного сада
И с небом разговаривать...

* * *

— Среди всеобщей нищеты
скажи, о чем тоскуешь ты?
Что роковое, неземное
тебя встревожило, ответь?
Вот: справа — солнце, слева — звезды,
посередине — неба твердь.

— Среди всеобщей нищеты
ты прав, Господь, тоске не место.
Тоска — всегда сестра мечты,
та — идеалу ввек невеста.
Но, Господи, как распознать
пути земные, если всюду,
как брата кровного, Иуду
спешат узнать, простить, обнять?

ИМПЕРИЯ

Обречено. Обречено на слом —
И я, и ты, и вы, и сад, и дом.

Советский сад и русский дом при нем
Обречены на слом и на подъем.

Не будем колдовать и ворожить,
Не будем пыль забвенья ворошить.
А будем строить дом и сад сажать —
Чтоб с Богом жить. И в Боге умирать.

* * *

С. Г.

Ухабы да ямы, ухабы да ямы,
Да Солнце, кружащее Землю упрямо,

Да легкие души, да западный ветер,
Да вольность сиротства на всем белом свете.

Ну что ж! Принимайте леса и моря,
И горы, и степь, и закат, и заря,

Асфальт городов и луга деревень
Мою, словно ветер, внезапную тень.

Я был человеком. Товарищем был!
Да всё позабыл...

* * *

Михаилу

Да, слова — это воздух,
Колблемый ветром.
Да, спасаясь от жизни —
Души не спасти.
Только ты — человек.
И, колблемый веком,
Призван, чтобы
Навек в небеса прорасти.

МОСКВА САЛЮТОВАЛА ДВАЖДЫ...

В далеком теперь уже 1968 г., когда я начинал учиться на филологическом факультете Уральского госуниверстета, курс введения в литературоведение читал нам аспирант Н.Л., человек в ту пору сугубо советский, который сам был в восторге от «лейтенантской прозы», вспыхнувшей в отечественной словесности после XX съезда КПСС, и нас заразивший этой любовью на долгие годы. Так вот, всецело одобряя это новое литературное течение, он, вместе с тем, озвучил, как теперь говорят, и такую разделяемую многими читателями точку зрения: что же это — 20 лет прошло со времени победы в Великой Отечественной войне, а произведения крупного, художественно глубокого, как «Война и мир» Л. Толстого, до сих пор не создано. Куда смотрят писатели?..

Помнится, мы все тогда включились в бурную дискуссию, которая пришла к выводу, что 20 лет — слишком малый срок для всестороннего и объективного осмысления бывшего с нашей страной в 1941—45 гг., а кроме того, театр военных действий Великой Отечественной войны — несопоставим с таковым же Отечественной войны 1812 г. и, следовательно, ждать отражения всех фрагментов фронтовой деятельности Красной Армии в одном произведении не приходится.

Сегодня, по прошествии лет, с удовлетворением подтверждаю правильность нашего тогдашнего воззрения на проблему еще и потому, что задача писателя — в создании образа события, а не в воссоздании факта. С фактами должны работать историки, журналисты. Но и эта исследовательская братия спустя 66 лет после победных залпов далека еще от выяснения полной картины. А тем временем из жизни уходят непосредственные участники и очевидцы тех событий. Пройдет еще лет десять, и у пишущих о «сороковых-роковых» останутся в распоряжении лишь архивные документы и семейные реликвии...

Что ж, процесс, увы, естественный и необратимый и потому каждое сегодняшнее усилие на пути изучения прошлых побед и поражений заслуживает всяческой поддержки. Ведь только максимально приблизившись к истине, мы избавим себя от плена мифов, иллюзий, а то и осознанной лжи.

После окончания университета и положенной отработки в сельской школе мне довелось потрудиться на машиностроительном заводе. Таковы были реалии того времени, когда человеку с гуманитарным образованием на промышленном Урале просто не было применения и только заступничество хорошего человека помогло мне в трудоустройстве.

Среди моих коллег по отделу труда и заработной платы выделялся один. Даже в ряду других начальников бюро он был на особинку — высокий, с седой всклокоченной головой и вечно распахнутым воротом, похоже никогда не знавшим галстука. Фамилия его была Гвоздев. Он и в курилке был столь же раскован, что мог запросто выдать прибаутку с матерком, а то и анекдот про действующего генсека, что нам, молодым и не обремененным чинами, безусловно, импонировало. Вот он, этот Гвоздев Леонид Федорович, ветеран войны, играя как-то в обеденный перерыв на бильярде, и обмолвился, что-де в 1943 г. наши «пропили Житомир»...

Надо сказать, что в те годы я еще и не занялся всерьез литературным трудом, но голова моя уже работала в сторону пополнения копилки памяти нужной в будущем информацией, и это его известие, сказанное, впрочем, всуе, заставило меня вздрогнуть. Только меня и никого больше! Почему? Да потому..

Потому что детство мое прошло именно в этом городе. И то, что я со временем сделался уральцем, не выветрило памяти о городе детства, а лишь подернуло ее романтическим флером дальних краев.

Что Житомир в 1943 г. освобождали дважды — факт известный и о нем музейные экскурсоводы говорили нам не раз.

Другое дело, почему дважды? Этого вопроса, как правило, никто тогда не задавал, поскольку понимали: война есть война и всякое бывает.

Но вот фраза Гвоздева, брошенная в промежутке между двумя ударами кия... Заметьте, это середина 70-х, сугубый застой, когда никто еще не собирался пересматривать итоги 2-й мировой, а наоборот, повсюду к 30-летию Победы создавались величественные мемориалы, в том числе на Малой земле под Новороссийском. И вдруг: «пропили Житомир»...

Разумеется, я попросил подробности, и Леонид Федорович рассказал следующее. Когда в ноябре 1943 г. вскоре после освобождения Киева наши вошли в Житомир, немцы удержаться в городе не смогли, но, убегая, якобы намеренно «забыли» на станции пару цистерн со спиртом. Поскольку железнодорожная станция находилась на восточной околице (то есть со стороны Киева), то этот спирт и стал первым трофеем вошедших в город красноармейцев.

Гвоздев поведал, что сам видел, как солдаты выстрелами проделывали в боках этих железнодорожных емкостей отверстия и подставляли под образовавшиеся фонтанчики котелки. Многие прямо тут же и начинали пить...

«Один выпростал в себя полкотелка и сразу же почернел лицом. Сгорел от спирта... Так все освободители перепились, а ночью вернулись немцы и перекололи их штыками...»

М-да, подобное я слышал впервые. В официальной истории Великой Отечественной такого, разумеется, не прочтешь, и эта «запретность» информации словно бы повышала ее ценность, заставляя поверить в реальность рассказанного. Тем более, что проверить ее истинность было никак нельзя — если таковые сведения и содержались в архиве, то далеко не в открытом доступе. (Вспомнился рассказ другого коллеги, что в последние сталинские годы даже подшивку газеты «Правда» двух-трехлетней давности в публичной библиотеке выдавали по специальной справке о благонадежности.)

Рассказанное Гвоздевым вроде бы вполне логично объясняло причину необходимости повторного взятия города в самом конце 1943 г. А случай о коварном «подарке» немцев был вообще в порядке вражеских поступков: вот обманули они нас в июне 1941 г., и в 1943 г. мы снова пали жертвой германской хитрости — знают, шельмы, русскую слабость: как кир увидим, так все забываем...

Нужно сказать, что традиционно в нашем народе нетрезвость является не отягчающим, а... оправдывающим обстоятельством. (Разве не так? Вспомните, на чем взросла популярность артиста Ю. Никулина да и всей их троицы — на «Самогон-

щиках»! Это потом уже были «Операция Ы» и «Кавказская пленница», где обильное возлияние в кадре не понадобилось, поскольку образы героев были сформированы первым фильмом.) Так что за давностью лет в условиях развитого социализма, когда выросло поколение, не знавшее в действительности, что такое война, давний житомирский случай виделся уже как... курьез, а не халатная преступность, повлекшая за собой неудачу на фронте.

Прошло еще лет пятнадцать. С декабря 1991 г. Российская Федерация волею ее тогдашнего президента стала свободной и независимой от всего остального бывшего советского пространства и, следовательно, от той части истории Великой Отечественной, что осталась вне ее границ. Оборона Москвы, Ленинграда, Сталинграда — это да, наше, а то, что там, за кордоном — пусть сами изучают и пестуют. Ну и начали пестовать: в Эстонии и Латвии — эсэсовцев, на Украине — бандеровцев. Слово, как утверждает наука, в природе пусто не бывает...

Во Львове появился памятник Бандере. В Житомире перед православным собором восстановили крест на не забытой (!) за послевоенные годы могиле двух оуновцев, застреленных в 1941 г. комсомольцем-подпольщиком, а на ограде церкви на Подоле повесили мемориальную доску Олегу Ольжичу — молодому поэту и ученому, также члену ОУН, павшему за свободу от рук... нет, не зловещего НКВД, как может показаться на первый взгляд, а европейски просвещенного гестапо. Вот уже и бюсту героя гражданской войны А. Пархоменко, одному из освободителей города, «объявлено», что дни его в житомирском скверике сочтены — нужно место для памятника Ольжичу, земляку и борцу за освобождение Украины. От кого — от немцев? От них, ну и, разумеется, от москалей.

Вот как поворачивалась история Великой Отечественной войны, перекрашенная в годы незалежности в *Другу світову*.

В этой ситуации, казалось бы, случай с перепившимися в 1943 г. москалями — такой подарок для антироссийской пропаганды. Однако...

Однако одно дело история, внедряемая сверху, а другое — народное восприятие былого, которое само производит отбор достойного для памяти.

В начале 2000-х годов в житомирской газете «Місто» («Город») стали публиковаться материалы, посвященные предстоящему 60-летию освобождения города «від німецьких окупантів» и этот давний случай снова выплыл на поверхность. Статья журналиста Виктора Шпака так и назвалась: «Пропитый Житомир, или Забытый подвиг?»

Но прежде, чем я перейду к изложению ее сути, позволю себе напомнить официальную версию событий, предшествовавших этой истории.

В сентябре 1943 г. Красная Армия, осуществляя наступательные операции, четырьмя своими фронтами — Центральным, Воронежским, Степным и Юго-Западным, вышла к Днепру, который явился естественной преградой для наших войск и дальше которой Гитлер пускать их не собирался. К этому моменту была уже освобождена вся Левобережная Украина, и форсирование Днепра стало для нас важнейшей задачей не только в стратегическом плане, но и в сугубо политическом. Сталин не забывал, что стоит во главе многонациональной страны. Ему наверняка было известно, что не все население УССР сражалось на стороне советской власти и, памятуя о разных там исторических мазепах, дороженках и прочих политических вертихвостах, стремился как можно ярче проявить свою «монаршую» лояльность к республике и ее населению, оказавшемуся в оккупации.

В этом плане, конечно, весомым козырем было бы освобождение Киева, который, как известно, основной своей частью расположен именно на правом берегу Днепра, что значительно усложняло поставленную задачу.

Ведь с одной стороны, выйдя с боями на левый берег, не имело смысла останавливаться, ибо пауза позволила бы немцам превратить берег правый в неприступную линию обороны. А с другой стороны, известно: для того, чтобы наступательные действия имели успех, соотношение сил наступающей и обороняющейся сторон должно быть 3 : 1. Что же имел Воронежский фронт, которому Верховное командование доверило почетное право освобождения столицы Украины?

«Краткая история Великой Отечественной войны», изданная под эгидой Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (Воениздат, 1984 г.) подсказывает, что с военно-научной точки зрения затея по освобождению Киева была необоснованной, поскольку войска командующего фронтом генерала Н. Ватутина превосходили противника всего лишь: в людях — в 1,3 раза, в артиллерии — в 1,1 раза, в танках — в 1,6 раза, а в авиации и вовсе никакого превосходства не было... Но задача была поставлена, и вряд ли кто из военачальников отказался бы ее выполнить...

Как уже сказано выше, освобождение первой оккупированной столицы союзной республики было задачей государственного значения, и задача эта, нужно отдать должное руководству страны и армии, решалась комплексно. С 20 октября на штабных картах появились новые названия

фронтов: один Белорусский, два Прибалтийских и четыре Украинских, названия которых определяли стратегическое направление их деятельности. 1-м по важности на тот момент Украинским и был наречен фронт под командованием Ватутина.

Можно посчитать случайностью то, что в нем оказались чуть не сплошь командармы и комкоры с фамилиями на «ко»: Москаленко, Рыбалко, Жмаченко, Трофименко, Кравченко, Гречко, а также Черняховский, Красовский, Якубовский, но, зная тактику сталинской национальной политики, сделаю предположение, что это был намеренный ход. Типа, пусть хохлы своими руками родную землю освобождают. Увидят освобожденные земляков во главе войска и сами в Красную Армию запрягутся. (Кстати, так оно потом и вышло: на освобожденном Правобережье в РККА записалось много мужского населения — пережившим оккупацию и видевшим, как хозяйствовали просвещенные европейцы в их селах, было, за что мстить отступающему, но еще не ослабевшему врагу. Впрочем, если бы такого желания у них не возникло, они все равно попали бы под мобилизацию.)

Еще один немаловажный пропагандистский штрих этого времени — учреждение нового именованного ордена. Если в 1942 г., когда судьба СССР еще висела на волоске, были учреждены полководческие ордена в честь исключительно русских героев: Александра Невского, Суворова, Кутузова, то в октябре 1943 г., когда всюду шло освобождение Украины, в честь кого был учрежден новый орден? Разумеется, в честь украинца. Вариантов здесь не было — Богдан Хмельницкий. Он единственный из малорусских гетманов подписал с Россией хартию единства и позже не отрекся от этого. «Навеки с Москвой, навеки с русским народом» — Сталин помнил эти слова, когда учреждал новую награду. По статуе ей награждались генералы и старшие офицеры за боевые успехи в освобождении оккупированных территорий СССР.

Но это, что называется, «верховые» действия, а брать-то Киев придется солдатам, их уговаривать поменять жизнь на награды — дело не самое надежное. И тогда через систему армейских политорганов был спущен в войска и поднят на щит лозунг: «Освободим Киев к 26-й годовщине Великого Октября!» (То есть не вообще, а именно к 7 ноября.) Да тут еще и юбилей комсомола подоспел — 25-летие. Словом, как констатирует та же «Краткая история...», «...комсомольцы на собраниях и митингах давали клятву своему народу, Коммунистической партии ознаменовать этот юбилей освобождением Киева».

Попробовали бы они не дать... Да нет, я не о системе принуждения, бытовавшей тогда в Красной Армии, я о том, что парторбота в войсках была поставлена совершенно верно: наш солдат не пойдет отдавать жизнь за награду или зарплату, а вот за высокую идею, из которой потом ничего путного не скроишь, — пойдет и будет драться так, что «небу будет жарко» (М.Светлов). Как сказал А.Блок, «есть упоение в бою...» И еще, как написал один молодой человек — М.Кульчицкий, «не до ордена, была бы Родина...» (У него слово не разошлось с делом: погиб под Сталинградом в начале 1943 г.)

Словом, все это вместе — и первое, и второе — подняло дух бойцов и командиров 1-го Украинского, и они, захватив два плацдарма — южнее Киева и севернее — приготовились к наступлению.

Однако военная наука и партийные тезисы — вещи все же разные. Как утверждает «Краткая история...», не захотел ланцдафт южного Букринского плацдарма соответствовать партийным установкам. Пересеченная местность не позволила развернуть технику в нужном режиме, отчего успех наступления на этом участке оставался под вопросом. Любопытно, что в известных мемуарах маршала Г.К. Жукова, бывшего тогда представителем Ставки на этом фронте, причина отказа от главного удара с Букринского плацдарма указана другая — большое сосредоточение сил врага, что не сулило нашим стопроцентной удачи. Еще более любопытно, что то же самое повторяет в своих воспоминаниях и маршал А. Василевский, — чуть ли не слово в слово! Согласитесь, это не может не вызвать удивления. Но когда узнаешь, что Василевский был представителем Ставки на других Украинских фронтах и непосредственного отношения к Киевской операции не имел, понимаешь, что, скорее всего, слова коллеги им априори приняты на веру. Впрочем, зная о недожинной работе партийно-редакторского сословия над столь высокопоставленными (читай: идеологически значимыми) мемуарами, можно допустить, что похожие абзацы в воспоминаниях разных людей просто вписаны ими, как общепринятая и утвержденная в верхах точка зрения по означенному вопросу.

Так что же вышло в действительности на вышеупомянутом плацдарме? Не суть. Оставим выяснение этого дела историкам. Главное — в другом. В том, что было принято решение о переносе места главного удара с южного плацдарма на северный (обязательства-то взяты — не выполнить нельзя, полетят чины, а то и головы). Кем принято? «Краткая история...» утверждает, что Верховным Главнокомандующим. Сразу возникает вопрос: а штаб фронта на что? Ведь именно

в составе штаба фронта имеется оперативное управление, которое занимается разработкой операций. Другое дело, что последнее «добро» дает Главковерх, но в то, что он сам вникает в детали рельефа местности, верится с трудом. Г.К. Жуков здесь более точен: «Новый план освобождения Киева и развития наступления на Коростень — Житомир — Фастов был представлен (значит, разработан на месте. — В.С.) на утверждение Верховному. После рассмотрения в Генштабе и увязки с Центральным фронтом план был утвержден».

Директива Ставки по этому вопросу от 24 октября предписывала командованию 1-го Украинского срочно передислоцировать главную ударную группировку с южного Букринского плацдарма на северный Лютежский и ударить по врагу отсюда.

Далее последовал абсолютно беспрецедентный скрытый маневр танковых сил с правобережного плацдарма на берег левый («Ой, Днипро, Днипро, ты широк, могуч...» или еще: «Редкая птица долетит до середины Днепра...»), затем марш в 200 км на север, форсирование не к месту впадающей здесь в Днепр Десны и затем преодоление самого Днепра снова с левого берега на правый...

Вместо живых танков на Букринском плацдарме появились деревянные макеты, и оставшиеся силы по ночам имитировали большое передвижение техники, готовящейся к наступлению. И немцы в это поверили! Они прохлопали и тройную переправу, и марш целой армии танков, которые, как известно, тихо ходить не умеют. Видно, действительно вермахт к этому времени сноровкой не блистал и во многом действовал по-тевтонски грубо и прямолинейно.

Наверняка и реальное соотношение сил на киевском участке им было неизвестно, иначе вряд ли бы нашим удалось отпраздновать 7 ноября среди руин Крещатика. А так — удалось!

Немцы купились на провокацию Букринского плацдарма, где целых две армии — генералов Жмаченко и Трофименко — разыгрывали перед ними иллюзию главного удара. Противник уже стал подтягивать резервы, чтобы сбросить наших в Днепр. И тут на фронте Лютежского плацдарма включились в действие по освобождению Киева другие две армии — генералов Москаленко и Черняховского, усиленные танками.

Немцы поняли «штабную шутку» русских, но время уже было упущено. Войскам армейской группы «Юг» оставалось играть по нотам, написанным композиторами 1-го Украинского. А когда еще сквозь ночь на них двинулись под вой сирен и свет прожекторов танки генерала Рыбалко — дрогнули и побежали.

Киев был окружен 5 ноября, а ровно через сутки — утром 6-го — сопротивление врага было подавлено. Юбилей ВЛКСМ 29 октября комсомольцы встретили на ратной вахте, и в следствие этого на алтарь главного государственного праздника СССР был принесен подарок — освобожденный Киев, «матерь городов русских»...

Все исторические труды об освобождении Киева неизменно сообщают, что за время оккупации фашисты уничтожили порядка 200 тыс. его жителей, включая военнопленных. Но нигде не приводятся потери наших войск в этой Киевской стратегической операции. Сколько из 663 тыс. бойцов и командиров 1-го Украинского фронта заплатило жизнью за эту победу, которую теперь, если верить публицистам, изучают в зарубежных академиях как образец военного искусства?

Наконец, в воспоминаниях Эриха Манштейна «Утерянные победы» (М. 1999), командовавшего противостоявшей нашим группой армий «Юг», в Комментариях со ссылкой на отечественный статистический справочник «Гриф секретности снят», я нашел эту цифру: 30 569 чел., в том числе — 6491 чел. безвозвратных потерь. Итого пал чуть не каждый сотый... (Много это или мало? Не знаю. Как не знаю, можно ли верить этим до недавнего времени засекреченным сведениям, если даже в ходе переписи населения РФ 2010 г., которая проходила в сугубо мирных условиях, поступали жалобы от переписчиков, что их-де заставляют приписывать несуществующие живые души, чтобы показать существенный рост населения...)

Нет, я не к тому, что война должна быть бескровной — это ненаучная фантастика. Но, победив числом, почти в три раза уступавшим общепринятым нормативам, 1-й Украинский фронт наверняка нуждался если не в передышке, то в серьезном пополнении свежими воинскими частями и техникой.

В первые после освобождения города дни это сделано не было. Просто последовал приказ продолжать наступление с целью расширения стратегического плацдарма на правобережье Днепра, чтобы подготовить место для развертывания крупного наступления. То есть именно оно, а не что-то другое было главной темой завтрашнего дня, и отсюда атакующие действия войск были вроде бы логичны.

Однако сколько ни хоти, а наступать беспрерывно нельзя. Если найти адекватный художественный образ, то тут подойдет сравнение с играющей хоккейной командой. Вышли на лед, выложились в 60 с. по полной и на скамейку запасных — отдыхать минуты 2—3, менять клюшки, утирать пот со лба, выслушивать установку тренера, в то время как на льду в это время хлещется за победу другая тройка...

Понятно, война — не спорт. Тут ставка не на очки и место в турнирной таблице, а на спасение Родины. И потому, наверное, все академические нормативы летят к черту. Надо, и все тут...

Так вот, собственно житомирская история и начинается с этого.

Как уже было сказано выше, Киевская стратегическая операция включала в себя не только взятие города, но развитие наступления на Коростень — Житомир — Фастов. Кто знает географию Украины, тому понятно, что эти населенные пункты находятся не последовательно друг за другом, а в трех различных сторонах света, а именно: Коростень на северо-запад от Киева, Житомир — на запад, и Фастов — на юго-запад. То есть речь шла о таком тотальном веерном наступлении. Трудно поверить, что штаб фронта не обладал разведанными и не сообщил командирам наступающих частей о том, что их может ждать впереди. Но все говорит именно об этом... (Еще в октябре 1943 г. Гитлер в своем приказе объявил: «Я перебросил дивизии с юга и запада на восток, чтобы разбить силы противника, прорвавшегося через Днепр... Это наступление приведет к решающему изменению обстановки...» (Шаги Великой Победы. Воениздат, 1978 г.)

Если с освобождением Фастова — наиболее близкого к Киеву железнодорожного узла все обошлось хорошо, наступлением на Коростень занялись войска, расположенные севернее Лютежского плацдарма, то на захват Житомира были направлены... конники.

Вообще роль кавалерии во Второй мировой войне — особая тема. Образно несоответствие этого исторического рода войск техническому оснащению армий середины века показано в польском классическом фильме 60-х гг. «Летна», где изображен весь трагизм и бесперспективность атаки польских улан на немецкие танки. (В советском прокате фильма этого не было.) Действительно, против танков, артиллерии, пулеметов и даже автоматов идти кавалерии — бессмысленно. Однако кавалерия имела в составе как вермахта, так и Красной Армии. Причем, где-то в начале 1941 г. у нас произошло сокращение количества сабель, а уже в ходе войны — резкое их увеличение. Видимо, конники смогли доказать свою нужность и полезность даже в век брони и автоматического оружия. Учитывая, что моторизованность стрелковых частей РККА и в 1943 г. была еще невысокой, роль кавалерии как мобильного, менее прихотливого, чем техника, и потому в определенных ситуациях более выигрышного рода войск — была значительна.

И вот задача овладения Житомиром была поставлена перед 1-м гвардейским кавалерийским корпусом генерала В. Баранова в составе трех кавалерийских дивизий, отдельного танкового полка и самоходного артиллерийского полка.

Разумеется, наступление было фронтальным, в нем участвовали и другие воинские соединения, входившие в 38-ю армию.

Битва за Киев длилась 6 дней. Еще столько же понадобилось нашим войскам, чтобы пройти порядка 150 километров, отделявших освобожденную столицу от Житомира. Это говорит о том, что «прогулка» в западном направлении была для нас нелегкой.

По приведенным в газете «Місто» воспоминаниям профессора В. Войтенко (в те дни — десятилетнего житомирянина), горожане встречали освободителей 12 ноября. «...Были они совсем не такими героическими, как рисовало мое воображение. Усталые и бледные, они были одеты в серые телогрейки с мятыми погонами, обуты в разбитые кирзовые сапоги, кашляли, сморкались и через слово матерились... Они были измучены так же, как и мы — те, кто их встречал...» Но и в таком состоянии красноармейцы оставались вполне боеспособными. «...Въехав в наш двор, они быстро развернули «катюшу» и через весь город стали бить по западным его окраинам, где еще оставались немцы».

На следующий день факт освобождения Житомира был подтвержден в приказе Верховного Главнокомандующего, объявившего благодарность всем его участникам, а над Москвой в честь освобождения очередного советского города прогремел 20-кратный салют из 224 артиллерийских орудий.

Итак, успех — взят стратегически важный город. Мы приближаемся к тому моменту, когда по логике сюжета и должны возникнуть эти две цистерны со спиртом...

Вспоминает местный краевед В. Липинский, который опрашивал горожан — свидетелей освобождения Житомира в ноябре 1943 г.: «В складах на станции и в эшелонах осталось много продуктов и различной военной техники. Склады почти не охраняли, и многие житомиряне могли разнообразить трофейными продуктами свой оккупационный рацион. Двое моих двоюродных братьев-подростков утащили даже три ящика с немецкими армейскими велосипедами...»

Сразу всплыла в памяти деталь из романа «Берег» Ю. Бондарева, который сам был в числе освободителей города, и интересующий нас топоним фигурирует на страницах его книги аж семь (!) раз: у героя романа капитана Никитина был бритвенный прибор, который вместе с набором детских консервов был взят «в качестве трофеев в одном из товарных эшелонов под Житомиром».

Так, уже близко. А как с цистернами?

В. Войтенко: «Армия пила немецкие запасы — кто коньяк из красивых заграничных бутылок, кто спирт из фляжек».

Ну, это положенные по довольствию сто грамм. А что же известно про цистерны и повальное пьянство?

Никто об этом не говорит. Неужели вымысел?.. Но какой резон был лгать ветерану войны Гвоздеву, тем более что информацию о «пропитом Житомире» он выдал мне по собственной инициативе. Как узнать, что же там вышло на самом деле?

Снова из «Берега». Сержант Меженин: «...Послушаем, а потом я про Житомир кое-что веселое расскажу, хоть лейтенант чуть под суд меня не отдал!» И дальше. Никитин: «Меженин безнаказанно мстил мне за прошлое, за Житомир...»

Очевидно, здесь что-то скрыто. Не иначе только сам автор может расшифровать этот смысловой ребус, закрученный им в 70-е годы.

Я отыскал телефон «номера первого» в обойме той «лейтенантской прозы писателя Юрия Васильевича Бондарева, автора знаменитых книг «Горячий снег», «Батальоны просят огня», «Последние залпы», «Тишина». Звоню в Москву, договариваюсь о встрече. Но в назначенный день по не зависящим от меня причинам увидеться не удалось. Ограничились телефонной беседой.

Действительно, командир противотанкового орудия лейтенант Бондарев в составе 143-го артполка 98-й стрелковой дивизии 38-й армии был освободителем Житомира в те ноябрьские дни... Поначалу я выслушал от него сердитую тираду о тех, кто хочет исказить нашу Победу и потому использует всякие небылицы и провокационные сведения, чтобы принизить подвиг наших солдат. Что ж, позиция поколения воевавших, которому сегодня приходится вторично, теперь уже на словах, отстаивать ценность сделанного 66 лет назад, мне понятна. И все же я был настойчив в своем интересе и сумел убедить Юрия Васильевича, что представляю не бульварное издание, а более серьезный орган и моя цель всего лишь докопаться до правды, какой бы она ни была.

Бондарев рассказал, что в Житомире артиллерийская противотанковая часть, в которой он служил, была недолго — их сразу же бросили на Белую Церковь, и они заняли оборону в лесу, поскольку нашествие танков ожидалось именно с этого направления.

— Но вы все-таки входили в город и, наверное, знаете, откуда возникла эта легенда о двух цистернах?..

— Да нет, ну то, что солдаты угостились после взятия города, в этом не было ничего особенного. В конце концов, каж-

дому выдавалось сто грамм фронтовых не для того, чтобы ими мыли сапоги... Но если честно — были эти две цистерны, но никакого повального пьянства во фронтовых условиях никто бы не допустил, и его не было...

В.Липинский: «Да какая могла быть пьянка в обстановке, когда немцы окопались за Каменкой, удерживали Заречаны (пригороды Житомира. — В.С.)?»

Итак, появились первые две зацепки — цистерны все-таки были, хотя пьянства не было. Откуда же пошел слух?..

Посмотрим, как развивались события дальше.

В результате взятия города 12 ноября стратегический плацдарм для предстоящего наступления 1-го Украинского фронта, составлявший по фронту 500 км, выдвинулся вперед на 150 км, то есть еще дальше Житомира. Передовые окопы стрелков кавалерийского корпуса находились километрах в шести на юг от городской черты.

Тем временем немцы не теряли времени даром. Предвидя штурм Киева и расширение захваченных плацдармов на правом берегу, они еще до начала битвы за столицу Украины согласно вышеупомянутому приказу Гитлера стали перебрасывать на Правобережье свежие силы из Европы — две танковые и одну пехотную дивизию из Франции, две танковые дивизии и авиадесантную бригаду из Италии. К моменту сражения эти силы не успели, зато пригодились в дальнейшем. Также с Букринского плацдарма для ликвидации наших прорывов к Фастову и Житомиру были переброшены две танковые и одна пехотная дивизии. И Фастов, и Житомир были важными железнодорожными станциями, вероятно, поэтому прежде, чем идти на Киев, как пишет в своих мемуарах немецкий генерал В.Ф. фон Меллентин, «генерал-полковник Раус решил сначала вернуть Житомир и уничтожить в этом районе русские войска».

Контрнаступление началось уже в ночь на 13 ноября, когда противник попытался перерезать шоссе Киев—Житомир. Узнав об этом, командующий 1-м Украинским фронтом Н.Ватутин приказал приостановить наступление с целью дальнейшего расширения плацдарма и перейти к обороне.

Как уже говорилось выше, наши войска были вымотаны предыдущими боями, и когда 15 ноября немецкие танки и пехота двинулись на позиции, которые южнее города защищали бойцы 1-го конного корпуса, то врагу не составило большого труда прорвать оборону. Ссылаясь на воспоминания маршала Г.К. Жукова, газета «Місто» пишет, что удар по Житомиру осуществляло 15 дивизий, в том числе 7 танковых и одна моторизованная. А в тот день по Бердичевскому шоссе на город устремилось до 50 танков и два полка мотопехоты...

Пожалуй, немцам уже ничто не препятствовало ворваться в Житомир тогда же, 15 ноября. Но вышло так, что у самого спуска к реке Тетерев, за которой и начинался город, их встретила одна-единственная противотанковая пушка, которая смешала все их планы.

Этим 45-мм орудием командовал сержант П.Хмелев. Не ожидая увидеть противника, его боевой расчет, тем не менее, хладнокровно уничтожил 4 танка, одну бронемашину и два автомобиля, после чего немцы прекратили продвижение вперед, избрав обходные маневры. В тот день бои завязались и на юго-восточных подступах к городу.

16 ноября немцам удалось форсировать Тетерев и выйти-таки к транспортной артерии, которая связывала житомирскую группировку с основными силами 1-го Украинского фронта — шоссе Житомир—Киев, и перекрыть ее.

17 ноября начались бои на восточной и южной окраинах города.

18 ноября немцы стали подбираться к городу с севера. В тот же день к вечеру их танки и пехота захватили железнодорожную станцию (там, где были эти самые цистерны), и уже через час замкнули кольцо вокруг Житомира.

В окружении остались бойцы 2-й и 7-й кавалерийских и еще трех стрелковых дивизий. Уже в ночь на 19-е, по воспоминаниям участника этой обороны С.Андрющенко, его «218-я стрелковая дивизия, окруженная в Житомире, по приказу командующего 1-м Украинским фронтом генерала Н.Ф. Ватутина прорвала совместно с частями 1-го кавалерийского корпуса вражеское кольцо и вышла в район села Каменный Брод».

Как видим, график «занятости» у освободителей и затем защитников Житомира в течение этих пяти дней ноября 1943 г. был достаточно насыщенным, досуга для гульбы немцы им просто не оставили...

Так что же породило легенду о «пропитом Житомире»? Ведь даже остававшиеся в городе жители факт повальной гульбы не подтверждают.

В.Липинский: «...Вдоволь угостились шоколадом. Однако никто из рассказчиков ни разу не вспомнил про спиртное... Ни слова про попойку среди освободителей я тогда не услышал».

Житомирянин С.Бойко, воевавший в составе конного корпуса и бывший в ноябре 1943 г. среди освободителей города, заявил корреспонденту газеты: «Могу честно засвидетельствовать, что за все дни жарких боев мне не довелось видеть ни одного пьяного — ни среди рядовых бойцов, ни среди командиров».

Нет таких фактов и в воспоминаниях немецких генералов, что-де они с легкостью овладели «пьяным городом». Зато цитированный выше В.Ф. фон Меллентин, чьи войска повторно вошли в Житомир 19 ноября 1943 г., отмечает: «Знание русского характера может послужить ключом к пониманию боевых качеств русского солдата и методов его борьбы на поле боя. Трудно себе представить границы его терпения и выносливости, он необычайно смел и отважен...»

Выходит, «утка»? Слух, не подтвержденный фактами? Из какого же гнезда вылетела эта, как назвали ее в украинской газете, *крячка у спирті*?

А думается, из уст тех же солдат — взявших город, не успевших отдохнуть и практически сразу перешедших из наступавших в обороняющихся, а потом не устоявших и вынужденных спешно покинуть его через прорыв. Должно быть, обидно стало бойцам, что столько сил положили они на взятие этого «еврейского» города и все впустую...

Байка как бы в оправдание самих себя и в объяснение другим, почему так случилось: «Да пропили мы этот Житомир...» Этаким невзыскательный солдатский юмор. А дальше, согласно законам типизации, частный случай (который, вероятно, и наблюдал Гвоздев) по мере дальнейших рассказов множился и превращался в легенду, заслонившую собой истину. (Как говорил тот же министр пропаганды III рейха Й. Геббельс, чем нелепее ложь, тем больше в нее верят. А уж он-то знал толк в фальсификациях.)

Да нет же, намеренной лжи тут наверняка не было. Мифологизация возникает естественным образом. Вот как описывает механизм этого процесса в Комментариях к своему роману «Прокляты и убиты» еще один яркий представитель русской военной прозы XX века Виктор Астафьев, также бывший в числе тогдашних освободителей Житомира в составе гаубичной бригады:

«Собрались однажды в моем доме шесть вояк из родного взвода управления артдивизиона... Воевали, горевали, спали, работали вместе, а вот начнем вспоминать про то или иное — и пошла разножопица, и начался ор: “Да че ты мне говоришь? Я ж это помню во как! Меня ж там!..” Иначе и быть не может. Один связист спал после дежурства, другой землю копал, третий по линии носился, четвертый раненого перевязывал, пятый еду промышлял, шестой команды нервничающего начальника штаба передавал на батареи, седьмой... Да Бог с ними, с седьмыми, десятými. На фронте постоянно напряжение, солдаты постоянно заняты делами в любой час, в любые минуты. И вот где тот или иной боец, работник войны, находился, какую работу делал, то он и помнит, то и отстаивает в воспоминаниях своих...

Жора Шаповалов... мой постоянный напарник по телефону, был не очень поворотлив, и когда мы драпали из Житомира, замешкался, и пришлось ему катить на плоской нераздвигающейся станине гаубицы, с которой его все время норовило сбросить, ибо «Студебеккер», к которому была прицеплена гаубица, мчался, не разбирая дороги... Так вот, у Жоры Шаповалова, вцепившегося намертво в станину, разбившего о нее колени до костей, отбившего все печенки и селезенки, **воспоминания** о той дороге из Житомира на Брусилов **отличаются от моих**, вместе с товарищами сидевшим... в кузове «Студебеккера» (выделено мной. — В.С.).

Им, простым рабочим войны, вынужденным 19 ноября 1943 г. уступить врагу завоеванное, не было известно, что против них действовали силы, куда более мощные, чем три кавалерийские дивизии и сорокопятка сержанта Хмелева. Как вспоминают те же житомирские обыватели, «немцы, что вошли в город снова, очень напоминали тех, что впервые появились в Житомире в 1941 г. — молодые, хорошо обмундированные и обученные, самоуверенные. Они еще не воевали на Восточном фронте, о своих предшественниках говорили, что те разучились воевать и что они-то сами уж покажут русским кузькину мать».

Оставлявшие Житомир кавалеристы и стрелки, почувствовавшие себя проигравшей в этом «матче» командой, не знали, что их пятидневное сопротивление, на деле сковавшее силы врага, помогло 1-му Украинскому тоже подтянуть резервы, и закончившаяся их неудачным наступлением Киевская стратегическая операция в течение месяца сменится очередной Житомирско-Бердичевской наступательной операцией, в результате которой в самый первый день нового 1944 года Москва снова просалютует освободителям Житомира 20 артиллерийскими залпами из 224 орудий.

P.S.

В послевоенном Житомире всегда относились с уважением к памяти павших за освобождение города. До 1965 г., когда впервые День Победы стал нерабочим, 9 мая в 6 часов вечера на площади Ленина проходил общегородской митинг, после чего учащаяся молодежь устраивала факельное шествие на городское кладбище, где были захоронены погибшие и умершие от ран. Я помню эти одинаковые цементные надгробия с вмурованными в них мраморными плитами, на которых значились фамилии или выбитая строка: «Неизвестный солдат. Пал за освобождение Родины».

Потом были созданы площадь Победы с танком Т-34 на постаменте, аллея Героев и обелиск с вечным огнем в Комсомольском сквере, разбитом на месте разрушенного в боях Старого города.

В 1970—1975 гг., когда военно-патриотическая работа в стране достигла наибольшего подъема, в городе появились мемориальные доски и улицы, названные именами военачальников — освободителей Житомира: Ватутина, Черняховского, Гречко, Баранова и др. А на въезде в Житомир со стороны Бердичевского шоссе, там, где встретил танковую лавину орудийный расчет сержанта Хмелева, — застыла на постаменте в вечном дозоре военных времен пушка-«сорокопятка».

С тех пор прошло ого-го сколько лет. Между Киевом и Москвой пролегла государственная граница, по обе стороны которой — все разное: и язык, и деньги, и армия...

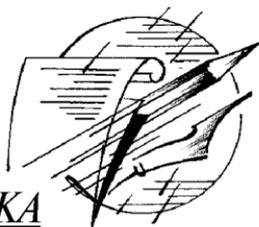
К чести *незалежной* Украины нужно сказать, что памятники, посвященные давним ратным победам, и ныне на том же месте, и я не стал бы заострять внимание на этой теме, если бы не одно обстоятельство: они ветшают и нуждаются в уходе. Как сообщает та же газета «Місто», гранитная плита с памятника расчету Хмелева с описанием его подвига в буйные 90-е кем-то сброшена наземь и расколота. Так и лежит у подножия постамента вот уже 15 лет. А рядом, буквально в нескольких сотнях метров, на деревенском кладбище, где захоронены сраженные нашими артиллеристами гитлеровцы, высятся добротные каменные кресты, установленные на средства нынешней Германии...

Сегодня Россия во всем усиленно копирует Запад. Но почему же не в этом — бережном отношении к памяти тех, кто когда-то сложил за Родину свои головы? Недавно по ТВ показывали отреставрированный памятник нашим воинам в Китае. Наверняка и в берлинском Трептов-парке дела обстоят не хуже. Но здесь, в ближнем зарубежье, разве забота о воинских памятниках и захоронениях не наша забота? Или то, что произошло в Таллине с Бронзовым солдатом, не повод для составления реестра таких памятников с целью организованного ухода за ними? А ведь такие памятники — это наша идеологическая колонна в бывших советских республиках, с которыми мы никак не можем найти общепонятного языка, в то время как общее у нас — не газовая труба, а былая борьба «за нашу и вашу свободу».

ВИРТУАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО

Еще совсем недавно термин «виртуальный» встречался в основном в научной, преимущественно физико-математической литературе. Он означал возможность, которая при определенных условиях превращается в действительность (виртуальное перемещение, виртуальная температура и т.п.). В 80-х годах прошлого века это слово начали активно использовать программисты, специалисты в области информационных технологий для обозначения мнимости и искусственности среды, созданной программным путем. Оно получило широкое распространение и стало использоваться по поводу и без него. Вскоре уже заговорили о виртуализации общественной жизни, поскольку во многих важных сферах общества сейчас происходит замена реальных вещей их искусственными образцами.

Виртуальное бытие есть бытие модельное, бытие в возможности, а не в действительности. Возник и получил широкое распространение оксюморон «виртуальная реальность», который онтологизирует замещение жизненного мира человека разными экзотическими моделями. В какой-то мере все это явилось ответом на извечное стремление человека выйти за границы собственных возможностей. Не найдя удовлетворения в настоящем,

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

он создает вымышленные миры. Но в условиях современной российской жизни, какой она сформировалась после 1991 года, данные процессы приобретают злокачественный характер. В периоды кризисов и смут люди проявляют тягу к возможному, а не действительному. Чтобы уйти от неудач, проблем и разочарований, они погружаются в мир фантазий и грез. И сегодня у нас какое явление ни возьми, к нему будет уместно присовокупить прилагательное «виртуальное». А произошла, в сущности, «обыкновенная история». Ведь давно известно, все новые утопические программы, обещающие народу счастье и процветание, начинаются с провозглашения «конца утопии».

«Придумал все эти «измы» фантазер Маркс. Мы теперь живем нормально», — заявил в интервью 14 марта 1998 г. премьер В.Черномырдин. Черномырдина вскоре отправили в отставку. А «фантазер» Маркс, по данным ЮНЕСКО, был признан самым выдающимся мыслителем за все прошедшее тысячелетие. Так что для уяснения сущности рассматриваемого феномена, чтобы понять, откуда «растут ноги», имеет смысл обратиться к его учению о базисе и надстройке. Согласно Марксу совокупность производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается политическая и идеологическая надстройка. Связь между базисом и надстройкой носит диалектический характер. Возникнув на определенном базисе, надстройка оказывает на него активное обратное воздействие. Но определяющая роль в конечном итоге все-таки принадлежит базису. С него мы и начнем.

Виртуализация экономики

В 1991 году в экономическом базисе страны произошли радикальные изменения. Поезд российской экономики развернулся на 180 градусов и на всех парах устремился из «развитого социализма» в «дикий капитализм». Первоначально речь шла о разных формах собственности. Все сходились в том, что собственность может быть и частной, но она обязательно должна быть честной. Однако в ходе грабительской приватизации государственная собственность была расхищена и растащена небольшой группой лиц, именуемых теперь олигархами. Они контролируют около 75% валового внутреннего продукта, 200—300 семей владеют 60% общенациональной собственности, свыше 70% российского капитала принадлежит представителям нерусских национальностей. По темпам разрушения социального государства и эк-

спроприации национального достояния Россия стала абсолютным чемпионом мира. В ряде случаев владельцами стратегически важных отраслей промышленности стали иностранные компании и люди с двойным гражданством. Последние не преминули похвастаться по израильскому телевидению тем, что им удалось прибрать к рукам половину российской экономики.

Но основные события были впереди. «Наша главная задача, — говорил Е. Гайдар — продажа земли». И надо сказать, что в этом деле либерал-реформаторы весьма преуспели. На «круглом столе» в Госдуме сообщалось, что в руках новоявленных помещиков уже сотни тысяч сельскохозяйственных земель. Как сообщалось в прессе, жена бывшего мэра Москвы Лужкова имеет в Белгородской области 100 тысяч га земли вместе с деревнями. Не отстает от нее кинорежиссер Н. Михалков, обзаведшийся поместьями в Нижегородской губернии. А ведь в священном писании сказано: «Земля — творение Божье, торговать землей — тягчайший грех». Но нашим олигархам все нипочем.

Такого грабежа и разбоя русская земля не знала за всю свою более чем тысячелетнюю историю. Пышным цветом расцвел теневой капитал. Если до приватизации он контролировал 4% валового внутреннего продукта, теперь уже 40% (для сравнения в развитых странах Запада эта цифра достигает 5—7%). В результате экономика стала разваливаться на глазах. Впечатления таковы, что наши реформаторы с большой дороги обучались по книжкам Салтыкова-Щедрина. Как известно, главный герой города Глупова говорил: «Наша задача, чтобы все без остатка в три дня разрушить и сто лет ничего не воздвигать». За все перестроечные годы в стране не построено ни одного сколько-нибудь крупного промышленного объекта. Оборудование на действующих заводах и фабриках изношено на 70%.

Особенно большой урон понесли те отрасли, которые определили авторитет и место России в мире: ВПК, авиационная промышленность и др. Все так называемые рыночные реформы на поверку оказались дутыми. «Дайте нам класс собственников, и вы не узнаете России», — гремели ораторы на демократических митингах начала 90-х годов. Дело представлялось так, словно речь шла о создании дворовой волейбольной команды. Что же получилось в итоге? После приватизации экономика России начала тратить на единицу продукции в 1,5 раза больше энергии, чем в 1990 году. Даже добыча самого ликвидного товара — золота стала во времена ельцинщины убыточной. Ясно, что России нужны не «эф-

фективные собственники», а «эффективные производители». Между тем крупные заводы, предназначенные для производства сложнейшей техники, под предлогом конверсии переориентировали на производство чайников, лопат и граблей. Многие предприятия вообще прекратили работу. В 1993 году встал Сталинградский тракторный завод, который работал даже тогда, когда в войну шли бои в городе. В 1930 г. короткая новость из СССР облетела весь мир: «Последний безработный в Советском Союзе покинул биржу труда». Теперь безработица, как неотъемлемый атрибут капиталистических порядков, снова вернулась в Россию. Во многих учреждениях начались задержки с выплатой зарплат, а кое-где ее стали выдавать натурой. Долги по невыплаченным зарплатам и пенсиям в два с лишним раза превышали товарные запасы. Специалисты считают, что нынешняя экономика России — это не только долговая экономика, но и экономика хронического дефицита, закамуфлированного высоким уровнем цен и искусственным сжатием платежеспособного спроса.

В сложившейся ситуации высококвалифицированные рабочие и инженеры разбрелись кто куда. Многие подались в «челноки» и завалили наши рынки дешевым ширпотребом из Турции и Китая. Парадоксально, но факт: в стране практически ничего не производилось, но все что-то продавали и перепродавали. Это воскрешало в памяти известные пушкинские строки:

*Всяк суетится, лжет за двух,
И всюду меркантильный дух.*

Вдруг, как грибы после дождя, начали появляться разного рода пирамиды: «МММ», «Хопер», «Чара», «Властилина» и другие. Проценты обещали просто сумасшедшие: 200%, 300%, даже 800% прибыли на каждый вложенный рубль. Словом, поле чудес в стране дураков было вспахано, и доверчивые россияне в надежде разбогатеть отдали свои последние деньги за билеты-фантики. В 1994 году все эти фирмы стали лопаться, как мыльные пузыри, облапошив 20 млн. человек на сумму 150 млрд. долларов. Но вот что характерно, в том же 1994 году правительство Черномырдина заложило пирамиду государственных краткосрочных обязательств (ГКО). Короче, Россия активно включилась в процесс виртуализации экономики, который давно уже идет в капиталистических странах. На рынке ценных бумаг люди приобретают не реальные предприятия, а лишь их акции. По некоторым данным, к настоящему времени около 90% всех финансовых

средств мировой экономики вращается в сфере ценных бумаг и лишь 10% поддерживает реальный производственный сектор. Например, все добро компании «Хай-Тек» умещается в трех шкафах, набитых бумажными деривативами и спекулятивными фьючерсами.

Международные финансовые спекулянты, играя с символами, весьма условно выражающими действительную стоимость предприятий, делают деньги буквально «из воздуха». Так, на рынке ГКО играли дочери Ельцина, его министры, российские олигархи, а также некоторые крупнейшие западные банки и компании. Создание гигантских финансовых пирамид неизбежно ведет к сильнейшим экономическим кризисам, что и произошло в Российской Федерации. 17 августа 1998 года был объявлен дефолт и банкротом уже оказался не какой-то «МММ», а все российское государство в целом. Ельцинский режим пришел к власти при активной поддержке российских преступных кланов. Крупномасштабные хищения, в которых участвовали не только отпетые уголовники, но и высшие должностные лица страны, положили начало организованной преступности в России. Если в советское время преступные группировки контролировали традиционные для них области (проституцию, игорное дело, контрабанду), то теперь они взяли под свой контроль отрасли, ранее составлявшие абсолютную монополию государства (нефтяную, газовую, алмазо- и золотодобывающую промышленность, кредитно-финансовую систему).

Затевая свои реформы, либерал-реформаторы задались целью привести внутренние цены к мировым, и надо сказать, что на этом поприще они весьма преуспели. Цены в России действительно приблизились к мировым, а по некоторым видам товаров даже превзошли их. И только стоимость одного товара — рабочей силы (особенно высококвалифицированной) резко упала по сравнению с мировой. В результате перестроек и реформ произошла деиндустриализация страны, экономику которой «опустили» на уровень «банановых» республик. Россия из мировой индустриальной державы превратилась в сырьевой придаток развитых стран. Промышленности нет, сельского хозяйства нет, продовольственная независимость потеряна. Американская валюта стала внутренней российской валютой. Это означает распространение американского экономического суверенитета на российскую территорию. А экономическая зависимость влечет за собой политическую. Дошло до того, что провинциальный суд в Техасе претендует на решение вопроса о принадлежности тюменской нефти. Ведь Запад больше всего интересуется нефть и газ.

Сейчас мы живем тем, что распродаем не восполняемые природные ресурсы, обкрадывая будущее поколение. Конечно, используя благоприятную экономическую конъюнктуру и высокие цены на нефть, можно было бы диверсифицировать экономику и соскочить с нефтяной иглы. Однако реально ничего до сих пор не сделано. Десять лет твердили о модернизации, а когда начались лесные пожары — вышли на них со старозаветными дедовскими лопатами. Теперь идут разговоры о необходимости развивать высокотехнологические производства и нанотехнологии. Для этого в Российской Академии наук открыли новое отделение с одноименным названием. Как курьез средства массовой информации сообщали, что его первым членом-корреспондентом избран М. Карпов, прокатчик по специальности, всю жизнь имевший дело с прокатными станками. Правительство планировало к 2010 году довести среднюю зарплату в науке аж до 30 тысяч рублей. Но кого из ученых может соблазнить такое вознаграждение, когда в банке самый последний клерк, освоивший четыре действия арифметики, получает не менее 50 тысяч. За неимением условий для работы в России многие научные работники уехали за рубеж. Началось интеллектуальное одичание страны. Ясно, что при такой постановке дела амбициозные проекты по развитию нанотехнологий дадут, скорее всего, «нанорезультат».

Острословы говорят, что основное достижение Путина за два срока его президентства — это десятикратное увеличение числа олигархов. Да, увеличился валовой внутренний продукт. Сейчас у нас ВВП чуть выше, чем во Франции. Но Франция на 10-м месте по уровню жизни, а мы на 67-м. Золотой дождь из нефтедолларов никак не сказался на благополучии населения. Огромные деньги были вложены в ценные американские бумаги под смехотворные проценты. Для основной же массы россиян с каждым годом снижается доступность жилья, образования, медицины. Правительство до сих пор не расплатилось с ограбленными вкладчиками Сбербанка, зато направо и налево списывает долги зарубежным странам. За последние 12 лет списано более 75 млрд. долларов. Какими государственными интересами руководствуются при этом российские власти, остается загадкой. Списав долг Ираку, они фактически профинансировали американскую военную авантюру в этой стране. А ведь у нас своих долгов хватает, и нам никто не списал ни полушки. Неудивительно, что рост зарплат и пенсий отстает от галопирующей инфляции. Да и с финансированием

путинской программы 2020 могут возникнуть проблемы. Конечно, благодаря высоким ценам на энергоносители обстановка в стране в период с 2000 по 2007 год была более стабильна, чем в предыдущее десятилетие. Одно дело, когда баррель нефти стоит 9 долларов, а другое, когда — 90. Такое временное и иллюзорное улучшение ситуации англичане обозначают словом «просперети». Но общий итог, как и следовало ожидать, оказался печален. Созданная международным капиталом гигантская финансовая пирамида породила мировой экономический кризис, в который рухнула и Россия со всеми трагическими для нас последствиями. Основные средства правительство направило не на помощь простым гражданам, а на спасение наделавших огромные долги коммерческих структур. «Подушка безопасности», которой оно гордилось, сдулась. От нее скоро останется одна наволочка.

На заре рыночных реформ большой популярностью пользовалась метафора: чтобы накормить людей, можно дать им рыбу, а можно дать удочки. На поверку оказалось, нет ни рыбы, ни удочек. Романтические надежды на рынок, который будто бы расставит по своим местам и научит нас хорошо жить и работать, изначально были иллюзорными. Рыночная экономика, призванная обеспечить высокий уровень потребления, может существовать только при его неуклонном росте. Но это путь в тупик. Энергетических и производственных ресурсов Земли хватит для обеспечения благосостояния только «золотого миллиарда».

Уже сейчас 5 млрд. людей оказались лишними. В век высоких технологий они не нужны даже в качестве рабов, поскольку такое количество услуги сейчас не требуется. В нашей русской цивилизации рынок никогда не играл главенствующей роли. Он был всего лишь ее инструментом. Когда же его поставили во главу угла, страна стала жить в ситуации абсурда. Никто не может объяснить, почему у нас единственная в мире «плоская шкала налогов». И долларовые миллиардеры, и нищие бюджетники отчисляют государству 13% от своего заработка. Такую примитивную уравнительную систему можно сравнить лишь с казарменным коммунизмом. Никто не может объяснить, почему у нас, чем выше квалификация человека, тем меньше он зарабатывает. Про жалкие заработки российских профессоров уже и вспоминать не хочется. Никто не может сказать, почему у нас литр бензина стоит дороже, чем в США и Китае. Мы уже не говорим о Туркмении, где бензин в 38 раз дешевле, чем в России. Список подобных несуразностей бесконечен.

Утвердившийся после 1991 года строй вобрал в себя все самое худшее и от советской командно-административной системы, и от рыночной предпринимательской стихии. Он демонстративно отрекся от гуманистических идеалов, открыл заслон всему низменному и эгоистичному в человеке. Собственно, государство фактически утратило контроль над экономикой. Доля госсобственности составляет сейчас всего 10%. Совсем иная картина у «маяков» рыночного либерализма. Для сравнения, доля госсобственности в США составляет — 32%, в Японии — 35%, в Англии — 40%, в Канаде — 43%, в Германии — 48%, в Италии — 51%, в Швеции — 62%. Западный мир вступает в постиндустриальную эпоху, которая в определенном смысле является посткапиталистической. В России же бессистемное реформирование породило тяжелейший системный кризис. Страну частично реформировали по устаревшим западноевропейским моделям, частично сохранили прежние социально-экономические блоки. Как следствие она не приобрела ни правильной социалистического устройства, ни правильной капиталистической системы. И теперь мы уже имеем дело не с продуктивной экономикой, как игрой с положительной суммой, а со спекулятивной, в которой упор делается на спекулятивно-финансовые и торгово-посреднические операции. Но может ли быть здоровой экономика, если в ней виртуальный сектор преобладает над реальным? Даже независимые западные эксперты откровенно говорят, что «невидимая рука рынка», которую целуют либеральные экономисты, не освобождает, а душил Россию.

Не зря древние еще за много веков до Маркса говорили, что рынок — это узаконенное беззаконие. По словам нобелевского лауреата по экономике Джозефа Стиглица, «Россия получила худший из возможных вариантов». Власть до сих пор не признает, что воровской передел собственности, именуемый приватизацией, был главным коррупционным актом либеральных демократов, и отказывается от его пересмотра. Поэтому все разговоры о борьбе с коррупцией не стоят и гроша. Не устранив причин, не справиться с болезнью. Неудивительно, что ситуация постоянно ухудшается, и Россию все больше смыкает с экономической и политической карты мира.

Виртуализация политической системы

Лидеры радикально-либерального направления, пришедшие к власти в России в 1991 году, заявили о своем намере-

нии интегрировать страну в мировую цивилизацию и построить современное демократическое государство. Но творческое использование мирового опыта требует большой методологической культуры и ясного понимания специфики отечественных условий. Ничего этого у новых вождей не было. О демократии они имели такое же представление, какое революционные матросы в 1917 году о коммунизме. Поэтому у них антицивилизационные тенденции явно превалировали над цивилизационными. Фактически власть оказалась в руках небольшой, но экономически могущественной группы лиц, присягнувших на верность либерализму и мародерским реформам. Эти люди хотели жить не по законам и нормам гражданского общества а «по понятиям» и своим звериным инстинктам. Бездарно растратив социально-экономический и нравственный потенциал СССР, они не создали ничего даже отдаленно похожего на цивилизованное общество. Либерал-реформаторы построили виртуальный мир или, выражаясь словами Питирима Сорокина, социальный иллюзионизм. В этом мире упадок производства выдается за структурные реформы, рост нищеты — за завоевание демократии, война — за борьбу с терроризмом, утрата национальных традиций — за вхождение в мировое сообщество. Российские неолибералы шли по пути, проложенному их западными единомышленниками. Для достижения своих целей они постоянно манипулируют сознанием людей, чтобы заставить их поступать вопреки их собственным интересам. Для этого скрываются масштабы реальных опасностей и наоборот, создается видимость угроз там, где их совсем нет. С помощью средств массовой информации и особенно Интернета конструируется виртуальный социум, весьма далекий от реальности. На первый взгляд у нас «все как у людей»: выборы, политические партии, разделение властей. Но почти ко всему следует присовокупить виртуальную фразу «вроде бы». Виртуализация достигает своего апогея во время различных выборных кампаний. Главному политтехнологу Кремля приписывают слова: «Не так важно, как обстоят дела на самом деле. Важно только, чтобы власть могла заставить людей голосовать, как нужно». И заставляют, превращая народ в управляемую толпу.

Либеральный тоталитаризм буквально поглощает свободу человека, делая ее виртуальной реальностью. Вроде бы у него и есть выбор, но ему не дают его осуществить. При подобном подходе в выборном марафоне побеждает не реальный кандидат с конкретной программой, а его виртуальный имидж, сконструированный политтехнологами. В итоге на

ключевых постах в стране оказываются ловкие и беспринципные политики, преследующие свои собственные и узкогрупповые цели. Шедевром подобных политтехнологий стал случай, произошедший на выборах мэра одного из городов Гватемалы. Победу на них одержал учитель местной школы, умерший за два года до выборов.

Гримасы виртуализации общественной жизни во всей стране проявились в постсоветской России. Совершив целую серию государственных переворотов, Ельцин и его присные судорожно пытались закрепить свое положение созданием новой Конституции, принятие которой проводилось вопреки действующему основному закону страны. Также в сумасшедшем темпе шла подготовка к выборам в Государственную думу, предусмотренную еще не принятой Конституцией. Избирательная кампания началась, когда не прошло еще 40 дней после массовых убийств защитников разогнанного Верховного Совета. Неудивительно, что и выборы, и референдум превратились в самый настоящий фарс, так как большинство людей даже толком не знали, за что они голосуют. Между тем надвигались очередные президентские выборы. Казалось, Ельцину о них нечего было и думать. Чем он мог отчитаться за пять лет своего правления? Ведь пять лет — это срок. За пять лет, чтобы там ни говорили, большевики собрали вновь развалившуюся на куски страну, за пять лет разгромили фашистскую Германию и восстановили разрушенное войной народное хозяйство, за пять лет ликвидировали ядерную монополию США, прорвались в космос. А что сделал за это время Ельцин? Развалил Великую Державу, превратил Россию в мировую побирушку, обрушил ее народ в нищету. Однако выселяться из Кремля он не хотел, надеялся на своих политтехнологов. А те, в свою очередь, свято верили, что «историю делают очень большие деньги». Ведь согласно формуле Бильдербергского клуба: «Власть — это товар, пусть и самый дорогой. Поэтому владеть им должны самые богатые».

В январе 1996 года на всемирном экономическом форуме в Давосе группа ведущих российских политиков и бизнесменов создала альянс для того, чтобы любой ценой удержать Ельцина у власти. Была определена необходимая сумма денег. Для ее сбора предприятиям и банкам представлялись большие таможенные, налоговые и иные привилегии. Спонсоров оказалось более чем достаточно. Некоторых даже поблагодарили и попросили не беспокоиться. Ведь разница между суммой, на которую были предоставлены льготы, и суммой, реально истраченной в ходе выборов, составляла «призовой фонд» борцов с «коммунистической угрозой». Мощную под-

держку Ельцин получил со стороны Запада, заинтересованного в дальнейшем ослаблении России. Только МВФ выделил в качестве кредита 102 млрд. долларов. Деньги ныне решают все. Рейтинг Ельцину в 1996 году накачали до фантастических размеров с 6% в январе до 52% в июле. Подсчитано, что каждый процент прибавления обошелся в 1 млрд. долларов. Собранные средства были потрачены в первую очередь на подкуп средств массовой информации, которые стали инструментом мобилизации политически неискушенных масс для поддержки совершенно чуждого им режима.

Власти использовали проверенную в таких случаях тактику запугивания и задабривания. С одной стороны, людям внушали, что коммунисты хотят у них отнять квартиры, машины и дачные участки. На домах появились призывы «Купи еду в последний раз!». С другой стороны, как из рога изобилия посыпались обещания разного рода льгот и социальных гарантий. В сумме они тянули на 70 триллионов рублей, и, конечно же, были немедленно дезавуированы сразу после победы Ельцина. Наемная армия продажных артистов («и только тот не продается, кого не стоит покупать») сыграла комедию под названием «Голосуй или проиграешь!». Многие граждане были доведены ельцинской пропагандой до самого настоящего умопомрачения. Осенью 1993 года убивали тело, летом 1996-го — душу.

Как отмечали наблюдатели, выборная кампания сопровождалась многочисленными нарушениями. Всероссийский рекорд был достигнут в лежащей в развалинах Чечне — 76% за «президента всех россиян». За невменяемого Ельцина дружно голосовали почти все обитатели психиатрических больниц. В первом туре Ельцин и лидер КПРФ Г.Зюганов собрали примерно по трети голосов избирателей. Чтобы победить соперника, Ельцину пришлось перекупить третьего участника президентской гонки А.Лебеда. Этот генерал-предатель, подписавший в Хасавьюрте позорное для России соглашение по Чечне, без зазрения совести позиционировал себя как лидера патриотической оппозиции. В обмен на пост секретаря Совета Безопасности он призвал своих избирателей голосовать за Ельцина. Но продержался он на этом посту недолго. Вскоре ельцинская команда, найдя какой-то предлог, сбросила его со своего корабля за ненужность.

В промежутке между двумя турами вообще произошло много интересного. Сотрудники отдела охраны «Белого дома» задержали на проходной членов президентской предвыборной команды А.Евстафьева и С.Лисовского. У них отобрали коробку из под ксерокса, в которой находилось более 500

тысяч долларов, предназначенных для оплаты агитировавших за Ельцина звезд эстрады. На выручку «коробейников» бросились А. Чубайс и дочь президента Татьяна Дьяченко. Вскоре их освободили. Вся эта история характеризует нравы ельцинского паханата. Когда мелкий воришка выносит с завода какие-то детали, его отправляют на нарцы. Когда же в коробках несут 500 млн. долларов, в этом не видят состава преступления. Перед вторым туром Ельцин так наплясался на встречах с избирателями, что слег в Кремлевскую больницу с серьезным обострением болезни сердца. Но продажные СМИ скрывали, что на выборы президента идет совершенно больной, недееспособный человек, и уверяли избирателей, что у него просто «сел голос». На многочисленные нарушения Центризбирком не реагировал, его председатель Н. Рябов назвал выборы «поистине всенародными, свободными и демократическими». Впрочем, вскоре его сочли за благо убрать с этой должности и отправить послом в Чехию. Не прошло и недели после заключительного тура выборов, как на поверхность всплыли такие подробности, которые повергли в шок многих людей и у нас в стране, и за рубежом. 9 июля 1996 года «Известия» под заголовком «И они ковали нашу победу» поместили фотографию шестерых американцев. Газета сообщила, что под руководством Татьяны Дьяченко они активно разрабатывали стратегию и тактику выборной гонки. И все равно ее финал вызвал удивление во всем мире. Влиятельная «Нью-Йорк таймс» 5.07.1996 писала: «Это политическое чудо, что русские не выбросили мистера Ельцина за борт». Удивляться, конечно, было чему. Президентом на второй срок избрали человека, который за пять лет натворил преступлений больше, чем все князья, цари и генеральные секретари за всю тысячелетнюю историю России. Это был мат здоровому смыслу, объясняемый лишь вырождением гражданского сознания у большинства населения. Страну заставили пробежать еще один штрафной круг.

Избирательная кампания Ельцина началась захватом бандами городов Первомайского и Кизляра и закончилась захватом Грозного. В день его инаугурации в столице Чечни гремели победные залпы террористов. А в Москве пели торжественный гимн по случаю вступления президента в должность: «Вся страна сил полна». У самого Ельцина сил в тот день хватило только на то чтобы сказать несколько ритуальных слов. Он плясал перед избирателями, а потом вдруг заплясали экономика и финансы, и все стало ходить ходуном от этой дикой пляски. 12 августа 1996 года «всенародноизбранный» своим указом № 1208 отменил массу своих собствен-

ных указов, постановлений и распоряжений правительства, имеющих социальную направленность. Все предвыборные посулы аннулировались, а Министерство Социальной Защиты вообще упразднили. Народу оставалось ждать только очередного «юрьева дня», чтобы опять начать играть с профессиональными наперсточниками.

Сам Ельцин вскоре опять лег в больницу. Ему сделали сложнейшую операцию на сердце, и он все больше отходил от дел. Пресс-служба сообщала, что президент «работает на даче с документами». Впрочем, чтобы народ думал, что он на своем посту, в Кремль периодически гоняли пустые президентские кортежи. Ну, чем не виртуальная акция? Но финансовая олигархия, фактически купившая Ельцину второй срок президентства, ждала реальных воздаяний. И они незамедлительно последовали. Фактически в это время окончательно сформировался новый центр власти, получивший по аналогии с семибоярщиной времен первой русской смуты, название семибанкирщина. В нее вошли крупнейшие российские олигархи: Березовский, Потанин, Гусинский, Ходорковский, Авен, Фридман, Смоленский. Власть в стране оказалась в руках наиболее хищной космополитической группировки, а российские граждане реально стали подданными указанной группы лиц, которые фактически приватизировали государство и превратили его из общественного института в свое частное дело. А Ельцин был озабочен только своим будущим и лихорадочно искал себе приемлемую замену. Настоящей команды профессионалов у него никогда не было. Смутное время всегда выносит на поверхность грязную пену. Вчерашние старшие лаборанты и младшие научные сотрудники неожиданно становились губернаторами и вице-премьерами. Неудивительно, что дела шли все хуже и хуже. Последовала череда отставок председателей правительства. Последним по счету ельцинским премьером стал в 1999 году мало кому известный тогда В. Путин. Путина считали переходной фигурой, едва ли более удачливой, чем его предшественники. Слова Ельцина о том, что он видит в нем своего преемника, повергли россиян в изумление. Однако вновь начавшиеся боевые действия в Чечне способствовали повышению авторитета нового руководителя. Тем более, что он сделал целый ряд заявлений, пообещав «замочить террористов в сортире». Вскоре его поддержка стала сопоставимой с поддержкой Горбачева в 1985—1987 гг. и Ельцина в 1990—1991 гг. В марте 2000 года Путин триумфально победил на выборах президента России. Если первыми указами Ленина были «Декрет о мире» и «Декрет о земле», то новый

президент в своем первом указе гарантировал неприкосновенность и все мыслимые и немыслимые блага ушедшему в отставку Ельцину.

Как уже отмечалось, по Конституции 1993 года парламент в России имеет по большей части представительские функции. Президент РФ наделен поистине необъятной властью. Однако левое большинство в Думах первых созывов все же немало досаждало правительству, блокируя наиболее одиозные проекты и законы. Поэтому президенту всегда хотелось иметь в Думе устойчивое большинство в виде проправительственной фракции. Первоначально на эту роль выдвигалась партия Е.Гайдара «Выбор России». Но на выборах 1998 года она потерпела поражение. Ненамного лучше сложилась судьба у партии «Наш дом Россия» (НДР) В.Черномырдина. Набрал незначительное число голосов, она быстро захирела и стала напоминать тонущий корабль. Его «матросы» разбежались и начали искать себе новое пристанище. В качестве альтернативы НДР выступил предвыборный блок «Отечество». Его организатором являлся бывший московский мэром Ю.Лужков, недвусмысленно заявивший о своих претензиях на президентское кресло. Он собрал под свои знамена многих высокопоставленных чиновников. Вскоре «Отечество» объединилось с движением «Вся Россия», возглавлявшимся президентом Татарстана М.Шаймиевым и губернатором Санкт-Петербурга В.Яковлевым. Новый избирательный блок получил название «Отечество вся Россия» (ОВР). Его лидером стал политический тяжеловес, бывший премьер-министр Е.Примаков.

Но на предвыборном небосклоне появилось еще одно политическое объединение — межрегиональное движение «Единство», названное также (еще один изыск политической технологии) «Медведем». «Медведем» возглавил министр по чрезвычайным ситуациям С.Шойгу, а в напарники ему дали олимпийского чемпиона Карелина. Из компетентных источников стало известно, что он был «откомандирован» в избирательную комиссию самим Путиным. И отнюдь не случайно «Единство» превратилось в фаворита всех государственных телеканалов. Их критический запал направлялся преимущественно даже не против КПРФ, а против ОВР. В результате на выборах 18 декабря 1999 года «Единство» ждал триумф. Известно, что римский император Юлий Цезарь ввел своего коня в сенат и приказал считать его сенатором. Острословы злословили, что кремлевская администрация ввела в Госдуму «Медведя». Это движение обошло ОВР. Однако с самого начала работы новой Думы стало ясно, что соперни-

ков разделяли лишь личные амбиции их лидеров и что в идейном плане — это «близнецы-братья». Две политические группировки правящего класса демонстрировали завидное единство в законодательной деятельности. В апреле 2001 года «Единство» и «Отечество — вся Россия» слились в одну партию «Единая Россия». В конезаводстве существует обычай составлять клички детенышей из кличек родителей. Плод брачного союза «Единства» и «Отечества» «Независимая газета» по аналогии окрестила «Едиотом».

Действительно, «Единая Россия» очень быстро превратилась в государственную партию, во второе издание КПСС. Ее отделения существуют во всех субъектах Российской Федерации. Кстати, указ Ельцина от 20 июля 1991 года «О прекращении деятельности организационных структур политических партий и массовых движений на предприятиях, в российских государственных органах, учреждениях и организациях» никем не отменен. Но касается он, похоже, только КПРФ. Какая там департизация, когда во многих регионах отделения «Единой России» возглавляют сами губернаторы. Единороссы обзавелись своими молодежными организациями, названными в народе «Путимолом». Название одной из них «Идущие вместе» является буквальным переводом китайского слова «хунвэйбины». Но китайские хунвэйбины боролись с буржуазностью населения, тогда как российские создают молодежную массовку, призванную поддерживать проводимые в России буржуазные реформы. К их услугам неограниченные финансовые возможности, лучшие фитнес-клубы, бассейны и другие блага жизни. Есть у единороссов еще организация «Наши». В декабре 2007 года «нашисты» вывели на Васильевский спуск детей 8—15 лет, участников группы «Мишка». На их куртках красовалась надпись «Главный Мишка, позаботься о детях». Они дружно скандировали «Дядя Вова! Дядя Вова!». «Единая Россия» переняла у КПСС все ритуалы: многочисленные съезды в огромных дворцах, единогласное «за», бурные долго несмолкающие аплодисменты, переходящие в овации. Но есть одно существенное отличие.

У КПСС, что бы там ни говорили, был уникальный социальный проект, да, в чем-то утопичный, но, тем не менее, привлекательный. Многие из задуманного, хотя и далеко не все, удалось реализовать. Во всяком случае, выдающиеся достижения советской цивилизации известны всему миру. А с чем вышла к народу «Единая Россия»? С.Шойгу при образовании «Единства» заявил, что этот партсоюз «должен объединять людей разных политических убеждений», что само по

себе уже нонсенс. Его напарник, спортсмен-чемпион Карелин сказал вообще что-то несусветное: «Наша идеология — поддерживать Путина» («Советская Россия» от 23.10.2003). Правда, сам Путин, будучи в Испании, высказался в том смысле, что «Единая Россия еще не сформировала своей идеологии. Но что за партия без идеологии? Это Змей Горыныч без зубов и Баба Яга без ступы».

Единороссы открыто провозгласили себя пропрезидентской партией. Путин под конец своего президентства дал согласие ее возглавлять, оговорив, однако, что сам останется беспартийным. Таких чудес, кажется, не знала еще история политических движений.

«Единая Россия» задумывалась как правоцентристская партия. Раздувшись до невероятных размеров, она испугалась сама себя. Теперь, чтобы уравновесить ситуацию, кремлевские политтехнологи из осколков мелких партий «Жизни», «Родины» и «Пенсионеров» соорудили ее левоцентристского двойника. В духе конезаводчиков его можно окрестить «ЖиРоПенью». Учредительный съезд «Справедливой России» (такое официальное название приняла новая партия) напоминал известный демарш эсеров 1918 года. То же революционное несогласие с диктатурой одной партии, та же демагогически декларируемая близость к народу. По сути дела, обе прокремлевские партии представляют собой бизнес-структуры, делающие гешефты на проблемах России. Если этим партийцам перестанут платить дивиденды, они все мгновенно разбегутся, ибо принцип у них один: где харчи — там и торчи. Но проблем с деньгами ни у «Единой России», ни у «Справедливой России» не будет. За их финансовым благополучием стоят такие гиганты, как Газпром и Роснефть. Не жалеют средств и олигархи.

В Госдуме у парламентского большинства есть своя партия в «сотне Форбса». В «Единой России» два десятка депутатов, чье личное состояние, по данным журнала «Финансист», превышает 100 миллионов долларов. А более мелких миллионеров вообще полно. Не отстает от Госдумы и Совет Федерации. Там по рейтингу того же «Финансиста» 13 сенаторов причислены к 500 самым богатым россиянам, а пятеро опять-таки входят в «сотню Форбса». Как язвительно заметил кто-то из журналистов, Федеральное Собрание у нас — это сборище жирных котов, обсуждающих проблемы улучшения жизни мышей. Когда коммунисты пытаются вывести Думу на реальное обсуждение важнейших социально-экономических вопросов, ее спикер высокомерно бросает: «Парламент не место для политических дискуссий». Этому «эрудиту» не-

известно, что слово «парламент» происходит от французского слова «парле» — говорить. По существу, все фракции в Госдуме, кроме КПРФ и примыкающих к ней аграриев, являясь пропрезидентскими. Они и не скрывают, что, располагая контрольным пакетом акций, могут продать любой, нужный президенту закон. Ну, настоящий парад марионеток!

Фракция «Единая Россия» единогласно проголосовал за реформу РАО ЕС, больно ударившую по карману россиян. Что ж, безнравственная власть рождает безнравственные законы. В свое время о таких обладателях депутатских мандатов хорошо сказал И.В. Сталин: «Пока идут выборы, депутаты заигрывают с избирателями, лебезят перед ними, клянутся в верности, дают кучу всяких обещаний... Как только выборы состоялись и кандидаты превратились в депутатов, отношение меняется в корне... Вплоть до новых выборов депутат чувствует себя совершенно свободным, независимым от народа, от своих избирателей». От народа и избирателей — да, но не от власть имущих. В своем открытом письме единоросс А. Ермолин честно рассказал, как дрессируют «медведей» на Охотном ряду кремлевские кураторы: «На встрече в абсолютно грубой форме нам было объявлено, что мы никакие не депутаты и не народные избранники, что мы все «повязаны» и что на этом основании никто из нас не смеет голосовать по своему усмотрению» («МК» 5.11.2004). Само собой, строптивного депутата изгнали из фракции «Единой России».

В Конституции РФ провозглашается, что вся власть в стране принадлежит народу. Однако люди труда теперь совсем не представлены в органах государственной власти. В советское время много иронизировали по поводу того, что рабочих и крестьян не слышно в Верховном Совете СССР. А сейчас их в Государственной думе и не видно. Считается, что в вопросах экономики и политики они некомпетентны. Но почему кадровые рабочие с большим жизненным и производственным опытом менее компетентны, чем юные спортсмены и разные певцы, артисты и юмористы. За закон о монетизации льгот депутаты от рабочих уже бы точно не проголосовали. Народ у нас фактически устранен от управления государством. У него нет рычагов воздействия на правительство. Референдумы по вопросам, относящимся к «компетенции федеральной власти», запрещены. Большие изменения произошли в законодательстве о выборах. Госдума упразднила в избирательном бюллетене графу «против всех». Понятно, что избирательный список не может быть безразмерным и, если избиратель не находил в нем приемлемого для себя кандидата, он ставил знак в указанной графе. Теперь ее нет. Есте-

ственно, это сразу изменило явку избирателей. Но законодатели предусмотрели и это. Порог явки также отменен. Теперь кандидату в президенты России нет необходимости выплывать перед народом, как когда-то Ельцину. В принципе Медведев, сменивший Путина, мог в единственном числе прийти на избирательный участок, проголосовать за себя и стать законно избранным президентом.

Отменены прямые выборы губернаторов. Сейчас их избирают законодательные собрания субъектов Федерации по представлению президента. Объясняется это все необходимостью укрепления вертикали власти. Но укрепление государства вовсе не означает удушение демократии, так же как и сокращение государственных функций не означает демократизации общества. Многое зависит от того, в чьих руках концентрируется власть. А российская властная элита удручающе примитивна. Здесь проявляется закономерность, отмеченная еще Л.Н. Гумилевым. Он говорил, что фаза обскурации, то есть разрушения культурных и цивилизационных основ общества, характеризуется наличием людей нетворческих, эмоционально и умственно неполноценных, но обладающих повышенными требованиями к жизни. В нормальных условиях такие люди перспетив не имеют, но в смутные времена всплывают на поверхность и начинают задавать тон в обществе.

В «партию власти», как именуют себя единороссы, набились сплошь одни городничие, Тяпкины-Ляпкины, Земляники и прочие гоголевские персонажи. Это жадная орда чиновников и дельцов, не имеющих никаких общественно значимых идей, кроме идеи личного обогащения. Социальную базу этой партии составляют криминальные и полукриминальные слои общества. Видимо, их и имел в виду Путин, когда на одном из партийных съездов сказал, что к власти рвутся люди, которых нельзя допускать к ней даже на пушечный выстрел. Ну и, само собой, в новую государственную партию ринулись представители антинациональной части интеллигенции. Поэт Б.Жуков откликнулся на это эпитафией:

*К врагам народа в услужень
Идут не только юмористы.
В антинародное движень
Влились народные артисты.*

По телевидению вся страна видела, как партийные билеты «Единой России» получали Н.Бабкина, А.Розенбаум,

А. Буйнов, О. Газманов и другие. Новый президент Д. Медведев в Ново-Огарево под шелест лип признал, что вся кадровая политика у нас была липовой и что она вынесла на поверхность разного рода бездарей и шарлатанов, и никакого кадрового резерва нет. Запредельные рейтинги Сталина — это оценка народа современной российской «элиты». При таком положении дел надо ли удивляться разгулу преступности и коррупции в государстве. Похоже, коррупция сегодня единственный реальный феномен в России безо всяких виртуальных «вроде бы» и «как бы». По сути дела, она была изначально заложена в навязанной народу под грохот танковых орудий Конституции. После ее принятия в стране получили распространение невиданные ранее преступления: рэкет, заказные убийства, похищения людей, работоторговля, рейдерский захват собственности. По единодушному признанию и отечественных, и зарубежных экспертов, грабительская приватизация явилась величайшим преступлением в мировой истории. Однако по инициативе Путина сроки давности по приватизационным сделкам сократили с 10 до 3 лет. 50 тысяч уголовных дел были «спущены на тормозах», преступников амнистировали. В настоящее время ежегодный коррупционный оборот, по данным «Эха Москвы», достиг 300 млрд. долларов. А руководитель ВЦИОМ В. Федоров даже заявил, что коррупция является смазкой государственного механизма.

Коррупция в России приобрела характер национального бедствия. Президент Медведев выдвинул программу полномасштабной борьбы с ней. И теперь о коррупции с возмущением говорят люди, стоявшие у руля страны все последние годы, под руководством которых она расцвела пышным цветом. Сейчас они заняты созданием всевозможных антикоррупционных комиссий с самыми грозными полномочиями. Можно подумать, такие комиссии когда-либо приносили пользу.

Как это обычно бывает в подобных случаях, на роль авангардной борьбы претендуют сами коррупционеры. Партия «Единая Россия», которую в последние годы буквально сотрясают коррупционные скандалы, и ее фракция в Госдуме бурно приветствовали действия президента. Но уже после обнародования президентской программы думцы отклонили законопроект, требовавший декларировать доходы и имущество членов семей госслужащих. Удивляют также некоторые более чем странные намерения. Дабы чиновники не брали взятки, им планируется значительно увеличить зарплаты. Но не является ли это формой взятки, которую на этот раз чи-

новникам хочет дать государство. Насквозь коррумпированная власть сама с собой бороться не станет, она будет лишь имитировать борьбу. Ну, отправит на жертвенный алтарь мелких стрелочников, которые, по словам гоголевского городничего, не по чину берут, а так все останется по-прежнему. То, что мы раньше читали в романах Т.Драйзера (мафиозное сращивание политических и финансовых кругов, дикие биржевые нравы), теперь господствует на российских просторах. А для подавляющего большинства граждан «Свободной России» свободными стали только цены, закрывающие им путь к нормальной жизни.

Виртуализация системы образования

Уродливый экономический базис деформирует всю надстройку, и система образования здесь не стала исключением. С кадровым ресурсом, как отметил президент, у нас дела обстоят неважно, а надо ковать кадры для новых социальных реформ. Вот реформаторы и рассматривают систему образования как «важнейший фактор формирования новой экономики». А экономика бывает разная. Для продуктивной, производящей экономики нужны инженеры, техники, квалифицированные рабочие. А для экономики спекулятивной, паразитарной главная фигура — это «бухгалтер с опытом ухода от налогов». И вот все высшие учебные заведения страны, как по команде, стали готовить юристов, экономистов, финансистов. Во всех технических, педагогических и сельскохозяйственных вузах открыли юридические, экономические и финансовые факультеты. О качестве подготовки здесь говорить излишне. И вот теперь, когда произошло насыщение данного профессионального сектора, выпускники этих факультетов прямиком идут на биржу труда, где их отправляют на обучение по более приземленным специальностям.

Особенно нетерпимое положение складывается в педагогических университетах, призванных по названию и по самой своей сути выпускать учителей массовых школ. Они все сосредоточились на таких модных среди молодежи специальностях, как социально-культурный сервис, туризм, связи с общественностью, дизайн и т.д. Удивительно ли, что при обилии педагогических учебных заведений наши школы ощущают острую нехватку педагогов. Но рыночному фундаментализму потребовался не только новый тип специальностей, но и новый тип человека. Ставка делалась на уничтожение всех основ советской цивилизации и не только политических и экономических, но и духовных. Прежняя сис-

тема воспитания формировала в людях коллективизм, гражданственность, патриотизм, уважительное отношение к труду. Эти качества являются главными в национальной идее, с которой по необходимости должна сопрягаться образовательная доктрина. Однако либерал-реформаторы считают, что такая идея нивелирует личность, делает ее несвободной, хотя национальные и личностные ценности не исключают, а дополняют друг друга. Либерализм ставит своей задачей формирование «самодостаточной, индивидуалистически ориентированной личности, способной противостоять «толпе», возвысится над ней, расталкивая железными локтями окружающих. В одной из разработок, вышедшей из недр Института социологии РАН, проблема формулируется так: «С социологической точки зрения процесс превращения советского человека в общественного индивида связан с формированием нового поколенческого этоса» Перечислены и характерные черты «нового поколенческого этоса»:

— отвращение к коллективизму, основанному не на частном интересе, и стремление к индивидуализации и элитарности;

— неприятие альтруизма и стремление к самоутверждению «любой ценой» и т.п.

Интересно, кому мы в мировом сообществе будем нужны с таким поколенческим этосом, загадочно соединяющим в себе цивилизационное варварство с общечеловеческими ценностями.

В 1992 году на конференции в Женеве тогдашний министр образования России Э.Днепров заявил: «Школа России должна быть перестроена по чертежам общеевропейского, общечеловеческого дома». Днепрова уже давно нет в министерстве, но дело его живет и процветает. В практическом плане реализована идея единого государственного экзамена (ЕГЭ), который проходит путем тестирования. Скопировали его у американцев в надежде повысить уровень объективности экзаменационных отметок. В этом же русле лежит идея двенадцатилетнего обучения. А ведь к реформированию образовательной системы следует подходить очень осторожно. Здесь, как и в медицине, должен главенствовать принцип «Не навреди», ибо цена ошибок в данной области столь же велика и, в конечном счете, отражается на судьбах целых поколений людей.

Что же получилось в реальности? Жизнь жестоко посмеялась над реформаторами. ЕГЭ сопровождается небывалыми коррупционными скандалами в системе образования. А в начале 2010 года американский президент Барак Обама зая-

вил, что если мы не хотим превратить США в страну сплошного дебилизма, надо немедленно отменить систему тестирования на всех уровнях. Неужели мы и дальше будем пробавляться обносками с западных помоек?

Поразивший Россию глубокий социально-экономический кризис больно ударил по отечественному образованию. В океане рыночной стихии оно оказалось без руля и ветрил. Предстояло сделать выбор между двумя моделями образования: элитарной (радикально-либеральной) и демократической (социальной). Парадоксально, но элитарную модель отстаивают те, кто называет себя демократами, демократическую — те, кого от демократии отлучили. Никто не спорит, что систему нельзя считать демократической, если она накладывает ограничения на информацию, не относящуюся к категории военной и государственной тайн. Но еще менее демократична система, которая ограничивает людям доступ к знаниям.

Увы, в постсоветской России образование из демократического института превращается в элитарное. Если оно раньше было правом человека, то сейчас становится привилегией и определяется размером кошелька. Государственное финансирование образовательных учреждений резко сократилось. Теперь обучение будет бесплатным лишь по нескольким предметам. За все остальное придется платить. Сверху поступила команда немедленно заняться финансированием рыночных отношений. И нива народного просвещения с ее семенами разумного, доброго, вечного на глазах превращается в американский рынок образовательных услуг. У нас появились бедные и богатые (элитные) школы. В вузах уже давно наряду с бюджетными существуют коммерческие группы, что является прямым нарушением ч.3. ст.43 Конституции РФ, декларирующей бесплатность высшего образования. Все это подрывает дух коллективизма и демократизма в среде учащейся молодежи. В итоге средняя, а тем более высшая школы, призванные смягчать социальные противоречия в обществе, только углубляют их. На всю страну прогремел случай с питерским школьником, покончившим с собой из-за травли, которой он подвергался в школе. Его семья не смогла внести нужную сумму на какое-то мероприятие (школьные поборы уже стали притчей во языцех!), и учительница, заканчивая уроки, говорила ему, а ты иди работай, раз твои родители не могут платить.

Образовательное пространство России отличается сегодня чрезвычайной пестротой. Есть в нем, конечно, оставшиеся от прошлого оазисы благополучия. Ведь чтобы там ни го-

ворили, общество держится пока на плаву за счет специалистов, подготовленных в советское время. Но в целом положение складывается удручающее. Качество обучения повсеместно снизилось. Только дети новой российской элиты получают теперь качественное образование. Для остальных Всемирный банк в своем докладе «Россия: образование в переходный период» подготовил стандартное меню, предлагаемое обычно населению колониальной страны. От граждан, окончивших среднюю школу, требуются «способности читать карту, говорить на иностранном языке и заполнять налоговую декларацию». В государственных школах учителя за мизерные (виртуальные) зарплаты делают вид, что они как бы обучают детей. Соответственно ученики как бы учатся. В демократической форме свободного собеседования они отвечают на вопросы, кто открыл законы Ньютона и Кулона, сколько лет продолжалась Тридцатилетняя война и т. п. Проведенный в 2008 г. в масштабах всей страны единый государственный экзамен дал ужасающие результаты: четверть испытуемых получили неудовлетворительные оценки. В сельских школах некоторые предметы вообще не преподаются. В аттестатах против них стоят прочерки.

Еще хуже обстоит дело с высшим образованием. Рейтинги даже ведущих наших вузов — Московского и Санкт-Петербургского университетов скатились вниз. Коммерциализация образования открыла дорогу разного рода халтуре. Как теперь говорят, любой университет можно организовать на кухне. Особенно много злоупотреблений в организации филиалов вузов. Идея филиала изначально была вполне здоровой. Некоторые города областного подчинения по своим масштабам приближались к областным центрам. Но в советское время им по статусу иметь свои вузы не полагалось, и, чтобы учить молодежь на месте, крупные вузы открывали в них свои филиалы. А вот пример совсем иного рода. Во время очередного телемоста Путина с россиянами к микрофону подошла милая девушка и представилась: «Студентка Новосибирского филиала Томского университета». Но, позвольте, в Новосибирске есть базовый университет Сибирского отделения Российской академии наук, третий по значению в стране. Какая же надобность была создавать здесь еще Томский филиал? Мне известен случай, когда в двухэтажном здании бывшего детского сада квартировало 5 филиалов Московских вузов. Эти филиалы вкупе со многими коммерческими вузами и непрофильными факультетами государственных вузов образуют спектр так называемого профанного образования, дискредитирующего саму идею высшей школы. О

качестве обучения здесь говорить не приходится, но все они выдают «дипломы государственного образца». К сожалению, родителей абитуриентов это совсем не смущает. Многие готовы устраивать своих детей в любой самый захудалый вузовский филиал в надежде спрятать их там от армии, войны и других рисков, связанных с агрессивной внешней средой. Фактически деформируется основная социальная функция нашего образования, еще недавно, по данным ЮНЕСКО, считавшегося лучшим в мире.

В отличие от узко прагматичной американской школы наша отечественная школа всегда делала ставку на фундаментальное образование, отличающееся энциклопедической основой, панорамным видением проблем, духовно-нравственной ориентацией. Даже в период форсированной индустриализации, когда в массовом порядке потребовалось подготовить инженеров различных специальностей, установка на фундаментальность сохранялась. Теперь кое-кто ставит советскому образованию в вину характерные для него «научоцентризм и академоцентризм». Ну что же, теперь это все улетучивается, и горькую усмешку вызывают вчерашние институты, гордо называющие себя университетами при полном отсутствии универсализма в системе преподаваемых знаний.

В наши дни большие надежды связываются с так называемым E-learning (электронным обучением с помощью информационных технологий и средств онлайн-овой и оффлайн-коммуникаций).

Здесь эти виртуальные структуры (в узком программистском смысле слова) действительно являются полезными, поскольку открывают широкий простор для дистанционных методов обучения и закладывают основу для глобального образовательного пространства. Уже сейчас появились мегауниверситеты, в которых обучаются по сто и более тысяч студентов из разных стран и континентов. Создается естественная для информационного общества система открытого образования, позволяющая студентам получать необходимые знания сразу в нескольких учебных заведениях по индивидуальным программам. Такая виртуализация образования приближает нас к решению двух актуальных задач:

— повысить доступность образования (что особенно важно для людей с ограниченными физическими возможностями);

— обеспечить его непрерывность в течение всей человеческой жизни в соответствии с требованиями, провозглашенными в документах ООН.

Увы, само по себе E-learning с его новейшими информационными технологиями отнюдь не гарантирует высокого уровня образованности. Свободно владея компьютерами, учащиеся зачастую не умеют производить простейшие операции с дробями. Не только школьники, но и некоторые студенты на вопрос, сколько будет: $1/2 + 1/3$, отвечают: $2/5$.

Отрадно, что государство начинает осознавать, что образование является важнейшим стратегическим ресурсом страны и поворачивается к нему лицом. В рамках отдельного национального проекта намечен целый ряд мероприятий: компьютеризация школ, повышение престижа профессии учителя и т.д. Большие нововведения ждут и высшую школу. Намечается создать реальный, а не виртуальный кластер ведущих вузов и сделать их центром вузовской мысли, способными обеспечить высокий уровень подготовки выпускников и их востребованность на рынке труда. Создано два национальных университета в Сибирском и Южном федеральных округах. Поставлена амбициозная задача вывести их в число ста лучших университетов мира. Пока эксперимент оказался не очень удачным, поскольку за основу взят принцип механического объединения различных вузов. Но вуз не колхоз. Если крупный колхоз можно создать за счет укрупнения нескольких мелких, то в нашем случае подобная схема не проходит.

Так что работу в данном направлении следует продолжить. Сегодня жизнь требует поиска новых форм и отказа от романтических просветительских установок, не согласующихся с современными условиями.

Система образования должна быть сориентирована на стратегические вызовы XXI века, на формирование нового типа личности, способной жить и работать в условиях стремительно меняющегося мира.

Виртуализация культуры

Культура обычно понимается как специфический феномен человеческой жизнедеятельности, аккумулирующей материальные и духовные достижения человечества.

Человек — это триединство тела, духа и разума. Ему для жизни нужна не только природная, но и культурная среда, в которой происходит его духовное и нравственное развитие. Универсалии культуры — это репрезентации культурного опыта человечества, позволяющие ему органически вписаться в контекст современности, разнообразить и оптимизировать свои отношения с миром.

Культура представляет собой очень сложную систему, и ни одно вторжение в нее извне не остается без последствий. Можно даже утверждать, что природные аномалии не так страшны, как глубокие поражения культурной среды. Живая природа сама залечивает нанесенные ей раны, поскольку обладает значительным ресурсом самовосстановления и очищения. Иначе обстоит дело с культурой. Ее утраты по большей части невозможны.

История мировой культуры знает три «пика» ее развития. Это Древняя Греция, Эпоха Возрождения и Россия XIX—XX веков. Но в последнем случае требуются оговорки. В двадцатом веке периоды культурного расцвета в России сопровождались ужасающими провалами. Первые послереволюционные годы знают и комсомольцев-нудистов из официального общества «Долой стыд», и пролетарских поэтов из Пролеткульта, требовавших «сбросить Пушкина с корабля современности», и воинствующих безбожников, осквернявших православные храмы. Здесь проявилась известная закономерность. Каждая революция в той или иной мере нарушает культурные основы прежней жизни. Но уже в 30-х годах Сталин положил конец всей этой вакханалии и развернул советскую культуру от «революционного авангардизма» к нашим национальным традициям. Однако с началом перестройки и реформ все опять вернулось на круги своя. В пору горбачевского словоблудия в ходу были термины «расказачивание», «раскрестьянивание». К ним уместно добавить еще слова «раскультуривание», а значит, и «расчеловечивание» человека. Делалось это все под лозунгом «Больше демократии!», хотя истинный демократизм требует высокой духовной культуры. Однако для российских либерал-демократов рыночные структуры как бы и не существуют. Культуре, иронизируют они, как порядочной женщине, не следует платить. Считается само собой разумеющимся, что в условиях рынка культура должна сама себя окупать. Похоже, властям и в голову не приходит, что есть вещи, которые не покупаются и не продаются по той простой причине, что они бесценны. А ведь еще классик буржуазной экономической науки Адам Смит в своем труде «Теория нравственных чувств» предупреждал, что рынок без нравственности и духовности ведет общество к деградации или, как говорил К. Маркс, к утрате «розы нравственного духа среди шипов современности».

Так все и случилось. Новоевропейский проект эмансипации личности оказался фактически подменен проектом эмансипации самых низменных человеческих инстинктов. Но ведь известно, что без устремленности к универсальным ду-

ховным ценностям любое общество вырождается в муравейник, где каждый человек замыкается на проблемах физического выживания и удовлетворения своих материальных потребностей. Подобный подход искажает ценностную ориентацию личности, заставляет ее служить не идеалам, а идолам. Такая подмена вполне устраивала наших «новых русских», которые жаждали приобщиться к мировой элите не по духовным, а по геодонистическим стандартам и заменить моральные ценности на оральные.

Господство компрадоров ведет к культурному оскудению нации. Русская культура считается вершиной мирового гуманизма. Она принципиально антибуржуазна, как антибуржуазен ее создатель — русский народ. Неудивительно, что с реставрацией капитализма в России в его криминально-олигархической форме такая культура стала объектом духовной агрессии капитала. Ельцинщина вынесла на оперативный простор разного рода авангардистов и постмодернистов, которые принялись калечить и уродовать творения русских классиков, давая им извращенные интерпретации. Даже правоверная ельцинстка Г.Вишневская пришла в ужас от того, что сейчас делается в ее родном Большом театре. Ну а для публики попроще на экранах телевизоров — пошлая эстрада, бесконечные комиксы и боевики, и, разумеется, порнография. Нужно совсем потерять чувство самосохранения, чтобы в обществе, перенасыщенном эмоциями агрессии и озлобления, тиражировать в средствах массовой информации подобные «творения». Они культивируют в людях дух эгоизма, наживы и насилия, превращая их в бездумных роботов. Свины и куры, выращенные на искусственном азоте, служат для них синтетической пищей, точно так же как духовную пищу им заменяет подобное синтетическое искусство. Народ подвергся не только материальному, но и духовному ограблению. Дворцы и дома, служившие ранее культурными центрами, заменяются коммерческими структурами, а то и просто переоборудуются в ночные клубы и казино.

Все это происходит под аккомпанемент разговоров о «российском ренессансе» и возвращении в лоно христианской культурной традиции. Россия посажена на Останкинскую иглу. Увы, это не копьё Святого Георгия, разищее врага. Складывается впечатление, что наше телевидение хочет добиться того, чтобы каждый россиянин разбудил в себе идиота. Люди смотрят все подряд: мыльные сериалы, эстрадный юмор «ниже пояса», назойливую рекламу. Даже в трагические дни бесланской трагедии кадры из Беслана прерывались рекламой дамских прокладок. А что? «Пипл все схватывает», как

любит выражаться телеакадемик Владимир Познер. В искусстве царит культ тела вместо культа духовности. Прошу простить за каламбур, но бездуховность стала духом времени. Не лучше обстоит дело в литературе. Только снижением интереса к серьезному чтению можно объяснить тот факт, что в телепроекте «Имя России» Высоцкий обошел Пушкина. Кстати, это очень тревожный симптом. В Древнем Риме, в период, предшествующий его падению, тоже исчезла потребность читать серьезные книги. Им уже не могли найти лучшего употребления, чем использовать их для обогрева общественных бань. Нечто подобное происходит сейчас и у нас.

Кумир либеральной демократии поэт И. Бродский в свое время язвительно заметил: «Империи рождают литературу, демократии — макулатуру».

Обложка одного из номеров «Книжного обозрения» призывала: «Умри, но прочти!» Прочитать рекомендовалось не Белинского и Гоголя, о чем мечтал в свое время Некрасов, а опису под названиями: «Смерть по завещанию», «Смерть и немного любви» и прочие подобные творения. Действует принцип: литературу на мусорную свалку, мусор — на прилавки.

Отдельный разговор о русском языке, который представляет собой фундаментальную основу русской национальной культуры. Он засорен до крайности. «Великий и могучий» давно уже сам нуждается в защите. Резко сокращен тираж изданий русских писателей-классиков. Стоит ли удивляться, что мы толком не знаем своего языка. Попробуйте спросить у знакомых, что означает слово «лукоморье». Многие ли ответят?

В целом культурный ландшафт современной России с его органистическими действиями, министрами-шоуменами и художниками-авангардистами поразительно напоминает то, что уже имело место в первые годы Советской власти в троцкистско-бухаринском СССР. Разумеется, нужно сделать поправку на то, что мы живем сейчас в информационном обществе.

Современные информационные технологии в значительной мере виртуализируют культурное пространство страны, позволяя «раскручивать» безголосых певцов, бездарных актеров и писателей. Отечественный шоу-бизнес приобрел черты фабричного производства конвейерным способом «звезд», периодически превращающихся из певцов в циркачей и фигуристов.

Официальная российская культура вообще в значительной мере виртуализована. Вроде бы у нас есть Совет по культу-

ре и искусству при президенте РФ. Но что в нем может насочинять президенту режиссер, у которого актеры во время спектакля плюют в зрительный зал. Вроде бы есть Фонд культуры Российской Федерации. Но какой пример подает людям президент Фонда Н. Михалков, если он в жизни ведет себя как его герой, хамоватый спекулянт-проводник, с «чарджоускими» дынями из фильма «Вокзал для двоих».

Какой сигнал посылается обществу, когда в Кремле награждают пошлых юмористов, эстрадников и актеров со скандальной репутацией? Что должен думать народ после присвоения Президентской библиотеке имени погромщика русской государственности и культуры Б. Ельцина?

Кто-то, возможно, скажет, стоит ли придавать большое значение подобным эксцессам. Так уже было раньше, в те же послереволюционные годы. И ничего, со временем все выправилось. Тут надо с полной определенностью сказать: нет, такого еще не было. В 1917 году дело ограничилось сменой социально-экономического строя. Теперь же речь идет о смене типа цивилизации, о разрушении духовного и культурного пространства России, об отторжении национальной культуры, ее норм и традиций. И это может стать подлинной трагедией. Народ жив до тех пор, пока он сохраняет свою национальную идентичность, свой язык и свою культуру. Лишившись их, он перестает быть народом. Ведь нация существует прежде всего в тех духовных богатствах, которые ею создаются и уже созданы, и грань, отделяющая уничтожение культурного наследия народа от его физического уничтожения, весьма тонка. Технологии классических войн ставили во главе угла поражение тела человека. Цель новейших технологий — поражение его духа. Русский народ создал уникальную по своему характеру духовную и материальную культуру. А нам сейчас говорят, что страну необходимо подготовить к вхождению в «общеευропейский дом», как будто речь идет о племенах, блуждающих где-то по диким степям Забайкалья.

«Для России как культурной и государственной единицы, — наставляла газета «Известия», — единственное спасение — это полная психологическая интеграция в западную христианскую культуру.» В основе западнического эпигонства новой российской элиты лежит недоверие к культурной отечественной традиции. К тому же наши правозащитники, горящие желанием поскорее обменять национальные ценности на так называемые общечеловеческие, не знают толком Запада, его истории и специфических особенностей. Требуя произвести «мутацию русского духа», эти господа даже не понимают, что именно духовность пропиты-

вала все стороны русской жизни. Такой духовности как раз и не хватало западной цивилизации, которая, по выражению Конрада Лоренца, «знает цену всему и не знает ценности ничего». Однако Запад давно усвоил милую привычку сбывать нам свое гнилье в роскошной упаковке, тогда как мы часто не можем подобрать отечественным бриллиантам достойную оправу. В свое время А.С.Пушкин с горечью писал:

*Мы любим муз чужих игрушки,
Чужих наречий погремушки
И не читаем книг своих.*

А ведь один из героев Т.Манна назвал русскую литературу святой. Литература Европы, при всем ее богатстве, не поднималась на такую высоту, как русская литература. И сегодня Россия может экспортировать на мировой рынок не только нефть и газ, но и первосортную духовную продукцию. Но что экспортируем? На книжном салоне в Париже нацию Пушкина и Толстого представляли так называемые русскоговорящие писатели, чемпионы по ненормативной лексике и всяким непотребствам. А видный эспэсовец в передаче «Момент истины» с гордостью сообщил, что от российской группы «Тату» «писала кипятком вся Европа» Удивляться этому, впрочем, не приходится. Западный мир сам переживает сейчас глубокий экономический и духовный кризис, а лезть к нему в постель, чтобы заразиться еще и его болезнями, просто безумие. Безусловно, наша цивилизация должна быть вписана в контекст мировой. Но это не делает менее актуальной проблему российской социокультурной идентификации.

К большому сожалению, нынешняя культурная политика направлена на отсечение народа от животворных родников национального духа. В культурном пространстве России доминируют суррогаты западной массовой культуры, рождающей массового человека, не способного к духовному творчеству. Русское музыкальное и театральное искусство низведено до положения Золушки, в лучшем случае до этнографической примечательности, завлекающей в резервации туземцев иностранных туристов. Именно такую роль играют рыночно-сувенирные коллективы, подобные ансамблю «Русская песня» Н.Бабкиной.

О культурной жизни страны многое может сказать ее музыка. В победном 1945 году на всех улицах Берлина звучали советские песни. Послушайте, что поют сейчас в московских кафе. Престарелые западные рокеры оккупировали крем-

левские дворцы и Красную площадь. И даже Дима Билан, представляя Россию на Евровидении, пел на скверном английском языке. Художественный язык в целом подавлен космополитическим эсперанто, пошлыми примитивными стандартами, которые будто бы символизируют новую универсальную культуру. На самом деле разрушение русской культуры приобрело уже системный характер. Она последовательно дробится, и ее поле неуклонно сужается. Как-то российское телевидение с величайшим пиететом показало Великого магистра главной масонской ложи Франции, который важно вышагивал по мокрым плитам Ивановской площади Кремля, и его ботинки дробили на части отраженные в этих плитках, словно в зеркалах, башни наших кремлевских соборов. Символический смысл подобной сцены не оставлял никаких сомнений. Вытеснение народа из духовного пространства, освоенного предками, еще более опасно, чем изгнание его с законных территорий. Территории мы теряли не единожды, но каждый раз отвоевывали их обратно. А вот с духовными утратами, в отличие от территориальных, дело обстоит гораздо сложнее. Восстановить утраченную духовную традицию очень сложно, а порой и невозможно.

Разрушение культурно-цивилизационного ядра России зашло уже слишком далеко. Полным ходом идет идентификационная перекодировка и перезагрузка матрицы общественного сознания. Всемирный Русский Народный Собор на своих заседаниях неоднократно высказывал тревогу по поводу размывания общенационального наследия на фоне бурной экспансии антикультуры. Он последовательно выступает за восстановление духовной связи времен и поколений, за укрепление нравственного здоровья народа.

Сегодня Россия переживает третье в своей истории «смутное время». Давно замечено, что в кризисные моменты именно духовность, культура и нравственность держат государство «на плаву», не дают ему рассыпаться. Выдающийся русский историк С.Н. Соловьев сказал, что выход из первой русской смуты XVII века начался с нравственного прозрения общества. Вот и сейчас остановить сползание страны в пропасть невозможно без широкого духовно-нравственного движения. Конечная задача — переход общества в новое устойчивое состояние, отвечающее реалиям XXI века. А это требует поиска новых культурных форм и духовных ценностей, способных выразить жизнь народа в современной фазе исторического развития. Разумеется, их разработка должна идти в русле национальной традиции. Пора перестать смотреть на свою страну, как на целину, которую можно без кон-

ца перепахивать, уничтожая при этом культурные слои предшествующих периодов. Все уникальное разнообразие культурных российских ландшафтов должно быть надежно защищено и сохранено. Россия должна остаться Россией. Только так она может с пользой для себя осваивать опыт других стран и народов, сохраняя при этом свое собственное лицо, честь и достоинство.

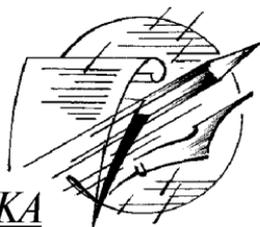
ЕЛЬЦИНИЗМ — ТЕХНОЛОГИЯ ЗАКУЛИСЫ

25 лет назад страна узнала, что на свете существует Борис Ельцин. Управлять Москвой в 1985 году был поставлен будущий разрушитель страны.

Мы привыкли видеть канву событий по средствам массовой информации. Поэтому нам часто кажется, что жизнь государства проходит в борьбе партий, заседаниях парламента, поездках президента и премьера по стране и так далее. В действительности под этим очевидным планом реальности существует другой, и в нем нет тех противоречий, которые представляются нам значимыми. Там нет разницы между коммунистами и антикоммунистами, либералами и сторонниками «сильной руки». Там другие правила игры и цели, которые открыто не декларируются.

Без понимания этого обстоятельства невозможно определить, откуда взялся Ельцин и почему из заурядного руководителя советского периода он превратился в таран, которым было разрушено одно из мощнейших государств мира. Нет, не по коммунизму, а именно по России бил этот таран. В коммунизм никто и не прицеливался. Прицеливались в Россию, зная, что она скрывается за обветшалым фасадом СССР.

Те, кто помнит первые появления Ельцина на публике, наверняка вспомнят и

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

свое разочарование. Ельцин в газетных публикациях и теле-трансляциях был один, а в жизни совсем другим — серым, косноязычным, путающимся в мыслях и карикатурно играющим на публику. Привлекательным его делали не личные качества, а загоревшаяся в народе страсть к справедливости и отрицание надоевших догматов марксизма-ленинизма. Образ Ельцина делала толпа. Рациональный ум не мог принять его. Только в толпе можно было счесть Ельцина значимой и достойной фигурой.

В биографии Ельцина нет ничего, что предвещало бы его взлет к высотам власти. Сочинение «Исповедь на заданную тему» было фантазией по мотивам его биографии. Причем, не его собственной, а тех, кто решил сочинить для России новую историю — стереть всю прежнюю и начать с чистого листа, переписывая буквари западных демократий, давно списанные в утиль. Только так могучая держава могла превратиться в попрошайку у своих вчерашних врагов.

Из Ельцина-чиновника закулисным кругам нужно было сделать иную личность. Чтобы никто не вспомнил его номенклатурного происхождения. Чтобы позабылось, что это был один из обласканных властью счастливцев — один из тех, кто верно служил коммунистической доктрине. С 1978 года он постоянно избирался депутатом Верховного Совета СССР, в 1981 году оказался членом ЦК КПСС. Впрочем, карьерный путь Ельцина ничем не отличался от множества аналогичных партийцев среднего звена.

Внезапный прыжок из руководителей среднего звена был связан с явлением Горбачева. Месяца не прошло с воцарения Михаила Сергеевича в Кремле, как Борис Николаевич был выписан с Урала, чтобы возглавить в ЦК Отдел строительства, а через короткое время получить пост секретаря ЦК по строительству. В конце 1985 года Ельцин становится креатурой Горбачева на посту руководителя московской парторганизации. Фактически это был прорыв в партийную элиту, где новый Генсек убирал прежнее престарелое руководство, которое намеревалось руководить им, как мальчишкой. Но у Горбачева были закулисные советники и сторонники, которые давно готовились к главному: переделу государственной машины под себя, фактическому захвату богатств страны. Во второй половине 80-х в недрах административно-командной системы уже действовали группы, планировавшие воровскую приватизацию и обнуление накоплений граждан через освобождение цен. Андроповские кадры держали связь с зарубежными диссидентами. А

потом все это пошло в общество — и идейные разработки, и снабженные ими говоруны и пахари газетных страниц. Дорогу им открыл Горбачев.

Московский стиль Ельцина был разработан так же, как и планы приватизации. Ельцин вовсе не был близок к народу. Его таковым сделали всего лишь несколькими акциями: фотография за обедом в рабочей столовой, демонстрация ботинок «Скороход» на ноге столичного руководителя, поездка в московском трамвае. Наивные советские люди и думать не могли о том, что когда-то столкнутся с подобным. И не могли себе представить, что так их ловят на крючок. С одной целью: ограбить так, как еще никто и никогда в истории не грабил.

На Ельцина работала вовсе не какая-то иностранная спецслужба. Закулисная группа вольготно обосновалась в партноменклатуре, где давно никто уже не верил в «светлое коммунистическое будущее». Ельцин сам никогда бы не рискнул заговорить на съезде партии о «перерождении кадров» и «порочных методах руководства». Речь ему написали. Растиражировав эту речь, руководство КПСС вполне осознанно и намеренно сделало из Ельцина героя толпы. Номенклатура жаждала перемен. Совсем не тех, конечно же, которых хотела страна. У Ельцина не было никаких причин, чтобы отказываться от своих постов. По какому-то не известному нам плану он намеренно пошел на обострение, начиная с лета 1987 года. Пленум ЦК КПСС сыграл спектакль, где Ельцин и Горбачев имели заранее распределенные роли. Роль, правда, оказалась для Ельцина непосильной. Он выступил с покаянной речью, а потом чуть не покончил с собой. Зато в защиту Ельцина в Москве и Свердловске прошли уникальные для того времени митинги — крайне малочисленные, надо сказать. Но кухонные дебаты уже раскаляли общество.

Ельцин рассматривался первоначально только как ударная сила против геронтократии. Когда же партийные консерваторы устроили Ельцину примерную трепку, Горбачев не встал на его защиту. Он лишь спас его от полного краха карьеры — оставил в ЦК и дал министерский пост в Госстрое. Спас на свою голову. Потому что ожидания толпы сделали из мямлившего что-то про «партийное товарищество» Ельцина надежду всего т.н. «прогрессивного человечества». Его ссылка в Госстрой показалась людям, не искушенным в политике, чудовищной опалой. Им нечего было обсуждать, кроме этого события, ставшего самым ярким за многие десятилетия, когда политикой называли газетную жвачку из дежурных тем.

Подарком для Ельцина от закулисы было предоставление ему возможности участвовать в выборах народных депутатов СССР в Москве в 1989 году. Триумф был запланирован и состоялся. При этом предвыборная программа бунтаря не выходила за рамки коммунистической перестроечной риторики. Ее привлекательность исчерпывалась обещанием бороться с привилегиями. И Ельцин собрал почти 90% голосов. Дальше состоялась опять же явно заказная комбинация прохождения Ельцина в Верховный Совет СССР. Он не пользовался поддержкой в партийной среде и голосов при первой попытке недобрал. Тогда ему свое место «уступил» Алексей Казанник. Подобное было, конечно же, полным абсурдом. Горбачев допустил это, хотя в те времена он без труда манипулировал регламентными нормами, когда ему это было нужно. В тот момент закулиса требовала для Ельцина статуса в высшем эшелоне советской власти. При этом всю политическую работу по подрыву государственности вели за него другие ставленники закулисы, образовавшие руководство Межрегиональной депутатской группы.

Удивительно, но репутации Ельцина не повредила тогда даже история «купания в реке», выданная им самим и обслуживавшими его журналистами за покушение. В действительности это была история стареющего ловеласа, получившего урок от соперника. Над этой историей в народе разве что похихатывали. Точно так же была воспринята и информация о беспробудном пьянстве Ельцина во время поездки в США с лекциями. Конечно, никаких лекций он читать не мог. О них не осталось никаких воспоминаний. Это были смотрины. Ельцин прошел их успешно. А наивный народ прощал своему любимцу всё и не верил ни в одну темную историю и ни одному нелицеприятному доводу.

Закулисе стало ясно, что Ельцин приобрел ту харизму, которую ему старательно формировали, но депутаты СССР вовсе не питали иллюзий на его счет и никакого очарования скандальной фигурой не испытывали. Поэтому карьерная судьба Ельцина должна была состояться во второстепенном на ту пору Верховном Совете РСФСР. И там у Ельцина поначалу ничего не клеилось. В двух турах голосования он не смог занять пост председателя. Не хватало трех десятков голосов. Их набрали несколькими интригами: закулисными переговорами с депутатами от Чечено-Ингушетии (тут был пролог Чеченской войны), демонстрацией фильма С.Говорухина «Так жить нельзя» и личным выступлением Горбачева. По воле Горбачева в третьем голосовании конкурент Ельцина был заменен на более слабого, а сам Генсек высказался против

Ельцина. Горбачев знал, что в тот момент в партии уже сложилось стойкое неприятие его фигуры. После его выступления эмоции подтолкнули к Ельцину тех, кто в иной ситуации его бы не поддержал. Нужно число голосов было обеспечено, и Ельцин тут же без обиняков заявил, что «Россия будет самостоятельна во всем, и ее решения должны быть выше союзных».

Таким образом расстановка действующих лиц по сценарию разрушения страны была завершена. Оставалось лишь сыграть в опереточный «путч», удержать Ельцина от торопливого бегства в американское посольство и низложить союзные органы власти. Россия, временно поименованная СССР, была уничтожена. От ее величия не осталось ничего, кроме воспоминаний и горьких разочарований. То, что теперь называется Россией, справедливо всегда именовать Российской Федерацией. Потому что от исторической России в ней осталось очень немного. Разве что надежда вернуть утраченное.

Соратники Ельцина сделали многое, чтобы оправдать перед историей то, что они натворили. Они прославили своего лидера как героя, который «освободил» народ. Они добились от Московской Патриархии такого посмертного прославления Ельцина, как будто он был монархом всея Руси. Но они не смогли убедить народ, прошедший через чудовищные страдания и оскорбленный бессовестностью власти, так много обещавшей, но сделавшей прямо противоположное — разграбившей и унизившей страну.

Необходимость оправдаться для ельцинистов обусловлена вовсе не стремлением сохранить лицо. Закулиса, которая приобрела теперь статус олигархии, продолжает действовать и заказывать ложь как публицистам, так и действующей власти. Ложь о Ельцине. Эта ложь нужна тем и другим, потому что их все еще страшит обвинение в государственной измене и ужас перед разоблачением, в результате которого придется распрощаться с собственностью и капиталами, захваченными в период смуты.

Ельцин по-прежнему остается гарантом созданного партноменклатурой олигархического режима.

ПОСЛЕДНЯЯ СТОЯНКА

ПОВЕСТЬ

1

Поздней осенью тридцать восьмого года в Ростове-на-Дону появился шеголеватый командир, в черных петлицах по две шпалы и золотистые танки, значит, майор, танкист, на ладной, схваченной ремнем гимнастерке — орден Красной Звезды. Майор, как и положено танкисту, с ходу взял приступом красавицу, певунью, комсомольского вожака Раису Музыченко. Молодых поселили в добротном доме на горбатой улочке, булыжным ручейком стекающей к Дону, уплотнив при этом жилплощадь гражданина Николая Никифоровича Гупало.

В положенный срок народился крепенький щекастый малец, ором своим перекричавший всех новорожденных. Санитарка, пеленавшая его, тотчас нарекла мальчика Комиссаром. А в ноябре тысяча девятьсот тридцать девятого года бравый командир исчез — вскоре началась война с белофиннами. С той войны майор Кислов не вернулся, пал смертью храбрых. И Раиса Кислова осталась одна с дитем на руках. Характер, однако, у нее был крепкий. Мальчонка особенно хорошо засыпал под песню «Вихри враждебные реют над нами...» А тут грянула Ве-

ПРОЗА

ликая Отечественная. Эвакуироваться с сыном Раиса не успела, лежала с тяжелой лихорадкой, и, когда пришли немцы, гражданин Гупало, добровольно нацепив повязку полиция, сообщил новой власти, кто есть на самом деле Райка Кислова, большевичка и христопродавка.

Раису при стечении народа повесили на рыночной площади, а мальчика прибрала соседка, кума полиция Евдокия Ильинична Загайная по прозвищу Евдоха.

Вечером того дня, опаивая кума самогоном, Евдоха сказала ему:

— Ты, Миколай, возьми в разум: дите — оно божье, обижать его грех. А что мать большевистская сука, то ей и смерть вышла собачья. Пушай Григорий живет, Загайные — славный казачий род, считай, с самой Сечи тянется, а продолжить яво некому, всех порешили нехристи. Пушай хоть безвинный младенец род продолжит. Мой Василек небось давно голову сложил.

Гупало опорожнил стакан, хрустнул ядерной капусткой и спросил, утирая усы рушником:

— И что тебе надо, кума?

— Новая власть порядок требует. И то верно, распустились. Свой советский паспорт я в нужнике утопила, вот и выправь мне новый, да мальчика туда сынком моим впиши. Свидетелей нетути. Усе вакуировались.

— Делов-то! Будет тебе аусвайс, как гутен морген.

— Чего такое?

— Паспорт. Потому как ты лишенка, пострадавшая от бевсовской власти.

— А я тебя, Миколай, отблагодарю. Ты меня знаешь.

— Знаю, знаю, кума. Ты наливай! Ох, и добрый у тебя самогон. Доверху лей, мне сегодня еще по квартирам жидков шукать. Газом их травить будут, в душегубках, как клопов поганых.

— И то верно, попили нашей кровушки. У меня к тебе еще просьба есть, запиши Гришутку сорок первым годом рождения.

— Эт зачем?

— Береженого Бог бережет. Вдруг Василек вернется, может, в плену он. Скажу, от него.

— Хитра ты, кума.

— Да уж какая есть. И сделай милость, определи ко мне на постой охвицера. Солдатня — не то, все сожрут да вытопчут. А уж охвицера я обихожу, как блин в масле будет кататься. И тебе справа!

— Гутен морген, кума.

— Во-во.

Евдоха была самой толстой бабой в светлом городе Ростове-на-Дону, а уж второй такой крикуньи и вовсе не сыскать. Иерихонская труба. Уже на подходе к рынку, где Евдоха торговывала всякой всячиной, слышен был ее зычный голос, с басовитых нот переходящий в злобный визг. А уж коли взъярится, то, считай, пропал человек, грязью обольет, да еще и матерком поддаст, от которого даже мужики зябко шуряются. Была она не из местных, выдавала себя за трудовую крестьянку, потерпевшую от беляков. Вроде как и справка у нее на этот счет имелась. С ней не связывались, участковый стороной обходил крепкий домик Евдохи.

Муж ее, Василек, был в два раза тоньше, да и ростом пониже. Мужики усмехались: «При такой бабе не до жиру, заездит». А вот детей у супругов не было. Куда только Евдоха ни ходила, к кому ни обращалась — все равно пуста была. Не дает Бог дите, и все.

Василек — Василий Григорьевич Загайный — тихоня, глаза в землю, работал слесарем в вагоноремонтном депо. Говорили, что такого мастера хоть с фонарем шукай, не сыщешь — все умел делать. С ним даже начальник депо за ручку здоровался, фотография слесаря Загайного В.Г. из года в год висела на Доске почета, а уж почетными грамотами можно было всю горницу обклеить. Но раз в месяц на Василька находило. Случалось это обычно в субботу вечером, после бани. Василек менялся в лице, смирение сползало с его узкого, с шишками скул лица, весь он становился как бы больше, шире в плечах, и Евдоха, поджав губы, выставляла на стол четверть грушевого самогона — поднеси спичку, и полыхнет синим с желтыми прогалинами пламенем. Пил Василек один, стаканами, закусывал кислой капустой — большую глиняную макитру мог усидеть. Потом в белье выходил на улицу и всем подряд мужикам предлагал «стыкнуться» на кулачках. И хоть тощ был, но жилист, силен и увертлив. Не один крепкий хлопец, матерясь, корчился в пыли, получив чугунным кулачищем поддых. В эти часы Евдоха боялась мужа, тряслась, сидя на кухне. Кончалось всегда одним и тем же: мужики гуртом наваливались на Василька, вязали простынями и, наподдав в бока, волокли к жене, укладывали на половик, расстеленный в саду, а уж зимой на холодную террасу.

Василек отсыпался, сам снимал путы, выпивал жбан взвару и как ни в чем не бывало уходил на работу. Тут уж Евдоха брала власть в свои руки и ела мужика поедом. Василек только вздыхал, как корова в хлеву.

Кум сдержал свое обещание. И недели не прошло, как у дома Евдохи остановился длинный автомобиль с откидным

верхом. Шофер зеленым кузнечиком-кобылкой выскочил из машины, распахнул заднюю дверцу, и на булыжную мостовую ступил маленький шустрый офицер с такой крошечной головкой, что фуражка на ней казалась детской. Видать, был он большим начальником, потому как другой офицер, высокий и плотный, перед ним лебезил, прогибался. А у калитки грибом-поганкой застыл полицаи Гупало.

Важный офицер сунул под мышку палочку, вроде ребячьего кнутовища и, повертев головкой, ступил во двор. Евдоха все с умом рассчитала, и сама подготовилась, причипурилась. Важный офицер, которого высокий блондинчик уважительно называл герр Гольдринг, увидев Евдоху, остолбенел. На его белом пухлявом лице запечатлелось восхищение.

— О-о-о! — только и протяну он.

Евдоха одно время работала официанткой в вагоне-ресторане поезда «Москва—Минеральные Воды» и знала, как накрыть на стол. Накрахмаленные салфетки торчали сахарными искристыми головами. И закусочка была соответствующая: малосольный донской рыбец, розовое сало, капуста, патиссончики в маринаде и прочее. Герр Гольдринг на стол в горнице даже не взглянул, а подошел к иконостасу, где у темного лика Спасителя желтой точкой светила лампада, и замер, как собака на утиной охоте.

— Это есть шедевр! — сказал он высокому офицеру, тот угодливо закивал.

Еще дедовы иконы в советскую пору Евдоха хранила на горище в мешке, пропитанном пчелиным воском. В межколонье висела фотография отца Василька — сотника Григория Васильевича Загайного с тремя Георгиями на черкеске с газырями. Сотник стоял, опираясь на обнаженную саблю.

— Кто есть? — спросил герр Гольдринг.

— Эй, ты, кто изображен на фотографии? — на чистом русском спросил белобрысый. — Отвечать коротко, четко!

Евдоха вздрогнула от неожиданности:

— Свекр, царствие ему небесное. Батка мужа маво.

— А где муж?

— Большевики поизвели. Вдовая я.

Блондинчик перевел.

Герр Гольдринг покачал детской головкой:

— Плехо.

Переводчик поманил к себе хозяйку и тихо сказал:

— Господину полковнику твоя хата понравилась. Он подыскивал вот такую казачью хату. Как с санитарными удобствами?

— Душ имеется с котелком, воду всегда подогреть можно, а нужник обычный. Все по-чистому. Но господину можно ведерко приспособить, чтобы ночью не выходить. Я все вымою, прибору. Не имейте сомнения. Мы с пониманием.

— Много не болтать. Спросит — ответь, и все.

— По-каковски?

— Господин полковник понимает по-русски, с разговорной речью сложнее. Место для денщика найдешь?

— А то! Хата просторная, с пристройкой. И постельное белье имеется. Чистый лен.

— Ублажишь полковника — будешь жить хорошо.

И тут совсем некстати вошел Гришутка, в длинной белой рубашонке, ножки толстенькие. Герр Гольдринг озарился улыбкой:

— О, малыш, гуд малыш. Я имею тоже малыш. Как? — Он беспомощно воззрился на переводчика.

— Сын.

— Я-я! Герберт, дать ему... презент.

— Понимаю, герр Гольдринг. Будет исполнено.

Полковник кивнул на стол:

— Шнапс? Герберт, говорить по-русски. Практикум...

— Русский шнапс. Очень крепко.

— Крепко — карашо! Но завтра, — он еще что-то пробормотал по-немецки.

— Хозяйку зовут Евда. Человек проверенный.

— Тогда едем. Гуттен таг, Евда.

Колыхнувшись, громадина согнулась в поклоне, а Гришка вдруг засмеялся, громко, как колокольчик зазвенел.

Полковник Генрих фон Гольдринг переехал лишь вечером следующего дня. А пока связисты тянули кабель, устанавливали телефон, минеры шастали по двору с миноискателями, забор обмотали в два ряда колючкой. При полковнике — денщик, чисто свинья в ермолке: башка бритая, пилотка на макушке, ресницы белесые, пузо, как у самой Евдохи. И псиной от него несет. Евдоха взяла немчуру за руку и повела в душ.

— Иди, варнак, ноги мой.

Денщик захохотал:

— Варнак — нет! Ганс! — Он похлопал себя по пухлой груди.

За сценкой с крыльца с улыбкой наблюдал полковник Генрих фон Гольдринг.

Немец тихий оказался, а уж квелый — соплей перешибешь, на головке пух цыплячий растет. Халат наденет, а под

ним ножки тоненькие, в кальсончиках. И в чем только душа держится? Вечерами патефон крутит, и все грустное, такое на похоронах деповский оркестр играл. Консервы ему возили ящичками. Тут и мясо, и рыба, и фрукты, и черт в ступе: не то улитки, не то еще какая погань. Щедрый: «Кушать, Евда, мальшик кушать!» Носила продавать на рынок, чтобы купить настоящую еду, — еще Гришутка отравится.

А взгляд у полковника цепкий, так и ел Евдоху глазами, когда колыхала она перед ним телесами. Ночами думала: «Неужто придет, козий выкидыш?» Как-то пришел, скользнул под перину, легкий, как паучок, пошаркал, повозился, поскулил и к себе. Разве то мужик? Вот Василек, бывалоче, Господи, царствие ему небесное и вечный покой.

А уж ел герр Гольдринг — котенок больше лакает. По утрам Евдоха кашку ему варила. Чудно, чтобы мужик кашкой пробавлялся. Ведь не дите малое. Нет, если вся власть такая будет — жить можно. Только в городе нехорошее творилось: облавы, расстрелы, по улицам раскатывали машины, крашенные в болотный цвет, — душегубки. На рыночной площади повешенные на ветру качались, поскрипывая, как сухая ботва. Евдоха успокаивала себя: большевиков кончают да евреев. Так и ладненько. Знакомые с ней не здоровались, как увидят, зенки в землю. А в начале февраля сорок третьего года все переменилось. На толкучке бабы шушукались: наши скоро придут, уже близко. А и впрямь, ночью из Задонья слышался гул, он все нарастал, будто волнами накатывал. Немцы шмонали по домам, брали все, что ни попадя. В хату к Евдохе никто сунуться не посмел. Герр Гольдринг собрался в одночасье. Вечером долго стоял перед иконостасом, вглядываясь в затемненный лик Иисуса, потом сказал:

— Я желаю это купить.

Евдоха заколыхала грудями:

— Батюшка, возьми так, в подарок, — а сама подумала: «Ой, негоже, ой, лихо дедову икону немчуре дарить. Накажет меня Господь. Спаси и помилуй, не для себя же, для Гришутки стараюсь».

— Данке шен, спасибо! — полковник грустно улыбнулся, снял с руки перстень и протянул Евдохе: — По-да-рок. Война — плехо. Нет война, я — профессоре. Ауфидерзейн, фрау Евда.

Забегая вперед, скажем, что перстенок с камушком, подарок отпрыска древнего рода Генриха фон Гольдринга, известного архитектора и специалиста по фортификационным сооружениям, помог семье Загайных пережить голодную зиму сорок седьмого года.

Красная Армия налетела вихрем: вроде бы тихо было, а вот уже танки ползут вверх от Дона по заснеженным улицам, народ ликует, бабы ревут и смеются, и полно пьяных. А над городом смрад завис, отовсюду несет пожарищем.

Евдоха ночь простояла на коленях перед образами, все молила у Бога прощения. Не простил. Утром заявился майор в синей фуражке. Лицо сухое, жеваное, глаза серые, с зеленцой, грудь в орденах. Два автоматчика встали на крыльце.

Майор поскрипел портупеей и сказал:

— Ну что, Евдокия Ильинична, докладывай, как сотруди-
ничала с немецкими оккупантами.

Евдоха по привычке заорала:

— Какими такими оккупантами? Немец стоял, верно. Так мне что ж его, гнать? У меня дите малое на руках.

У майора враз глаза стали белые, и он тихо, а потому и страшно, не разжимая губ, просипел:

— Ты меня, курва, на горло не бери. Я таких, как ты, сот-
нями к стенке ставил. Лучший исход для тебя, подстилка
немецкая!

Сердце у Евдохи оборвалось, ухнуло куда-то вниз, а в ушах
звон такой, будто в колокола звонят, как на Пасху в былые
времена.

— Говори, где кума своего, полиция Гупало сховала? Ну-у!

— Да какой он мне кум, хай ему грец, подлюге. С немцами
убег, сама видела. Кум, тоже! Сосеждествовали с довоенной поры,
было, заходил. Самогонкой поила. Все для дитя. Меня порешат,
с кем дитя останется? Мужик на фронте голову сложил...

Майор усмехнулся:

— О ребенке государство позаботится. Товарищ Сталин
сказал: «Сын за отца не в ответе».

Тут и выскочил из-под кровати Гришутка, кинулся к Ев-
дохе, заревел:

— Мамка, мамка!

Майор глянул на него, помягчел, шваркнул с порога:

— Из дома не выходить! Проверочку я тебе, сучара, уст-
рою по полной программе!

И все же явил Господь чудо. Через три дня — Евдоха провела
их без сна, обливаясь смертным потом, — сама собой распах-
нулась калитка, не видать было, кто ее открыл, да и куст сморо-
дины загораживал дорожку к хате. Евдоха, вешающая на ве-
ревку белье, застыла от ужаса: вот она, смертушка, хоронятся в
кустах энкавэдэшники. Послышался скрип, потрескивание,
будто тяжелое что выкатывали к хате, видать, пулемет. Мокрая
простыня шлепнулась на грядку. Тишину разрушил голос:

— Есть кто живой?

Отяжелев телом, на ватных ногах Евдоха шажками потянулась к калитке и увидела там половину человека, сидящего в деревянной коляске, сбоку вместо колес торчали шарикоподшипники. На человеке была вылинявшая гимнастерка, на погонах красная поперечина. Из-под пилотки глядели веселые голубые глаза.

— Василек! — сложила онемевшими губами Евдоха и зарыдала так громко, что со смороды пырнулись в разные стороны воробы.

— Примешь калеку? — спросил Василек, дергая щекой.

— Родненький мой, родненький, — обхватила мужа Евдоха, попыталась поднять и не смогла, тяжел был, будто вся тяжесть войны скопилась в нем. А откуда-то издалека, может быть, с самого неба, послышался ликующий крик Гришутки:

— Батянька-а!

С ходу кинулся хлопчик к солдату, обхватил руками заскорую шею, натыкаясь мордашкой на жесткие, прокурренные и отчего-то вдруг ставшими мокрыми усы.

— Твой! — твердо сказала Евдоха.

— Когда ж поспела? — недоверчиво спросил Василек, вытирая черными руками мокрые глаза. — Почему молчала?

— Сглазу боялась. При моем брюхе разве заметишь, что я понесла?

— Рожала при немцах?

— Какое там! Наши-то по первости отбили город. Немец в июле сорок второго вошел. Врачиха, евреечка вакуированная, у меня жила. Она и приняла роды. Натерпелась, не спрашивай. Евреечка, когда немец пришел, подалась ночью к Дону, там и попала в облаву. Фашисты их, сердечных, прям в душегубки заталкивали. Григорием сына назвала в честь отца твоего.

— Ох, спасибо тебе, Евдокея. А ведь я и по сей день не знаю, жив ли либо на том свете нахожусь. — Поднял мальчонку сильными руками.

А Гришутка, болтая ножками, спросил:

— Гостинец привез?

— А то! Багажом идет. Рази привезешь его в заплечном мешке?

— Такой большой?

— Да поболее тебя будет. Ежели не сперли в дороге. А сперли — новый гостинец купим. Накрывай на стол, Евдокея, а допрежь в корыте помой. Я нынче везде помещаюсь. Укоротили, гады! И бельишко чистое дай.

Евдоха, пережив растерянность, засуетилась:

— Твое-то от греха я закопала за сарайкой, сгнило небось. Есть немецкое, новое, денщик, когда драпали, забыл. Сойдет?

— А то? Я одежду с мертвых сымал, в кровище, и ничего, донашивал. Мне теперь все нипочем. Ты, Гриша, иди, поиграй, а мы с мамкой разговоры будем разговаривать.

Сидели они в чистой горнице, где вместо иконостаса уже висел на гвоздочке портрет товарища Сталина довоенной поры. Исчезла и старинная фотография, запечатлевшая сотника Григория Васильевича Загайного в канун Русско-японской войны. На столе четверть самогона, закуска, банки немецких консервов.

Василек не без труда взгромоздился на стул, став вровень с женой, пил стаканами и не пьянел, только речь путалась, одно слово лепилось к другому, вроде жердей в загоне для скота, получалось слитное одно словище, пугавшее Евлоху: «Поначалулпенбежалштрафбатискупилвинукровьювойна-война...»

Внезапно Василек уронил голову на грудь, уснул, и одутловатое лицо его все время дергалось, словно корчи терзали его, разъеда я душу. Проснулся через полчаса, глянул на жену просветленными глазами и, утерев выкатившуюся слезу, сказал:

— Со свиданьицем, Евдокея.

Евдоха вздохнула:

— Немец у меня на постое жил. Охвицер тихий да квелый. Дерьмо за ним убирала. А как не убрать, пристрелит, дите на руках. Ты Миколая Гупалу, соседа нашего, помнишь?

— Как не помнить? Кулак недорезанный.

— В полицаи пошел. Сколько невинных душ погубил! Днями майор в синей фуражке приходил. Лаялся, мол, выдай ему Гупалу, не то к стенке поставлю. А тот с немцами утек.

— Во ему, твоему майору! — Василек скрутил здоровенную дулю и кулаком по столу стукнул: — Вернулся с фронта инвалид войны, кавалер двух орденов Славы. Охмырнется, вошь тыловая!

Майор и в самом деле больше не появлялся. А Евдоха стало смело смотреть людям в глаза, и с ней здоровались.

2

Первым делом Василий Григорьевич Загайный достал их схрана небольшой токарный станочек, а с ним и инструмент, штучный, отборный — такого нынче не сыщешь. Мастерс-

кую в сарайке устроил, верстачок там уже имелся, станина для станочка сохранилась — все чин-чинарем. Даже сварочный агрегат трофейный удалось добыть.

Там-то, в сарайке, Василек и смастерил чудо коляску-самокат: два колеса от трофейного велосипеда, дутыш от сгоревшего немецкого планера, остальное — подсобный материал. Немцы техники много оставили, бери — не хочю. Тут тебе и алюминий, и гильзы разных калибров, и конструкции, нужные в деле. Коляска вышла удивительная, легкая, из никелированных трубок, два рычага, вроде танковых, и рулевое управление. Фабричные инвалидные коляски по сравнению с творением Василька выглядели гробами на колесах. По ступенькам высокого крыльца Василек проложил оббитые резиной строганные досочки, а на предмет подъема имелся тросик. Ухватится за опору герой войны, одно движение — и он в хате. К коляске приспособил откидывающуюся площадку, чтобы ловчее на стул перескочить да в кровать перебраться под бочок к жене. С этим делом у Василька все было в порядке, так что Евдоха ходила павой, вертя могучим задом.

В мастерской Василек наострил изготавлять зажигалки, не гаснущие на ветру, разного рода дешевые украшения, портсигары, на которых хорошо смотрелась искусная гравировка: «Давай закурим, однополчанин», «За победу!». Подделки шли нарасхват. И на рынке, как и прежде, гремел голос Евдохи. Выполнял Василек любую работу: чинил примуса, швейные машинки, патефоны и велосипеды, лудил кастрюли, паял, сверлил. Брал за работу недорого, а с солдатских вдов и вовсе денег не брал, те отдаривались натуральным продуктом: десятком яиц, кульком с пирожками, кто чем.

Парнишка с шести лет при отце. Не по возрасту крепкий,мышленный, все на лету схватывает. «Наш корень, — радовался Василек, все чаще и чаще обнаруживая в Гришке родные черты, — весь в Загайновскую породу».

В семь лет Гриша пошел в школу. Учился хорошо, особенно по арифметике и другим точным предметам, а вот с русским языком худо. И помочь некому. У отца четыре класса, мать тоже малограмотная, только деньги считать умеет. Читал Гриша мало, в доме книг не было. Да и времени на уроки не оставалось: на нем огород, в бак душевой воды натаскай, за кабанчиком, курами пригляди, и отцу в мастерской помочь нужно. На улицу играть с ребятами не ходил, отец сказал: не доведут огольцы до добра.

Если Одесса — мама, то Ростов-на-Дону уж точно папа. Блатных и своих, и залетных — тьма тьмуцая. Вечером на-

род выходил только по крайней нужде. Уличные пацаны сбивались в стаи, многие ходили с финками и кастетами, зазывали Гришу к себе, он отнекивался: «Батяня инвалид, без ног, помогать нужно, да и мамка прибалывает». Урки скалились: «Это оттого, что ее немец мял, офицерик, на болотную лягву похожий». Гришу били не раз. Он не сопротивлялся, терпел, приходил домой в крови, с синяками.

Как-то отец спросил:

— Бьют?

— Бьют, батянька.

— Это хорошо, что терпишь, но ты мужик и защищать себя уметь должен. Твой батянька первым был на улице на кулачках драться. А почему? Приемы знал. Приемам меня один москвич обучил, когда я срочную в Сибири служил. Эх, кабы не ноги. Ты вот что, брось на солнышко старый чувал, что в сараюшке лежит. Натаскай ведерко песка, просыпь на мешковину.

— А зачем?

— Слухай, Григорий Васильевич. Песок перебери, чтобы ракушек да камней не было. Взял в ум? В мастерской лежит кожа, что я с сиденья побитого «хорьха» срезал. Тащи сюда да прихвати дратву, иглу, шило.

К вечеру соорудил Василек штуковину. Вроде как кожаная груша, с проушиной, где стебелек у груши начинается. Насыпал в нее отец мелкого речного песка, туго замотал основание сыромятным ремешком, а в проушину вставил веревку.

— Кинь-ка, сынок, веревочку на ветку старой яблони. От так. Пониже опусти грушу-то да укрепи веревку узелком, каким я тебя учил вязать.

— Чудно, батянька.

— А это мы чичас поглядим. Встань-ка от меня в трех шагах. — Василек уселся поудобнее в коляске, взял в руку грушу, примерился, качнул ее и прямехонько угодил Гришке в лоб. Тот и сел на задницу. — Ну, как?

— Бо-о-льно.

— А ты не зевай, уклоняйся, ныряй под нее, суку. Вроде как от кулаков уличной шпаны уворачиваешься. Давай-кось. Только теперича сам качай, отталкивая от себя.

На крыльцо вышла Евдоха:

— О-от, лышенько. Совсем из ума повывлезли, что старый, что малый. Баловство одно.

— Цыц, баба, то дело мужицкое.

Потом показал Василек сыну, как по груше бить кулаком, как руку ставить, какие точки на противнике уязвимы особенно.

— Ты руками-то башку закрой, дождись, когда на тебя с ударом пойдет оголец, ты ему ответную. По сопатке не бей, меть в скулу и в поддых. Есть минутка, занимайся с грушей кажин день.

Дело у Гришки пошло, ловок он был, увертлив, да и силен не по годам. Месяц прошел или чуть поболее, шел Гриша из школы, дорогу ему преградил Безухий, ухо ему немецким осколком срезало. С ним еще трое.

— Поди сюда, шкет, буду из тебя сопли давить, — усмехнулся Безухий, — руки ну прямо чешутся.

Гриша посмотрел на него снизу вверх, страшно стало, однако не показал виду, не стушевался:

— Что же вы, пацаны, всегда на меня кодлом идете? Давай, Безухий, с тобой стыкнемся.

Безухий даже растерялся:

— Ты со мной?

— А чего? По справедливости.

— Ну, гляди, сам напросился.

Размахнулся, ударил правой и... не попал. Озлился, кинулся вперед, а Гришка уклонился и саданул его под правое ребро. Тут-то и выяснилось, что кулачок у него тяжелый, вроде как с гирькой.

Безухий шлепнулся на мостовую, заскреб по булыжнику ногами. Сел, пуча от боли глаза, попытался продохнуть, не получилось.

— Убил, пала! Зарезал! — завопил один из шестерок. — Атас, пацаны!

Мальчишки пырснули в разные стороны, а Гриша, не веря в свою удачу, поплелся домой. С той поры его больше не трогали.

После школы Григорий поступал в Ростовский институт инженеров железнодорожного транспорта, но не прошел, срезался на сочинении. Двинул по проторенной дорожке слесарить в вагоноремонтное депо, где раньше работал его батяня. Парень крепкий, дело освоил быстро, а что, рабочая косточка, известность Василия Григорьевича Загайного еще не выветрилась, пожилые рабочие, кто остался после войны, помнили его отца. Чтобы занять вечера, записался в секцию тяжелой атлетики и через месяц тренировок, к удивлению многих, на областных соревнованиях выполнил норму первого разряда, занял призовое место, а вскоре стал чемпионом. На молодого штангиста обратили внимание тренеры, включили в сборную. А тут пришло идти в армию.

Беседовал с Гришей Загайным сам районный военком полковник Куделько Иван Митрофанович. Разглядывая призывника, полковник сказал:

— Ну, с тобой, чемпион, дело ясное. После курса молодого бойца прямиком в спортивную роту Северо-Кавказского военного округа. Как?

— Я согласен.

Полковник помолчал, погладил крапчатую лысину и спросил, глядя с прищуром:

— А ты подумай, нужно тебе это?

— Как?

— Профессиональным спортсменом хочешь стать? В Институт имени Лесгафта поступать собрался? И что? Будешь физкультуру в школе преподавать?

— Не-е, меня к технике тянет. Отслужу и подамся в среднее речное училище. Стану баржи по Дону водить.

— Во-во, уже теплее, Григорий Васильевич. Только зачем же тебе среднее училище? У меня для тебя разнарядочка имеется в Высшее Военно-Морское училище имени товарища Фрунзе, что в Ленинграде. Там спорт сильно развит. И не баржи будешь гнать по рекам, а боевые корабли водить.

— Да разве туда поступишь? Конкурс небось большой.

— С математикой и физикой у тебя как?

— Пятерки круглые. Эти предметы сдам, английский язык спихну, а вот на сочинении обязательно срежусь.

— Я тебе помогу, у меня жинка учитель русского языка, она тебя подтянет.

— Дорого, наверное?

— С ума спятил? Что она, с сына инвалида Великой Отечественной войны деньги брать станет?

— А если не поступлю?

— Не поступишь, хоть Ленинград за казенный счет увидишь, чудак. Садись, пиши рапорт.

Гриша написал, а дома вышел переполох.

— Не пушу, не пушу! — ревела на весь двор Евдоха. — Кровиночка моя, Гришенька, армию отслужишь, вертайся домой, женись. Я внучонка хочу!

Василек трезвый, в чистой рубашке, молча сидел, катал желваками по скулам. Потом отрезал:

— Цыть, баба! Не всю же жизнь ему в масле да мазуте! Нынче образованные нужны. А тут в Ленинграде, в наилучшем училище, на всем готовом, учишься — не хочешь. А хвормочка! Кителек белый, кортик золотой. Нет, Евдокея, дети дальше нас должны идти. А внучат он нам соорудит. Женилка у него — всякой бабе радость.

— А мы-то как?

— Доскрипим.

В училище, что на Васильевском острове, Григорий поступил легко, даже сам удивился. По русскому и литературе — четверки, натаскала его жинка военкома, Наталья Федорова.

Тягости курсантской жизни Григорий Загайный переносил легко, сказались занятия спортом. На казенных хлебах Гриша раздался, из полусреднего в средний вес шагнул. Его попытались завлечь в секцию бокса. Весь первый курс ходил на тренировки, а на втором, на первенстве училища, так хлестанул своим левым боковым прошлогоднего чемпиона старшекурсника, что того унесли с ринга на носилках, парень месяц пролежал в госпитале. После этого случая Григорий наотрез отказался драться, перешел в секцию тяжелой атлетики, вскоре выполнил норму мастера спорта, завоевал звание чемпиона Вооруженных Сил. В учебе не отставал — крепкий середнячок, в увольнения ходил редко — не до того, только если в театр или кино. В знаменитых балах в зале Революции училища не участвовал, да и как пойдешь? Четыре тренировки в неделю да сборы. Так ухайдакивался, мечтал только бы до койки добраться.

Начальство решило чемпиона далеко не отпускать. Лейтенанта Загайного направили служить на Балтику, в дивизион тральщиков-стотонников, что базировался в Таллине. Город полузаграничный, Старый Тоомас, Ратуша, парк Кадриорг — есть на что посмотреть, да и спортзалы имеются. Места Грише знакомые, мичманом стажировку на этом беспокойном дивизионе проходил.

О памятниках культуры и кафе «Клянукук» и «Каролинка», где подавали горячий глентвейн, пришлось забыть — Загайный с ходу угодил на боевое траление. Балтика хоть и Маркизова лужа, мелководье, но раскачивает ее покруче Баренцева моря. Случалось Григорию в осенние шторма до кальсон промокать. В шторм старые мины с минрепов срывает, и плавают эти рогатые клецки на бойких судоходных путях. А кому охота серым ручейком утечь в блеклое балтийское небо?

Командир тральщика, Юра Коротков, годом раньше из училища выпускался, знали, конечно, друг друга, сошлись характерами. И пошла служба. Только служить Грише в Таллине долго не пришлось. Случилось непредвиденное. Как-то вырвался лейтенант Загайный на пару часов в город, кончились бритвенные лезвия, да еще кое-что нужно было купить перед выходом в море. Возвращался в сумерках, моросил дождь, желтая листва, налипшая на асфальт, светилась. Ме-

сто перед Минной гаванью глухое: кусты, перелесок, дома в стороне. Тут-то и явились три эстонских богатыря, крепкие парнишки, да к тому же с кастетами и ножами, это Гриша сразу просек и приготовился. Случаи нападения на моряков националистически настроенной молодежи уже были. Да только на этот раз вышла осечка, как говорили ростовские блатные: «Знал бы прикуп — жил бы в Сочи». Здесь прикупом и не пахло. Первого Загайный уложил своим левым крюком — не зря же год тренировался в секции, второму в нырке врезал по печени, да так, что тот, подвывая, покатился с пригорка, там и затих. А вот у третьего оказался немецкий штык, и что произошло бы дальше — неведомо, не заверещи лесным сверчком милицейский свисток, вслед за ним послышались голоса. Григорий осторожно глянул вправо: на дороге, накренившись в обочину, замер милицейский «воронок», от него к месту происшествия бежали два патрульных: светловолосый, тучный эстонец и чернявый русский капитан, растегивающий на ходу кобуру.

Григорий почувствовал, как теплая струйка стекает по спине, второй налетчик, который все еще лежал, держась за живот и громко икая, достал кастетом. Долговязый, стриженный под «ноль» эстонец успел, видно, скинуть штык, и, тыча пальцем в Загайного, забалобонил по-местному. Вот тут из кустов на Гришкино счастье и выскочила девчонка, школьница с авоськой, набитой продуктами. Какая-то вся несуразная, угловатая — Загайный отметил штопку на чулке. Но хилое это создание было наполнено такой яростью, словно кошка, защищавшая выводок котят. Говорила она по-эстонски, размахивая кулачками перед милиционером-эстонцем, тот растерянно пятился, а русский недоуменно моргал глазами:

— Слышь, Яшка, чего она?

Эстонец ответить не успел, девчонка разом остыла и уже спокойно сказала на чистом русском:

— Этот высокий, — она кивнула на стриженного хулигана, — врет. Русский офицер шел, никого не трогал, а эти трое кинулись на него с ножами — поищите вон там, в траве. Я видела, как дылда туда ножик кинул. Герои! Трое на одного! Хорошо, что русский драться умеет. А вот того, что за щеку держится, я знаю, он сынок городского начальника.

Стриженный матерно выругался. Девчонка ответила на родном языке, да такое сказала, что милиционер-эстонец укоризненно покачал головой. Русский милиционер улыбнулся:

— Девонька, а письменные показания дашь?

Лицо у девчонки вспыхнуло:

— Думаєте, побоюсь?

— Тогда чего зря время терять, Яша, пакуй этих, а я соберу вещдоки и айда в участок.

В «воронке» Григорий, чувствуя, как липнет рубашка к спине, спросил девчонку:

— Как тебя зовут?

Та усмехнулась:

— А тебе зачем?

В районном отделении милиции пахло так, как, наверное, пахнет во всех милицейских участках: безысходностью. В КПЗ заунывно пел пьяный залетный блатняга.

Один из налетчиков, белокурой красавчик, держась за подбородок, что-то резко сказал по-эстонски.

— Что он говорит? — спросил капитан. — Яаак, переведи.

Эстонец потупился:

— Он говорит, что является сыном товарища Рауда и нам будет очень плохо.

— Переведи этому придурку, что я сын Ивана Ивановича Кудярова, а плохо будет ему, потому как на вещдоках наверняка есть его пальчики. В «обезьянник» их, пусть блевотину нюхают.

С участниками происшествия капитан беседовал по очереди. Сначала взял девчонку. Дверь осталась полуоткрытой, и Загайный слышал весь разговор.

— Девонька, зовут тебя как?

— Анна Вилде.

— Где научилась так говорить по-русски?

— Я отличница.

— Какой класс? Моя дочура в восьмом.

— Студентка четвертого курса Бауманки, то есть МВТУ имени Баумана, спецфакультет. Приехала на неделю навес-
тить мать, она болеет.

— Зря ты шутишь. В милиции нельзя шутить. Не положено.

— Студенческий билет показать?

Шуршание, удивленное кряканье капитана.

— Гляди-ка, верно. Никогда бы не подумал, что ты студентка, извини.

— Я же вундеркинд.

— Не понял.

— Сверходаренный ребенок.

— Опять шутишь? Давай пиши заявление, пиши все как есть.

— На каком языке?

Капитан хохотнул:

— А давай на английском.

— Пожалуйста, но вы же ничего не поймете.

— Слушай, ты меня совсем затюкала. Пиши на русском.
— Я еще на эстонском напишу.
— Валяй. И добавь, что помогала собрать вещественные доказательства.

— Зачем?

— Вещдоки имеют особенность иногда исчезать.

Григорий сунулся в дверь:

— Товарищ капитан, у меня корабль скоро в море уйдет, уже наверняка приготовление объявили.

— Садись рядом с этим одаренным дитем и пиши коротко, как в рапорте, только факты. Живо!

Загайный схватил лист, управился в пять минут, а девушка все строчила, косясь на него исподлобья. Капитан, шевеля губами, прочитал писанину Григория, сказал, причмокнув:

— Почерк у тебя загляденье.

— Обычный, штурманский. Товарищ капитан, девушку бы домой нужно проводить.

— Не беспокойся, Яаак отвезет ее на «уазике».

Загайный тронул девушку за плечо:

— Спасибо, Анна. Без вас мне бы не выпутаться.

Девица насмешливо глянула на него:

— Зря вы, лейтенант, после бритья пользуетесь «Шипром».

Он же несвежими носками пахнет.

Капитан захохотал:

— Видал-миндал? Ну, девах!

Григорий как ошпаренный выскочил из отделения милиции и понесся вниз к гавани, на секунду остановился, достал из кармана пузырек с «Шипром» и бросил его в кусты.

По причалу прогуливался тощий, как жердь, Юра Коротков. Увидев Загайного, он выругался и, наливаясь красной, заорал:

— Я тебя на сколько отпускал? На два часа. Мне оперативный плешь проел, пришлось соврать: машина барахлит. Девку, что ли, клеил?

Григорий доложил о происшествии. Коротков сразу погас:

— Е-мое, что делается! Живо в каюту, пиши докладную, рапорт, что хочешь, на имя комдива. Тогда-то, то-то, коротко. Чтобы текст совпадал с тем, что ты в отделении милиции написал. Отправь нарочным дежурному по дивизиону. Не гоже комдива подводить. И сматываемся в море!

Когда вышли за боновые ограждения, Григорий поднялся на мостик. Стоял полный штиль, небо заволокло желтыми тучами, отчего море напоминало кофе с молоком. Коротков закурил и, глянув на помощника, сказал:

— У меня батя сразу после войны лодкой на Балтике командовал. В Лиепае базировались. После учений лодку бати завернули в Таллин: карту, что ли, какую-то секретную в штаб базы сдать. Подошли, ошвартовались. Народ измотан, да еще штормило, работали в надводном положении. В Таллине, когда идешь с секретными документами, положено двух вооруженных матросов брать. Батя мужиков своих пожалел, накинул на китель новенькое кожаное пальто — на барахолке в Лиепае купил, сунул за пояс ГТ, планшет с картой под мышку — и вперед. Чтобы сократить путь и не налететь на патрулей, махнул темными улочками. И вдруг из-за угла трое: у одного ствол, у других ножи. Бандюганы. Двое эстонцев, один вроде русский. Русский говорит: «Снимай пальтишко, корешок. Не будь ты флотским, завалили бы. А так — живи». Делать нечего, снял пальто, кинул им, те — ноги. Зашел в штаб, сдал карту и тут только вспомнил, что пистолет у него за поясом. Ну и обозлился, жаль пальтишко, пошел искать обидчиков, те смылись в сторону Кадриорга. Слышит — шаги, засел в кустах, ждет. Идут те, трое, на одном отцово пальто. Батя пушку наставил, орет: «Оружие на землю, шевельнитесь — убью!» Те руки задрали, лопочут: «Оружия нет» — «Тогда раздевайтесь до трусов». Бандиты разделись, трясутся. Оружия и в самом деле нет.

«Повезло вам, мараться не хочу! Все равно вас патрули возьмут». Подхватил пальтишко и бегом на лодку. Спустился в центральный пост, а старпом ему говорит: «Товарищ командир, пальтецо у вас клеевое, только уходили в черном, а это вроде коричневое». Батя зашел в свою каюту, глянул в зеркало и обалдел — пальто-то не его. Выходит, ограбил какого-то бедолагу. Объявил приготовление и тикать. Во какое дело! А ты, Гришка, везунчик, если бы не эстоночка, хреново бы выглядел.

Вышли в квадрат, приступили к тралению. И двое суток не прошло, от оперативного дежурного команда: «Срочно вернуться в базу!»

— В гроб твою бабушку! Офонарели они там, что ли? — Командир глянул на Загайного. — Помяни мое слово — началось.

— Что началось?

— Совсем дурак? Отголоски твоего мордобоя.

Дали самый полный — и в базу. На причале «газик». Рядом с ним комдив-коротышка, аж подсказывает от злости. Накинулся на командира:

— Коротков, твою ж в душеньку.. Ты что ползешь, как вошь по мокрому пузу? Не мог самый полный дать?

— Я самым полным и шел.
— Молчать! Я с тобой еще разберусь. А ты, чемпион, в машину.

Матросу-водителю комдив приказал:

— Лети, чтобы через десять минут были у штаба базы.

Ехали молча, Загайный не выдержал, спросил:

— Товарищ капитан второго ранга, куда мы?

— К адмиралу. Командир базы хочет тебе лично задницу намылить. А заодно и мне.

— За что?

— За драку.

— Мне что, рожу подставлять? У них финки, кастеты. У меня спина до сих пор ноет.

— Помолчи, без тебя тошно.

Порученец, увидев вошедших офицеров, постучал в дверь кабинета. В приемную вышел адмирал, невысокий, крепко сбитый, цыганистый, с вьющейся седой шевелюрой, на кителе Золотая Звезда Героя, глаза веселые. Глянул на комдива, усмехнулся:

— Мне, Ходырев, драть тебя сегодня настроения нет. Посиди в приемной, а ты, чемпион, заходи, садись.

Загайный дверь прикрыл, сел в глубокое кожаное кресло, внутри пусто, мандраж, как перед финальными соревнованиями. Адмирал походил по кабинету и сказал:

— Хорошо ты эту троицу приложил. Одному даже челюсть сломал. Молодец! Тот ублюдок, кому ты скулу свернул, оказался сыном секретаря горкома. Звон аж в Москву докатился. Хотели все на тебя свернуть, но улики неопровержимые, девчонку дважды в прокуратуре допрашивали — стоит намертво, не запугаешь. Те ей одно, а она: напишу в ЦК партии, пусть знают, как вы бандитов покрываете. Она что, твоя невеста?

— Первый раз увидел.

— От, молодца. А теперь главное, слушай, не перебивай. Никакой драки не было, никто на тебя не нападал, так, повздорили маленько. С кем не бывает. Молчи! Главком подписал приказ о назначении тебя командиром БЧ-1 на сторожевой корабль пятидесятого проекта «Росомаха». То тебе не стонтик, где в галюне задница застревает. Дивизион ПЛО стоит в Северодвинске. Идешь с повышением, должность — капитан-лейтенант. Я Северодвинск знаю, служил там начальником штаба базы. Фартовый городок. Северный Париж. Девочек там... Мда-а...

— Когда прикажете убыть?

Адмирал глянул на часы:

— Поезд через два часа отходит. Лейтенанту собраться, что нищему подпоясаться. И запомни: все забыть, и никому ни слова. Тут высокая политика замешана. Усек?.. Ходырев!

Вошел комдив, красный, на лбу капли пота.

— Лейтенант убывает к новому месту службы. Билеты на поезд, телеграмма с номером приказа о назначении — у адъютанта. Оформишь все задним числом, аттестаты и прочее. Без волокиты! На все про все — час. Поезд уходит через два часа, лейтенанта лично проводишь.

— Есть! А когда мне прибыть на...

— На раздолбон? Отменяется. Указом Президиума Верховного Совета ты награжден орденом за боевое траление. Получишь, когда пришлют.

— Товарищ адмирал, можно вопрос? — спросил Загайный.

— Давай.

— Что со студенткой, эстонкой этой?

— Завтра вместе с матерью улетает в Москву военным бортом. Мать у нее тяжело больна, госпитализируют в центральный госпиталь. Так что конфликт сторон устранен. А теперь бегом, арш!

И комдив затрусил по ковру. Загайный за ним. Когда вышли во двор, комдив сказал:

— Знаешь, лейтенант, чем служба на флоте хороша? Неопределенностью. Готовишь задницу для порки, а тебе говорят: грудь подставляй под орден.

В поезде Григорий впервые напился. Обидно было и как-то беспокойно на душе, выходит, убрали его из Таллина, чтобы не бросить тень на сынка партийного начальника. Замяли дело. В тот день подкосилась у Загайного вера в дружбу народов и в несокрушимость советской власти.

3

Считается, что главные общественные и культурные события происходят в Москве, Ленинграде, Киеве и еще в ряде крупных городов, остальное — провинция. Так-то оно так, но не следует забывать о закрытых городах, выросших вокруг оборонных предприятий. Северодвинск из их числа, ибо по числу людей с высшим образованием на душу населения он в первой четверке, и на улице Ленина, гораздо чаще встретишь человека со значком Ленинской премии, чем на улице Горького в Москве.

К тому времени, как лейтенант Загайный прикатил в режимный городок, Дом культуры на центральной площади уже ввели в строй. На гастроли приезжали лучшие артисты. Ря-

дом со штабом Беломорской военно-морской базы — Дом офицеров, неподалеку спортивный комплекс с бассейном и разными залами. Рай для штангистов. Только спортом Загайному заняться не пришлось. Комдив капитан второго ранга Каравайкин, оглядев крепко скроенного лейтенанта, сказал:

— Хорошо идешь, Загайный, со стотонника на СКР. Видать, кто-то подталкивает.

Григорий, вспомнив приказ адмирала, промолчал.

— О Таллине не жалеешь?

— Никак нет. Неприветливый город.

— Что да, то да. Тогда впрягайся.

Загайный впрягся, и служба пошла.

Как нередко случается на флоте, нашелся на дивизионе знакомый. Сторожевым кораблем «Росомаха» командовал капитан-лейтенант Константин Сергеевич Артемов. Еще недавно третьекурсник Артемов был помощником командира взвода, где числился курсант первого курса Загайный. Диспанция между штурманом и командиром значительная, но встретились они между тем просто, словно зашел Загайный в училищную курилку и оттуда, из дымной голубизны, навстречу ему поднялся улыбающийся помкомвзвода с тремя лычками на погончиках с золотыми якорями. Артемов, несмотря на молодость, считался одним из передовых командиров на Северном флоте. Был Константин Сергеевич в лучшей своей мужской поре — темноволосый, голубоглазый, рослый, форма, скроенная в гарнизонной швальне, сидела на нем превосходно. И когда он шел под руку с женой Машей, синеокой московской красавицей, на них оборачивались. Жили молодожены в двухкомнатной квартирке напротив штаба базы. Загайный частенько бывал в гостях у командира. Маша бешено ревновала мужа и не без оснований: Артемов был ходок, но ловкий, изобретательный, не раз Григорию приходилось выручать старшего товарища и наставника. А когда родилась дочь Зойка — беленькое, пушистое создание, которое в городе так и называли — Белек, Константин поутих.

Нужно сказать, что служба на Беломорье особая. Зимой море покрывается льдом, такие стамухи у забережья накручивает, впору на выставку ледяных фигур, вырезанных умельцами, посылать. Ледоколы пробивали дорожку до Горла Белого моря, но к декабрю море закрывалось на ледяной замок. Сторожевики на зиму выгоняли в незамерзающие порты, а тем, кто застревал в ремонте у причала завода «Звездочка», предстояло зимовать в сложных условиях: палубу корабля обшивали досками, кубрики и каюты обогревали

вспомогательным котелком, а все равно под утро одеяло замерзло к переборке. Время тянулось медленно, жизнь на острове Ягры замирала, и в город выбирались только в случае крайней надобности.

Поморские зимы круты. Это вам не Североморск или Полярный, где поигрывает теплый Гольфстрим, и лишь полярные ночи да оглушающие снежные заряды огорчают жителей славных городов, которым и полярку к тому же платят.

Северодвинцам полярку не платят, а морозы стоят за тридцать и не день, не два, а месяцами, улицы заваливает снегом, и народ, особенно на окраине, ходит по траншеям, только шапки видны. Штурманов обычно с ремонтирующих кораблей снимают. Зачем им терять квалификацию? Зимовать в ремонте Загайный стал, когда назначили помохой — помощником командира корабля. На должность помощника Артемов выдвинул Григория через два года. Многое его удивляло в командире: быстрота реакции, какое-то особое чутье, сродни звериному. Артемов мог при полном штиле и благоприятном прогнозе внезапно приказать: «Помощник, давай команду, чтобы крепили все по-штормовому — скоро задует ветрюган». Поражала и лихость командира, на первый взгляд безрассудная. И всякий раз Артемову сопутствовала удача.

Ранней весной, когда едва сошел лед, на полигоне в Белом море СКР «Росомаха» стрелял сверхсекретными торпедами, одну из них так и не удалось найти. Три дня сторожевик пахал штормовое море, пока не обнаружил злополучную торпеду у самого уреза воды отпрядыша — так поморы называют небольшие островки, окруженные каменистыми каргами. Артемов принял решение: идти с добровольцами на шлюпке к отпрядышу и оттащить торпеду подальше на берег, чтобы ее снова не смыло в море. Командиром шлюпки вызвался идти Загайный. «Пойду сам, — отрезал Артемов, — останешься за командира». И все шло хорошо, но сорвался коварный ветер шелонник, да еще со снежным зарядом. Видимость «ноль». Шлюпку разбило о камни, измочаленные морем парни оказались на необитаемом острове. Командир с двумя старшинами вытащили шлюпку из ледяной воды, все необходимое в кокпите сохранилось: спирт, спички, аптечка, сигнальные ракеты и даже рация. Моряки выволокли торпеду на безопасное место, перевернули шлюпку, сделав из нее укрытие, развели костер и вполне сносно провели ночь, а утром островитян благополучно подняли на борт «Росомахи». А вскоре за торпедой подошел торпедолов.

Полигон напрямую подчинялся Москве, информация о происшествии попала на самый верх, и могли последовать

карательные санкции. Но Артемову и здесь повезло: разработчик торпеды потребовал представить командира корабля к государственной награде за проявленный героизм. Наградить не наградили, но на новую должность назначили, и в академию Артемов попал тоже в срок и Загайный надолго утратил связь с ним. Докатывались слухи, что после академии Артемов получил назначение на Тихоокеанский флот и быстро шагает вверх по ступенькам служебной лестницы.

Навигация на Беломорье начиналась, когда сходил лед, и оставались одни обтаявшие льдинки — сало по-поморски. Сначала, как водится, сбор-поход под флагом командира военно-морской базы, сдача курсовых задач, затем плановая работа, в основном в полигонах, обеспечение торпедных и ракетных стрельб. С весны до поздней осени на берегу Загайный бывал редко, неделями не сходил с мостика. Уже к концу мая загорал до красноты, темный загар, как бывало на Дону, отчего-то не брался. Ну и ветром оглаживало так, что кожа шелушилась, и трудно было бриться. Но никто не видел помощника командира небритым, усталым, с несвежим подворотничком на кителе, украшенном значком «Мастер спорта СССР».

Помощник на горло не брал, матом не ругался, но взгляда его побаивались и «годки» по последнему году службы. Ничего не скажет, только пожмет плечами, вроде в недоумении, что же ты, моряк, старшина команды, а того и этого не знаешь. Боцмана в нем души не чаяли, потому что Загайный хорошо разбирался в покрасочном деле, мог собственноручно сплести веревочный коврик и самостоятельно обустроить оплеткой трап, до чего не всякий командир опускается.

Командиром «Росомахи» Загайный стал, закончив командирские классы, в неполные двадцать девять лет — в самый раз, ни рано, ни поздно. Чуюток поплавать, и в академию. Его тут же одарили однокомнатной квартирой в новостройке на острове Ягры, в тот же год он как-то с ходу женился на Наташе Зуйковой, продавщице из отдела мягкой игрушки универмага. У прилавка, где порхала голубоглазая блондинка, северодвинская Мэрилин Монро, всегда толкалась лейтенантская мелочь. В музыкальном отделе стремительно расходились гитары и белыми ночами у ББЛ (барак бесплатной любви), где обитали медички и работницы городских теплиц, долго слышались песни. В том же строении Наташа Зуйкова имела крохотную комнатку. Но Наташа блюла себя, на воскресенья уезжала к бабушке в Архангельск, проживающей на улице Павлина Виноградова. Родители работали за границей.

Наташа ждала, как водится, принца.

Григорий Загайный к тому времени похоронил родителей, поставил им достойный памятник, и, как ни горевал, дом с садом пришлось продать. В родной город Григорий Васильевич решил не возвращаться. На вырученные деньги обзавелся «шестеркой» ярко-красного цвета. Чем не принц? Командир корабля, звание третьего ранга досрочно, при квартире и машине. Стоящий жених, разве что староват. Тридцать лет, а Наташе только-только девятнадцать стукнуло. Свадьбу сыграли в ресторане «Белые ночи», а на другой день Григорий проснулся с ощущением, что сделал что-то не то. Молодая жена любила ходить по квартире голой, спала до полудня (с работы уволилась), ничего не читала, а как-то огорошила супруга вопросом: «Правда ли, что у негров половые органы огромных размеров?»

Летом, как уже было сказано, командир «Росомахи» на берегу бывал редко — все в морях, а сердечко ныло: «Как там Наташка? Чем занимается?» Дальше, как в заезженном анекдоте: вернулся Григорий с моря, вырвался на часок и попал домой в неурочное время. От причала, где стоял дивизион ПЛО, до небоскреба на острове Ягры пешком сорок минут, а тут милицейский «уазик» подвернулся. Ключ, понятное дело, был у Загайного свой, открыл без щелчка, вошел порадовать молодую жену, и картина ему открылась до крайности непристойная: Наташа лежала в одной рубашке, уткнувшись в подушку, поперек супружеского ложа возлегал крепкий кудрявый паренек, а на спинке стула висела тужурка с погончиками моряка дальнего плавания.

Наташа проснулась сразу, лежала, подтянув одеяло к подбородку, глядела на мужа с изумлением, но без страха.

— Набрось на себя что-нибудь, — тихо сказал Григорий, — и собирай шмотки.

Попытался разбудить маримана, тот мычал, брыкался, наконец отверз очи и спросил:

— Ты кто? Чего надо? П-пошел вон! Г-галя, вот блин, Настя, зачем ты этого фраера привела?

Маримана пришлось взбодрить ударчиком в печень, любовник, смахнув скатерть с бутылками, завалился за стол, хрюкал там, блевал. Наконец сел, быстро трезвея:

— Все, все, друг. Только не бей. Где я эту... подцепил, не помню. Кажется, в кабаке. Свадьба, что ли, была? Или артистов поили... А где я? В Беломорске или в Соломбале?

Глядеть на все это ни сил, ни времени не было. Загайный сгреб пьяного любовника, вытолкал на лестничную площадку полуголого, вслед ему выкинул шмотки, часть их упала в

лестничный пролет. Наташа вышла сама, в той же рубашке, прижимая к груди платье, босоножки и сумку. Вела она себя на удивление спокойно, только на красивой мордашке застыла загадочная улыбка. Улыбка Сфинкса. Мариман никак не мог попасть ногой в штанину, что-то обиженно бормотал и даже всхлипывал.

Глянув на жену, Григорий севшим голосом сказал:

— Чтобы я больше тебя не видел. Даю три дня на разграбление квартиры, можешь взять все, кроме моих личных вещей. Заявление подашь сама, мол характерами не сошлись... Будешь претендовать на квартиру и машину, заявление подам сам, но уже укажу точную причину развода. Думаю, свидетели найдутся.

— Найдутся, найдутся! — В дверях, привлеченная шумом на лестничной площадке, стояла соседка, жена мичмана. — Она и раньше хахалей водила! И чего не хватало?

Нужно отдать должное бывшей жене: Наташа забрала только свои вещи, сама подала заявление на развод, и Загайный ее больше не видел.

Бедра, как известно, никогда не приходит одна. Минуло два месяца. Поморская поздняя осень уже придавила к земле облака, умолк птичий ор, и только в лесу изредка слышался трубный, отлетающий от низкорослых елей звук — олень собирал свое семейство. «Росомаха» стояла в Кандалакшской губе на внешнем рейде у поселка Лесной. Ожидалась работа на полигоне, поступила команда, что стрельбы перенесутся на завтра. Робкое солнце желтым пятном проступало сквозь серую дымку.

Помощник по снабжению попросил «добро» сходить в Лесной за продуктами для кают-компания, колбаски взять, селедочки, может, овощ какой есть — обрыдли казенные харчи, да и сигарет хорошо бы прикупить для матросской лавки.

— Шульгин, возьми двух старшин, — сказал Загайный, — я дам команду спустить вельбот. И чтобы водки ни-ни. Понял?

— Как не понять, товарищ командир. По разведанным в магазине спиртного нет. Лесорубы и рыбаки весь одеколон уже выпили.

— Даю тебе два часа.

— Раньше вернемся.

Пришли и в самом деле раньше, только старшины ухитрились пронести на борт три бутылки пойла, по наводке знакомого шкипера добытого у старухи. СКР «Росомаха» уже не раз заходил в Лесной отовариваться. Паленую водку брали у нее не впервой, сходило. А на этот раз, как показало

следствие, старая карга прикупила бочонок с жидкостью, содержащей метиловый спирт. Под утро в каюту командира постучал перепуганный фельдшер старшина первой статьи Джумашбаев и, с трудом подбирая русские слова, доложил, что четверым «годкам» плохо, отравление. Его, фельдшера, вызвали десять минут назад. Старшины пили какую-то дрянь, купленную в поселке. Он сделал им промывание, но пострадавших нужно срочно больницу.

Командир выскочил на мостик, по трансляции громыхнула команда:

— Вельбот на воду! Помощник, фельдшер, четверо матросов — в вельбот. Санитарам на носилках доставить больных на плавсредство. Ж-жива!

Связался по радию с рыболовным сейнером, стоящим под погрузкой у стенки, и попросил послать нарочного в больницу, чтобы подали к причалу машину «скорой помощи». Только было уже поздно: один из старшин умер к вечеру, троих спецрейсом доставили в госпиталь флота, их два откачали. Из штаба флота прилетела комиссия, трясли дивизион, трясли командира «Росомахи», особенно усердствовали политрабники, однако всесторонняя проверка показала, что корабль содержится в образцовом состоянии, командир имеет государственные награды, золотые часы от министра за обеспечение ракетных и торпедных стрельб. С должности Загайного сняли, предупредили о неполном служебном соответствии, на парткомиссии закатали строгий выговор с занесением. Горячие головы предложили Григорию Васильевичу место на Соловках в бригаде кораблей резерва. Загайного отстоял командир военно-морской базы. «Если мы талантливыми командирами будем так разбрасываться, то с чем останемся?» — якобы заявил он и взял старшим офицером в штаб базы.

Удар Григорий принял достойно, виду не подал, что переживает, только в густой шевелюре появилась серебряная прядь, вроде лунной дорожки на спокойном штилевом море.

Новая жизнь должна начинаться с чего-то нового. Григорий Загайный побрил голову. Плянул в зеркало и пожалел: лицо обветренное, красное, череп бледно-голубой, шишковатый. Встретишь такое чудо-юдо вечером в переулке — обделаешься с перепугу. Сосед по кабинету Володя Прошкин — в училище их койки стояли рядом, — увидев Загайного, зашелся от хохота:

— Гришка, ты же мужик что надо. Башня, что ли, у тебя носовая поехала? Теперь девки на танцах в ДОФе от тебя шараться будут.

— Кончились мои танцы. И девки тоже, — отрезал Григорий и покатал желваки на щеках.

— Зря ты. Не все же шалавы.

— Все. — Сказано это было так, будто Загайный, крикнув, кол в землю забил.

В квартире сделал полный ремонт, времени теперь у него было хоть отбавляй, в восемнадцать ноль-ноль море на замок. Из напряги — одни дежурства. Разве с корабельной службой это сравнить? А море тянуло, снилось. Во сне Загайный ощущал упругий, хлесткий ветер, когда при ясной погоде неизвестно откуда срывался, и море становилось вдруг раком, да так, что желтые хлопья пены залетали на высоченный командирский мостик.

Ремонт удался на славу: панели красного дерева — ребята помогли — сняли с финского лесовоза, что застрял на корге в Белом море, снимать его с камней — себе дороже, паркет отциклевали, повесил на стену морские часы, секстан, фотография сторожевого корабля «Росомаха» в рамке и полки с книгами, как в его командирской каюте. А уж крохотную кухню и вовсе под камбуз отделал: мойка с никелированными кранами, стальной подвесной шкафчик, два вертящихся табурета — все с того же лесовоза. Стиль единый: металл, стекло. Ванная с совмещенным туалетом — в масть. Такого унитаза, наверное, даже у командира военно-морской базы не было. Заводские работяги за две бутылки водки сперли его со знаменитого лидера «Баку», что доживал свой век в стороне от заводских причалов.

Кончился ремонт, подступила тоска. Григорий глушил себя чтением. Строчки плыли перед глазами, возникали разные мысли-мыслишки, а то наваливались воспоминания. Когда командовал кораблем, на все это не хватало времени, падал в койку, засыпал, но даже сквозь сон слышал корабль, его ритм, его движение, и каждый звук был ему известен, помечен в памяти. Малейший сбой, и ты на ногах. Тут не до воспоминаний.

...Мать Евдокия Ильинична так и умерла на рынке, поси-нела вдруг лицом и накрыла могучим телом прилавок. Григорий был в это время на стажировке, корабль в море, отозвать его не представлялось возможным, попал лишь на сороковины. Отец бодрился, но видно было, как он сдал, усох за последнее время. За поминальным столом сидел прямо, бледный и, несмотря на выпитое, трезвый. Таким он и запомнился. Через год и его не стало: ехал в инвалидной коляске, куда-то спешил, а потом коляска, вильнув, съехала на проезжую часть дороги и замерла — остановилось серд-

це солдата. Григорий прилетел через день. Народу на похоронах было много, в основном деповские рабочие. Василька помнили. Увидев пустую коляску под старой яблоней, Загайный впервые заплакал.

Как-то вспомнилась девчонка, что выручила его тогда в Таллине. Как сложилась ее судьба?

Заполнить душевную пустоту, приблизить море позволило новое увлечение. Если встать на Ягринском мосту лицом к острову, то слева откроется вид весьма неприглядный: заводские причалы, корабли с нашлепками сурика, гигантские доки с укрытыми в них «изделиями», высоченные портовые краны, отливающие тусклым серебром ангары и тупые прямоугольники цехов, вроде лагерных бараков, только в десятки раз больше. А вот справа картина была веселее: уютный заливчик, на правом берегу крашенный зеленью дебаркадер — от него отходили речные трамвайчики, шастающие в Архангельск, а на островном берегу — эллинги, катера, яхты. Туда-то и занесло погожим воскресным днем Григория Загайного, идти от дома всего ничего. И увидел он катер, катер-мечту: корпус и надстройки металлические, сваренные из неведомого металла, абрис легкий, стремительный, как у боевого корабля, рубка закрытая, с короткой мачтой, — видно и рация имеется, килеватый, значит, и четырехбальный шторм выдержит. И ведь вот штука — маломерное судно, самое большее десять метров, а объемистое. Сквозь стекла иллюминаторов проглядывался просторный салон с диванами и столом посередине. Новенький катер, прямо со стапелей и явно иностранной постройки, не то шведский, не то финский. На корме у вала с винтом — записочка «Продается», рядом номер телефона. Подошел кудлатый мужик, выхлоп перегаром на два метра и спрашивает:

— Интересуешься?

— Славный катерок.

— Тут многие рот разевали, да цена кусается. — И рассказал историю.

Катер принадлежал инженеру с судостроительного завода, из местных, северодвинских. Страстный рыбак и водомоторник, он отхватил за что-то Госпремию и с высочайшего соизволения заказал в Финляндии катер. Фирма доставила, аж в целлофане. Инженер, как увидел, помер от счастья. Осталась вдова, куда он ей? Дизелек на катере шведский, сто лошадей, экономичный, запасных частей навалом, топливный бак приемистый, считай вверх по Северной Двине далеко можно уйти.

Загайный и загорелся, позвонил вдове, цена действительно кусалась. Прикинул свои возможности — от продажи

дома осталась изрядная сумма, да и на книжке кое-что накопилось. Если влезть в штабную кассу взаимопомощи, будет как раз.

Через неделю Григорий стал обладателем чуда-катера. Из салона в форпик вела неприметная дверка. Чего только в форпике не было: два якоря, связка швартовных канатов разного диаметра, спасательные жилеты, фонарь, канистра с маслом, а главное — запасные части для шведского дизеля. И все продумано до малейшей детали. Даже рация имелась, небольшая, удобная. Таких раций Загайный еще не видел. В кормовом отсеке, рядом с убористым дизелем, гальюн, умывальник. Под трапом, спущенным из капитанской рубки, небольшой камбузочек с газовой горелкой и набором хромированной посуды.

Мужики из клуба разглядывали с интересом и только ахали. А Трапезников (тот кудлатый мужик) сказал: «Живут же финны. И страна-то махонькая... У меня дак точно получится. А живут-то как. Трудолюбивый народ, хотя пьют ничуть не меньше нашего».

Ребята с завода помогли элинг построить, с тележкой на рельсах, чтобы катер на зиму выкатывать. Загайный свел дружбу с рыбаками, на рейдовом посту его давно знали, со времен командирства, в случае чего могли по рации вызвать. Случалось, если приезжал кто-то из начальства с проверкой, начальник штаба базы ставил Загайному задачу: «Вывези на рыбалку, упои, чтобы штабелями сгружали на берег, а по гостиницам наши хлопцы развезут».

Когда Загайный вышел с предложением создать при Доме офицеров Морской клуб для подростков, адмирал его поддержал:

— Хорошее дело, Григорий Васильевич. Но на флоте как? Проявил инициативу — сам и исполняй. Я чем могу — помогу, учебный отряд подключим, пусть кадры для флота готовят. А теперь иди к начальнику политотдела и сделай так, что вроде бы инициатива оторвать пацанов от улицы исходит от него лично. Он это любит, поэтому поможет.

И дело сладилось, повалила в клуб пацанва и все больше из неблагополучных семей. А вот новыми друзьями Загайный так и не обзавелся.

4

В июне на Беломорье иногда случаются дни, когда зацветает блеклое, негаснущее небо. Так цветут иногда степные подернутые ряской озера. Только на Беломорье цвет тревож-

ный, зеленый, пульсирующий, прочерченный розовой полосой у самого горизонта. В такие дни людям становится как-то не по себе, одиноко, пусто на душе и тянет куда-нибудь поближе к музыке, веселью, общению.

Именно в такой день Григорий Васильевич Загайный утратил вдруг покой, стены квартиры давили, казалось, вот-вот произойдет нечто непоправимое, страшное. Он торопливо ополоснулся под душем холодной водой, надел свежую рубашку, тужурку с куцей колодкой орденских планок и покатил на «жигуленке» в город. Ехал в Дом инженерно-технических работников, посидеть среди людей, выпить кофейку с минеральной водой, послушать музыку. Он настолько сжился с вечерним одиночеством, что люди стали для него как бы фоном, безликим, однообразным, но все же излучающим животворное тепло. Мужчина он был видный, известный в городе, но женщин, проявлявших к нему интерес, сразу же отталкивал, даже оскорблял его отсутствующий, холодный взгляд. На сей раз в баре народу было немного — в зрительном зале крутили какой-то итальянский фильм. У стойки с бокалом вина в руке стояла незнакомая женщина. Григорий вяло скользнул по ней взглядом и оторопел: столь необычно хороша она была, выделялась среди завсегдатаев. Не красавица, но что-то такое было в ее лице, что Загайный внутренне сразу погас, обидно ему стало, жалко себя. Незнакомка явно была из столицы либо из дивного града Петра. Костюмчик легкий и вроде бы простой, но за него невольно цеплялись завистливые женские взгляды. Да и туфли на высоких шпильках — ничего особенного, а сразу видно, что изготовили их не иначе, чем в Италии.

Дело тут, конечно, не в одежде, на такую фигуру все ляжет путем и, где нужно, подчеркнет прелести, дело в осанке, гордой посадке головы. «Крулева», — говорил в таких случаях клубный друг яхтсмен и полуполяк Жора Качинский. Женщина подошла к окну, где за столиком приткнулся Загайный, раздернула шторы и тихо, ни к кому не обращаясь, сказала:

— Боже, как страшно... Пустота, пустота, безлюдье, как перед концом света.

Григорию обожгло холодом спину, будто кто-то за воротник ледышку кинул. Он чувствовал то же самое. Между тем незнакомка нервным движением достала из сумки сигареты, шелкнула зажигалкой, жадно затянулась. В зеленом воздухе поплыл сладкий иностранный дымок. В баре курить не разрешалось, но бармен Яша, чернявый бугай с обвисшими щеками, не посмел сделать ей замечание. Незнакомка сде-

лала затяжку, растерянно огляделась в поисках пепельницы, и тогда Григорий мягко взял из ее пальцев сигарету, и погасил о кофейную гущу на дне своей чашки. Женщина присела к его столу, поставила бокал и, незряче глянув сквозь Загайного, прошептала:

— Господи, как вы можете здесь жить? Я понимаю белые ночи в Ленинграде, а в Северодвинске какое-то сумасшествие. Я впервые в жизни поняла, как это просто — шагнуть в ничто... Представляю, что сейчас делается на берегу Белого моря. В суতোлке я так и не увидела Белого моря... Нелепость, нелепость.

Загайный улыбнулся:

— Какие проблемы? У меня внизу машина, через десять минут я вас доставлю прямо на пляж. Там моря хоть отбавляй.

Женщина с изумлением посмотрела на него:

— Вы это серьезно?

— Вполне.

— Тогда чего мы сидим?

Они спустились по лестнице, провожаемые любопытными взглядами. Зловещая пелена в воздухе стала опадать. Загайнов предупредительно открыл дверь автомобиля и спросил:

— Остановились в гостинице «Белые ночи»?

— Да. Люкс с тараканами. Бр-р-р. И, пожалуйста, помолчите, слова могут что-то разрушить, какую-то хрупкую оболочку. Я закурю, можно?

— Валяйте.

«Жигуленок», радостно взвизгнув, рванулся с места, свернул в аквариумную глубину улицы Торцева, где находились два очага культуры: пустующий драмтеатр и вечно набитый публикой ресторан «Северный». Машина неслась прямо в центр закатного пожарища, под ягринским мостом на этот раз, отражая небесные явления, текла огненная река, на западе вверх рвались желтые вихри, будто там горел нефтеперерабатывающий завод. Григорий тормознул у входа на пляж, выключил зажигание, обошел машину и распахнул дверцу. Незнакомка вышла и, сомнабулически покачиваясь, пошла, увязая в песке каблуками, к морю. Ее силуэт отчетливо проступил на фоне закатного золота.

Вернулась она скоро, молча села, и, глянув на Загайного, сказала:

— Хочу выкупаться. У вас нет полотенца?

— Только ветошь. И вода холодная.

— Для меня — вполне. Вот досада.

— Видите вон тот дом, самый крайний дом? Я там живу. Поехали, будет вам полотенце.

— Господи, вот счастливец! Каждый день вы можете видеть море.

— Увы, у меня из окна другой вид.

— И какой же?

— Вид на второй участок.

— А что это такое?

— Городское кладбище.

— Вот ужас-то. Вас как зовут?

— Григорий.

— Подходит, есть в вас что-то мелеховское. Я — Анна. Анна Воронина.

— Анна, а вот женского купальника у меня нет.

— Да, бросьте. На дворе ночь, пусть и белая. Впрочем, скорее уж красная. Человек вы порядочный, отвернетесь.

Загайный, бухая флотскими штиблетами, вознесся на пятый этаж в свое холостяцкое убежище, взял два махровых полотенца и прихватил фляжку со спиртом. Анна стояла у капота, уже оголившись, из одежды остались едва заметные трусики и лифчик. Григорий протянул ей полотенце, она взяла и пошла к багровой дорожке, оставленной на воде незаходящим солнцем. У забережья дергаными движениями освободилась от остатков одежды и, присев, медленно опустилась в море. Стоял час, когда отлив только начался, а то пришлось бы ей тащиться по щиколотку в воде метров пятьсот.

Вернулась она минут через двадцать, завернутая в полотенце. И сразу запахло морем и духами.

— Возьмите второе полотенце, — пытаюсь унять дрожь, резковато сказал Загайный.

— Спасибо. А теперь глядите в окно заднего обзора, а я оденусь.

Скажите, что может увидеть здоровенный, в полной силе мужик, когда за спиной слышится легкий, загадочный, неповторимый шорох? Разве что манящую темноту. Но темноты не было. Небо, погасив краски, стало быстро светлеть.

— Все, можете обернуться. Я в порядке.

— Вот, хлебните, — Григорий протянул Ане фляжку. — Сделайте глоток, не то простудитесь.

— А что это?

— Шило.

— Знаю, технический спирт.

— У меня медицинский, чуть разбавленный кофе.

— Да вы гурман.

Анна сделала большой глоток, поперхнулась, некоторое время сидела молча, видно, утратив способность дышать. Потом, откашлявшись, тихо сказала:

— Да-а, крепкая штука. Ну, Анюта, крыша у тебя явно поехала. Ту-ту-ту! А вы что же сидите, как дятел? — Она вернула Загайному фляжку, — глотните за знакомство.

— Не могу, я за рулем.

— Тоже верно.

Молчали минут десять. Анна сидела, откинувшись в кресле, словно прислушиваясь, что происходит у нее внутри. Заговорила расслабленным голосом.

— Так бы и плыла, и плыла по золотой дорожке... До самого горизонта.

— Устроим. Завтра — выходной, я заеду за вами в гостиницу, у меня здесь недалеко ошвартован катер. Попрошу оперативного дежурного, чтобы он сохранил дорожку в целости и сохранности. И вперед, к солнцу.

— Не получится, Григорий, — огорченно сказала Анна. — Завтра я улетаю. До Архангельска — вертолетом, дальше на «Ту» или «Иле» в Москву. У меня защита.

— Защищаете диссертацию?

— Докторскую я защитила в двадцать восемь лет.

— Муж?

— Нет у меня никакого мужа. Защищается мой сотрудник, я же завлаб. Талантливый мужик, но трус и тряпка. Без меня его уж точно завалят. Но через неделю я вернусь и тогда...

На Северодвинск свалилась невиданная жара. Из лесотундры тянуло гарью — горел торф. пляж напоминал лежбище тюленей. Но это на земле, а катер парил в воздухе, ибо не было грани между стихиями неба и моря. Чайки возникали и тонули в голубой бездне. Катер лишь слегка приподнимало и опускало на пологой волне, журчал вентилятор. Они лежали обнаженные на диване в салоне.

— Пива хочешь? — спросил Григорий.

— Чуть позже... Я еще в пути, плыву, плыву. Гриша, ты бывал в Таллине?

— Служил там, на дивизионе тральщиков. Только недолго.

— И эстонским хулиганам морду бил, а потом тебя в милицию забрали. А одна дрянь тебе шпильку вставила по поводу «Шипра».

Григорий вскочил, треснулся головой о подволок и растерянно проговорил:

— Не может быть...

— Может, Гриша, может. Я ведь тебя тоже не сразу узнала. Я сильно постарела?

Он поцеловал ее, погладил по щеке:

— Ты просто выросла. Был гадкий утенок с неловкой штюпкой на чулке, а сейчас... Только не улетай.

— Возьмешь меня замуж?

— Завтра пойдем подавать заявление.

— Завтра не могу. С утра совещание. Прилетает академик Александров. Давай послезавтра.

...Они сидели на корме, свесив ноги. Солнце припекало, вода постоянно меняла оттенки, мимо беззвучно скользила шлюпка под парусом, облепленная мальчишками. За ней другая, третья. Паруса отражались в воде.

— Так вот, — продолжая разговор, Анна встряхнула головой, поморщилась, — мой муж, Воронин, талантище был, но с комплексами и лентяй. Как же так, я доктор наук, а он с кандидатской мается. Потому что пил и с начальством постоянно ссорился. Психастеник. А когда я стала лауреатом Госпремии, запил, неделями не просыхал. Потом притих, чувствую, что-то замышляет, я и так к нему, и эдак. Улыбается загадочно. А тут звонок, ничего не подозревая, беру трубку: «Жена? Приезжайте в Голицыно на опознание трупа. Под электричку...» Мамы давно нет, в Таллин я только на могилу и езжу. Тебе знакомо чувство одиночества?

— Еще как. Давай лучше сменим тему. Мне легче. У меня восемнадцать пацанов, в основном из неблагополучных семей. Командир базы выделил клубу моряков три шлюпки, на каждой — мичманюга. У них не забалуешь. Держать ребят нужно, отбивать от улицы. У многих приводы в милицию. Зимой — теоретическая часть, готовим парней к службе на флоте. Трех уже в нахимовское училище пристроили.

— Гриша, честно, жалеешь, что из командиров ушел?

— Точнее, ушли. Жалею, конечно. Все уже пережито. Имей в виду, мне неважно, кто жена — членкор, академик, Герой Труда, важно, что любимая женщина. У меня такой еще не было. Значит, навсегда. У нас, донских, по-другому не бывает.

Брак зарегистрировали в Москве в начале сентября.

Они медленно шли по осенней Москве. Березы и клены пожелтели, только на липах еще ни одного желтого листика. Липы походили на школьниц, попавших под дождь.

— Вечером отметим событие в каком-нибудь ресторане. В «Праге» у меня метрдотель знакомый, мы там обычно защиту диссертаций обмываем. А еще бы лучше, как в то утро на катере, когда мы плыли к небу по золотой дорожке. Кстати, о

катере. Я на днях звонила в Северодвинск директору завода «Звездочка» Тростянкину. Мы с ним давние знакомцы. Он часто бывает в нашей конторе. Сергей Семенович сказал, что у него под разгрузкой стоит судно, простоит месяц, что-то там с машиной. Короче, через неделю твой катер плавкраном поднимут на борт, поставят на кильблоки и ту-ту по Беломорско-Балтийской системе до столицы нашей Родины.

— Погоди, — растерялся Григорий, — мне ведь еще перевод пробивать. А это непросто.

— Ничего пробивать не нужно. Я поговорила с нашим гениальным старцем, он дружит с твоим главкомом. Дома я тебе дам телефон, завтра позвонишь в Управление кадров ВМФ, кажется, это в Козловском переулке. У тебя важный козырь — жилье в Москве, а хомут найдется.

Третью неделю живет Загайный в полупустой двухкомнатной квартире в кирпичном доме на улице 3-я Фрунзенская и не верит своему счастью. Мебель увезли родственники Воронина, оставив кровать, письменный стол и два стула. После похорон мужа Анна улетела в командировку, замок не успела поменять, вот родственнички и воспользовались, все подмели. Хорошо еще, кооперативная квартира на нее оформлена.

— А-а, пусть. У меня с бытом всегда напряженка. Получила Госпремию, вторую по счету, купила «девятку», нормально сдала на права, но, как выяснилось, обитателям мира формул машину водить опасно. Уже после третьей поездки увидела на проезжей части дороги собаку и так тормознула, что вышибла головой переднее стекло. Две недели в Склифе и еще столько же в институте Бурденко. А машине только стеклышко заменили, и стоит она, бедная, в гараже, ждет хозяйна. Я за руль больше не сяду.

В Управлении кадров ВМФ Загайного ждал сюрприз: принял его капитан первого ранга Юрий Валентинович Коротков. Юра сильно сдал за минувшие годы: поседел, пожелтел, усох. И как-то весь поблек. Друзья-сослуживцы обнялись.

— Закончим разговор, сходим в одно местечко, — предложил Коротков, — у метро тут есть кафе, дернем там коньячку под валидолчик. Про тебя я почти все знаю. У меня что? Не пошла служба, Гриша. Поболтался я на стотонниках, обрыдло. Перевелся в штаб базы. Вроде ничего, но продвижение — ноль. Батяка в Москве служил, в Генштабе, прибаливать стал, ушел на пенсию. Незадолго до смерти помог мне в Управлении кадров перебраться. Другое назначение мне не светило. Главное — квартира в Москве есть. С тех пор и служу здесь, работка — не сахар, не каждому угодишь. И друзья появи-

лись, и врагов прибавилось. Привык. Одно хорошо — в звании не задержался. Ладно, проехали. Быстро тогда тебя из Таллина турнули. Считай, за три дня все решили — политика. Если бы не девчонка, ну та, эстонка, мотать бы тебе срок. Сынок-то оказался сыном местного партийного туза. Его одного и отпустили, двое исчезли. Погулял слушок о какой-то антисоветской организации, да и заглох. А ты хорошо потом пошел.

— Остановили.

— Да, не повезло. Из моего выпуска уже адмиралы есть. А ты, оказывается, крутой, с волосатой лапой.

— С чего ты взял?

— Согласись, станет сам главком начальнику Управления задачу ставить: подыскать теплое местечко заурядному капитану второго ранга, к тому же погорельцу из штабных клерков.

— Ты не учел, я командиром хорошим был. У меня золотые часы от министра и орден.

— Кому это интересно, Гриша? Был, да сплыл. Ладно, шучу, не заводись. Короче, в управлении БП, в отделе надводных кораблей должность старшего офицера. Должность — первого ранга. Жилье, как я понимаю, у тебя есть.

— Квартира жены.

— Без разницы.

— Слушай, ты и впрямь чиновником стал.

— И ты станешь. Главный штаб вроде мухоловки: влететь — влетел, а вот вылететь... Разве что попадешь в вырезатель или опишаешь памятник Карлу Марксу, что против Большого театра стоит. Здесь свой порядок, свой стиль: тужурочка, штиблеты без скрипа. Зато уж на флотах оторвешься. На руках будут носить. Садись, пиши рапорт.

5

Ничего нового в службе в Управлении боевой подготовки Загайный не уловил, масштаб больше, командировки, а так все та же штабная волокита, только документы отрабатывались более тщательно — уровень серьезный. Встретил много знакомых. Заместителя начальника отдела Алексея Григорьевича Башилова знал Загайный с той поры, когда тот командовал крейсером старого проекта. Как-то стояли вместе в ремонте в Росте. Башилов шел хорошо: командир крейсера, командир бпк «Юмашев», начальник штаба бригады, комбриг. Ожидал увидеть его адмиралом, но что-то не срослось, так и остался капитаном первого ранга. В отделе бое-

вой подготовки подводных лодок трудился бывший командир подводной лодки 651 проекта капитан первого ранга Старчак. С ним встречались в Северодвинске, когда он пригнал лодку в ремонт на завод «Звездочка» после столкновения с натовой лодкой. Загайный служил тогда уже в штабе базы. Были и однокашники по училищу, кое-кто с адмиральскими «мухами» на погонах. В коридоре Главного штаба ВМФ, да и в столовой несколько раз встречал северодвинца полковника медслужбы Андрея Сергеевича Насонова — во время учений Беломорской военно-морской базы вместе сидели в бункере на посту защиты, теперь Насонов, закончив командный факультет академии, стал главным медицинским специалистом. Когда отправлялись спецрейсом на Северный или Тихоокеанский флот, половина самолета знакомых. Григорий давно врос в ритм штабной работы, а иные маялись, оторванные от кораблей и моря. Одно плохо — командировки. Загайный не любил оставлять жену одну, а нередко выходило так: он возвращался из командировки, а жена улетала то в Северодвинск, то в Комсомольск-на-Амуре, то еще куда.

Анна приходила с работы усталая, валилась на диван. Что-то там у них не ладилось. Засыпала мгновенно, но это был как бы и не сон, а полузабытье, пугающее Григория. При этом он, спортсмен, человек жесткой, мужской профессии, далекой от сантиментов, испытывал такую нежность, какой никогда предположить в себе не мог. Он шел на кухню, надевал фартук и занимался приготовлением ужина. Легкий салат с тертым сыром, маслинами и рыба в различных вариантах: заливной судак с лимоном, рыба в кляре, даже шашлык из рыбы ухитрялся готовить, нанизывая куски осетрины на титановые шампуры — подарок друзей-северодвинцев.

Когда Аня появлялась из ванной в махровом халате с тюрбаном на голове, ужин уже стоял на сервировочном столике на колесиках. Постепенно она отходила, словно выныривая на поверхность из глубины. Разговаривали они мало, да это и не требовалось, каждое движение, каждое слово и даже невысказанная мысль становились мгновенно понятными друг другу. А иногда на Анну что-то находило, она могла говорить час, а то и больше без остановки.

Однажды Анна вернулась позже обычного времени, от нее пахло вином. Она не легла на диван, как обычно, а села, поджав под себя ноги, и каким-то деревянным голосом спросила:

— У нас есть что-нибудь выпить?

— В баре коньяк, водка, ванильный ликер, шампанское. Кажется, есть даже рижский бальзам.

— В баре? — Она с удивлением оглядела стенку, отделанную дорогим деревом, словно видела ее впервые. — Я и не знала, что у нас есть бар. Какой ты все-таки молодец. Налей мне полстакана водки.

— Что-нибудь случилось? — как можно спокойней спросил Григорий.

— Случилось. Сегодня я была у гинеколога. Известный профессор, членкор и прочее. Он сказал, что я не смогу иметь детей. Была ситуация во время эксперимента, когда я по-другому поступить не могла. Короче, схватила приличную дозу. Вот и все. Обманула я тебя, Гриша.

— Чепуха, три к носу. У меня ведь уже есть ребенок, — Загайный улыбнулся.

— У тебя?

— Девочка: ты, — он поцеловал ее в ложбинку на шее, и тогда Анна заплакала, некрасиво кривя лицо и размазывая по щекам тушь.

А ночью Загайный лежал во тьме и с горечью думал: пресеклись, оборвались ветки двух родов — древнего казачьего и эстонского, не менее древнего, крестьянского. Вот как в жизни бывает. А может, что-нибудь и получится? Загайный представил себе мальчика с глазами Анны и густым чубом его, Григория, он идет по золотой дорожке, машет рукой и улыбается.

После того вечера Загайный стал еще бережнее относиться к жене. Его многое поражало в Анне. Память у нее была фантастическая, она хорошо знала Москву, с ней интересно было бродить по старинным улочкам Замоскворечья, иногда они садились на пароходик и катались по Москве-реке. Если не случались командировки, ходили в театры, исключительно на классику. Чаше всего в Большой или Малый. Театр на Таганке и Ленком Анна обходила стороной: «Громко, шумно, конъюнктурно, под либералов и обывателей, не способных к самостоятельному мышлению. Вот ленинградский Большой драматический — совсем другое дело. Товстоногов — гений. А актеры: Смоктуновский, Лавров...

Книги по ядерной физике Анна проглатывала в один присест. В просторной прихожей висела школьная доска, на полочке тряпка и мел. Иногда Григорий просыпался от шаркающего звука: Анна стояла босиком, в ночной рубашке и стремительно писала на доске закорючки формул.

В марте явилась домой сияющая, с порога крикнула:

— Знаешь ли ты, муженек, кто перед тобой? Профессор. Обмывон в субботу, естественно, в «Праге»! — И уже озабоченно. — Гриша, тебе нужен новый костюм. У меня есть пор-

тной, сошьет за три дня. Он актеров обслуживает. Мне бы хотелось, чтобы ты пришел в форме. Что там баба-профессор, а вот капитан первого ранга! Комитетчики запретили, дубье. Будут серьезные люди. Сейчас же едем к Семенову, ну, к портному. Он снимет мерку.

— Может, сначала все-таки поужинаем.

— После. Сегодня ужинаем в кафе «Огни Москвы». Гуляем, любимый!

Загайному нравилось это кафе. Отсюда, с верхотуры гостиницы «Москва», открывался вид на Манежную площадь, где в глубине уютно теплился подсвеченный Манеж, а рядом, за влажной тьмой Александровского сада, высились кремлевские стены. Здесь как-то особенно остро чувствовалось, что ты в самом сердце России.

— Удивительно, меня совершенно не тянет на родину, — сказала Анна, следя за машинами, делающими на Манежной площади стремительный разворот. Я и на могиле матери стала бывать реже. Плачу кладбищенскому сторожу, он за могилкой ухаживает. Порядочный человек. И ехать в Таллин не к кому, все равно, что вернуться в пустой дом, в котором давно никто не живет. Одноклассники стали яростными националистами, а я этого не приемлю. Конечно, эстонский народ настрадался: то шведы, то датчане, то немцы, то русские. У маленького народа всегда обостренное чувство национального самосознания — этим и пользуются разного рода политики.

— Разве мало сделали русские для Эстонии.

— Много. Промышленность, порты, дороги, да мало ли! Русский язык позволил вывести эстонскую литературу и искусство на мировой уровень. Окажись мы, эстонцы, под немцами, нас как нации давно бы не существовало, растворились, утратили родной язык. А многие эстонцы до сих пор считают: зачем нам все это? Ловили бы рыбу, выращивали бычков. Особенности хуторского менталитета. Гриша, я, кажется, действительно становлюсь профессором, тянет на лекции. Давай лучше выпьем. Как говорит мой шеф: «Все это лабуда».

Ранним июньским утром, когда только-только стало светать, от служебного причала Южного порта отошел катер с бортовым номером МИС-82-03, на корме полоскался Военно-Морской флаг, а в рубке стоял капитан первого ранга в синей рабочей куртке и фуражке с белым чехом. Все сладилось у Загайного путем: и техосмотр прошел, и пропуск для движения по Москве-реке через столицу выправил, и с клубом получилось. Помогли друзья.

По левому берегу шла пока зелень, ветви развесистых кустов купались в воде, а в утренней дымке тянулись к небу краны новостроек, а вот уже пошла и сама столица, трудовая, пробудившаяся от короткого сна, засверкали на солнце купола церквей, величественно проплыли тускло-красные стены Кремля. Жаль, что не видит такой красоты Анна — на две недели улетела в Комсомольск-на-Амуре, а как мечтала о путешествии всю зиму. Загайному что, ему отпуск дали. «Иди сам, милый, — грустно сказала жена. — Нет никакой гарантии, что после Комсомольска меня еще куда не кинут. К тому же баба на борту — плохая примета, переход сложный, двенадцать шлюзов».

У первого шлюза сбилась в стаи мелкота, мотолодки, небольшие яхточки. Кое-кто вытащил лодки на забережье. Сигаретные дымки извивались в неподвижном воздухе. Погода стояла ясная, к полудню станет жарко. Григорий нажал на танкету и рыкнул командирским голосом:

— Я — 82-03, прошу добро на шлюзование.

— Привет, — пропел женский голос, — войдешь вслед за МНС-кой. Мелкую шелупонь я попрдержу.

— Спасибо, красавица.

— Ишь ты, бойкий! — А рядом сиплый басок:

— Эфир не засоряй...

Григорий поставил на газовую плитку кофейник, сварил кофе. Запах арабики поплыл в отдраенные иллюминаторы. Есть не хотелось, рано еще. Подумал о жене, где она сейчас? Надо же такую профессию избрать, трясись за нее всю жизнь. Вспомнились торопливый поцелуй и слова: «Как сделаешь дела в клубе, сразу же в Москву. А то я тут спячу без тебя».

А потом подоспел Химкинский шлюз, открывший простор Химкинского водохранилища, Северный речной порт, слева — Тушино, а впереди, за мостом, — канал с обложенными бетонными плитами берегами. Останавливаться Загайному незачем: топлива, воды, продовольствия хватит на весь переход, заночует на Истринском водохранилище, затем прямым путем, через шлюзы, до Дубны. Там тоже можно передохнуть, выкупаться.

Пообедал, а заодно и поужинал на Истре. Отдал два якоря — кормовой и носовой в небольшой бухточке среди кувшинок. Комаров — тучи, злые, бьют с лету. Пришлось задраить иллюминаторы и рубочный люк.

Загайный прилег на диван, раздеваться по старой командирской привычке не стал, только туфли сбросил. Уснул мгновенно.

Проснулся чуть свет. Над водохранилищем плыли редкие хлопья тумана, орали лягушки. Выбрал кормовой якорь, с

вымазанных илом лап падали медовые капли. Прогрел движок, выбрал носовой и пошел вслед за яхтами, обгонять бесполезно, яхты в шлюзы пускали вне очереди, регата. Но, похоже, их пути разошлись, яхты отвернули влево, слабенькие моторчики стучали, как ходики. И опять шлюзы, шлюзы.

В Дубне пахнуло Волгой. Григорий бросил якоря в небольшой лагуне, выкупался с мылом — вода чистая, с желтизной, крошечные мальки сновали между ног, стороной проплыл уж. А вода прохладная, долго не выдержишь. Вспомнил северодвинский пляж, дюны, кривые от ветра сосны.

Солнце пригревало. Вышел на фарватер, распахнул люк, двери — стало прохладней. Эх, море-морюшко, Иваньковское море. Левый берег Волги гаснет в голубой дымке, что там, без морского бинокля не разглядишь. Вот уже поистаяла за кормой Дубна.

Из-за зеленого мыса показалось Конаково, трубы ТЭЦ дымили, дым закручивался в жгут, упираясь в тучу. Вслед за Конаково, там же, на правом берегу показалась церковь с высокой колокольней. Мимо катера под двумя моторами неслась, оставляя позади желтый бурун, мотолодка «сарепта». Григорий махнул капитану, тот вырубил газ и, катер, урча моторами, подошел к борту. Бородатый парень спросил:

— Проблемы?

— Как мне до «Глобуса» дойти?

— Проще простого. Сегодня воскресенье, народ в Москву возвращается, вот за ними и иди не спеша. Иди след в след, фарватер не обвехован, чем черт не шутит. Особенно у брандвахты осторожнее, катер-то у тебя килеватый... До чего же хорошо! Ну, пока, тороплюсь, друг.

И в самом деле, вверх по Шоше потянулся караван катеров и мотолодок. Вслед за «сарептой», хлопая днищем по воде, пролетела «казанка». Загайный пристроился в кильватер солидному судну-самоделке, слепленному на базе морского спасательного баркаса. Слева остались белые корпуса с ухоженными клумбами, по лощи — дом отдыха, справа лежал остров, рассеченный протокой, глянул в лощию — остров Низовка. Дальше пошли острова, островочки. Паводок опал, но прибрежные деревья еще стояла в воде, за синими лесами ощущался речной простор, то ли излучина Волги, то ли один из ее притоков.

Маломерная армада свернула влево, из-за зарослей кустарника обозначилась брандвахта — зеленое скособоченное плавсредство, осевшее на мертвых якорях. Вход на стоянку ограждал трос со шкентелями по центру, охранник то опускал его, пропуская судно, то вновь поднимал, вращая рукоятку коле-

са, на которое наматывался трос. Катера и лодки, сбившись в кучу, ожидали своей очереди. Охранник, глянув на бортовой номер, возвращал пропуск владельцу. Рядом с ним колыхался на ветру сачок, должно быть, водомоторники, выходя со стянки, должны были бросать в сачок пропуск.

Наступила очередь Загайного, он аккуратно пришвартовался к брандвахте, ткнувшись в кранцы, сделанные из автомобильных покрышек. Протянул дежурному пропуск. Осанистый мужик в кремовой форменной рубашке, видно, из отставников, с интересом глянув на катер, потом на Григория, с улыбкой сказал:

— Нашего полку прибыло. Как войдешь, бери вправо, в основной канал и до конца, твой канал последний, четвертый. Место хреновое, необорудованное, но встать можно. Двигай. Ошвартуешься, иди в правление клуба, пока там все не перепились. Оформи документы и все прочее. Давай, семь футов под килем.

— Спасибо, друг!

Четвертый канал оказался довольно широким. Дамба голая, ни настила, ни причальных сооружений. Кое-где торчали пеньки от спиленных деревьев. Загайный промерил глубину отпорным крюком, попросил парнишку, что сидел с удочкой у кромки канала, чтобы тот принял конец. Парнишка подтянул катер к дамбе, ловко обмотал швартов вокруг пенька и крикнул:

— Дяденька, ты кормой якорь отдай, чтобы ветром катер не развернуло.

— Добро! Хорошо узлы вяжешь, молодец. Где правление клуба, не подскажешь?

— По дамбе влево метров сто пятьдесят, не больше.

— Спасибо.

Григорий взял папку с документами, соскочил на дамбу и отправился разыскивать правление. День выдался жаркий. От каналов, где у катеров возились водомоторники, тянуло запахом застойной воды. Правление клуба размещалось в одноэтажном, похожем на барак домишке, рядом ворота, около которых прохаживался охранник. Председатель правления Зубков Юрий Кондратьевич, лет за пятьдесят мужик с обрюзгшим, мятым лицом, принял Загайного прохладно. От него за метр разило устойчивым перегаром. Протянув вялую руку, тускло сказал:

— Причал на четвертом канале придется оборудовать. Серьезная работа. Члены клуба все своими руками делают. Льгот ни у кого нет. Встать вам больше негде. Оплатите вступительный взнос бухгалтеру, пока она на месте. Машина есть?

— Есть.

— Стоянка у ворот охраняемая, платная. По субботам приезжает газовщик, сдаете ему пустые баллоны, он набивает их в Клину и привозит. Обстраивайтесь, знакомьтесь. Возьмите памятку. Остальные формальности уладим завтра.

Над каналами носились чайки. В кустах сирени трещали воробьи. Хлеб у Григория закончился, нужно бы спросить, далеко ли магазин. Рядом с зеленым армейским кунгом метрах в пятидесяти от третьего канала на скамейке сидел ссутулившийся мужчина в рабочей спецовке. Загайный направился к нему, с каждым шагом ощущая смутную тревогу, что-то знакомое показалось ему в узком, скрытом седой шотландской бородкой лице.

— Не узнаешь, Гришка? — человек улыбнулся.

— Костя Артемов? Неужели ты? Да и как тебя узнать с этой бородащей.

Друзья обнялись. Загайный с горечью ощутил старческую худобу бывшего наставника, рука скользнула по острой хребтине. Костя сер был лицом, коричневые подглазья старили его, а глаза прежние, бедовые. Вспомнил Артемова тридцатилетним — красавец, танцор, бабник. Да, ухайдакало друга времечко.

— Как ты здесь оказался? — спросил Артемов.

— Только что пришел на катере. Из Южного порта гнал.

— Зачем? Хороший катер и здесь можно купить. Прямо со стоянкой.

— Такой не купишь.

— Ну-ну, пошли, посмотрим.

Мальчишки с удочкой уже на дамбе не было. Две вороны терзали кулек с мусором. Солнце зашло за тучи, и вода в канале приняла цвет кофейной гущи. Катер Загайного на этом фоне выглядел особенно выигрышно.

— Да, красавец, — сказал Артемов. — Чьей постройки?

— Финской. Из Северодвинска до Москвы сухогрузом доставляли.

— У нас есть суда побольше, с печкой, душем, сортиром, оборудованные фекальной цистерной. Дом на воде, никакой дачи не нужно. А такого, как у тебя, нет. На четвертый канал Зубков тебя запихнул? Сквалыга! Ничего, поправим дело. Думаю, сегодня же.

— Спустишься в посудину?

— Сегодня не мой день, Гриша. С утра сердце жмет, на нитроглицерине живу. Позавчера съездил в Москву, поругался с Машкой — вот и результат. Я здесь с апреля по ноябрь обретаюсь. Оттого, наверное, еще жив. В другой раз катерок ос-

мотрим. Пошли, посидим у меня в кунге. Я там живу. Катерок у меня «Москва», новый, с двумя подвесниками «Нептун». Сорок лошадей, мне хватает. Рубка-убежище с двумя диванчиками. Катера брали прямо с завода, на всю компанию — четыре единицы. Пришлось, конечно, повозиться, доводить до ума. Строить катера, как финны, у нас так и не научились. Ну, давай, к шалашу.

— Костя, у меня жратвы навалом, а хлеб закончился.

— За хлебом пошлем гонца. Водка есть?

— Четыре бутылки «Столичной».

— Самое то. Вечерком накроем на стол, представишься начальству. Пока я чайник грею, сходи в правление, пригласи на вечерок Зубкова, и пусть он ведет Рустема и бухгалтершу.

— Рустем, кто это?

— Самый важный человек на стоянке, от него многое зависит. Формально — начальник охраны.

— К какому часу приглашать?

— Часам к восьми. Они, как надерутся, здесь ночуют. Вчера очередной бэмс был. Сторожа их по территории собирали.

Зубков приглашению не удивился, глаза его потеплели.

— Правильно все понимаешь, флотский. В самый раз, на стоянке сегодня народу мало будет, все по домам разъедутся. Скажи Косте, будем в срок. А ты откуда его знаешь?

— Служили вместе.

— Значит, наш человек.

Изнутри кунг был обшит вагонкой с утеплителем, имелись холодильник, телевизор, газовая плита. Стол откидной, просторный, в углу — складные разnojки.

— Чаек у меня особый. Лесного сбора, душистый, давай по стопарю за встречу.

— А тебе можно?

— Мне теперь ничего нельзя. А значит, можно. Давай сначала о себе доложи, как в Москве оказался.

Григорий рассказал коротко, без подробностей. Артемов вздохнул:

— Не повезло мне, Гриша. А сначала все шло гладко: попал на оперативную эскадру, к Валентину Ивановичу Жуку, плавал старпомом на большом противолодочном, затем командиром. Четыре боевые службы в Атлантике, в Средиземном море, академия, назначили комбригом на Тихоокеанский флот. Поехал в отпуск в Москву. Машка у меня, если помнишь, москвичка, квартира на Дорогомиловке. Только приехал, хлоп — инфаркт. Отлежался в госпитале. Не годен к плавсоставу. Направили в штаб флота. Через полгода второй инфаркт, дуэлетом, два месяца в госпитале во Владивос-

токе, комиссовали подчистую, вторая группа инвалидности. Машка меня в Москву увезла, такую власть надо мной взяла баба, не продохнуть. Дочка в Западной Лице, замужем за подводником, вступиться некому. Дай, говорю Машке, умереть спокойно, а она меня матом. Через полгода я взбунтовался. Все, кранты, в Москве душно, врачи надоели. Я и рванул в Новозавидово, кореш мой в клубе обосновался, член правления. Помер, к сожалению, два года назад. Успел все-таки помочь. Машка рогами землю роет, а мне хоть бы что, выздоровел, загорел, водку пью. В начале апреля сбегая из столицы и живу здесь до белых мух. Как чаек?

— Хорош. Усталость как рукой сняло. Ну что, я начну про-
виант сгружать?

— Добро! Разыщи моего тезку, папаненок обычно на канале с удочкой сидит.

— Знаю, он мне швартов заводил. Только он ушел куда-то.

— У охранников наверняка телевизор смотрит. Он завидовский. Отец утонул по пьянке, мать алкоголичка. Он к нам и прибился, подкармливаем его, одеваем миром. Вроде юнги. На следующий год в нахимовское училище его пристрою. Мой однокашник там начальником. Скажи папану, что дядя Костя просит за хлебом смотаться. Буханки три пусть берет и зелень у старух прикупит, у магазина на станции что-то вроде рынка. Ты денег ему дай, да так, чтобы и ему осталось.

— Добро.

Посидели с клубным начальством крепко, за столом и решили вопрос со стоянкой. Оказалось, что есть местечко на первом канале, где стоят большие суда, — там и глубины больше, и обзор с брандвахты хороший, зимой на стоянке приворываюют. Имеется и мощный подъемник, и сварной сарай на сваях. Держал тут один катерок по размерам такой же, как у Загайного, но перегнал его в Конаково, а место с подъемником и сараем отдал клубу за долги. Конечно, все это стоит денег, но правление продаст Григорию Васильевичу оборудованное место по остаточной стоимости, потому как человек свой. Гостей пришлось доставлять до сторожки волоком уже ночью. Стоянка была тускло освещена. Две крупные дворняги трусцой бегали вдоль каналов, высматривая чужаков.

Утром Загайный сходил на станцию Новозавидово, позвонил с почты в Москву, Анне на работу, женский голос ответил, что Воронина прилетит через неделю, не раньше. Прощелся по Новозавидово. Поселок Григорию понравился, считай, небольшой городок с блочными и кирпичными пятиэтажками, солидными купеческими домами, даже ресторан имелся и шашлычная, где орудовали узбеки. От станции на-

право, если глядеть в сторону Твери, курчавилась в садах деревня Фофаново, а ближе к Ленинградскому шоссе, по словам Кости Артемова, на берегу Шоши деревня Лягушино — с той стороны вечерами до стоянки доносился слаженный лягушиный ор, казалось даже, что песнопением земноводных кто-то дирижирует.

Кроме кунга Артемова в лесочке у обводного канала обособились армейские сооружения на колесах и сваях, бывшие ремонтные мастерские, кунги и крытые грузовики неясного назначения. В иных пенсионный люд жил круглый год, о чем свидетельствовали аккуратные поленицы дров и емкости для мазута. Во всей этой неразберихе ощущался раз и навсегда определенный порядок, за соблюдением которого зорко следил начальник охраны Рустем. Был ли у него дом, семья — никто не знал. С шести утра до одиннадцати вечера то здесь, то там на обширной территории слышался его резкий голос.

Костя Артемов рассказал, что народ на стоянке собрался самый разный, есть заслуженные артисты, писатели, директора крупных заводов, ученые, словом, физики и лирики, объединенные общей страстью к водомоторному и парусному спорту. Чудаков и вовсе не сосчитать, вполне можно открывать филиал психушки вроде Кашенко или Ганнушкина. Взять хотя бы фармацевта Ван Ваныча, он большой оригинал, своего рода достопримечательность. Фармацевт выходит на «казанке» раз в неделю, причем с единственной целью — за мухоморами. Водки Ван Ваныч не пьет, употребляет только мухоморы, и потом целый день находится под кайфом.

А уж число изобретателей с тараканами в голове на стоянке не поддается учету. Один вот уже шесть лет строит экраноплан на базе старого гидросамолета, но пока его детище ни разу не оторвалось от водной поверхности.

Чаще же всего водоплавающий народ сбивался в группы по интересам, вокруг Артемова объединились военные и сотрудники оборонки с женами. С некоторыми Загайный уже успел познакомиться. На другой день с острова Низовка вернулись Лариса и Боря Ковровы. Лариса — стройная, сероглазая, в ладных джинсах, голубых резиновых сапожках, Борис — высокий, крупный, неповоротливый, улыбается сконфуженно, как-то по-детски. Обоим за шестьдесят. Катером «Москва» командует Лариса, Борис по судовой роли — палубный матрос, механик, кухонный работник. У него и прав на вождение маломерного судна нет. Ларису на стоянке так и зовут: Мать-капитанша. Оба — остепенены, Лариса — кан-

дидат филологических наук, работает в крупном издательстве, Борис — доктор исторических наук, капитан первого ранга в отставке, преподает в академии Генерального штаба.

Степан Кучер — обладатель плавучего сарая, мужик среднего роста, но так широк в плечах, что кажется квадратным. У него нет левой ступни, оставил в одной из «горячих» точек, но Степан так ловко пользуется протезом, что ни за что не подумаешь, что он инвалид. Сарай он называет плавучим лабазом, стоит это сооружение на левом берегу первого канала. В лабазе царит страшный беспорядок. Раз в неделю к Кучеру приезжает жена, тихая, улыбочивая женщина, на день-два лабаз обретает благопристойный вид, и тогда выясняется, что плавдacha сделана с умом, есть и печка под дрова и уголь, газовая плита, широкий пружинистый топчан. Дистанционное управление установлено на просторной веранде. Лабаз укрыт от дождя, стоит на трех поплавках от гидросамолета, на транце три моторчика «Салют». Одно плохо, у лабазы большая парусность, в прижимистый ветер с базы не выйдешь. Да Степан и выходит редко. Целый день на клубной стоянке слышится его бас. До армии Степан работал слесарем-сборщиком на московском заводе, где среди прочего изготавливали подвесные лодочные моторы. Руки у него золотые, он может починить любой двигатель, будь то дизель или подвесник любой марки. У него мастерская на заднем дворе стоянки, что-то вроде гаража, сваренного из листового железа. Мастерская — основной заработок, на военную пенсию особенно не разгуляешься. Клиентов хоть отбавляй. Не попрешься же с мотором в Москву, да и берет Кучер по-божески.

О прошлой жизни Степан говорить не любит, известно лишь, что после срочной службы закончил он какую-то спецшколу КГБ и побывал во многих «горячих» точках.

С остальными «комбатантами» Григорию еще предстояло познакомиться.

Загайный имел некоторый опыт, но многое поразило его на клубной стоянке. Прежде всего, демократизм, не важно было твое положение — директор завода, академик, известный киноартист — на стоянке ценились прежде всего человеческие качества и то, что ты можешь делать руками. Здесь все называли друг друга на «ты», крупные споры разрешались общим сходом. Отработки обязательны для всех, деньгами не откупишься. Уже на второй день Загайному пришлось разгружать грузовик с досками. В напарники ему попался тощий, черный не то от пьянства, не то от речного загара мужик весь в наколках, ясно, что из блатных, побывавший в зоне. Был он не силен, но удивительно ловок, и следо-

вало уловить ритм его движений, приноровиться к нему, а это оказалось непросто, мастеру спорта по тяжелой атлетике явно не хватало навыков. Разок он ошибся, не успел подхватить доску, и край ее больно саданул по пальцам чернявому бла-тарю, тот витиевато, с каким-то даже надрывом выматерил-ся. Григорий промолчал и больше не ошибался, потом спросил у Артемова:

— Кто этот чернявый в наколках? Уголовный авторитет? Константин рассмеялся:

— В каком-то роде. Сидел, пятерик в молодости отхватил, уж не знаю за что. А вообще-то Игорь Всеволодович Мас-ленников — известный математик с мировым именем, ака-демик. Как ты думаешь, сколько ему лет?

— Чуть больше пятидесяти.

— Круто за семьдесят. Отличный мужик, хозяин «Ласточ-ки». Он этот пароход собственными руками собрал.

На стоянке, случалось, воровали, но местные, поселко-вые, те, кому удавалось проникнуть на территорию осенью или зимой. Но чтобы свой у своего что-то взял и не отдал — такое и представить невозможно. Существовал даже свой стиль в одежде. На клубной стоянке народ ходил в немысли-мо штопанной-перештопанной рванине, в этом же виде уса-живались в застолье, но перед тем как выйти на брандвахту, водомоторник или яхтсмен брился, мылся, переодевался в чистое, становясь капитаном маломерного судна.

Прощалось многое, в том числе и пьянство. Дежурные сто-рожа частенько вылавливали из каналов перебравших клуб-менов. Но стоило кому-либо нарушить основной закон, не оказать помощь терпящему бедствие на воде — скис мотор, и лодку сносит ветром в камыши, кончился бензин или на ско-рости налетел на топляк, и катер принимает воду, — он сразу переставал существовать для обитателей стоянки. Лучше сразу продавай катер, и уезжай, потому что на общей сходке все равно исключат из клуба и лишат места в канале. Не поощрялись и ухарство, излишний шум, а за пролив бензина и масла в воду нарушитель карался отработками. За поряд-ком на стоянке зорко следил Рустем.

Это было какое-то новое, отличное от других сообщество людей, объединенных общей страстью.

6

Анне дали недельный отгул. Загайный, созвонившись с ней, махнул в Москву, по дороге основательно отоварился, и на другой день они отправились в Новозавидово. Выехали

рано, в пять утра, чтобы не увязнуть в пробках. Летело под колеса «девятки» серое полотно Ленинградского шоссе, оставили позади сонную Москву, а вот уже и Клин промелькнул. Анна сидела бледная, измотанная перелетами и работой.

— Ты пристегни ремни и вздремни, — предложил Загайный.

— Мы же скоро приедем.

Григорий сверился с картой, верно, скоро поворот налево, а там уже все знакомо — и лес, и спрятавшаяся в низине деревня Лягушино. Шоссе от Ленинградки до резиденции Брежнева в Завидово строили специально для генсека. При съезде с Ленинградки он сам сел за руль и несся с дикой скоростью до деревни Козлово. Артемов рассказывал, что жители деревни до сих пор боготворят генсека, потому что в Козлово по указанию самого построили магазин — на первом этаже продовольственный, такого дефицита в Москве не достать, а второй — для баракольщиков: вещи из ГДР, Финляндии и даже Италии. Как такого вождя не любить?

При въезде на стоянку охранник отвел «девятке» местечко понадежнее, а, получив в награду бутылку водки, заверил: «Царапины на автомобиле не будет».

На стоянке было пусто, водоплавающий народ ушел на остров Низовка, разбил лагерь на левом и правом берегах Волги. Костя Артемов отсиживался в кунге — ему нездоровилось. Анну встретил приветливо, накормил молодоженов завтраком. Взял лоцию Загайного и нарисовал точки, куда следовало пойти, где опасные места, не помеченные на карте.

— Я бы с вами ходил, но со вчерашнего дня сердце ноет, жара проклятая, каналы все зацвели. Перво-наперво сходите в деревню Свердловло. Церковь там чудная и подворье старинное. К берегу, Гриша, не подходи, о камни катер побьет, он же у тебя килеватый. Возьмешь мою надувную лодку. Магазины в Свердловло правильные, мы туда за хлебом, крупами и водкой ходим, когда подолгу стоим лагерем. Заночуете напротив деревни, на левом берегу — закаты в тех местах удивительные. На другой день двигайте в устье Черной речки. Там на поляне наши стоят, узнаешь по катерам — все «Москва». А уж плавучий сарай Кучера за километр видно. С Ларисой, Борей и Степаном ты, Гриша, знаком, с остальными познакомитесь.

— Может, пойдешь с нами? В салоне прохладно.

— Нет, дружище, поберегусь. В поселке больничка имеется, я уже там отлеживался. К тому же сегодня может Машка нагрнать, и я должен продумать оборонительную тактику. Отваливайте поскорей, а то наши алкаши подгребут. У них на водку чутье особое.

Навсегда Григорий запомнил тот день. Природа словно изготовилась показать все в лучшем виде. Загайный, когда катер перегонял, многого не заметил, а тут открылась панорама, дух захватывает. На небе ни облачка, дальний лес в розовом тумане, слева — железнодорожный мост, по нему скользит ярко-синий поезд, прямо по курсу — зеленый островок с купами верб, огражденный стеной камыша. Катер повернул направо, следуя вешке, и распахнулась ширь неоглядная. По правому борту домики деревни, низина, притопленная паводком, а дальше сизая водяная гладь.

Анна стояла в рубке. Стройная, как подросток, в шортах, маечке, босая. Лицо порозовело.

— Гриша, впереди мост, на нем автомобильчики.

— Ленинградское шоссе. Мост через Шошу.

— Можно я порулю?

— Конечно. Только рукоятку газа не трогай. Идем средним, я здесь фарватер плохо знаю. Костя предупреждал: топляки встречаются. Держи прямо на мост.

— Ты давно Костю знаешь?

— С училища.

— Красивый мужик.

— Надежный. Он меня, лейтенанта, натаскивал, командир корабля. Служили в Северодвинске. Потом академия, Тихоокеанский флот, боевая служба. Сорвал сердце, два инфаркта...

— О, Господи...

— Ничего, оклемается.

За мостом слева открылось зеленоватое водное пространство — вдали очертания леса.

— Здесь, судя по лоции, у острова Низовка при слиянии рек Шоши и Ламы начинается шошинский лес, тянется он до Волги.

— Как хорошо! Гриша, ты не говори новым знакомым, что я профессор, доктор и прочее. Просто, работаю в оборонке.

— Как скажешь. Но ты не одна остепененная. Борис Михайлович Ковров — доктор исторических наук, Лариса — кандидат, филолог, Олег Игоревич Яковчик — кандидат химических наук, токсиколог, работает в какой-то закрытой лаборатории. Про Степана и говорить нечего — академик по части русского народного фольклора.

— Да, серьезно, можно ученый совет создавать, — Анна рассмеялась.

Уже от поворотного буя, справа на высоком берегу Волги открылась церковь. Казалось, она парит на фоне безоблачного неба.

Для надежности Загайный отдал два якоря. Вдоль берега поблескивали острые камни, прошла самоходная баржа, нагнала волну. Катер удерживался на якорях прочно. Григорий сбросил веревочный трап, накачал резиновую лодку, спустил за борт. Через десять минут они уже поднимались по откосу, усеянному одуванчиками. Остро пахло нагретой на солнце крапивой, волнами накатывал сладко-дурманящий аромат цветущей сныти, ратниками застыл придорожный репейник. А земля была теплая, плыл к небу густой, вязкий колокольный звон. В церкви шла служба, прихожан было мало, на ступеньках сидели нищие. У чугунной ограды бродили куры.

В магазине купили хлеба, водки, пряников. На этот раз переправлялись на надувной лодке с трудом — рюкзак получился объемистый, вода едва не заплескивала через осевшие борта. Обосновались на левом берегу Волги, как советовал Константин, напротив деревни. Пообедали, Анна улеглась спать — у нее побаливала голова. Смеркалось. Небо на западе багровело, купола церкви стали малиновыми, казалось, с них стекает расплавленный металл, осыпаясь искрами, и все это отражалось, дробилось в черной воде. Ужинали при свете плафона. После затяжного молчания Анна задумчиво сказала:

— Люди давно ломают голову над тем, что такое счастье. Счастье — вот этот закат, запах речной воды, тишина и рядом любимый. Все просто.

Выкатила луна, неслышно текла великая река, вытягивающаяся в бесконечную серебристую дорогу, а где-то в глубине леса вскрикивала ночная птица, голос ее возникал то слева, то справа, удалялся и приближался вновь.

Черную речку Григорий нашел сразу, ориентир надежный: на глинистом мыске виднелись палатки обширного становища с врытыми в землю столами, с причалами, у которых теснились катера и лодки. Становище следовало оставить справа и самым малым идти по речушке с черной, точнее, бурой водой. Метров через сто, за зарослями камыша, открылась низина с тремя приткнувшимися катерами «Москва». Правее, у кромки заболоченного устья торчал дощатый короб лабаза Кучера. Загайный решил швартоваться носом, кормой не встать — мелко для его судна. А к катеру уже бежали люди. Впереди всех Лариса. Степан Кучер, загорелый, в плавках и резиновых сапогах, принял трап и, улыбаясь, захохотал:

— Аня, давай ко мне на ручки, а то здесь муляка.

— Да я сама, — попробовала сопротивляться Анна.

— Поговори у меня, — ухмыльнулся Степан, сгреб ее своими ручищами и, как ребенка, отнес на берег.

Загайный натянул сапоги, спустился по трапу, увязая по щиколотку в болотном иле.

— Место для стоянки не очень, — сказала Лариса. — Зато мы в стороне, не так шумно. И полянка здесь среди сосен чудесная. пляж рядом. Пошли, познакомлю с ребятами. Да, как там наш командир Костя?

— Сердце прихватывает. Не решился идти.

— Вот беда. Ничего, обойдется. У него бывают обострения.

Вячеслав и Галя Возжухины, как нередко случается с людьми, долго прожившими в счастливом браке, ходили друг на друга: оба седенькие, низкорослые, светлолицые, в одинаковых майках и подвернутых джинсах.

Черноглазый худощавый Олег Яковчик, застенчиво улыбаясь, сказал:

— Просим к нашему шалашу. Вы как раз к завтраку поспели.

Кучер, сверкнув золотыми зубами, захохотал:

— Ото ж надо! Кофием их поить! Пусть проставляются. Горылки небось прихватили.

Лариса шлепнула его полотенцем.

Застолье затянулось, в сумерках запалили небольшой костерок. Гудели во тьме деревья, на противоположном берегу резвились водомоторники, кто-то играл на аккордеоне, кто-то плясал, дико вскрикивая. Угомонились за полночь.

Когда стало светать, Григорий осторожно, чтобы не разбудить Анну, поднялся в рубку, над речкой курился туман, и сквозь серую дымку ярко-белыми пятнами проступали кувшинки. У самого уреза воды бродила цапля, в лучах восходящего солнца перья ее казались розовыми.

Стоянку на Черной речке вскоре пришлось оставить, появились автомобилисты, где-то они переправлялись на пароме через Волгу, вечерами пьянки, костры, теперь уже без присмотра катер или палатку не оставишь. К тому же с началом перестройки начались перебои с бензином. Раньше на стоянку приезжал бензовоз, народ заливал канистры — без проблем. На Ленинградском шоссе или по дороге в деревню Козлово можно было перехватить грузовик или фуру, шоферы за бутылку охотно сливали топливо. А нынче ни водки, ни бензина, зато свобода и гласность.

Артемов выбрал место на острове Низовка, где в Шошу впадает одна из протоков Ламы. Вырубили камыши, расширили бухту, почистили дно, построили из бросового горбыля и

бревен, сорванных паводком, два причала. Место уютное, есть поляна, где можно поставить палатки, только траву выкосить. Соорудили туалет, выкопали ямы для холодильников.

Место нового базирования решили назвать бухтой Застоя.

— Мы все из того, застойного времени, — сказал, сидя у костра, Артемов. — Если отбросить идеологию, жить все-таки было можно.

Низовка в этом месте еще не была освоена водоплавающим людом, густой лес перемежался болотистыми низинами, комарья и змей предостаточно. Да и заблудиться можно. Григорий с Олегом поместили зарубками маршруты, нанесли на схему грибные места, малинники, опасные болота.

Если не случались дежурства, или в отпуске, Загайный в субботу встречал утренний поезд, и как радостно ему было увидеть в толпе на вокзале стройную фигурку Анны с сумкой-коляской, всегда свежую, хорошо одетую.

А между тем перестройка набирала силу. Бориса Коврова уволили из академии, Лариса сама ушла из издательства, новым ухватистым хозяевам ни к чему стала российская словесность, им бы делать деньги на книжицах с пестрыми обложками — чтивом для ополоумевших от перемен обывателей. Возжухины-старшие давно на пенсии. Вот и выходило, что работали нынче лишь супружеские пары Загайных и Яковчиков.

В эти смутные годы, когда рушилось все вокруг, смещались понятия о добре и зле, менялись ценности, лес и река оставались неизменными, ибо жили по своим извечным законам.

Бухта Застоя на отшибе, со стороны Шоши стоянку и не углядеть, а нет-нет появлялись и гости. У кого мотор скис или бензин кончился — всяк находил место у костра и уют. Чаше других гостил Марк по прозвищу Карла-марла.

К лагерю прибывался он обычно светлыми июньскими сумерками, когда к медвяной воде уже лип волокнистый туман. Являлся он всегда неожиданно. Минуту назад еще пуст был просвет в камышах, дрожал в нем только огонек далекого костерка, и вот уже слышны легкие всплески весел и гость уверенно выводит байдарку к песчаному пляжу. Прозвище Марк получил из-за поразительного сходства со знаменитым автором «Капитала». Сходство это он умело поддерживал — борода, усы, пышная седая шевелюра были всегда в идеальном состоянии. Как уж это ему удавалось в бивуачной, палаточной жизни, трудно сказать.

Марк относился к довольно редкой категории евреев-антисемитов. Сидя у костра, он, забавно картавя, говорил нечто вроде:

— Вы наивные люди. В нас, евреях, заложен комплекс разрушения. Чем обернулся гений Эйнштейна? Атомной бомбой! Мой тезка Марк Шагал спровоцировал распад формы в живописи, один из зачинателей сюрреализма. А что натворил скромный венский психиатр Зигмунд Фрейд? Разработал методику психоанализа? Таки да! А еще мир после него сошел с ума, а с ним заодно искусство и литература. Повашему сексуальная революция упала с неба? Держите карман шире! Отец этой идеи тихий, богобоязненный дедушка Зигмунд. Я уже не говорю о Марксе, из-за которого развалился мир. Вам мало? А сумасшедший Франц Кафка, приведший в литературу легион безумцев. И психопатология стала чем-то вроде эстетической нормы.

— Марк, замолкни, — осаживал его Артемов.

— А я что? Я молчу, словно рыба об лед. Но вы — слепцы, страусы, которые от страха перед жизнью засунули головы в собственные задницы.

Карла-марла исчезал так же внезапно, как и появлялся. Еще поздно вечером среди разнотравья светлым пятном проступала палатка гостя, и вот уже осталась вмятина — темный квадрат и следы от колышков.

— Провокатор, — негодовал Борис.

— Увань, Боря, — скалился Степан Кучер, — правильный он парень и говорит правду. Разве не так?

С лейтенантской поры Загайный командовал людьми, знал их возможности, слабости, степень надежности. Он старался объединить, подготовить экипаж для решения поставленных задач, а психологию и всякие там душевные штучки перекладывал на плечи замполита — это его хлеб, его прямые обязанности. Но с возрастом его стала интересовать та, скрытая от всех часть души человека, которую тот нередко прячет под маской. Он сразу отметил, что Степан Кучер, несмотря на грубость, очень раним, обидчив, тяжело переживает свою инвалидность — отсюда пьянство, сложности в семье. И таких людей немало.

Были и натуры цельные, как, например, Костя Артемов, не случайно к нему потянулись люди. И все же самой большой загадкой для него оставалась Анна... Она бывала на острове реже Загайного. Большую часть времени приходилось проводить в тревожной, грохочущей митингами Москве. На телеэкране витийствовал Горбачев, его сменяли крикуны из межрегиональной группы. Откуда, из каких потаенных углов и щелей выползли эти сытые, в дорогих костюмах краснобаи?

Анна выключила телевизор, прилегла на диван и закрыла глаза.

— Ты чего? — встревоженно спросил Григорий.

— Надоела эта трескотня. Пустое. Голова немного побаливает, да и надоело все. На следующей неделе меня укладывают в клинику. Не пугайся, плановое обследование. Не отвертелась на этот раз. А давай завтра махнем в Новозавидово, на природу, подальше от всех этих крикунов и негодяев. Я на работе заказ получила: консервы, кофе, колбаса, сгущенка. Хлеб купим в Завидове. Хлеб пока еще в России есть. Ты собери коробку. Выедем пораньше, часов в пять, а сейчас я в душ и спать. Мигрень, наверно. Странно, у меня с девичьих времен мигрени не было. Или климакс начинается? Стареею, любимый.

У Григория перехватило горло, а на душе стало тревожно.

— Перестань, тебе больше тридцати не дашь. Ни одного седого волоса.

Анна внимательно посмотрела на мужа:

— Вот ведь как вышло, Гришенька, мы с тобой на земле одни остались, ни одного родственника.

— Как одни? А друзья?

— Да, друзья... Конечно, Гриша, давай мальчика из детского дома возьмем. Лет трех. Вырастет, ты научишь его водить катер, сети ставить.

— Я давно об этом думаю.

— А я уже и справки навела.

Майское утро было прохладным, только что прошел дождь, кое-где в выбоинах шоссе отсвечивали лужи. «Девятка» шустро катила по Ленинградскому шоссе. На заднем сиденье, завернувшись в плед, подремывала Анна, была она бледна, черты лица заострились. «Может, зря мы едем», — подумал Загайный. Тревога, возникшая вчера вечером, не проходила. Надо ведь так себя ломать на работе. И ведь не скажешь, обидится. Да, пацанчика из детдома взять надо. Для начала приходящую няньку нанять, детсад, школа, Высшее военно-морское училище. Глянул в зеркальце заднего обзора и похолодел: Анна сползла с сиденья, глаза полузакрыты, обвисшая рука безвольно раскачивалась. Загайный, резко тормознув, съехал с шоссе, выскочил из машины, рывком открыл дверь, прижал голову жены к груди:

— Аня, Аня, что с тобой?

Анна открыла глаза, глянула на него, с трудом сложила синими губами:

— Любимый... Что-то все кружится. Мы где?

— Сердце болит?

— Нет, голова.

Загайный достал аптечку, сунул в рот жене валидол. Впереди, километрах в двух Клин. Григорий уложил жену на сиденье, сунул под голову плед и рванул по Ленинградке, обгоняя редкие в этот час машины. Остальное запомнилось плохо. Как нашел больницу, как долго сидел в коридоре. Миновал полдень, распогодилось, где-то гукали голуби, настойчиво, страстно. Два раза подходила молоденькая сестричка, предлагала выпить успокаивающее лекарство, он только мотал головой. Вышел врач-реаниматор, сказал, глядя в стонутую, что делается все возможное.

— Может, Аню в Москву. Я все сделаю. Аня человек известный, лауреат, профессор.

— Она не транспортабельна, — сказал врач, и, словно накачанный гелием, уплыл в голубые сумерки.

А потом, припадая на правую ногу, к Загайному подошел главный врач больницы, уже немолодой, с седой, неряшливо подстриженной бородкой и грустными глазами. Он еще не сказал ни слова, а Григорий услышал свой крик, звериный крик эхом прокатился по коридору.

Анну похоронили в левой части Кунцевского кладбища, рядом могилы адмиралов, генералов, ученых. Провожающих было много. Судя по охране в штатском, присутствовали важные лица. Среди провожающих ползало страшное, похожее на паука слово — «аневризма».

Григорию казалось, что все это происходит на экране телевизора — где-то там, далеко и не имеет к нему никакого отношения. Осознание случившегося не пришло к нему даже в тот момент, когда среди горки цветов, спрятавшей рыжий глинистый холм, он увидел фотографию Анны. Она загадочно улыбалась, и в глазах ее Загайный прочитал: «Не верь этому». Поминки, девять дней, сорок дней, пустая квартира, адская бессонница, когда сквозь свинцовую дрему на кухне слышишь легкие шаги. Шлепанцы Анны лежали у порога, брошенные в то страшное утро. Начальство дало Загайному отпуск, все равно никакой работы, одна мышьяная возня. Мир вокруг рушился, трещал, осыпался. Вечером зашли Лариса, Борис, Олег, принесли продукты. Кости на похоронах не было — лежал в поселковой больнице с приступом стенокардии. Борис рассказывал, что за водкой километровые очереди. Народ озверел. Пили в тот вечер много. В глубине стеллажа, за книгами, Григорий обнаружил две бутылки коньяка — Аня припрятала зачем-то. Тогда Загайный заплакал, молча, без слез.

Лариса сказала:

— Гришка, ты только от нас не отбивайся. Теперь мы — твоя семья. Самые близкие люди. Нечего тебе тут сычом сидеть, отоспишься и на стоянку. Аню мы все любим, она всегда будет с нами.

Борис сидел, ссутулившись, глядел куда-то вдаль, и на лице его запечатлелось недоумение, словно он пытался что-то понять и не мог.

Олег совсем опьянел и остался ночевать. На другой день они катили в Новозавидово. Олег сидел с закрытыми глазами, вроде дремал. Потом потер виски и неожиданно ясным голосом сказал:

— А знаешь, Гриша, я ведь тоже остался один.

— А Ольга?

— Бросила меня Ольга, укатила в Кишинев, друг там у нее. Вместе институт заканчивали. Романчик, видно, длился у них давно. Я подозревал, но не верил. Не хотел верить. Я с ее дружкой знаком. Красавец. А я что? День и ночь торчу в своей лаборатории, любовник — ноль, а Ольга женщина в самом соку. Что тут скажешь? Правильно она поступила. А мне плохо, Гриша. Помнишь у Бунина: «Затоплю я камин, буду пить, хорошо бы собаку купить...» А что? Куплю собаку, овчарку. Уже и имя придумал — Альма. Как?

— Да вроде ничего.

Загайный смотрел по сторонам и удивлялся: Анны нет, а все осталось, как было — пост ГАИ, лес слева от шоссе, тянувшийся до поворота на Новозавидово, даже вороны были те же, гомонили, кружили над лесом.

7

Вскоре после сороковин Загайный подал рапорт на увольнение в запас. Пенсию он выслужил, а смотреть, как гибнет флот, не было сил. Его не задерживали, центральный аппарат сокращали.

Стоял октябрь. Деревья облетели, за Шошей лес стоял серый, все чаще случались заморозки, дождевая вода в колеях покрывалась ледком, он звонко хрустел под ногами. Катер Загайный поднял, законсервировал, ночевал в «халабуде» — сварном железном сарае, включал на ночь «козла» и все равно мерз. Становилось все холоднее. Как-то утром сидели в кунге Артемова втроем: сам хозяин, Григорий и Лариса. Борис болел, прихватило сердце, лежал в Центральном военноморском госпитале. Мужики помогли Ларисе снять подвесные моторы, спрятать их в рундук и поднять катер на дамбу канала. Пили чай из летних сборов Константина.

— Гриша, ты в Москву когда съезжаешь? — спросила Лариса.

— Не знаю. Не могу я там жить.

— Понимаю. Слушай, в доме, что у поворота на стоянку, старушка живет. Бабка чудная. Старик помер, у молодых в Твери квартира, навещают редко. Баба Шура боится одна ночью оставаться. Жильца хочет взять на постой. А у моей приятельницы сын развелся с женой, человек небедный, ищет жилье. Сдай ему квартиру, мужик он порядочный, кинорежиссер, я за него ручаюсь. А сам перебирайся к бабе Шуре.

— Мне что, с него деньги брать? Неловко.

— Не твое дело, сдавать буду я. Деньги тебе не помешают. Ты же пенсионер. Черт его знает, что дальше будет. У тебя сбережения есть? Переведи в валюту. Я помогу. И еще, заberi свои вещи и свези к бабе Шуре.

— Ты что, уже договорилась?

— Конечно. Мы же давние знакомые. Как-то весь отпуск у нее с Борей прожили, ждали, когда катера с завода отгрузят. Только не удивляйся, баба Шура матом ругается так, что сторож с брандвахты позавидует. У тверских крестьян мат стал частью лексики. Дико звучит, но факт.

— Может, я ей не понравлюсь.

— Понравишься. Пошли прямо сейчас. Чего тянуть.

Баба Шура, хоть и была в старушечьем облачении — серый шерстяной платок, стеганка, валенки с галошами, — старухой вовсе не выглядела. Из-под низко повязанного платка глядели ясные голубые глаза, и выбившуюся прядь русских волос лишь тронула седина.

— Ой, Лариск, спасибо тебе, милая, век не забуду. Тепери-ча хоть мужиком в избе пахнуть будет. Тебя как звать-то?

— Григорий Васильевич.

— Васильевич, значить. Денег я с тебя брать ня буду, по хозяйстве поможешь, ну газ там, лектричество, и ладно. У меня на похороны отложено. Лариск, ты чо, как не родная. Веди мужика в дом. Я нонче гнала. Первач — вырви глаз.

— Да ведь утро еще, баб Шур.

— Иде ты утро видела? И положено так.

Изба на самом деле оказалась хорошо спроектированным финским домом, с канализацией, душевой, кокетливым унитазом. Все это давно вышло из строя, трубы проржавели. Отопление водяное, в печь замурован котелок, продумано неплохо, закладывая побольше дров и порядок, но из-за пузырей в трубах и батареях тепло в комнаты почти не доходило. Во дворе даже скважина была, да, видно, мотор сгорел, и труба забилась.

В предзимье начинать ремонт сантехники не с руки, скоро все замерзнет, а вот отопительную систему поднять можно. Загайный позвонил в Москву Степану Кучеру, тот сразу откликнулся, приехал, вдвоем они за неделю не только сменили батареи и трубы, но починили канализацию Единственное, чего не смогли сделать, — извлечь из скважины электромотор, держало его что-то, решили оставить до весны. До колодца метров сто, перебьемся.

— Ой, мужики, ой, умельцы, — не могла нарадоваться старуха. — Васильич, мне Лариска сказывала, что ты моряк, капитан. Верно?

— Было дело. Только перед тем, как стать моряком, я слесарем год проработал. Да я что? Вот Степан — золотые руки.

Степан скалил золотые зубы:

— Верняк. Ты главное наливай, баб Шура.

— Ты что ж, без закуски позгать будешь? Погоди, я в погреб слажу, там у меня огурчики да моченые яблочки — ахнешь.

— Не суетись, твой самогон, как виски с содовой можно пить.

— Ишь, чего надумал. На кой тебе сода? А ну сядьте за стол, нехристи, я накрою. Господи, твоя воля, я и не упомяну, когда в избе так тепло было. По трое штанов надевала и то мерзла. Руки мойте.

В доме три комнаты, мебель городская, шестидесятых годов: торшер, журнальный столик, сервант, шифоньер, этажерка с книгами.

— То все дочка. Мебель энта, — баба Шура поджала губы. — Какая девка была, отличница. А как вышла за сваво кобеля и пьяницу, будто подменили. Два раза в году появляются, когда вишня созреет, да на Рождество, самогоном запастись. Оба художники, реставраторы, денег то нет, то много. Отсюда и баловство. О детях и думать не хотят. А мне б с внучатами потягаться. Сколь я слез пролила. У меня один советчик да утешитель, — баба Шура указала на фотографию, висевшую на стене. На фотографии был запечатлен пожилой солдат, в пилотке, белозубый, но с какими-то мертвыми, будто слепыми глазами. — Михайло Федорович, мужик мой, вскоре как с войны вернулся. В Тверь ездили фотографироваться. Царствие ему небесное и вечный покой.

Закончив ремонт и ополоснувшись в тазу в жарко натопленной кухне, Григорий со Степаном в чистых рубашках, ослабленные сидели в горнице за бутылкой самогона. На дворе ярился ветер, яблони скребли в оконное стекло голыми ветвями. Старуха давно уже спала, в промежутке между ата-

ками ветра слышался ее храп со звонким присвистом, будто в беззубом рту держала она свистульку. Кучер, оглаживая влажные волосы, сказал:

— Ступню я свою оставил в Афгане на границе с Таджикистаном. И не душман меня обезножил, а наш, русский. Никому не рассказывал, а тебе расскажу. Почему? Сам не знаю. Во время последней командировки в Афган меня здорово зацепило. Два пулевых в грудь, правда, навывлет. Караван с оружием брали, да налетели на засаду. Из всей разведгруппы я один остался в живых. «Духи» знали, кто я, решили вылечить, а уж потом публично казнить. У них это дело хорошо поставлено: автогеном резали на куски, раскаленным битумом рты заливали. Но особенно в ходу была одна штука: бреют голову, из теста лепят на башке что-то вроде пиалы и льют туда кипящее хлопковое масло. Изошренная восточная пытка. Сторожили меня по очереди отборные нукеры, крепкие ребята. Как-то ночью я прикинулся, что дохожу, охранник сунулся ко мне, я ему приемчик и сделал, пикнуть не успел. Когда передевался в его одежду, под поясом нашел плотную пачку долларов, запаянных в целлофан, сунул под тельник — пригодится, установил две растяжки, взял «калаш» и ушел. Местность я знал хорошо, бывал в том ауле не раз, снял двух часовых и деру. Уходил кяризами, это такие подземные колодцы. «Духов» там не было. Накануне наши десантники там операцию провели: закачали в колодец бензин, бросили факел, и с концами. В кяризе меня прижало, думал, конец, температура подскочила. Хорошо еще кое-где вода была, с привкусом бензина. Как-то проснулся, слышу шкрябающие звуки, и вроде кто-то поскуливает. У меня особенность: в темноте вижу не так чтобы, но различить могу. Вижу, кто-то ползет навстречу, изготавился, ножичек достал, пчак, что у «духа» отобрал. А супостат закашлялся, эдак, с перебором, матюгнулся, и спиртом от него потянуло. Ага, значит, не «дух». Я его из последних сил прижал, спрашиваю: кто? Старшина Петр Ятков, фельдшер из медсанбата. Пьяный упал в кяриз и заблудился. Я сразу и вырубился. У Петруши сумка санитарная с собой, а в ней обезболивающие, антибиотики, спирт, шоколад. Короче, вытащил он меня с того света. Кажется, на третий день вспомнил про пачку долларов. Спрашиваю: где? А он — ничего не знаю. Но ты же, сучонок, меня перевязывал, пачка с баксами под тельником лежала. Я его сгреб, обшмонал и нашел в трусах, на задницу прилепил лейкопластырем. Плачет, бес попутал. Ну, попутал и попутал, с кем не бывает. А когда уже к нашим выходили, сержант меня гранатой угостил, очень уж ему не

хотелось зелень упускать. Но ведь я ученый, успел в расщелину сигануть, только ногу вовремя не убрал, а моему спасителю осколок прямо в лоб. Покарал, выходит, Господь. Десантники нас выволокли, подумали, что мы на растяжку налетели. Так-то.

— Погоди, зачем же он тогда тебе помощь оказывал?

— Без меня ему из кяриза не выбраться. Все рассчитал. А доллары мнегодились, в Ташкенте один армянин протез сделал классный. О том, что в Афгане творилось, говорить не хочется. Народец уже тогда скурвился. Ну, давай по последней и спать.

Управились с ремонтом вовремя. Как-то проснулся Загайный, глянул в окно — зима, ветви деревьев висели от снега, а снег все валит и валит. В доме уютно, тепло. Свои вещи из московской квартиры Григорий перевез, больше в столицу не ездил. Намайвшись от бессонницы, первые дни спал, словно снотворного наглотался. Просыпался, наспех ел, заваливался снова.

— Спи, — говорила баба Шура. — Время-то у тебя не куплено.

Баба Шура прихварывала, по теплой избе ходила в валенках.

— В жизни не болела, а тут нате вам! — жаловалась она. — Верно говорят: живешь — не человек, помрешь — не покойник.

— Надо к врачу сходить.

— И-и, милай, отходилась. Чего ходить, душу бередить. Года-то какие.

— А сколько вам лет?

— Семьдесят шестой пошел.

— Разве это возраст?

— Не стар годами, а стар бедами.

Вечерами пили чай, разговаривали. О себе, да и вообще о жизни говорила баба Шура спокойно, без горечи. Родом она была из тверской деревни Толмачево.

— А рядом еще деревни стояли, — рассказывала старуха. — Толмачево, Ермачево, Горки, Чадово, Попово. Так в складуху и выходило. Жили хорошо. И до войны и опосля. Даже в голодное время. Отец-то пастух, скотину пас под Торжком, нанимался. За хлеб и сколько деньжонок дадут. Отец с братом, дядькой моим, лыко драли, корзины плели. У нас все копейка была. Это потом, когда замуж пошла, бедно жили. Свекровь моя вдовая. А вдова что? Последнюю овцу продала — пуд ржи не купила. Трое ребят, да еще свекровь ейная, старуха Наталья. Потом, правда, за силу взялись. Только хребет поломать пришлось, в колхозе-то на трудовень тридцать пять

копеек платили. Вроде выправились, а тут война. Михайло Федорович вернулся в сорок четвертом, весь израненный, живого места нет. Тяжелую работу делать не мог, а возился, плотничал. С шабашниками ездил, зарабатывал хорошо. Ласковый мужик, дурного слова не слышала. Все наперекосяк пошло, когда мы в Новозавидово переехали — товарищ его сманил, дочь, мол, подрастает, учить надо, а тут поселок, школа-десятилетка. Избу с усадьбой мы в Толмачево хорошо продали, а в Новозавидово, на заводе, финские дома разборные рабочим продавали. Михайло Федорович туда плотником устроился, продали и ему. Вот и взялся он дом ставить. Взяться-то взялся, да надорвался. Что за болезнь у него — не скажу, все болело. А какая тут больница? Умные люди посоветовали ему, поезжай, мол, в Москву, да на вокзале и ляг, «скорая помощь» подберет. Фронтовик никак. Подобрали. Три месяца по больницам. Профессора лечили. Один, старенький уже, так мне и сказал: «Будь ко всему готова». А как умирать не хотел, упирался. Иду с работы, а он у окошка сидит, улыбается. Хоть мало пожили, да хорошо. Нынче так не живут.

Ни разу не видел Загайный, чтобы баба Шура всплакнула. Как-то спросил ее:

— Скажите, отчего же так все вышло?

— Как, милай?

— Люди переменялись. Народ из деревни бежит, в Калининской области треть населения ушла. Работать некому. А тут еще перестройка.

— А-а? Хозяина нет.

— Хозяина? Сталина, что ли?

— Какое... То власти, нам до них далеко. Пушай куролесят, вроде нынешнего «меченого» балабола. В дому хозяина нет. Раньше домами жили. Мужик — хозяин, баба при нем, дети. Вместе на работу, вместе с работы. Все в дом. Молодые копейку заработают — хозяину отдают. А теперь время разболтано. Честной молодежи не найдешь. Родители их поят и кормят. А они? Что на стороне сшибут, все в свой карман. Тута и вольница, к вину тянет. Вот и пропадают через свое горло. Подарками дорогими задарили. Мопедами этими... Потрещит, потрещит, и в город за сладкой жизнью, искать, где шей покислей... Избаловались, работать не хотят. Хорошо, ты в дому, а не было бы тебя? Помру, и никто не узнает. А раньше, бывалоча, днем в колхозе наломаешься, ночью сено своей коровенке возишь, а всяко к одинокой бабке Ирине заглянешь: есть ли вода, хлебушек. Сенца привезешь, дров наколешь, скотину загонишь.

Очерствел народ, избаловался. Летошный год сноха приехала на могилку к брату. По дороге бутылку водки высосала. На кладбище ревмя ревет, по земле катается, только не от сердца, вино в ней тоскует.

— Что же дальше?

— Дальше-то? А поглядим, коли живы будем. Мы-то с тобой отработали. По совести.

Долгими зимними ночами, когда, казалось, дом накрыли стеганым одеялом и в нем гаснут звуки, Загайный лежал, вспоминая прожитое. Воспоминания перетекали в сны и были они яркими, цветными.

Той зимой Григорий прожил жизнь как заново. Вернулось ощущение родного дома, даже запах почувствовал, запах речной воды и мокрого песка, что доносил ветерок с Дона. Центральная улица Энгельса, драматический театр в форме стеклянного трактора, левый берег Дона, белые пароходы в вечерних огнях, вагоноремонтное депо, грохот штанги, роняемой на помост. Наконец, Ленинград, туманная сказка, необычное чувство, рожденное курсантской формой с золотыми якорями на погончиках. Набережные Невы, огуречный запах корюшки, золотой шпиль Петропавловской крепости и замирание сердца перед тем, как распахнется тяжелый занавес Мариинского театра. Затем Беломорье, упругий, бьющий в лицо ветер, мелкая вибрация командирского мостика... Из всего этого жизненного потока выпадала встреча с Анной и все связанное с ней. Шадящая память стальным люком закрыла от него то, что еще не отболело, еще жило в нем, рождая все нарастающий протест: почему?

На этих эпизодах жизнь как бы остановилась, превратившись в одну бесконечную ночь. Доски старого дома потрескивают от мороза, под полом, в погребке, пищат крысы, и нет желания проснуться и встретить еще одно одинокое, лишенное смысла утро.

Мало-помалу обывок, забылся в работе. Просыпался Григорий чуть свет, шел на кухню, ставил на газовую плиту чайник, прислушивался к тому, что происходит в спальне бабы Шуры. Завтракал без аппетита, натягивал старую, еще командирскую канадку, ватные штаны, валенки и шел на стоянку подменить на пару часов сторожа, чтобы тот перекусил да чуток вздремнул. Не спеша обходил стоянку, вглядываясь в следы, — не посещал ли кто чужой каналы, целы ли замки на рундуках. Его сопровождали две собаки — Мишка и Райка, названные так в честь горе-реформатора и его супруги.

Стоянка зимой выглядела печально. Лед в каналах осел, обнажив ржавые сваи подъемников, ветер намет на дамбы

снег, образовав ледяные заструги с острыми гребнями. Катера и лодки как бы смерзлись, уменьшились в размерах, тишина, запустение.

Старуха из дома почти не выходила, видела плохо, кружилась голова, но на язык была все такой же бойкой.

Каждое утро ругала кота:

— Ишь, ряжку-то нажрал, хрябтук. Только бы исть да спать на печи. А крысы в погребу скачут, что твои лошади. Дармоед, твою мать.

Потом принималась за Григория Васильевича:

— Оженить тебя нужно, Васильич. Негоже одному куковать. Мужик ты справный, непьющий, и пенсия у тебя хорошая, за такого любая баба пойдет. Жонка твоя, царствие ей небесное и вечный покой, только бы порадовалась в раю, на тебя гляючи, что не бобылем живешь. Молодых сторонись, — в голове ветер. А уж пьют, так почище мужиков. Через дом от нас соседка живет, Марья, чуть за тридцать, пятый год вдовая, мужик ейный утоп по пьяни. Учительницей в школе работает. Дом большой, усадьба с садом. И все поспекает, дела в руках так и горят. И обстиран будешь, и обласкан, и поговорить есть о чем — оба образованные. Еще и деток нарожаете. А то сидишь со старухой. Какой интерес? У меня давно ум отшибло, давеча тятю вспомнила, так отчество забыла. Звали Егор, а вот как по батюшке? Но ты не думай, я крепкая, сносу мне нет, я бы с дитем вашим возилась, все радость. Авось и пережили бы лихое время.

По субботам Григорий возил старуху в церковь. Сам в храм не заходил, ждал в машине. Бабка Шура всегда возвращалась недовольная:

— Нет, не тот батюшка, благодати в нем нет. Слова правильные говорит, а они мертвые, душу не согревают. А уж дьякон, прости господи, что твой хрябтук. О его ряжку семи-месячных поросят только расшибать. И все на молодых баб зыркает. Старухи говорят, что у Конаково, в деревне Селихово, в церкви батюшка объявился, отец Борис, прям, чудеса творит, к нему из Москвы ездят проповеди слушать, для деток церковную школу открыл. По весне свози меня к нему, Васильич. Хоть ты креста не носишь, а все равно верующий — я вижу. Все у тебя внутри, потому как горе переживаешь. Я в церкви бабу встретила, комсомолом в поселке руководила, шалава... каких мало. А тут гляжу, стоит крестится, платочек на ней в горохах. Думаешь, ее Бог вразумил? Не верю.

Дни текли однообразно, студнем ускользали один за другим, вроде только проснулся, затопил печь, приготовил немудреный завтрак, а вот уже и сумерки, синь за окном, ред-

кая машина отгрохочет, и опять тишина. Григорий пристрастился к чтению. В светелке две этажерки с книгами, еще от дочери остались: Горький, Чехов, Короленко, Гоголь, Шолохов. Перечитывал классиков заново, удивляясь, до какой степени глуп был в юности, не понимал глубин творений великих писателей.

Раз в неделю Григорий ходил на почту, звонил Артемову, Ларисе. Костя, отлежав в очередной раз в госпитале, сражался с женой. «Представляешь, привела ко мне знахаря, глаза красные, изо рта тухлым яйцом несет, крестики, баночки с целебными мазями. Я его с лестницы спустил. Скука дикая, одно занятие — плету сеточку из жилки. Один дед с Птичьего рынка научил. Никаких теперь «телевизоров», кинул за борт, поплавок пометил, а утром — гребь рыбу лопатой. Эх, до весны бы дожить, Гришка! Поклон бабе Шуре. Небось, все так же матерится. У меня Машка, когда с гвоздя соскочит, такое вывернет. И где научилась?»

Разговор с Ларисой носил деловой характер: Борис сидит, пишет книгу о новой власти, жилец платит за квартиру исправно, в долларах, вещи Анны сдала в химчистку, разошлись по хорошим людям, увеличенная фотография Анны в рамке, как заказывал, готова. Делал знакомый мастер в ателье в Столешниковом переулке.

Весна пришла медленная, с влажными ветрами с Ивановского водохранилища, лед в каналах просел, почернел, ждали паводка. Старожилы рассказывали, какие в старые годы были паводки, не чета нынешним, всю округу заливало, теперь не то, поднимется вода, а ее по шлюзам и стравят. Для зверья оно и лучше.

Неделю лил дождь, снег почти весь смыло, голые деревья в саду парили, воронье, собравшись в огромную стаю, медленно кружило в сером небе. Григорий спустил катер на воду, перебрал дизель, кое-что покрасил, обновил, но работал вяло, без интереса. После техосмотра сходил на Низовку. Стоянку затопило, нужно ждать, пока спадет вода, пусто там, неприятно. Друзья в клубе не появлялись. Костя Артемов вот уже месяц лежал в Бакулевском центре, готовили к операции на сердце. Маша сказала, что доктора запретили друзьям навещать его, только жена. Наверняка врет, но ведь ее не переспоришь. Возжухины обзавелись участком под Можайском, ковырялись в земле, катер на воду спустили, но с той поры ни разу не появились. Борис и Лариса уехали на лето к родственникам в Крым, Борю беспокоила астма. Олег Яковчик приезжал редко, был сумрачен, его лаборатория дышала на ладан, вот-вот закроют. Степан Кучер развелся с женой, с базы не выходил, пил в своем лабазе по-черному.

Странно было стоять одному в бухте Застоя. В этом году даже праздник — день ВМФ не отметили. Поляна, где обычно строились друзья-водомоторники на подъем флага, заросла травой.

Григорий приохотился к работе в саду, по дому. Вскопал пустырь за усадьбой, посадил картошку, почистил, кое-где обрезал плодовые деревья, прошелся по стволам известкой, нанял бригаду умельцев, те сменили отстойник для туалета и душа, запустили скважину. А работы не убывало. Нужно было проолифить и покрасить дом, сменить забор. За лето не управиться. А тут подкатил черный август девяносто первого года. Восемнадцатого числа Загайный наладился на Низовку, баба Шура едва ли не силком вытолкнула: «Грибы пошли, милай! И белые, и подберезовики. Хорошо бы на зиму посушить. И встряхнуться тебе надоть. Все по хозяйству возишься. Всех дыр не заткнешь».

Грибов и в самом деле в тот год уродилось много. И ходить далеко не нужно. Григорий в первый же день собрал большую корзину белых. День стоял чудный, ветерок шелестел листвою, могучие папоротники стояли, как лесовики-часовые, и казалось, колыхнется ветка и из звонкого березняка покажется легкий силуэт Анны в ладной штормовке и красных резиновых сапожках. У Загайного перекосило рот, задрожали губы. С трудом пересилил себя. Весь вечер, до глубоких сумерек чистил, разделявал грибы, сушил в самодельной печке. Утром сходил в лес, беря левее, там, в прореженном подлеске, всегда было много подберезовиков. Едва донес до стоянки корзину, а уж брал грибочки, как говорится, калибровые, один к одному. Только присел перекусить, как в отдалении по Шоше один за другим стали проходить катера и лодки, шли они прямым на базу с такой скоростью, словно их сорвало с Волги надвигающееся бедствие.

На клубную стоянку пришел уже в сумерках. Тишина, пусто, только в плавающим лабазе бесновался Степан Кучер.

— Степа, что случилось?

— А ты не знаешь, каперанг, твою мать! — лицо Кучера выскрилось в безумной улыбке.

— О чем ты? Я на Низовку ходил.

— Еще один! Кучка придурков пыталась Горбача спихнуть. Слабаки, трусы! И армия — кругом предатели. Для такого дела серьезные люди нужны, как мои братаны, что в Афгане дом Амина брали. А эти так — шелупонь. Мне там нужно было быть, мне! Я танками бы плющил вшивоту эту, купленную за бабки и водяру. А я здесь сiju, пьянь поганая. Значит, я такая же, как все, сволочь! Дерни водки, Гриша, и вали отсюда, тошно мне.

Таяла, распалась дружная семья водомоторников, пусто вокруг Загайного пространство. Первым ушел Степан Кучер — погиб во время осады Белого дома. С ним был Олег Яковчик, тому повезло, отделался царапиной, снайпер чуток промахнулся, срезал лишь кожу на шее. Олег рассказывал, что сам видел, что рассказывал ему сосед по лестничной площадке, накануне событий уволенный из КГБ.

Сидели на острове у костра, птицы приутихли, черное беззвездное небо нависло плитой над поляной, давило. Казалось, природа сопереживала людям, пытаясь отстоять их, укрыть от врагов еловыми ветвями.

— Мы со Степаном добрались до места что-то часов в двенадцать. — Яковчик говорил медленно, и в голосе его слышалось нечто механическое, словно говорил не человек, а машина. — На Степане камуфляж, на груди боевые ордена, медали, левую штанину он задрал, чтобы виден был протез. Ментов, омонцовцев — тысячи, рядом крытые брезентом машины, я сосчитать и не пытался. К Белому дому не пробиться. Степан завелся, попер, как танк. Один омоновец, тоже в орденах, отвел нас в сторонку и говорит Кучеру: «Братан, иди с миром домой, тут такая подлянка заваривается, сказать страшно. Ладно, интеллигентов хреновых положат да разную сволочь. А ты ведь наш, афганец». — «Неужто по своим шмалять станешь, друг», — рыкнул Степан. — «А мне все едино: свои, чужие. Совесть я в Афгане оставил, когда нас всех предали. Свои, чужие? Подойдет время, мы и с ельцинским кодом разберемся».

Еле я Степана оттащил, кипит от злости. Пошли к Октябрьской площади, там должен состояться митинг в поддержку Верховного Совета. Путь неблизкий. На Крымском мосту оцепление, но пожиже. Толпа смела омонцовцев и — валом по Садовому кольцу, к Смоленской площади. Тут уже не сам идешь, а толпа несет. Слева и справа — ряды милиции, омонцовцы, спецмашины, но демонстрантов пустили. Часть развернулась к мэрии, часть к Белому дому. Степан матерится, хромает — столько пройти на протезе. Я и то устал. Неподалеку от Белого дома, на улицах и в переулках народу — не сосчитать. До миллиона. И тут омонцовцы вдруг открыли проход к Белому дому, народ ринулся в брешь, начался митинг, к нам присоединились защитники Белого дома: победа! Демонстранты хлынули к мэрии, брать ее штурмом. Мы со Степаном остались, у него стала кровоточить культя. Какая-то девчонка помогла перебинтовать потертость на

культе. А тут вывернулась колонна грузовиков, крытых брезентом, — там народ, захватили мэрию. Один грузовик остановился, выскочил бородатый мужик и крикнул: «Товарищи, едем в Останкино. Нужно брать телецентр!» Степан, ковыляя, кинулся к грузовику, я за ним, нас в кузов затащили молодые парни. Стало темнеть, выбрались из машины, народ сбился в группы. Дверь в телецентр заблокирована. Генерал Макашов дает команду таранить дверь грузовиком, на котором мы приехали. Я стою у машины, Степан сел, нога болит. Послышался звон стекла, и тут же защелкали выстрелы. Степан завалился на бок, я к нему: вместо глаза дыра, не дышит. Рядом рвануло, я оглушенный пополз, цыркнуло по шее, чувствую — кровь, кругом убитые, раненые. Остальное помню плохо. Какой-то парень отволоч в кусты, дал глотнуть водки из фляги, затем мы спустились в люк канализации, там меня перевязали, стал приходить в себя, долго шли куда-то, выбрались наверх — пустынно. Кто-то посоветовал: «Давай теперь сам. Домой не суйся, начнутся аресты». Поймал такси, таксист, наш парень, из сочувствующих, довез до Солнечногорска, дальше не мог. Дал свою куртку, чтобы бинт виден не был, и бутылку водки. В Солнечногорске тормознул фургон, на нем по Ленинградке до поворота на Завидово. До утра отлеживался в лесу, хорошо ночь теплая. Потом сюда.

Олега слушали молча, чувствовалась общая подавленность. Костер догорал, по малиновым углям пробегало желтое пламя и тут же гасло. Загайный с удивлением подумал, что беда их снова объединила. Присутствовали все: Артемов, Возжухины, Боря с Ларисой прикатили из Крыма и сразу на Низовку.

— Ну, а кореш твой, что тебе рассказал? — прервал затянувшееся молчание Артемов.

— Комитетчик? Это уже, когда я домой вернулся, в Люберцы. Считаю, неделя прошла.

— Ну?

— Сказал, что разгром защитников Белого дома — хорошо спланированная операция. В расстреле народа участвовали бандитские группы, нанятые олигархами, стреляли снайперы ЦРУ, спецподразделения, отряды «Бейтар».

— Что за отряды?

— Не знаю, вроде как их израильская разведка готовила. От комитетчика многого не добьешься, сидел и ждал ареста. Я домашние цветы раздал соседям — все равно засохнут, снял в Сберкассе все сбережения и сюда. Тысячи людей погибли. Куда их свезли — неизвестно.

Олег помолчал и тихо добавил:

— Знаете, что меня больше всего поразило тем вечером: у Останкино и Белого дома кровавая бойня, а в Москве тишина, народ, как ни в чем не бывало, гуляет. Никому дела нет.

Загайный слушал и поверить не мог, что все это происходит в его стране, какие-то отряды, американские снайперы на крышах... Может, провокация? Врет кагэбэшник, выгнали его, вот сеет панику. С другой стороны, повязка на шее Яковчика — реальность, да и по телевизору в дежурке сам видел, как палили по Белому дому танки, выкуривая кумулятивными снарядами народных избранников. А чуть в стороне — ликующее лицо Ростроповича, рядом академик Сахаров — буревестник революции, мадам Боннэр, которой для полного сходства с ведьмой только метлы в руке не хватает. Как этому шабашу не верить? Не верить, что труп Кучера так и не нашли. И где он похоронен, неизвестно.

А телевидение в открытую славословило Ельцина, лезли в экран паскудные лица демократов, да и простой народ, особенно молодежь, недовольства не высказывали. Жратва появилась, ешь — не хочу, были бы деньги. А деньги у многих были, повсюду бледными поганками выросли ларьки, ларечки, и торчали в их окошках довольные, с налетом порчи дебильные лица. Новые хозяева быстро обжили российское пространство, хлынул торговый люд и в Новозавидово.

Обстановка на клубной стоянке все больше накалялась. Клуб напоминал Россию в миниатюре. Одни стремительно богатели, другие — беднели, продавали катера и лодки пришлым людям. Ярый демократ писатель и горький пьяница Герман Васильев ходил с гордо задранной бородой.

— Гера, ты-то чему радуешься? — спросил Загайный. — Сидишь на хлебе и водке, гол, как церковная крыса.

— Тебе не понять, Гриша. Россия наконец встала на путь демократического развития. Русский человек по природе своей раб. Шоковая терапия ему только на пользу.

— А расстрел Белого дома, а страшные жертвы? Ты же, вроде, в гуманистах ходишь.

— Революций без жертв не бывает. Если бы я не был болен, я сам бы участвовал в разгроме коммунак.

— Гера, ты не был болен, во время октябрьских событий ты валялся в черном запое, чертей ловил в каюте своей лохани. Мы же «неотложку» вызывали. Или забыл?

— Вздор, инсинуации, ты сотрудник КГБ. Ничего, скоро и тебя в Бутырку упручат.

Люди менялись на глазах. Нередки были стычки с мордобоем.

Страшная история произошла с Олегом Яковчиком. После бегства Ольги и гибели Кучера на него обрушилась новая беда — закрыли его лабораторию. Он как-то потускнел, сторонился друзей, в бухте Застоя бывал теперь редко, предпочитая одинокие стоянки, выбирая глухие места в глубине протоки. А это небезопасно. Появилась банда налетчиков, вооруженных ножами и обрезам. Кто они, откуда, никто толком не знал. По слухам, бандиты ночами тайком подходили на двух «казанках» к палаточным городкам, грабили и, врубив моторы, исчезали во тьме. Тех, кто оказывал сопротивление, жестоко избивали. До милиции не достучаться, ответ один — нет быстроходных плавсредств, нет бензина.

По слухам, бандой руководил черноволосый парень по прозвищу Цыган, он носил красные рубахи и ожерелье на шее, другие — без особых примет, если не считать наколок, свидетельствующих, что бандиты побывали в зоне.

Загайный теперь брал с собой двустволку, патроны набивал волчьей дробью. Ружьецо подарили ему северодвинские сослуживцы на сорокалетие. Он состоял в охотничьем обществе, исправно платил взносы, но никогда не охотился, не любил это занятие.

Тем утром Григорий поднялся рано, нужно было снять «телевизоры», ставил два-три, чтобы хватило на уху. Плотный туман опустился на поляну, плыл туман и по протоке, слоистый, хлопьями. Загайный вытащил снасть, собрал рыбу в ведерко, сел перекурить на древний пенёк. Вот тут-то из зыбкого тумана и выплыл катер «Москва». Катер дрейфовал к противоположной стороне протоки. Глянул на бортовой номер — катер Олега Яковчика. Что за черт! Поднялся в рубку, взял морской бинокль. В рубке-убежище катера Олега, похоже, никого не было, с транца сняты моторы. Предчувствуя беду, Григорий торопливо выбрал якоря, врубил движок и пошел кормой к удаляющейся «Москве». Поставив ручку на холостые обороты, отпорным крючком подтянул катер Яковчика к борту, укрепил концом, заглянул в кокпит и содрогнулся: паелы залиты кровью, дверь в рубку сорвана с петель, следы борьбы. Отбуксировал катер в бухту, и на малом ходу пошел вдоль берега, вглядываясь в неподвижные камыши. Труп Олега обнаружил метрах в ста пятидесяти от бухты. Тот лежал в камышах, лицом вниз, черные, с проседью волосы шевелила легкая рябь.

Нужно было срочно вызвать милицию. Ближайший телефон в доме отдыха. Несмотря на предупредительный свист охранника, Григорий осадил катер у причала.

— Куда прешь! — заорал охранник. — Запретная зона! Ослеп? Сейчас вызову милицию.

— Мне милиция и нужна, — усмехнулся одними губами Загайный. — Прими конец, раздолбай.

— А что случилось? — сбавил тон охранник.

— Человека убили. Где у вас телефон?

— В дежурке.

— Веди.

Милицейская бригада в составе двух человек примчалась на удивление быстро. Начальник новозавидовского отделения милиции капитан Змушко, — с ним Григорий был знаком, — прихватил с собой доктора из больницы. Загайный помог им подняться на борт. Доктор, красный, лысеющий, с желтыми подглазьями, ворчал:

— Что же это делается, мужики? Я до трех часов ассистировал на операции, только лег и сюда выдернули. Даже кофе не успел выпить.

Змушко хмуро глянул на него:

— Помолчи, Семен, не до тебя. Рассказывай, флотский, что и как. Протокол потом составим. Туман-то какой, едренматрен. И ветерка нет. Пятый случай грабежа, а мокруха первая. Видно, сопротивлялся парень. Дружок, что ли, твой?

— Дружок.

— Почему же не вместе стояли?

— Он раньше ушел.

Загайный коротко рассказал, что видел.

— Наверняка Цыган. Его почерк. Видишь, под левой лопаткой входное отверстие. Заточка.

— Сволочь. Возможно, и пальчиков не оставил. Опытный, подлюка. Моторы притопил, и ходу. Гуляет сейчас с подельниками.

— Будут тебе пальчики. Торопились они, в темноте работали...

— Так, ясненько. Катер возьмем на буксир, труп на корму и на стоянку. Слышь, флотский, у тебя есть что-нибудь тело накрыть? Незачем народ пугать. Из клуба позвоним в Конаково, пусть сыскарей присылают, эксперта и труповозку. С Цыганом пора кончать...

Дурные вести распространяются быстро. Скорбный кортеж на стоянке встречала угрюмая толпа. За трупом пришла машина из больницы. Час ушел на оформление протокола. Следователей из Конаково все не было. Змушко сказал Григорию:

— Григорий Васильевич, ты далеко не уезжай, понадобисься.

— Да здесь я буду, в кунге у Артемова, вон кунг, а припозднятся следователи, у бабки Шуры. Живу я там. Знаешь бабку?

— Как не знать.

Из Конаково так никто в тот день и не появился. Перестройка поразила и правоохранительные органы. Вечером Григорий сидел в кунге у Кости Артемова, пили самогон за помин души Олега.

— Ты не круто берешь, Костя? — спросил Загайный, наблюдая, как друг опрокинул четвертую рюмку, не закусывая.

— А-а, хрен с ним. Надоело всего бояться. Я все думаю, почему Олег? Он же самый молодой. Убывает наша команда, Гриша, утекает времечко, как песок в песочных часах.

— От милиции толку ноль. Ни быстроходных катеров, ни оперативной связи, да и, похоже, желания. Покрутятся для приличия и спишут Олега.

— Да, пожалуй... Тут самим нужно. Но как?

— Змушко, мент новозавидовский, верно подметил: спешили они, как-никак убийство. Тут не до моторов. Спрятали где-то, а скорее, притопили. Неделю не сунутся, а потом...

— Версия слабая. Хотя от отмороzków всего можно ожидать. Нужно в засаде посидеть. Завтра сходим в протоку, поищем моторы.

Повезло сразу. Вышли на «Москве» Артемова. Катер скоростной, при двух «Нептунах» на глиссирование выходит, да и в камышах на нем ловчее шуровать. Иди себе на веселках, гляди в воду, а вода в протоке прозрачная. Взяли две двустволки, у Кости патроны с жаканами. Денек стоял солнечный, ни ветерка. Полный штиль. Через сорок минут были у Низовки. Артемов вырубил моторы, перебрался на нос, Загайный сел на весла. Подошли к тому месту, где душа Олега Яковчика отлетела в рай, и стали метр за метром прочесывать левый и правый берега протоки. Моторы нашли на приглыбом месте, среди кувшинок чернел поплавок, чуть дальше еще один. Ловко придумано. Моторы просушат, разберут на запчасти, и с концами. Запасных частей к «Нептунам» давно в магазине нет. Сбывают среди местных рыбаков, в Городне или в Конаково.

Загайный ухватил за шкерт и поднял мотор. Он, родимый.

— Оп-ана, — тихо сказал Артемов. — Опустим на место. Жратвы у нас на неделю хватит. С водой обойдемся. В протоке вода чистая, для чая сойдет. Нужно катер замаскировать ветками, водорослями. Днем эти подонки не сунутся, и к гадалке не ходи. Гриша, я забыл спросить, из милиции есть информация?

— Глухо. Я со Змушко разговаривал, тот сказал, что у Цыгана стопроцентное алиби. Пил с друзьями в Свердловке. И видела их какая-то баба.

— Хлипкое алиби.

— Посидим в засаде. Сегодня понедельник, в субботу и в воскресенье они не сунутся. Народу на Низовке много, и большинство знает о случившемся. Народ вооружен: ружья, топоры. Наверняка посты выставят.

— Неужели из-за моторов рисковать будут, сволочи?

— Они же беспредельщики, возможно, и наркоманы.

— А если в самом деле придут?

— Действуем по обстановке, но уйти им не дадим. На всякий случай возьми рацию. Милицейский канал знаешь?

— Знаю, дал Змушко. Только рации у ментов слабенькие.

Катер замаскировали надежно. Все, что блестит, Загайный залепил водорослями, нарезали камыша, веток с березы. Моторы опущены в воду — в готовности, выбрать якорь — секундное дело.

Вечером в четверг дежурил Артемов. Мелкий дождь шелестел по рубке, в лесу изредка вскрикивала ночная птица. Григорий уже засыпал, когда услышал шепот друга.

— Кто-то идет на веслах, Гриша, фонариком шарит.

Загайный осторожно выбрался в кокпит, поставил ружье у баранки руля, запасные патроны сунул в карман куртки. Взял бинокль, протер линзы. Луна выкатилась из-за туч, приземистую «казанку» видно было отчетливо. В ней сидели двое, один греб, другой светил фонариком, синий, в проблесках дождя луч скользил по воде.

— Подпустим поближе, — шепнул Артемов, — приготовься заводить моторы, не пойдет в электрическую, дергай. Я на руле. Якорь поднимешь по команде.

— Добро.

До лодки было метров тридцать, когда послышались голоса:

— Посвети левее. Точняк, вон поплавок, гребни правым.

Косая тень зависла над бортом, плеснула вода.

— Тяжелый.

— Тише ты и фонарь погаси.

Лодку развернуло кормой, при лунном свете видны были моторы — два «Вихря». На «Москве» с «Нептунами» такую лодочку не догонишь.

— Теперь в самый раз, — усмехнулся Артемов. Слышно было, как он взвел курки. — В молодости я по тарелочкам стрелял. Приготовься.

Выстрел расколол тишину, отозвался звонким эхом, следом грянул другой. Моторы на «казанке» вспыхнули. На фоне зарева было видно, как один бандит пытается сбить пламя.

— Заводи моторы! — скомандовал Артемов.

Моторы завелись сразу, Загайный выдернул якорь, рукояткой развернул моторы, катер выплыл в середину лунной дорожки и сразу же шелкнул выстрел.

— Из мелкашки бьют, суки. Где твое ружье?

— Да вон, у руля.

— Вижу. Сверни с дорожки, а то мы удобная мишень.

Цокнул еще один выстрел, пуля просвистела рядом с ухом Григория. И тут же ухнула «ижевка» Загайного, бил Артемов дулетом, в лодке кто-то пронзительно закричал. Загайный, встав за руль, приказал:

— Сдавайтесь, падлы! Перестреляем!

Константин перезарядил ружье, выстрелил навскидку, целясь в моторы, видно было, как крышку мотора сорвало, она подлетела в воздух и шлепнулась в воду.

Кто-то визгливо засмеялся, смех перешел в вой:

— Не стреляйте, сдаемся. Раненые мы-ы...

— Гриша, правь на них и готовься к десантированию, мне не справиться. В случае чего руби топором.

— И так управлюсь.

— Эй, на лодке, попытайтесь сопротивляться, садану жаканом.

В катере лежали двое. Один, держась за живот, испуганно таращил глаза, второй прижимал к плечу окровавленную тряпку. Мотор они скинуть не успели. Загайный соскочил в лодку, взял винтовку, бросил в кокпит «Москвы», туда же полетели ножи и топоры. Ни один из бандитов не походил по описанию на Цыгана. Ясно, послал шестерок.

— Костя, кинь парочку перевязочных пакетов. Я о них мараться не хочу. Пусть сами друг друга перевязывают.

До стоянки тащились долго, с лодкой на буксире на глисирование не выйдешь, как назло, два раза срывало шпонку. Рассвело, поддувал ветерок. Пока Загайный, чертыхаясь, по пояс в воде, вставлял шпонки, Константин держал под прицелом бандитов. Можно было подойти к причалу дома отдыха, но окна в нем были темны и охраны на берегу не видно.

Когда слева появились домики деревни Лягушино, Григорий вышел по рации на милицейскую волну, сообщил дежурному о происшествии, заодно попросил вызвать на стоянку санитарную машину. Несмотря на ранний час, на дамбе первого канала собрался весь стояночный люд. Впереди капитан Змушко и вооруженный автоматом молодой милиционер.

Артемов, кинув в рот горсть таблеток, сказал Загайнову:

— Пойду, полежу в кунге, сердце прихватило, а ты помоги капитану протокол составить. И учти, мы с тобой не в засаде сидели, а отдыхали на природе, рыбачили. А то самосуд припишут. — И, усмехнувшись, добавил: — А мы еще ничего, справились. Если всем миром подняться, давно бы со всякой нечестью покончили.

Цыгана взяли через месяц в электричке «Москва—Конаково». Его поделщики ушли в левобережные леса. На Шоше и Волге стало тихо.

Навигация в тот год началась вовремя. Друзья снова собрались вместе, хоть и не в полном составе: Слава и Галя Возжухины, Лариса с Борей, Артемов, Загайный. Костя после операции чувствовал себя хорошо, повеселел. Спустили катера на воду, прошли техосмотр и потянулись в бухту Застоя. С погодой не везло, неделю молотил дождь, похолодало. Сушили одежду у костра, вечерами собирались в салоне катера Загайного, пили водку, играли в карты. Первыми не выдержали Возжухины, их беспокоило, как там сын справляется на даче. Наняли рабочих ставить дом, да ведь за ними нужно приглядывать. Как-то утром собрались и ушли и канули на все лето. В конце августа на стоянке появился сын Возжухина — Николай, и рассказал, что отец перенес инсульт, после больницы мать увезла его в родную деревню под Волоколамском, там у ее сестры дом, сад. А все проклятая дача.

Артемов вздохнул:

— А я ведь предупреждал Славу. На даче вкалывать нужно, а силы уже не те. Разве не так, Коля?

— Да ведь и я ему говорил, а что толку? С катером мне не управиться, придется продавать.

— Не беспокойся, — заверил его Загайный, — катер поднимем, подкрасим, придадим товарный вид и покупателя найдем. Сейчас богатеньких много, продашь. Катер Олега с молотка пошел. Грустно все это.

А вышло так, что продавать пришлось не один катер, а два. Бориса хлопнул инфаркт. Слава Богу, случилось это на клубной стоянке. Лариса как-то разом постарела, но энергии в ней хоть отбавляй. Добилась, чтобы за Борисом прислали реанимобиль и положили в госпиталь в Красногорске. Потянулась тяжелая осень, с ветрами, нескончаемыми дождями. Костя Артемов жил в кунге до предзимья, а как начались заморозки, съехал в Москву. Под Новый год к бабе Шуре приехали из Твери дочь с зятем, еще какие-то родственники, все пьяненькие, видно, пили уже не первый день. Зять, узко-

плечий, лохматый, стал приставать к Загайнову, задираясь. Григорий от греха перебрался в сторожку. Новый високосный год встретил со сторожами; те, как водится, перепились, и пришлось ему дежурить два дня, обходя каналы с ружьем. С роскошных катеров нуворишей, появившихся на стоянке, было что стянуть, вокруг стоянки рыскали бомжи и иной приезжий люд.

А високосный год уже собирал свою жатву. Пришло печальное известие: умер Слава Возжухин, похоронили его на погосте в деревне. Галя осталась там до весны. А через два месяца новый удар — умер Борис. Загайный поехал на похороны. Два года не был он в Москве, столица показалась ему чужой, враждебной. Похоронили Бориса на Троекуровском кладбище со всеми почестями. Провожающих собралось немного, коллеги по работе, дальние родственники, все уже в возрасте, на поминки остались пятеро, да и те быстро разошлись. Первым уехал Костя — жена телефон оборвала. Лариса держалась стойко, слезинки не проронила, стол был роскошный.

— Ты сегодня останься, Гриша, — попросила она. — Одинок, да и выпил ты, садиться за руль нельзя. Машину где поставил?

— Тут у вас за углом отделение милиции, приткнулся сбоку.

— Правильно, так надежнее.

Просидели до двух часов ночи, тихо разговаривали, а с резного комода на них с фотографии взирал Боря: пухлые губы, на лице застыла детская улыбка.

Даже в високосный год случается весна. Зима выпала тяжелой, баба Шура болела — пневмония. Григорий выходил старуху, ставил банки, колол антибиотики, заставлял двигаться, — откачал, словом. Ни дочь, ни зять, ни родственники не откликнулись на телеграммы.

Клубная стоянка обтаяла, только в затененных местах еще лежал рыхлый, желтоватый снег, темная вода в каналах поднялась почти на метр. Загайный поставил винт, сменил масло в движке, выкрасил катер шаровой краской — кореш из водноспортивного клуба ВМФ помог раздобыть. Навигацию открывал один из всей группы. Костя Артемов жаловался по телефону на жену: «Машка надо мной такую власть взяла, шагу ступить не дает. Ни выпить, ни закурить. Тоска зеленая. Гриша, ты катерок-то мой на воду спусти и на всякий случай техосмотр организуй. Может, удастся от Машки сбегать. Тянет к воде. Только Шоша и снится».

Костя не появился ни в мае, ни в июне. В бухте Застоя Загайный стоял один, изредка прибивались к нему новички, долго не задерживались. Место стало сырым, еще в минувшее дождливое лето ожили болота, комаров — жуть, всех тянуло на открытые, продуваемые места, на Волгу. А Григорию одному было лучше. На реке понемногу отходила душа от затяжной, тяжелой зимы.

В канун Дня Военно-Морского Флота Загайный решил отправиться на Низовку. Пусть хоть один поднимет флаг, не будет нарушать традицию. Сварит уху, выпьет, помянет друзей.

День стоял тихий, солнечный, под стать штилевой реке, что дугой выгибалась впереди форштевня, волна откатывалась в ближние камыши и с шипением гасла. Уже с поворота к Низовке Григорий заприметил в бухте Застоя катер Кости Артемова. Значит, все же сбежал. Григорий подошел к бухте, вырубил дизель и в наступившей тишине услышал переливчатый лай. Неужели Костя завел собаку? Что-то новое.

Катер мягко подошел к причалу. Вода взбурлила за кормой, закручивалась в водовороты, всплывали на поверхность, расправляясь, примятые листья и цветы кувшинок.

На берегу чадил костерок. К причалу раскачивающейся походкой шел Константин. У Загайного сжалось сердце, так усох друг, почернел, стариковская борода в желтых подпалинах его не красила. Обнялись, и Григорий почувствовал, как немощно задрожали руки Артемова.

— Вижу, ты собакой обзавелся?

— Ага. Чапой зовут. Пошел выгуливать пса, а сам сюда. Продукты и прочее прикупил уже в Завидово. Машка икру мечет. Позвонил, успокоил, и рвать когти. Нужно же праздник отметить. Заглянул к тебе, бабка говорит: «Уехамши».

Сапоги Загайного обнюхивала собачонка, маленькая, неясной породы, с челочкой над умными глазами.

— Гляди, признала меня псина.

— Они доброту чувят. Я ведь его на улице подобрал.

День ушел на разные хлопоты. Укрепили мачту, на которой предстояло поднять Военно-Морской Флаг, расчистили поляну, хоть строиться на подъем флага уже было некому. В сумерках поставили в укромных местах сетки. Какой праздник без настоящей ухи? Тихо было, вздыхал, шевелился костер, светлый дымок таял в звездном июльском небе. Выглянула луна. Лес за серебристой поляной стоял зубчатой стеной. Чапа, пригревшись у ноги Григория, брыкался и лаял во сне. Костя пошевелил кочергой в костре, сказал, жмурясь от дыма:

— Поверишь, только здесь, на острове, я и вздохнул свободно. Все болячки как рукой сняло. Сейчас бы закурить для полноты счастья.

— Воздержись.

Артемов внимательно посмотрел на друга.

— Все надоело. Заточение в четырех стенах, Машка с ее народной медициной. Но больше всего знаешь, что угнетает? Ощущение своей ненужности. Несколько поколений разом выбросили на помойку. А мы спасаемся, придумали себе сказку о первозданности островной жизни. И что? Спаслись? Завтра поднимать флаг вдвоем будем. Остальных повывбило проклятое время. Один деятель из демократов прямо заявил: «Несколько поколений должно вымереть, чтобы Россия стала процветающей страной». И ведь добиваются своего. Скажи, зачем мы с тобой прожили жизнь? Кораблями командовали, в штабах служили, выполняли свой долг перед Родиной. А Союз в одночасье рухнул, рухнул и флот. Если подсчитать, сколько людей погибло за время перестройки и ельцинского режима, убежден, цифирь эта приблизится к страшным итогам Великой Отечественной...

Костя вывернул из костра плаху, уже подернутую сизым пеплом, но в глубине ее, под рыхлой коркой, замигали синие точки, и огонь вспыхнул с новой силой. Костер разгорался, по траве побежали угловатые тени.

— Что это тебя понесло? — спросил Загайный.

— Сам не знаю. Ложиться пора, сетки до рассвета снять нужно — рыбинспекция застучает.

— Нет уже никакой рыбинспекции. В крайнем случае, бутылкой откупимся. Давай-ка, друг, ложись в моем катере. Не так сыро и диван мягче.

— Спасибо. У тебя не усну, привык к своей рубочке. И Чапа тебе покоя не даст.

Загайный долго не мог уснуть, ворочался, потом выпил полстакана водки и словно провалился в черную яму. Проснулся от странного звука. Показалось, что плачет ребенок. Через минуту звук возник рядом с трапом, погас, послышалось повизгивание Чапы. И что ему неймется? Видно, Костя проснулся, подумал Загайный, и собака прибежала меня будить. Григорий оделся, поднялся в рубку. Едва светало, на поляне пластался туман. Островок за протокой виден не был, лишь кое-где сквозь дымку проступали верхушки деревьев. Стояла необыкновенная тишина, как перед грозой. Оттого, наверное, так неожиданно прозвучал короткий всхлип, за ним послышался вой Чапы. Загайный вздрогнул, предчувствие беды обдало холодом. Натянул бродни, соскочил с трапа,

подняв веер брызг, зашагал по воде к катеру Артемова. Негнущимися пальцами распахнул дверцу в каюту. Костя лежал, прижав колени к животу, откинув голову на смятую подушку, какой-то маленький, беззащитный, к черной губе прилип кругляшок валидола. Лицо его выражало глубочайшую усталость, казалось, что и сейчас, в смертный час, его одолевают горькие думы.

Григорий Васильевич за последние годы постарел, обрюзг, седая его шевелюра приняла голубоватый оттенок. Он по-прежнему один, давно перебрался в Москву. Из старых друзей звонит только Лариса. Она не сдается, как и раньше собранна, деловита. От встреч отказывается: «Не хочу, чтобы ты видел меня старухой».

Работает Загайный в охранной фирме, с началом навигации берет трехмесячный отпуск без содержания и отправляется на клубную стоянку. После смерти бабы Шуры родственники продали дом азербайджанской семье. В Новозавидово все чаще и чаще слышится нерусская речь. Григорий Васильевич живет в кунге Кости Артемова, вдова уступила ему домик на колесах. Постарел и его катер, затерялся среди роскошных катеров и яхт новых русских. За минувшие годы многое изменилось в клубе «Глобус», но, прежде всего, сменились люди. Из старожилов остался только Ван Ваньч. Его лодчонку вытеснили в самый угол четвертого канала. Раз в неделю он, как в былые времена, отправляется на Низовку за мухоморами. Гульбища, которые устраивают новые хозяева жизни, не идут ни в какое сравнение с прежними дружескими застольями. Многие из разбогатевших клубменов обзавелись каменными особняками, выросшими на берегу у деревни Свердлово. Загайный давно уже не стоит в бухте Застоя, камыш наполовину скрыл бухту, поляну затянуло березовым подлеском. Григорий Васильевич облюбовал отмель на Волге, заросшую камышом. Отмель метрах в ста от устья Черной речки. Проходили мимо пароходы с туристами, проносились катера, крыльями чаек скользили яхты. Иногда на отмель прилетала цапля, она важно прохаживалась у самого реза воды, выглядывая мелких рыбешек.

Анатолий ВАССЕРМАН
Нурали ЛАТЫПОВ

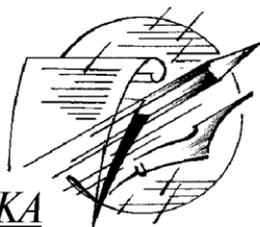
ОХОТА ЗА ПРИЗРАКОМ В ПРИЗРАЧНОЙ СТРАНЕ

Новый председатель совета по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека при президенте РФ Михаил Александрович Федотов обозначил список первоочередных задач и сразу породил тревожную мысль: неужто у нас все так хорошо с правами человека, что ответственный за них человек считает первоочередной борьбу с призраком более чем полувековой давности?

Или, может быть, все же этот призрак реет над страной вследствие каких-то совсем недавних событий?

Всё сделано

Впрочем, причины несомненного роста популярности самого долговечного в нашей послереволюционной истории главы государства заслуживают отдельного изучения. Сейчас же отметим лишь очевидное: задача, провозглашенная бывшим министром печати и информации РФ, уже давно решена. Строго говоря, сам он модифицировал эту задачу, как только ему указали на некоторые странности его позиции. В частности, сейчас он трактует ее как устранение некоторых ключевых черт практически любого общества в истории человечества.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Например, осуждаемая им формула «я начальник — ты дурак» лежит в основе любой управленческой иерархии, знаменуя всего лишь обязательность исполнения задач, даже если исполнителю их смысл не очевиден: ведь он заведомо не располагает всей информацией, вынуждающей руководителя ставить именно такие задачи (хотя, в свою очередь, располагает сведениями, заведомо недоступными руководителю, а потому зачастую может предложить эффективнейшие пути достижения поставленных перед ним целей). Но в первоначальной формулировке — избавления от наследия Сталина — идея десталинизации давно овладела руководящими массами. А как известно из теоретических трудов, на которые сам он постоянно ссылаясь в практике, идея, овладевшая массами, становится материальной силой.

Деиндустриализация

Методично и с корнем истребляется созданная при Сталине промышленность СССР — одна из крупнейших и совершеннейших в мире. Более того, первым делом разрушена унаследованная от него система производственной кооперации, замыкающая большинство технологических цепочек в рамках одной отрасли или даже одного крупного предприятия, предотвращающая распространение неурядиц, возникающих в одной точке сложной современной экономики, едва ли не на всю страну. Напротив, провозглашены идеи выноса большинства производственных процессов за пределы основного предприятия, резко повышающие взаимозависимость и позволяющие рейдерским захватом одной ключевой точки парализовать многие десятки и даже сотни жизненно важных структур.

Например, печально знаменитые неполадки ракет «Булава» не в последнюю очередь порождены необходимостью освоения многих ключевых компонентов на непрофильных предприятиях ввиду старательного истребления множества профильных. Да и ракеты предыдущих типов оставлены без изрядной части технической поддержки. Так что ракетный щит, чье создание начато по указаниям Сталина, нынче весь в дырках. Приведем лишь один пример. Было в Москве научно-производственное объединение института по разработке твердых сплавов и инструмента из них с заводом, где производилось все разработанное институтом. В рамках промышленной десталинизации объединение превращено в два независимых хозяйствующих субъекта. Завод очень скоро куплен конкурирующим зарубежным производителем, пере-

оборудован и производит разработанное этим производителем. Чем плохо? Да тем, что в любой момент производство может закрыться (в том числе и по внеэкономическим причинам) и страна останется вовсе без жизненно важной продукции. Институт же лишился производственной базы, необходимой для экспериментальной отработки идей собранных там светлых голов. Сейчас он, правда, еще получает разнообразные награды и грамоты за якобы новые разработки. Но они известны уже десятки или даже (как, например, технология производства инструмента с дифференцированной твердостью, способного самозатачиваться) тысячи лет (так, русские кузнецы делали ножи с твердой сердцевиной и мягкими обкладками еще в VIII веке, хотя потом технология оказалась утрачена по экономическим обстоятельствам), так что премии доказывают лишь техническую безграмотность «наградителей». Реально же институт существует лишь благодаря сдаче большинства своих помещений в аренду непрофильным коммерческим структурам. Как видим, десталинизация в промышленности обошлась и без г-на Федотова — хватило и господина Чубайса.

Деинтеллектуализация

Система среднего и высшего образования в нашей стране проистекала из концепций, сложившихся еще в XIX веке. Тем не менее именно при Сталине она стала массовой, охватывая всех, кто был способен усвоить знания и методы, преподаваемые на высшем концептуальном уровне. Сейчас охват формально вырос. Стать студентом может фактически любой желающий, независимо от способностей (об их отсутствии особо заботится введенная недавно технология единого государственного экзамена, чьи вопросы в лучшем случае лишены серьезного содержания). Обсуждается даже идея уничтожения значительной части высшей школы и перенаправления потока молодежи в средние специальные учебные заведения. Но их сеть, созданная опять же при Сталине, фактически истреблена.

Десталинизация преуспевает. Особо тщательно десталинируется наука. Самые способные наши ученые всеми правдами и неправдами вытесняются за рубеж. Правда, это также объявлено достоинством: при Сталине-то был железный занавес, и научная командировка стала редкостью. Но опустили этот занавес извне! До Великой Отечественной войны во всех развитых странах стажировались многие тысячи советских инженеров и ученых. И — за редчайшими исклю-

чениями — возвращались на родину, дабы отдать ей знания и навыки, освоенные в лучших промышленных и исследовательских центрах. Чего в последние пару десятилетий не наблюдается.

В сталинские времена ученые были безусловной элитой общества. Это выразалось и во всеобщем уважении, и в соответствующем материальном обеспечении. Да и профанации, халтуры, лженауки было куда меньше, чем нынче. Правда, ученые в значительной мере разделили несчастья всей страны — прежде всего в эпоху т.н. «Большого Террора». Так, арест Льва Давидовича Ландау за написание антисталинской листовки, по тем временам казавшийся нормой, нынче выглядит трагической ошибкой. А уж смертный приговор Матвею Петровичу Бронштейну несомненно лишил страну и весь мир еще одного физика, сравнимого с Ландау. Но даже смертный приговор великому биологу Николаю Ивановичу Вавилову (его заменили длительным заключением, но в 1942-м Вавилов умер в тюрьме) не помешал его брату Сергею — выдающемуся физику — стать в 1945-м президентом Академии наук (в 1951-м он умер на этом посту).

Кстати, Вавилова зачастую противопоставляют его же собственному протеже Трофиму Денисовичу Лысенко. Между тем в момент их научной дискуссии эмпирические методы селекции, практикуемые Лысенко и его учениками, еще далеко не исчерпали свой потенциал (по этим методам ученики Лысенко даже в 1960-е годы успешно выводили все новые сорта пшеницы, оптимально приспособленные к отечественным климатическим и технологическим особенностям). Недаром Н.С. Хрущев, начавший кампанию десталинизации, Лысенко не тронул. Только когда генетическая теория, развиваемая не только Вавиловым, но и множеством других ученых всего мира (в том числе и советских), стала давать сопоставимые результаты, основные государственные ресурсы, выделяемые биологам, были переброшены на новое направление исследований. Считать же Лысенко непосредственным виновником ареста Вавилова (а тем более доносчиком) вряд ли возможно: в те времена политические обвинения были неотъемлемым компонентом любой научной дискуссии (что, конечно, говорит не в пользу тогдашних общественных нравов), но принимались во внимание только как дополнение к реальным достижениям участников спора (не зря дискуссия об идеологических основаниях квантовой механики оказалась отменена, как только специалисты напомнили: квантовомеханические расчеты лежат в основе ядерной энергетики — то есть обеспечивают Большую Бомбу).

Этот пример, помимо прочего, доказывает: фундаментальную науку в стране ценили не меньше прикладных исследований — ибо понимали, что все приложения должны опираться именно на мощный фундамент. В частности, даже в разгар так называемых гонений на молекулярную генетику исследования по ней у нас продолжались — именно в тех сферах, где ее достижения уже были точками опоры: например, в радиобиологии. Говорят, что Сталин был невежественным во многих отраслях (хотя и занимался всю жизнь самообразованием, и постоянно консультировался со специалистами). Но Хрущев многократно расширил спектр руководящего невежества — и с тех пор никто из наших правителей не пытается его явно сузить.

Депопуляция

Вторую мировую некоторые записывают в вину Сталину, хотя уже в момент подписания Версальского договора по итогам Первой мировой тогдашний верховный главнокомандующий Антанты маршал Фердинанд Фош объявил его всего лишь перемирием на два десятилетия.

Но при всех тех ужасах — кого бы в них ни обвиняли — население страны при Сталине росло. Да и после него рост продолжался еще более трех десятилетий. Хотя и постепенно замедлялся. Но причины этого замедления давно и неплохо изучены, так что списать их на Сталина вряд ли удастся.

Сейчас Россия уже два десятилетия ни с кем не воюет. И явных неурожаев вроде случившегося в 1932-м не наблюдается. Тем не менее население страны стремительно падает. Правда, внутрироссийский обвал частично маскирует ближнее зарубежье, откуда бегут к нам образованные люди и заводится дешевая рабочая сила. Но если взять все пространство страны, когда-то руководимой Сталиным, демографическая катастрофа очевидна. При Сталине создана система здравоохранения, ставшая образцом для подражания большей части мира. Нынче она трещит под кувалдами непрерывных реформ, сводящихся к росту бумажной отчетности с параллельным сокращением финансирования. Зато сами десталинизаторы лечатся успешно — за рубежом, где все еще немало клиник, выстроенных по сталинскому чертежу. Изрядную помощь депопуляции оказывает и массивная наркотизация. Сталина в свое время обвиняли в алкоголизации населения страны — но сейчас на душу населения потребляется в разы больше спиртного, чем даже в худшие по этому показателю годы его правления. Причем речь идет

именно о внутрироссийской статистике тех и нынешних времен, а не общесоюзной, куда изрядный вклад вносили почти непьющие в старое время исламские республики. А уж о прочих наркотиках в сталинские годы и речи не было — теперь же, по довольно скромным оценкам, каждый десятый гражданин РФ испробовал на себе какие-нибудь средства проламывания черепа изнутри, а каждый двадцатый, по мнению многих экспертов, вряд ли сможет когда-нибудь слезть с иглы. Это, несомненно, значительное достижение десталинизации.

Департизация

Сталина обвиняли в создании всеобъемлющего монстра — единой и единственной Всесоюзной коммунистической партии (большевиков), «управляющей каждым шагом любого человека в стране и в то же время не отвечающей ни за какие последствия своих решений». А уж формулировку «единый блок коммунистов и беспартийных» и подавно признали избирательным фарсом. Но сейчас беспартийные даже формально исключены из этого блока: несколько законодательных реформ последовательно убрали сперва всякую возможность даже выдвинуть свою кандидатуру в обход партийных машин, а затем и возможность проголосовать за конкретное лицо, а не за обширный список безликих функционеров. Гигантское же образование, именуемое «Единой Россией», располагает формально даже большей полнотой власти, но остается политическим карликом: эффективность ее управления не идет ни в какое сравнение даже с самыми скромными результатами КПСС.

Правда, за собственные результаты она также не отвечает. Причем не только целиком, но и в лице своих отдельных функционеров: если их порою и отрешают от должности, то уж никак не за последствия их решений. Вероятно, именно ослабление результативности руководства государством следует считать очередным шагом десталинизации.

Демодернизация

Сталин модернизировал страну несомненно жесткими средствами. Правда, Петр Первый был куда более жестоким модернизатором: при нем население страны упало примерно на четверть, тогда как при Сталине росло. Оба учились на собственных ошибках: вспомним хотя бы, сколько лет и сколько солдатских жизней ушло на то, чтобы русская ар-

мия научилась побеждать шведов. Тем не менее Сталина принято рисовать одной черной краской, тогда как Петр давно предстал перед нами во всем многоцветии реальной личности, решающей сложнейшую исторически неизбежную задачу. Очевидно, по мере успехов десталинизации должна наступить депетризация. А затем, наверное, и девладимиризация — ведь историческая традиция нашего развития идет, по меньшей мере, от выбора им единой религии для всего народа.

Кстати, фундаментальная наука при Сталине развивалась через Академию наук, созданную еще Петром. Теперь этот механизм поставлен под сомнение и по мере реформаторских возможностей уничтожается. Очевидно, паралич фундаментальных исследований — тоже элемент успехов десталинизации.

Дезорганизация

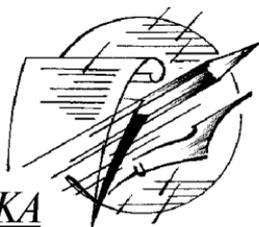
Вряд ли все вышеперечисленное — следствия единого плана, выработанного отечественными реформаторами. Просто потому, что далеко не все они начисто лишены инстинкта самосохранения, так что многие из них не желают развала страны, где расположены их бесчисленные точки опоры. Правда, многие считают разрушение страны частью плана, разработанного нашими историческими оппонентами. Но такие планы появлялись неоднократно. И неизменно проваливались не только при самом Сталине, но и при многих его преемниках. Просто потому, что действовала единая система организации и самоорганизации всех сил и возможностей государства. Зато сейчас управленческая машина страны полностью парализована. Это видно хотя бы из того, что безудержный рост числа чиновников не сопровождается сколько-нибудь заметным ростом качества работы системы в целом. Так что господин Федотов напрягается понапрасну. Столь желаемая им десталинизация практически завершена.

(Источник: Foruv.msk.ru)

ОТЧЕГО ПОЧЕРНЕЛИ ЧЕРВОННЫЕ МАКИ

Я ждал фильм Анджея Вайды «Катынь» с искренним интересом. Знал, **что** будет показано, но **как** будет рассказана история катынской трагедии, было для меня загадкой. Знал, что автор марксистско-правоверной «Земли обетованной» и оппозиционно-либерального «Человека из железа» не может при очередной «смене вех» в Польше не снять националистического китча. «Катынь» была снята в период правления пресловутых братьев-близнецов Качиньских и стала приговором их русофобской политике.

Катынская трагедия — дело темное. И хотя первый президент России поспешил покаяться в вине советского правительства в казни польских офицеров в Катынском лесу под Смоленском, историки до сих пор не могут прийти к общему мнению, в каком году произошла казнь — в сороковом или сорок первом? Кто расстреливал поляков — НКВД или гестапо? Не ясны и масштабы трагедии. Сначала говорили о двух тысячах расстрелянных (комиссия Генпрокуратуры России в 90-е достоверно установила гибель 1803 человек, при этом захоронены в Катынском лесу они были в 20–30–40-е гг.), затем о пятнадцати, теперь о двадцати двух. Создавались многочисленные комиссии, писались монографии, велись журналистские

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

кие расследования, но правда не найдена по сей день. Это принципиальные вопросы, но режиссер сознательно дистанцируется от непростых и неоднозначных фактов. Единственный документ, по которому восстанавливается цепь событий, подчеркнуто антиисторичен — найденный в могиле дневник расстрелянного ротмистра.

В течение всего повествования А. Вайда настойчиво и убежденно доказывает, что расстрел под Смоленском — главный «польский вопрос», от правильного ответа на него зависит будущее польского народа, его национальное и государственное самоопределение, его «посыл» человечеству. При этом не принимается во внимание фактор времени — с момента трагедии прошло 70 лет. Не учитывается общая обстановка начала сороковых — грандиозная мировая война. Вайда не задумывается о том, что несколько тысяч казненных — капля в океане смертей и страданий военного времени. Приведем статистику — во время Второй мировой каждый день уносил почти 30 тысяч жизней — русских, французов, поляков, сербов. Каждый день Великой Отечественной войны стоил советскому народу 23 тысяч жизней. А освобождение Польши от нацистов ежедневно уносило жизни трех тысяч советских воинов. Да и население самой Польши «поубавилось» на 6 миллионов человек. Я знаю статистику и не боюсь ее. Готов ли А. Вайда взглянуть в глаза фактам?

А вот еще факты. Воинственная и гордая Польша с миллионной армией сдалась немцам через две недели. Через пять дней после начала войны польское правительство бежало из Варшавы в Брест, а еще через несколько дней — в Румынию. На день дольше в горящей столице задержался главнокомандующий маршал Рыдз-Смигла. Почти нигде не оказывая нацистам организованного сопротивления, сотни тысяч вооруженных поляков беспорядочной толпой отступали на восток. Зададим страшный для поляков вопрос: а хотели ли они воевать, сопротивляться? Еще статистика. В осажденной Варшаве в народное ополчение вступило (кстати, по призыву коммунистов и других левых партий) 6 тысяч жителей. А в 1941-м в сравнимом с Варшавой по численности населения Ленинграде — почти 350 тысяч человек, полмиллиона влились в трудовые армии, строившие оборонительные сооружения. Так выигрываются войны...

Попавшие в плен польские офицеры (сплошь в новеньких мундирах, не запятнанных кровью и гарью сражений) не рассуждают о высоких материях. Они заняты более важным делом — хранят в сердцах «польскую идею». Осмелившийся задать вопрос о причинах поражения поручик под-

вергается остракизму сослуживцев. Очевидна и дальнейшая его судьба. Он «катится по наклонной»: вступает в просоветскую Армию Людову (воюет всю Отечественную...). Но затем польский патриотизм берет верх — офицер в пьяном угаре раскаивается и кончает с собой. Так просто решает проблему режиссер. Но остаются вопросы у зрителя: если всех польских офицеров казнили, кто тогда в составе сформированных в СССР польских армий освобождал родную Варшаву и брал Берлин? Кого через Иран переправили на подмогу англичанам и американцам на итальянский фронт? Кто восстанавливал послевоенную Польшу? Значит, был какой-то отбор. А вдруг расстреливали не всех пленных, а только полицаев и карателей, антисоветских партизан?

Не говорится в фильме ни слова об участии Польши в предвоенном «мюнхенском сговоре». Всего за год до катастрофы сентября 1939 года польская военщина участвовала вместе с гитлеровцами в разделе Чехословакии, оккупировав Тешинскую область с 2/3 чешского населения. Не говорится и о предательстве англо-французских друзей, распавшихся воображение гордых шляхтичей о будущей Великой Польше («от моря и до моря»), а затем бросивших союзника на произвол судьбы. Мало кто вспоминает в Речи Посполитой о судьбе польских офицеров, надменно отказавшихся вступить в польскую армию, формировавшуюся советским руководством. И.В.Сталин разрешил им через Иран выехать в расположение англо-американских войск в Италии. Отплывавшие на кораблях из каспийской бухты шляхтичи демонстративно рвали советские деньги и посылали на берег проклятия. А по прибытии в Италию были безжалостно брошены в лобовую атаку на немецкий укрепрайон Монте-Кассино (погибли сразу и почти все). Об их гибели в цветущем поле поляки сложили песню «Червонные маки». А какие песни сейчас популярны в Варшаве?

Ни словом не обмолвился А.Вайда и об истинных причинах действий Советского Союза по аннексии восточных областей Польши в сентябре 1939-го. Действительно по Договору, подписанному Молотовым и Риббентропом, победившие державы устанавливали границу сфер влияния. Но поляки забывают, что граница раздела их государства разделила собственно Польшу и отторгнутые в 1920-м территории с преимущественным украинским и белорусским населением (из 16 миллионов жителей присоединенных к СССР территорий 10 млн. были украинцами, 4 млн. — белорусами и 2 млн. — польскими переселенцами-«осадниками», появившимися на этих землях в 20-е годы XX века). Вайда показывает пустыню

ные улицы освобожденного «Советами» городка, колонну дико орущих оборванных красноармейцев и жмущееся по стенам польское население. В действительности подавляющее большинство западных украинцев и белорусов засыпали цветами советские танки, приветствуя падение «панской» власти, запрещавшей «братьям-славянам» учиться и читать на родном языке, устраивавшей погромы и репрессии. Благостную картину а-ля-Вайда разрушают опять же исторические факты: украинские националисты в 90-е годы серьезно рассматривали воссоединение украинских земель как дату общегосударственного праздника — Дня Незалежності. Это при их-то нелюбви к «красным»! Напомним полякам, что и резали их прежде всего бандеровцы — в 1943—1944 гг. От геноцида польское население спасла опять же наступающая русская армия.

Вайда представляет пленных офицеров мучениками за польский народ и за веру. «Элита», «герои» — какими только словами не превозносят жертв Катюни! Прекрасные лица, подогнанная форма, блеск наград — режиссер призывает нацию любоваться своими офицерами. В среде пленных царит патриотическое единомыслие, диалоги выверены, мысли мудры. Может быть, и нам стоило бы задуматься, что патриотический подъем в нашей армии и обществе наступит тогда, когда мы перестанем показывать своих воинов тупицами и лентяями, оборванцами и «штрафниками».

Вайда в буквальном смысле слова «молится» на своих соотечественников. Польские офицеры в Козельске. Их разместили в изгаженном и обобранном (русскими, разумеется...) православном храме. В жуткой и темной стране поляки празднуют Рождество, ждут первой звезды в беспросветном небе. Они стоят в проходах между четырьмя кубами нар, пересечение проходов образует крест, который заполняют поляки. Вид сверху: в центре креста светлый лик генерала, читающего слова молитвы. Неземной свет исходит от живого креста... Еще образ: молодой поручик падает в ров, сраженный пулей энкавэдэшника, в руках он сжимает четки с распятием. Советские солдаты забрасывают ров землей. Но не могут засыпать руку с крестом. Победа Света над темной советской силой! Еще один образ, апофеоз. Жена ротмистра ищет среди убитых и тяжело раненных своего мужа. Она замечает ксендза, читающего молитву над накрытым шинелью телом. Она узнает шинель мужа, на ней синяя орденская ленточка! Прекрасная полячка бросается к телу, срывает с него шинель... А под шинелью изваяние Христа, сброшенного советскими пулями с церковной стены. Польское ис-

кусство, все еще обладает мистической силой. Этот образный ряд сильнее американских пропагандистских агиток.

Польские вдовы, матери и сестры, от лица которых ведется повествование — поразительные красавицы, первый ряд польского женского кино — Коморовская, Осташевская, Челецкая. Со времен советского кино мы отвыкли видеть такие одухотворенные лица на экране, сопереживать блистательной актерской игре. Сейчас мы вынуждены довольствоваться лицезрением потасканных физиономий «звезд» сериалов и шоу. Правда, у прекрасных полячек мы почти не видим переживаний и любви. Эти женщины — воительницы. Смысл их жизни — доказать окружающим свою правду, правду о расстреле офицеров русскими. Недавний соцреалист Вайда стремится показать «правду жизни» и здесь совершает ошибку. Окружающие поляки отмахиваются от горя вдов. Одни из них не верят «злодеяниям Советов» (видимо, достаточно хлебнувши горя от гитлеровского пятилетнего геноцида), другие предпочитают конформистски промолчать, трети осыпают женщин проклятиями и насмешками, доносят на них в спецслужбы Народной Польши. Вайда не пытается объяснить зрителям, почему его правда оказалась никому не нужна. Попытка представить всех несогласных негодьями неубедительна.

Поражает озлобленность и взаимная ненависть самих поляков. Вдовы бросают чудовищные обвинения в адрес всех, кто не принимает их трагедию. Функционерам «новой» Польши, офицерам Армии Людовой. Юноша-партизан, сын одного из расстрелянных офицеров, не раздумывая, выхватывает револьвер, чтобы застрелить польского милиционера. Сестра ротмистра оскорбляет священника, призывающего к добру и состраданию. Строители советской Польши беспрестанно говорят о прощении, необходимости забыть о взаимных обидах во имя возрождения страны. Символична сцена, когда служанка приносит вдове генерала сохраненную ею во время оккупации саблю. Вложенная в ножны сабля как бы говорит о мире и покаянии. Но с безумной гордостью и заносчивостью генеральша обнажает клинок. Война продолжается! После такой сцены какой обыватель не проголосует за размещение на своей территории направленных на восточных варваров ракет.

Отдельная тема — изображение русских. Стремясь быть «объективным», А.Вайда придумывает образ положительного героя — расхристанного капитана в исполнении С.Гармаша, критикующего советские газеты, не говорящие «всей правды» о жизни в СССР. Для капитана придумана анекдот-

тическая история влюбленности во вдову ротмистра. Для нее он идет на предательство, выдает все военные секреты (совсем как Андрей у Гоголя!) Но этот образ слишком проходной, схематичный. А на протяжении всего фильма — озлобленные, небритые, грязные русские солдаты и офицеры — люди без лиц. Их жесты — как движения животных, реплики — отрывистые возгласы разбойников, повадки — распушенных зверей. Чего стоит одна сцена. Советские солдаты раздирают надвое польский красно-белый флаг. Красную половину водружают обратно, а белую пускают на портянки. Все это происходит перед строем пленных офицеров. Что ж ни один из них не бросился спасти поруганную честь страны? Где польский гонор? Нет, они выше этого. Русских Бог накажет.

Правда, до самого конца фильма автор сохраняет «объективность». Показывает и насилия (но не убийства) немцев, и бесчинства польских коммунистов, и зверства русских. Бесконечны диалоги о «катынской правде», «жизни не по лжи», «покаянии». Герои беспрестанно возвращаются к одним и тем же конфликтам, спорам. Венчающая фильм супернатуралистическая сцена расстрела поляков зверями в грязных пилотках с красными звездами воспринимается неким катарсисом. Все становится понятным. Автор ставит жирную точку. А что ставит история — точку, многоточие, вопросительный знак?

ПОСЛЕСЛОВИЕ ОТ РЕДАКЦИИ

26 ноября 2010 года накануне визита в Польшу Д. Медведева Госдума сделала заявление, согласно которому всю вину за расстрел немцами польских офицеров в 1941 году она возлагает на Сталина и НКВД. Понятно, что Медведеву очень хотелось подыграть полякам и всей Европе перед этим своим пиар-визитом с дальним расчетом на президентские выборы 2012 года. Однако данный расчет может и не оправдаться. Курс на «десталинизацию», агрессивно и беспардонно навязываемый сверху нашему народу, может обернуться полным провалом для претендента на второй президентский срок.

Стремление любым способом понравиться Европе и Америке приводит в России к предательской горбачевщине и ельцинщине. Эти уроки истории слишком близки, чтобы о них легко забыть.

Здравомыслящим людям понятно судорожное желание ультралибералов демонизировать И.В. Сталина, дабы списать на него все преступления XX века — от троцкистско-свердловско-зиновьевских до гитлеровских. Однако народ наш еще не настолько ими одурочен, чтобы не понимать всей подлости, лживости и всего цинизма этих озлобленных потуг. 90% нашего населения на них не ведется, что ярко продемонстрировало телевизионное голосование сванидзево-го представления под названием «Суд времени».

Судя даже по фильму А. Вайды «Катынь», поляки стремятся возвысить свою страну, пусть и незаслуженно, но прославить своих погибших офицеров, создать вокруг них ореол героев. А что делают «наши» либеральные витии, дорвавшись здесь до власти и до телеканалов? Всё что угодно, лишь бы оскорбить и унижить Россию, заставить нас каяться в том, чего мы не совершали. Они уже не могут сдерживать своей ненависти к «этой стране».

Что же касается «Катынского дела», то в №3 нашего журнала за этот год опубликован материал депутата Государственной думы Виктора Илюхина «О фальсификации исторических документов советского периода», в котором ясно показано и доказано, как при горбачевщине предшественники нынешних фальсификаторов истории готовили фальшивые документы этого «дела» с целью опять же понравиться Европе, оклеветать наш народ и отмыть себя, заклеив «сталинский режим». Но правда вскрылась. И бесполезно либеральным временщикам делать вид, будто ее нет. Как бы они ни злорадствовали и ни ухмылялись, никакая Европа не спасет их от клейма лжецов и клеветников, сросшегося с ними навсегда.

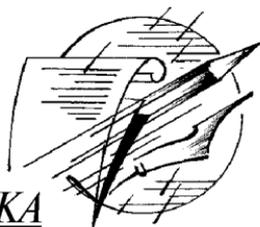
Валерий ХАТЮШИН

Владимир БОЯРИНЦЕВ
Анатолий САМАРИН
Людмила ФИОНОВА

СИЛА, СПОСОБНАЯ СПАСТИ РОССИЮ

«Демократия» в России с самых первых ее шагов была столь чудовищно жестока по отношению к народу, что оппозиция не могла не появиться. И социальная база ее стала столь широкой и массовой, что сегодня можно было бы без особых преувеличений утверждать: уже власть находится в жесткой, но бесперспективной оппозиции к собственному народу и его интересам.

Свой политический капитал за двадцать лет партия власти растратила бездарно даже с точки зрения ее группового выживания, добившись рекордной непопулярности. И в первую очередь это случилось вследствие вызванного реформами глубочайшего упадка главных сфер производства, не говоря о полной неспособности власти обеспечить развитие и оборону страны. Надвигающийся крах инфраструктуры, энергетики и социальной сферы сегодня очевиден для всех. И даже удесятаяренная мощь теле- и радиоканалов не смогла бы скрыть эти бедственные для нашего народа обстоятельства. Наиболее квалифицированные эксперты прогнозируют приближающуюся национально-государственную катастрофу, равной которой по масштабу не было в нашей многострадальной истории. Поэтому самое время — присмотреться к нынешней ре-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

альной оппозиции, а ею никак не могут рассматриваться оранжевые клики, которые обещают стране еще более радикальные реформы того же самого либерального разлива, что и прежде. Тем более, что так называемые оранжисты направляются все той же самой «невидимой рукой», которая уже разорила Россию. И все же будем исходить из привычной политической терминологии, согласно которой оппозиция — это группа, партия или движение, выступающие против существующей власти.

Оценить истинный размах этого движения в нашей стране технически трудно даже ориентированным на эту деятельность спецслужбам, ибо группы сопротивления возникают порой в маленьких городах и поселках и состоят зачастую из нескольких человек. Однако широко распространенное пренебрежительное к ним отношение вряд ли верно. Да, сегодня это «карликовые партии», лишённые какой-либо финансовой поддержки, выпускающие малотиражные газеты или листовки, распространяемые среди очень узкого круга лиц. Однако разобщенность групп, их неспособность объединиться в общую партию рассматривают как принципиальную проблему только те, кто считает реальной общественной силой иерархически организованные большие партии. Такие партии в России есть и в оппозиционной среде, что совсем нелишне, однако они отличаются определенной инертностью, неповоротливостью и сильно зависят от «правил игры», установленных и часто изменяемых властью в свою пользу. Между тем в информационном обществе, как отмечают многие эксперты, наиболее эффективными оказываются сетевые структуры, состоящие их множества мелких групп, составленные из близких единомышленников (а потому избавленные от противоречий), работающих эффективно.

Максим Майоров в статье «Русское национальное движение в современной России: итоги и перспективы» отмечает: «...политическая практика показывает, что структуры централизованного типа, в отличие, скажем, от сетевых, не обладают достаточной гибкостью, страдают зашоренностью, догматизмом, шаблонными действиями, что намного облегчает поиск мер по противодействию им. От таких организаций людей отпугивает и наличие фиксированного членства, с обязательным заполнением разного рода анкет — понятно, что при попадании таких анкет в спецслужбы или иные органы у них могут начаться неприятности в семье, на работе, в институте и т.п. Таких примеров более чем достаточно...»

Нетрудно заметить, что не оформленные организационно в одну партию, эти группы оппозиции, представляя разные

слои, действуют сегодня преимущественно в одном направлении: они защищают прежде всего интересы государствообразующего народа — русского, ибо прежде всего против русских был направлен главный удар «реформаторов», именно русские оказались в самом угнетенном положении в собственной стране. Русофобия стала официальной позицией власти, бизнеса, СМИ, массовой культуры. Однако называть эту новую оппозицию «русскими националистами» в принципе неверно.

Скорее это патриоты-государственники, сторонники России как суверенного государства, а не сырьевой колонии Запада, как это имеет место сегодня. Представители этой оппозиции — защитники интересов всех коренных народов России. Они понимают, что судьба их страны тесно связана с судьбой мира, и потому активно сотрудничают со славянскими странами — Украиной и Белоруссией, работают над объединением бывших союзных республик в новый Союз.

Они занимают более четкую и активную позицию, чем официальные власти, поддерживая сербов, Иран, Венесуэлу, и ищут пути сотрудничества с ними. Их не устраивает проамериканская позиция властей в вопросе оккупации Ирака, Афганистана, израильской агрессии против Палестины и Ливана. Патриотическая оппозиция адекватно оценивает роль Запада, «пятой колонны», мировой финансовой системы в разрушении Советского Союза.

Коммунисты как носители идеи социальной справедливости, как наследники лучшей в истории реализации этой идеи — Советского Союза — безусловно, являются важнейшей частью оппозиции. Сотрудничество так называемых «русских националистов», русских патриотов-государственников с разумными мужественными людьми из рядов коммунистов ощутимо укрепляется, тем более, что в последние годы нарастает идеологическое единение оппозиции: целью борьбы обозначено общество социальной справедливости — социализм.

Группы, провозглашающие другие формы государственного устройства, в частности, восстановление монархии, находят все меньше сторонников. Акцент дискуссий перемещается в другие области — в частности, в связи с резким ухудшением экологической ситуации все больше внимания уделяется проблемам охраны природы и здоровья людей; наиболее адекватная сложившейся ситуации государственная система формулируется как экологический или биосферный социализм (экосоциализм), т.е. общество социальной справедливости с приоритетом экологических норм.

Социальная база оппозиции неуклонно расширяется благодаря ухудшению жизни народа, усилению имущественного неравенства, лжи и цинизму правящих кругов, демонстративно пренебрегающих интересами народа. Экономический кризис многократно усилил эти процессы. Несмотря на оптимистические декларации, Россия оказалась лидером среди стран двадцатки по величине спада промышленного производства.

Заявленная правительством так называемая «реструктуризация» моногородов на деле означает уничтожение остатков советской промышленности, обрекает на безработицу миллионы людей, сохраняя при этом привилегированное положение финансовых «хозяев жизни». Так, например, при остановке конвейера КамАЗа летом 2009 года, когда рабочим платили 60% зарплаты, президент компании получал 3 миллиона рублей в месяц. Другие московские менеджеры, назначенные фирмой «Ростехнологии», работали вахтовым методом, улетая в Москву на выходные дни специальными рейсами.

Вымирание русского народа и стимулируемая властями иммиграция дают оппозиции тысячи новых сторонников. Фактически на стороне новой оппозиции борются бездомные офицеры и обманутые дольщики, группы борьбы с точечной застройкой Москвы, требующие льготных лекарств и достойной пенсии пенсионеры, жители приграничных районов — Владивостока и Калининграда, живущие перепродажей импортных автомобилей и т.п.

Несмотря на нарастающую силу патриотической оппозиции, сегодня она слабо представлена в официальной политике, в парламенте, в региональной власти. Средства массовой информации тщательно замалчивают сам факт ее существования. Однако суммарный тираж их газет, по самым скромным оценкам, достигает полумиллиона экземпляров в месяц.

Патриотические книжные издательства, работающие на скудные средства, выпускающие книги небольшими тиражами, в высшей степени востребованы. Их продукция активно раскупается, читается, передается из рук в руки, копируется на компакт-диски, карты памяти, что создает многочисленные, практически неконтролируемые каналы распространения.

Быстро разрастается и Интернет-ресурс патриотической оппозиции, число сайтов и их посещений непрерывно растет. Более 500 сайтов объединяет сегодня одно лишь Кольцо патриотических ресурсов. Оппозиция неуклонно складывается в сетевую систему, гораздо более эффективную, чем традиционная политическая партия.

Разумная власть, думающая хотя бы о продлении собственного существования, должна понимать, что оппозиция необходима для нормальной жизни страны. *«Уничтожение оппозиции в государстве или даже запрещение ей высказываться, действовать — дело чрезвычайно опасное, это приглашение к терроризму. Для руководителей было бы удобнее, если бы все в государстве думали одинаково. Но кто тогда при таком духовном оскудении осмелится бы говорить о «культуре»? Как избежать крена без противовеса? Я думаю, что это большая мудрость — прислушиваться к противнику; даже заботиться о нем по необходимости, не позволяя ему вредить — бороться с ним, но не уничтожать...»* — говорил французский писатель Андре Жид.

«Ни одно правительство не способно долго пребывать в безопасности без сильной оппозиции» (Нодар Джин, «Еврейские афоризмы»). Казалось бы, клановые олигархи, по сути, являющиеся правителями нынешней России, должны были бы прислушаться к разумному призыву своих соплеменников. Но нет! Экстремистские и крайне националистические структуры, связанные с этими кланами, сознательно обостряют обстановку в стране, раздувая опасность несуществующего «русского фашизма».

«Следует помнить, что не народ принадлежит правительству, а правительство — народу» («Карманная еврейская энциклопедия», под редакцией М. Членова, «Феникс», 1999). И еще одна мысль: «История мстит тем, кто отказывается извлекать из нее уроки» (там же).

Отношение к оппозиции официальных властей современной России игриво — как к предмету несерьезному. Вот как отвечал на вопросы журнала «Forbes» в июле 2006 года В. Путин:

— Что вы будете делать, когда уйдете с поста президента?
— А я возглавлю политическую партию!
— Какую?
— Оппозиционную, конечно!
— Кому — оппозиционную?
— А какая разница? Главное, буду ругать власть за антинародную политику, за то, что она не думает о простых людях. С вами буду чаще встречаться. Вам же интереснее будет, когда я буду все критиковать.

А вот каково отношение к оппозиции правящей партии «Единая Россия». Его сформулировал О. Матвейчев — член комиссии генсовета партии по координации агитационно-пропагандистской работы в регионах. Он предложил танками давить всех критиков современной России, написав в

своем блоге, что «мечтает собрать на большом майдане борцов с коррупцией, выступающих за власть народа... И вот, когда все бы вы вылезли, вышла бы танковая армия и всю сволоту нации намотала бы на гусеницы». Он также добавил, что такую «процедуру» необходимо повторять каждые 20—30 лет.

С этими высказываниями, видимо, не согласен президент страны, который в ноябре 2010 года обратил внимание на то, что «...возникла необходимость поднять уровень политической конкуренции». Он подчеркнул, что политическое большинство не должно быть статическим, а правящая партия не должна исполнять роль «приложения» к исполнительной власти. «Политическая система любой конфигурации должна быть устроена так, чтобы были хорошо слышны и учитывались мнения всех, в том числе и самых малых социальных групп. А в идеале — чтобы был слышен голос даже одного человека». Так сказал Д.Медведев в своем видеоблоге. Поживем — увидим, если только для этого хватит жизни одного поколения.

Но пока со «слышимостью» критических голосов ситуация не улучшается, скорее нарастает глухая зарегулированность политической жизни. Вместо общественного диалога мы наблюдаем полный самолюбования телеэкранный монолог власти, далекий от самокритичности и реальной оценки положения дел. Выплескиваясь с помощью ТВ на молчаливое большинство, он, однако, не встречает былого доверия: рост цен убеждает эффективнее любых «говорящих голов», которые едва ли не хором извещают, что «инфляция под контролем».

Г.А. Зюганов предупредил на заседании Госсовета 22 января 2010 года: «КПСС была умнее, сильнее, грамотнее и заслуженнее «Единой России». Но и она не удержалась на одном крыле без нормального диалога, когда приказ одного человека все выполняли не раздумывая. Мы не можем повторять те ошибки, из-за которых потеряли страну, потеряли половину своего национального богатства, утратили безопасность».

Добавим, что КПСС имела целью сохранение своей страны. У «Единой России», судя по ее действиям, такой задачи нет. Разве кто-нибудь из нас встречал такое словосочетание: «демократ-патриот»?

Особенно опасна тесная связь власти с такими идейно-политическими группами, как неортодоксальный иудаистский клан хасидов (хабадники), представленный раввином Берл Лазаром. Пр процитируем раввина: «Сегодня в наш Центр

приходят в гости самые высокие руководители России: Б. Грызлов, Ю. Лужков, С. Миронов и многие другие. Это рутинно, когда нас часто посещают руководители России (Р. Богатырев, «Современный Распутин», «К барьеру!» № 21, 2009 г.). А ранее этот господин назвал произошедшие в России перемены последних двух десятилетий «великой хасидской революцией». Не беремся оспаривать. Вероятно, ему лучше знать о политической роли хасидизма в постсоветской истории России. Но множество экспертов, включая зарубежных, аттестовали происшедшую в России «революцию» как «великую криминальную». (С.С. Говорухин даже создал фильм под этим названием.) В каком соотношении находятся эти два ракурса: религиозный и криминальный, и не сложился ли тут феномен, напоминающий «Коза Ностру»? — эти вопросы остро ставил в своих книгах и статьях известный харьковский раввин Эдуард Ходос. Не через эту ли связь властных и международных криминальных групп обеспечивается наиболее надежный внешний контроль над финансами, экономикой и кадровыми назначениями в России?

Есть информация, что так называемый «кадровый резерв президента» составлен, в частности, из членов масонской ложи «Белый Орел», а ее руководитель однажды уже выдвигался в президенты страны, хотя, к счастью, и выбыл быстро из гонки. Известно, что задачи этих организаций отнюдь не совпадают с национальными интересами России. Именно через подобные сомнительные структуры неожиданно выпрыгивают на самый верх политического класса России никому не ведомые ничтожества — марионетки сил, разрушающих страну. Такая «элита», сознательно и целенаправленно ведущая Россию к краху, демонстрирует умственную ограниченность, не оценивая даже собственные риски, ибо судьба правителей поверженных стран обычно печальна.

В российском обществе власть опирается на посредственность, чья лояльность основана на корысти, в то время как патриотическая оппозиция сосредоточила мощнейший интеллектуальный потенциал — это талантливые писатели, публицисты, ученые, высококвалифицированные военные, специалисты из промышленности. Их самоотверженная и бескорыстная работа, направленная на спасение страны, основана на понимании того, что разрушение России опасно для каждого ее гражданина.

Сегодняшняя Россия живет в кольце опасностей, все теснее сжимающих страну. Угроза внутренняя — разрушение промышленной инфраструктуры, чреватое катастрофами. Как сказал на заседании Госсовета 22.01.2010 г. лидер КПРФ

Г.А. Зюганов, «износ основных производственных фондов превысил двадцать лет. К 2015 году в нашей стране при нынешнем развитии демографической ситуации останется 135 миллионов населения, в Китае будет 1 млрд. 400 миллионов, в объединенной Европе — 500 миллионов, в США — 315 миллионов. Мы станем неконкурентоспособны. Имея всего 2% населения планеты, мы сосредоточили треть основных стратегических ресурсов, нам никто не даст спокойно и нормально развиваться, если быстро не решить целый ряд проблем...»

К западным границам России вплотную придвинулось НАТО. На Дальнем Востоке, обезлюдившем и обескровленном за годы «демократии», по другую сторону границы — мощно развивающийся Китай. А Храмчихин («Как Китай раздавит Россию») пишет: «Китайские крестьяне, не имеющие земли и работы, пока не едут к нам в массовом порядке по двум причинам: из-за отсутствия средств и из-за того, что вообще слабо себе представляют, где эта Россия находится. Если китайские власти захотят устранить оба этих «недостатка», они добьются этого довольно легко и быстро». Как считает автор, вооруженные силы РФ, расположенные в этом регионе, будут не в состоянии противостоять китайской экспансии.

Сегодня множество экспертов обсуждают возможность распада российской Федерации с образованием ряда слабых государств, ибо за 20 лет «демократических» реформ Россия почти утратила основные составляющие суверенитета — армию, промышленность, собственное продовольственное обеспечение, здравоохранение, науку, образование, культуру.

Уничтожение России как суверенного государства означает кровавый хаос — современная история полна примеров такого рода: Сербия, Ирак, Афганистан. Надежды укрыться от бурь на тихом Западе, во-первых, реализуемы лишь для ничтожного процента населения России — в основном разбогатевших при нынешнем режиме. Во-вторых, относительная стабильность Запада поддерживается только за счет грабежа русских ресурсов, а также за счет деятельности спекулятивной мировой финансовой системы, которая в любой момент может сорваться в губительный кризис. Ситуация усугубляется усиливающимся экологическим кризисом, который особенно опасен для стран, имеющих протяженное морское побережье, в частности, для США и Западной Европы.

Инертность основной массы народа, его аполитичность — тоже огромная опасность для страны. Надежда выжить по отдельности, затаившись, абсолютно нереализуема и наивна.

Говорит канадский писатель Д.Рикарди («Что ждет Россию в XXI веке?»): «Я предчувствую, что весьма скоро наступит момент, когда русское правительство наберется смелости напрямую спросить у Запада: чего вы еще от нас хотите? Мы сделали все, что вы хотели. Мы утвердили здесь ваши «либеральные ценности». Наша экономика — в ваших руках. Наш народ остался без работы и без будущего. Мы — ваши неплатежеспособные рабы. Наше дальнейшее существование целиком зависит от вашей милости и от ваших продуктовых подачек. Так чем вы еще недовольны? Чего вы еще требуете от нас? И тогда Запад впервые скажет свое заветное слово: «Умрите!» И это будет последнее требование к народам России...»

Укрыться от безобразий, творящихся в стране, невозможно нигде — ни в нищем доме престарелых, сгоревшем от «неисправной электропроводки», ни в богатом ночном клубе, ни в разваливающемся от ветхости трущобах, ни в элитном поселке. Смерть застаёт тех, кто хотел тихо и безропотно «выживать», прямо на рабочем месте, как на Саяно-Шушенской ГЭС, в театре, где дают «Норд-Ост», в мирном транспорте — «Невском экспрессе».

Вспомним тяжелую сцену, снятую после очередного крушения пассажирского самолета. Хорошо одетая женщина рыдала в камеру: «Ну почему это случилось со мной?» При всем сочувствии к ней, сама формулировка вопроса подразумевает жесткий ответ: «Потому, что тебе было безразлично, когда это случалось с другими!» И чем скорее граждане страны осознают это, тем вернее и скорее остановится цепь катастроф и смертей.

Правительственные декларации остаются заявлениями о намерениях, а в тюрьмах сидят «реальные» политические заключенные — оппозиционеры, в судах продолжаются процессы по запрету неугодной власти печатной продукции, закрываются оппозиционные газеты, подрывается их финансовая база, нарушаются конституционные права граждан России на свободу выражения своих мыслей и чаяний.

Сегодня патриотически настроенные богатые русские жертвуют на строительство храмов, забывая русские пословицы: «Не строй семь церквей, а вскорми семь сирот детей», ограничивая этим исполнение своего патриотического долга, в то время как наиболее важно сейчас поддержать политическую оппозицию, выступающую за выживание русского народа.

Ныне главной личной целью каждого гражданина России (помните, у Н.А. Некрасова: «А что такое гражданин? Оте-

чества достойный сын!») должно являться сохранение суверенитета и целостности России, спасение страны от неумолимо надвигающейся катастрофы.

Жизненно необходимо для всех, кто хочет выжить и сохранить своих детей, поддержать политические структуры, способные решить эту задачу, — патриотическую оппозицию, защитить ее от террора власти, несмотря на озвученное властями желание, пока не подкрепленное делами, сотрудничать с оппозицией.

Происходящая на юге России тяжелая региональная война с террористическим подпольем слишком напоминает события в сербском крае Космет (Косово). Она может стать — и это видят многие — катализатором очередного расчленения страны, возможного ее распада. Происходящие там, на Кавказе, столкновения, а также террористические акты в Москве и в других городах, поддерживаются (вопреки словесным заверениям) как Западом, так и силами исламского фундаментализма на Востоке. Население русских регионов страны, которое испытывало основную тяжесть как деструктивных реформ, так и сопровождавшей их фактической гражданской войны, временами прорывавшейся и в столицу, долгие два десятилетия сохраняло надежду на позитивный исход, завершение реформ и военной драмы, оказавшихся, увы, бесконечными. Но, похоже, последние экономические катаклизмы и беспомощность правительства в борьбе с терроризмом подорвали всякое доверие к власти. Ни итоги выборов, ни опросы близких к власти социологических служб, согласно которым рейтинг руководства неуклонно растет, уже совершенно не отражают реальной картины.

Абсолютно новым фактором стало появление пока слабых, но уже не единичных очагов городской партизанской войны на обширных пространствах русских регионов (районах Орла, Перми, Челябинска, дальневосточного Приморья и т.д.) минувшим летом. Они осуществляли нападения на отделения МВД, прокуратуру и другие органы власти, и во всех случаях эти группы, также состоявшие по преимуществу из бывших или действительных сотрудников силовых структур, были легко разгромлены и обезврежены. Однако изучение массовых настроений неожиданно выявило, что на их стороне оказалось весьма широкое общественное мнение, особенно ярко это отразили дискуссии на интернет-форумах, где симпатии к мятежникам выражало до 80% участников обсуждения. По-видимому, и эти первые проявления герильи, и симпатии к ней говорят о накопившемся колоссаль-

ном протестном потенциале, который приближается к взрывным проявлениям. Стоит принять во внимание многочисленные факты недавних народных выступлений в самые последние годы во множестве маленьких городов страны (Кондопога, Пикалево и т.д.). В одних случаях они были вызваны последствиями неконтролируемой миграции, в других — разрушением инфраструктуры, наконец, в-третьих, они были обусловлены остановкой или ликвидацией основного производства. Следующие волны кризиса, неизбежные в России, могут синхронизировать подобные процессы на огромных пространствах и вызвать системный коллапс общества. Совершенно справедливо известный ученый — проф. Г.Г.Малинецкий отметил, что с «высокой вероятностью нас (т.е. России) скоро не будет», на эту же угрозу указывает и С.Г. Кара-Мурза. Сегодня в России налицо признаки начинающейся новой ползучей оранжево-либеральной революции сверху, реинкарнации эльцинизма, которая может привести к повторению Беловежской трагедии, к демонтажу российского государства и окончательному слову народа.

Тем не менее предотвратить зреющую катастрофу можно, если приступить к устранению ее причин сейчас и если существенно пополнить правящий слой конструктивными силами, которых в нем слишком недостает. Эффективно управлять в общественных интересах невозможно без патриотической оппозиции, без науки и вопреки науке, как невозможно модернизировать общество без защиты национальных интересов. А именно с такими беспомощными попытками мы сталкиваемся сейчас. Навязанная стране в 1991—1993 годах нежизнеспособная социально-экономическая и политическая система приближается к своему концу. Важнее всего, чтобы этот ее неизбежный финал не оказался летальным для страны и народа.

*Литературные страницы
Международного сообщества
писательских союзов*

Николай АЛЕШКОВ (г. Набережные Челны)

ЗАЧЕРПНУВ РЕКИ НЕБЕСНОЙ

ПРИВЕТ, МОСКВА!

Москва! Как много в этом звуке...

А.С. Пушкин

Толпа. И сплошь чужие лица.
Бреду с поникшей головой.
Привет, нерусская столица,
когда-то бывшая Москвой!
Не узнаю тебя. Давно ли
все так знакомо было тут.
Родными виделись до боли
Тверской бульвар, Литинститут.
Но труд поэта обесценен.
К кому взывать? Болеть о ком?
Застыли Пушкин и Есенин,
как чужестранцы на Тверском.
Звонарь лихой, со смутным сердцем
пером ударивший в набат,
из-за ограды смотрит Герцен,
как будто в чем-то виноват...

Сверкает мраморная глыба,
сусальным золотом маня.
За храм Христа Москве спасибо,
но он помпезен для меня.
И я не буду здесь молиться —
душе в провинции светлей.
Ведь чем богаче ты, столица,
тем равнодушной и подлей
ко всей России, что веками,
страдая, мучаясь, любя,
несла за пазухой не камень —
последний грошик для тебя.
Нет и теперь душевной муки
за мать-Россию у Москвы...
Москва! Как мало в этом звуке
осталось русского. Увы...

* * *

Правый берег, поросший лесом,
левый берег — цветущий луг.
Здесь крестьянским ржаным замесом
был я втянут в житейский круг.

От истока реки до устья
рыба плещется под волной.
Если вдуматься, каждый кустик
мне с рождения здесь родной.

Здесь отец мой всю жизнь трудился.
Здесь мой дом и моя родня.
«Где родился, там пригодился» —
эта присказка про меня...

Долго смерти ждать или недолго, —
здесь меня похоронят пусть!
Я по Каме впадаю в Волгу
и взлетаю на Млечный Путь.

Зачерпнув из реки небесной
благодати, увижу вдруг
правый берег, поросший лесом,
левый берег — цветущий луг.

* * *

о. Владимиру Гофману

В крещенский день, как никогда,
благословенна вся вода,
текущая по рекам.
Благословен весь мир Творцом,
небесным праведным Отцом
и Сыном — человеком.

Небесный свет струит добро.
Январский снег, как серебро,
на солнышке бликует.
Я окунаюсь в полынью,
чтоб душу грешную свою
очистить — пусть ликует.

И пусть в купели ледяной
благословляются со мной
жена, и сын, и внуки.
Увидим, коль душа чиста, —
С Животворящего Креста
Спаситель тянет руки.

И греет паству вновь и вновь
Его вселенская любовь.
Не поздно и не рано
Он небесами воскрешен...

Весь православный мир крещен
водою Иордана.

* * *

Понадеюсь, как встарь,
на звезду, на судьбу и на Бога.

На звезду, на судьбу и на Бога
понадеюсь — авось пронесет.
Вновь летит под колеса дорога —
только жаль, что ямщик не поет.

Понадеюсь — звезда не погаснет,
раньше срока упавши в жнивье.
Я не знаю ромansa прекрасней,
чем старинный романс про нее.

Понадеюсь — судьба не обманет,
по тропинке меня проведет
сквозь глухую чащобу в тумане
мимо гиблых чащоб и болот.

Бог поможет к родному порогу
возвратиться — дождитесь вестей!
Я опять отправляюсь в дорогу,
чтоб подумать о жизни своей.

* * *

По морозцу, хрустя снежком,
через лес прохожу пешком.
Иней, как серебро седин,
с елок падает и осин.

Замечаю на склоне лет,
одолев не одну версту:
седина переходит в свет —
в абсолютную чистоту.

Нугзар ЭРГЕМЛИДЗЕ (г. Тбилиси)

ВОЛНЫ ПАМЯТИ

СЕРДЦЕ

Сердцу многое дано:
И созвездия, и зори.
В сердце все заключено:
И луна, и сад, и море.
И чинары, как года,
Шелестят в садах зеленых.
А мужчины, как всегда,
Пьют за здоровье влюбленных.
Сердце бьется, как набат,
Сердце жизнью тело полнит,
И тебя, предавший брат,
Почему-то тоже помнит.
Дождь идет, а горя нет.

Только песни и баллады.
И в старинных сказках — свет
От души
И от лампы.

ХУДОЖНИК

Художник взбалмошный, как ветер,
С небрежной поступью бродяг,
Идет и знает, что бессмертен.
Он чувствует, что это так.

А улице холсты и рамы
Неведомы. Ей все равно —
Бараны в раме или храмы,
Иль небо в ней заключено.

Величествен любимый город,
Прекрасна древняя Кура
И мысль о домике, в котором
Живет чужая детвора.

Как сливки, взбитые в сметану,
Печаль густеет. Но давно
Запрятано среди тумана
Неконченное полотно.

Художник верен вечной теме,
Но вносит новый колорит.
И остановленное время
На красках смешанных блестит.

Толпа шумит, толпа бушует,
Лишь он, отмеченный судьбой,
Рисует — Господи! — рисует
И остается сам собой.

АЛЕКСАНДРОВСКИЙ САД

Записки рваной лист чуть-чуть дрожащий
На лавке в Александровском саду
Белеет горьким символом печали,
Как будто мертвый лебедь на пруду.

Мы целый год ходили на свиданья,
И вдруг: «Прощай. Встречаться нету сил».
Осенний ветер холодом ударил
И тем ударом сердце погасил.

Все письма, словно листья, улетели,
Но ты меня преследуешь, как сон.
Ты — знающая судьбы всех вселенных,
Ты — девочка с улыбчивым лицом.

Все письма улетели без возврата —
Твои, мои... И более — ничьи.
Теперь другие парни и девчата
Целуются, встречаясь у скамьи.

Зеленый луг. И день такой лучистый.
И, постаревший, мимо я иду.
И знаю, что тебя уже не встречу
В пустынном Александровском саду.

Перевел с грузинского Евгений Чепурных

Николай ВОРКАЛ (г. Москва)

ПРОСТИТЕ НАС, РЕБЯТА!

(К 10-летию гибели 6-й роты псковских десантников)

Нам много рассказывали, как погибала рота. Фильмы об этом сняли. Казалось бы, все вопросы уже должны быть сняты. Однако я лично все не могу понять, как же так могло получиться... Не в Африке ведь, не в Океании, не за тысячу верст, а в Чечне, в сотне километров от могучей группировки федеральных сил, в регионе, где за шесть лет войны наши военные изучили каждый лесок, каждую горوشку... Ладно, промахнулся командир, оседлал соседнюю высоту, ладно, ошиблась разведка, не оценила истинных сил сепаратис-

тов — на войне случается. Но не слишком ли дорогая цена? Как же так могло случиться, что роту в течение суток уничтожили, а ей не могли оказать помощь!.. Не оставляет меня эта мысль, что могли, но не хотели!

Трагедия случилась 29 февраля 2000 года. Молодые ребята мужественно, как и подобает русскому солдату, дрались до последнего. А огромная страна, интересы которой они защищали, не могла им помочь? Не понимаю?.. Я еще подумал тогда, десять лет назад, что это добивают едва ли не последнее боеспособное подразделение совсем недавно непобедимой и легендарной...

Вот что мне по-настоящему душу гложет. Непродуманный до преступности штурм Грозного. Опять же неподготовленный бросок 245-го полка по горной дороге на Шатой. Халатность, в результате которой произошел захват сепаратистами Грозного. Ничем не оправданный волюнтаризм высших государственных деятелей, приведший к трагедиям в Буденновске, Первомайском и Кизляре. Заверение чиновников в генеральских погонах, что ваххабизм не несет в себе угрозы, сделанное буквально накануне дагестанских событий. Закачка в Северокавказский регион неисчислимого количества оружия... И вот 6-я рота.

В результате этих ошибок (будем считать их ошибками) погибло много наших соотечественников, в основном молодых ребят, сильных и славных патриотов нашей Родины, которые не успели родить детишек. Эти ошибки (ну постараемся все же считать их именно ошибками!) граничат с преступлением против генофонда нашей стремительно хиреющей державы. Даже не так, не граничат, это и есть преступление — вопрос только в том, сознательное оно или же совершенно по недомыслию наших главковерхов.

В первую чеченскую войну вполне конкретные большие руководители-силовики послали в бой абсолютно неподготовленные подразделения, наспех собранные с бору по сосенке. В 1999 году в Дагестане после первых успехов у наших руководителей началось сладостное головокружение — потом был Кизляр, хотя о том, что боевики готовят повторное вторжение, не знали только те, кто сознательно закрывал на это глаза. Ну а апофеозом наплевательского отношения к жизни солдата стал именно бой 6-й роты.

За каждым этим преступлением против российского воинства стоят конкретные российские же начальники, занимавшие тогда высокие посты и весьма комфортно чувствующие себя сегодня. Так вот и вопрос. Мучает ли за эти смерти совесть бывших министров и чиновничью братию? Отда-

ют ли они себе отчет, что это по их вине (личной персональной вине!) шли «похоронки» матерям этих мальчишек, которые еще и жизни-то не видели? Да, спусковой крючок нажимал сепаратист или наемник, это так. Но ведь под прицел этого врага мальчишку подвел именно этот чиновник, который сегодня жив-здоров и богат, в отличие от той же матери, которая за павшего сына получает не столь уж ощутимую пенсию!.. Что-то подсказывает мне, что нет, не мучит их совесть, а мальчишки те не снятся.

...Вечная слава вам, ребята! Вечная память! И простите нас!..

В казарме Псковской дивизии сегодня обустроено мемориальное помещение. Там стоят тщательно заправленные кровати погибших воинов 6-й роты. На стене — их портреты. А напротив КПП — восстановленный храм Александра Невского, рядом с которым стоит обелиск в честь павших. Огромную роль в сохранении памяти о ребятах сыграл священник этого храма отец Олег Тэор. Невысокий, сухонький, слегка сутуловатый — внешне он не производит впечатлительного богатыря. Но сколько в нем силы духа, сколь он могуч душой!..

Когда создавался мемориал, выяснилось, что у многих ушедших в бессмертие солдат не осталось даже хороших фотографий. А уж в военной форме сфотографировались вовсе уж считанные десантники. Отец Олег привлек местных художников и фотографов, которые увеличили до портретного размера фотографии ребят, отретушировали, а потом их на снимках «одели» в форменные «парадки» с беретами. Все это сделано было бескорыстно, от души.

Так вот оно и сходится. Виновные в трагедии нынче на пенсии, наказания никто не понес — во всяком случае, не слышно было ничего об этом. Разве что выговор объявили какому-нибудь «стрелочнику», который тоже являлся таким же заложником ситуации, как и павшие. Погибших ребят уж бог весть по какому принципу разделили на достойных Звезды Героя или ордена Мужества (соответственно, и их родные сегодня имеют разный уровень пособия от государства). Чиновники посчитали свою миссию выполненной и, изринув павших из головы, вернулись к своим повседневным заботам...

Но по-прежнему находятся равнодушные люди, которые заботятся о сохранении Памяти не по должности, а по велению совести.

PROPIUS MORS*

Рассказ

1

Хмурым утром в деревню Н. приехал наряд милиции. Было это одно из тех тоскливых выродившихся русских селений, побывав в котором, у каждого становится тяжело на душе.

Здесь давно никто не работал в поле. Огороды заросли полынью. В запущенных садах видны были свеженасыпанные кротами кучи черной земли. В ветвях яблонь висели огромные вороны гнезда. Стояли покосившиеся жалкие избы. Все вокруг пребывало в полном упадке и дышало беспросветным унынием. При виде подобных картин всегда приходят мысли, что этой земле остается надеяться лишь на то, что когда-нибудь ее все-таки заселят китайцы.

Вид высокой старухи в черном сарафане, тюкающей топором щепки возле сарая, только усиливал тягостное впечатление.

Всю дорогу Сергей Львович Бельский со скучающим видом смотрел в окно. Опустив стекло и закурив, он задумчиво сказал, обращаясь к сидевшей рядом лейтенанту Соловьевой:

— Картина совершенно элегическая. Не так ли, Екатерина Андреевна? Сто или двести лет назад все одно и то же. Осенний пейзаж, хмурое небо, поля, голый лес. Холодно, сыро. Вороний крик. Размышления о смерти на фоне угасания природы. Чеховский рассказ просто. По полю скачет полицейская карета. Расследовать какой-нибудь дикий жи-водерский случай из крестьянской жизни...

Она в ответ лишь смущенно улыбнулась. Это было ее первое самостоятельное дело. За окном, окутанные густым чеховским туманом, проносились голые леса и поля.

Когда приехали, молодая следователь Соловьева, волнуясь, с папкой в руках последней вылезла из машины. Ее длинные светлые волосы были сплетены в толстую косу. Полы черного расстегнутого плаща доходили до щиколоток. На форменном кителе был приколот значок об окончании университета с отличием. Синяя рубашка, галстук со шпилькой, короткая юбка, коричневые колготки и черные туфли на высоком каблуке.

* Рядом со смертью (с латинского).

Возле деревянного забора, с раннего утра дожидаясь их, собралось несколько престарелых местных жителей. Сгорбившись, опираясь на палки, они о чем-то спорили. Через весь двор тянулись веревки, на которых были развешаны твердые листья одревеневшего белья. Ночью были заморозки.

— Вы трогали ее? — смущенно и тихо спросила следователь Соловьева.

— Что?

— Переворачивали? — кашлянув, громче спросила она.

— Нет, — бросив топор, махнула длинной, как плеть, рукой высокая старуха. — Как нашла ее, так и лежит.

— Как же вы не посмотрели даже? А если бы она живая была?

— Как бы она живая могла быть? Всю ночь на холодной земле сама пролежи-ка!.. — со злобной рассудительностью возразила она.

— Вы ее знаете?

— Круглова Мария Петровна. Соседка моя. Вон дом ее, — задрав вверх подбородок, злая старуха заносчиво выставила нижнюю губу.

— Она вчера на рынок ездила за продуктами, — поправляя на голове белый платок, пролепетала из-за ее спины маленькая угодливая старушка.

Надев перчатки, Бельский присел рядом с телом пожилой женщины, лежавшей в кустах около забора.

Лейтенант Соловьева села на лавку рядом с толстым прапорщиком, державшим на коленях автомат и озабоченно рассматривавшим растоптанные берцы. Она вынула бланк и приготовилась заполнять протокол.

Поежившись от холодного ветра, аккуратной мелкой вязью стала быстро под диктовку Бельского записывать в протокол:

«При осмотре трупа установлено: труп лежит на правом боку лицом к забору. Ноги согнуты и подтянуты к животу. Левая рука закрывает лицо, правая вытянута назад и сжата в кулак с пучком вырванной травы. Труп одет в серую шерстяную кофту, синее платье в белый горох, желтые носки и черные туфли. На левой ноге обувь отсутствует...»

Осторожно перевернув тело, Бельский замолчал. Записывавшая за ним Соловьева, подняла голову. Посмотрела на изуродованный труп и торопливо отвернулась.

«...кожа на шее и лице смята и разорвана с повреждением мышц. Кожа на руках и ногах также содрана, повреждения носят явный рваный отпечаток зубов. Некоторые из ран имеют круглое входное отверстие и проникают через кожу в виде

короткого конусообразного суживающегося канала, которые очевидно могли быть нанесены коническими клыками...»

Прищурившись, Соловьева посмотрела в поле, видневшееся за ветхими сараями. На темневший вдаль лес. Она сама выросла в такой же деревне за сорок километров отсюда.

— У вас собаки бродячие есть здесь? — повернувшись к старухам, спросила она.

— Есть какие-то. Каштанка с ними все бегает.

— Что за Каштанка?

— Девчонка тут у нас. Мы ее Каштанкой прозвали. А вообще по-настоящему ее Лизкой зовут. По нашей улице крайний дом.

Клацнув во рту вставной челюстью, старуха повернулась показать и увидела идущего по улице угрюмого мужчину.

— А вот отец ее. Только проснулся, наверно. За бутылкой идет.

Тот приближался, мрачно озираясь с похмелья. Когда он поравнялся, намереваясь тихо пройти мимо, старики хором ахнули:

— У него сетка ее!

Услышав это, прапорщик, подозрительно наблюдавший за ним, медленно поднялся и позвал:

— Эй, орел! Подожди, не спеши так.

— А что такое? — остановившись, спросил мужик с вызовом, но заранее уже по привычке виноватый.

— Это что у тебя?

— Сумка чья-то, — посмотрев на нее и пожав плечами, он с готовностью протянул ее ему.

— Где взял?

— Нашел, — он снова недоуменно пожал плечами. — Возле калитки у меня валялась.

Прапорщик переглянулся с Соловьевой. Складывая на коленях в папку бумаги, она незаметно кивнула ему.

— Куда движешься сейчас? — прапорщик взял его за локоть и слегка потянул к себе. — Такой нарядный.

— Чего?

— Идешь куда? — вкрадчиво спросил прапорщик, поправляя на плече ремень.

— В магазин.

— В магазин это хорошо... — Он стал ощупывать его. — Руки держи, чтобы я их видел.

Тот, бросив сетку, развел в стороны руки.

— Подними.

— Я ее нашел, командир. Вышел в магазин, она у меня прям возле калитки...

— Я тебе верю. А в магазин зачем?

— За хлебом.

— Да? А пойдем-ка мы к тебе, красавцу, сходим сначала в гости? Не возражаешь?

...В дом к нему зайти оказалось почти испытанием. Вонь невыносимая. Половина избы обгорело. На продавленном диване теща под кучей рванья спит. На полу в углу, закутанная в одеяло, жена опухшая валяется. Слипшиеся патлы вместо волос.

Они вышли обратно на двор посоветоваться, что делать. Вдруг резко вздрогнули от раздавшегося собачьего лая за спиной. Обернувшись, увидели, как к ним на четвереньках бежит с лаем маленькая девочка. Обросшая, грязная, босая, в драных лохмотьях. Во главе своры собак. В шоке они попятились назад, захлопнули за собой калитку.

На крыльце показалась ее мать, шатаясь, придерживаясь за косяк двери.

— Фу!.. — замахнувшись, громко крикнула она, хлопнув себя по ляжке.

Стоя за забором, они с ужасом смотрели, как на дворе маленькая девочка, рыча, оскаливая зубы, бросалась на окружавших ее собак. Переворачивалась, терлась спиной о землю, мотала головой, подражая им. Черный пес вспрыгнул на нее сзади. Она сбросила его с себя и укусила за горло.

Возле конуры у железной миски валялись корки хлеба, пустая бутылка из-под подсолнечного масла, разорванная оболочка от колбасы.

— Вам кого? — Мать пригляделась к стоящим за забором людям, икнула, и, не в силах стоять, села на ступеньки. Потом отерла рукой губы и тихо добавила: — У нас все дома.

2

Проснувшись среди ночи на кожаном диване в своем кабинете, Бельский поморщился. На столе горела зеленая лампа, лежали разобранные листы доклада, который он готовил. Зевая, Бельский посмотрел на часы: они показывали четыре. Он сел, тело болело от сна в неудобной позе.

Он видел, что жена сидела за столом на кухне и курила. Потом, погасив свет, молча прошла в спальню.

Достав чемодан, Бельский стал укладывать свои вещи. Это заняло у него довольно много времени. Он закончил, когда стало светать. За окном послышался неприятный скрежет лопаты, дворник начал чистить снег.

Сев за стол, Бельский стал собирать бумаги. В спальне у

жены зазвенел будильник. Спустя несколько минут она прошла в ванную. Не поднимая головы, он исподлобья взглядом проводил ее.

Прошло около часа, когда она, накрашившись и позавтракав, заглянула к нему в кабинет.

— Ты что, так и не ложишься? — сердито спросила она, застегивая пиджак и оправляя узкую юбку на бедрах.

— Нет.

— Но ты не выспался, а тебе ехать.

— В поезде высплусь, — перебирая бумаги, сказал Бельский.

Он огляделся, как бы убедиться, ничего ли он не забыл. Сердито нахмурившись, она пристально наблюдала за ним. А он избегал смотреть на нее.

— С тобой все нормально?

— Да. А что?

— Хочется верить.

По-прежнему не поворачиваясь к ней, Бельский молча отбирал из вороха бумаг те, которые собирался взять с собой.

— Я надеюсь, что ты сам разберешься в том, что с тобой происходит.

— Со мной ничего особенного не происходит.

— По-моему, тебе надо отдохнуть. Когда вернешься, возьми отпуск, съезди куда-нибудь...

Бельский промолчал, и она, надевая шубу, сказала:

— Когда будешь уходить, разбуди Танечку.

— Хорошо.

Хлопнула дверь, шелкнул замок. Глухо загудел лифт. Потом снова наступила тишина.

«Хочет, чтобы я уехал... — потеряв лоб, устало подумал Бельский. — Наверное, новый любовник. Какая она гадкая дрянь! Сколько мне еще мучиться и терпеть это?»

Бельский болезненно поморщился. Хотя он давно смирился со своей ролью, но все-таки это причиняло боль. Угнетали и сами ее измены, и то, что она полагала, будто ей удастся скрывать их от него. Она искренне верила, что он ни о чем даже не догадывается.

Когда она ушла, Бельский пошел в душ. Вернувшись, достал из шкафа костюм, стал одеваться. Подойдя к зеркалу, застегнул рубашку и стал завязывать галстук, но передумал. Свернул и бросил в чемодан.

Осторожно заглянул в комнату дочери. Таня спала, разметавшись по кровати. Край одеяла сполз на пол. Он тихо прошел и встал около нее.

Он вдруг ярко вспомнил. Много лет назад, утром в воскресенье он и жена еще спят, а маленькая Таня сама встала, по-

завтракала. Они тоже проснулись и лежат. Слышно, как Танечка собирается на занятия в музыкальную школу. Им обоим не хочется вставать. Они, лежа с закрытыми глазами, лениво спорят шепотом:

— Сегодня ты ее провожаешь.

— Нет, ты.

— Сегодня твоя очередь.

Пока они спронежия лежат и спорят, Таня тихо уходит. Вдруг хлопает дверь, гудит лифт.

— Вот, дождался? Теперь ребенок обиделся!..

Бельский поднимается с кровати, шлепает босыми ногами по полу. Таня выходит из подъезда и идет по двору. Раскрыв окно, Бельский кричит:

— Танечка!..

Она оборачивается и поднимает голову. Он машет ей рукой. Она, улыбаясь, машет ему. Сложив ладошки под щеки и наклонив голову, показывает, чтобы он ложился спать.

...Словно почувствовав, что он смотрит на нее, Таня проснулась. Потягиваясь и зевая, она села. Прислонившись к спинке кровати и поджав колени к груди, натянула одеяло.

— Ты чего? — удивленно спросила она.

— Мама сказала, что тебя разбудить надо.

— А? — потеряв глаза, Таня посмотрела на часы. — Ага, спасибо.

— Проводить меня не хочешь?

— Ты уезжаешь?

— Да.

— Надолго?

— На неделю, наверное.

Таня убрала с лица волосы и сонным еще голосом сказала:

— Ладно, пока.

В одном купе с Бельским ехали глухой древний старик и пожилая женщина, с лица которой не сходила добродетельная улыбка. Бельский всегда плохо переносил долгую дорогу и незнакомых людей.

Получив постельное белье, старик сразу стал укладывать. Без стеснения разделся до трусов и надел пижаму. Бельский в углу читал газету. Глядя на старика, женщина сказала с улыбкой, обращаясь к Бельскому:

— Вот ведь что жизнь с человеком делает. Был ведь, наверное, молодой и красивый...

Бельский невольно поднял голову и посмотрел на старика. Желтая кожа обвисла, синие звездочки вен. Седые волосы на спине. Худые ноги. Вид его в самом деле был жалкий.

Без смущения разглядывая старика, женщина улыбалась. Бельский готов был согласиться, как, действительно, ужасно то, что годы с человеком делают. И не только с его телом, а и с его душой, с его чувствами.

Сам старик, не слышавший ее замечания, прислонив подбородок к груди, сдвинул густые брови, тщательно застегивал пуговицы на полосатой пижаме. Потом с сердитым лицом полез на полку. Вскоре он уже спал.

Отложив газету, Бельский посмотрел в окно. За окном, пока ехали в городе, вдоль полотна тянулись голые деревья, снег и весь расписанный белый бетонный забор. Над ним возвышались серые дома.

Женщина весело о чем-то рассказывала, и это раздражало его. Бельский хотел, чтобы она замолчала. Он отвернулся и всем своим видом старался показать, что не слушает ее. Но ее это нисколько не смущало.

— ...А у меня из знакомых никто и не удивился. Все сказали: «А мы и так знали, что ты опять что-нибудь придумаешь». Я каждый год в отпуск еду куда-нибудь в интересные места. Чтобы самой представление иметь. На курорты принципиально не езжу. Куда мне интересно, туда и еду. Когда в Чечне война началась, я в Чечню поехала в отпуск.

— Что?! — повернувшись, спросил Бельский.

— Чтобы самой представление иметь... — просто пояснила она. — Посмотреть, как там наши стреляют. Меня, правда, в самый бой не пускали смотреть. Я там издалека только видела...

Бельский смотрел на ее благодушно улыбающееся лицо. Переведя взгляд снова в газету, он перевернул страницу и спросил:

— Не пускали?.. А кто не пускал?

— Как кто? Наши. Не эти же... — ответила она. — Мне там чеченки, у которых я жила, мешок орехов подарили.

— Вы там у чеченцев жили?

— Да. Я этот мешок поднять не смогла. Но домой его довезла. У меня даже фотографии есть, где я с ними прощаюсь.

— Интересно.

Раскрыв свой чемодан, она положила перед собой завернутые в газету хлеб, колбасу, яйца, помидоры и лимон. Положила книгу и очки, достала толстую пачку фотографий.

— Это вот Зуля... — показывая пальцем, улыбаясь, говорила она. — У нее вообще всех убили. Хотя у них там семьи большие, не как у нас... А это Света. Она сама русская, замуж за чеченца вышла...

Наморщив лоб, Бельский смотрел на снимки с унылыми чеченками в длинных черных платьях и платках рядом с улыбающейся светловолосой полной пожилой женщиной в спортивном костюме.

— А сейчас вы куда едете? — возвращая фотографии, спросил Бельский.

— В Мурманск.

— Зачем?

— Хочу подводную лодку «Курск» посмотреть. Ее же со дна подняли...

Со скрипом отодвинулась дверь. Проводник поставил чай и, позвонив монетами, молча положил сдачу.

«Сколько больных вокруг!..» — размешивая ложкой сахар и наблюдая за улыбающейся попутчицей, поразился Бельский.

...Ночью он никак не мог уснуть. Женщина сильно храпела. Было темно. Стучали колеса. Бельский вспомнил осенний вечер много лет назад. Жена куда-то уезжала, и он остался один с трехлетней Танечкой. Он работал за столом, а она одевала и раздевала своих кукол.

Посмотрев на часы, Бельский отложил бумаги и сказал:

— Танечка, поздно уже. Может, спать ляжем?

Быстро повернувшись, дочь рассудительно сказала, как будто маленький был он, а не она:

— Нет, папа. Спят, когда темно. А еще светло, — она показала на окно. — Когда стемнеет, тогда ляжем.

Бельский не мог не согласиться. Он пересел на диван и включил телевизор.

Прошел час. За окном стемнело.

— Танюша, уже темно. Пойдем спать?

Танечка рисовала. Бросив карандаш, быстро обернулась:

— Темно, да? Я сейчас свет зажгу.

Она подбежала к столу и включила лампу.

— Не хочешь спать? — не в силах сдержать улыбки, спросил он.

Она помотала головой в ответ.

— Пошли тогда просто вместе с открытыми глазами полежим?

— Ты иди, папа. Я приду к тебе.

Кое-как с трудом ему удалось уговорить ее. Они легли вместе. Он закрыл глаза, надеясь, что она последует его примеру.

Он довольно долго неподвижно лежал с закрытыми глазами. Танечка тоже долго уже не шевелилась. Он решил, что она уснула. Осторожно открыв глаза, он увидел, что Танечка сидела и смотрела в упор на него. По-турецки сложив нож-

ки, подперев кулачком подбородок. Маленький лобик был серьезно нахмурен.

— Спи, спи... — строгим шепотом сказала она. — Закрывай глазки... — Заботливо поправила на нем одеяло. — Спи!..

3

...Утром его встретили на вокзале. У него целый день был свободен. Поселившись в гостинице, Бельский оставил в номере вещи и решил погулять по городу. Его охватило лирическое настроение. Ведь это был город его юности.

Спустившись вниз, он зашел в бар купить сигареты. В полутемном помещении тихо играла музыка. За столиком в углу сидели проститутки. Одна из них показалась Бельскому совсем девочкой. Даже жутко стало от того, что открыто сидит на виду ребенок и предлагает себя. Как быстро все привыкли к тому, что это возможно. Думая так, он задержал на ней взгляд. Тогда она, заметив это, слегка улыбнулась ему. Ее старшие подруги, сразу поймав это едва уловимое движение, тоже покосились в его сторону. Нахмурившись, он взял сигареты, застегнул пальто и вышел.

Ему хотелось погулять и посмотреть город. Он помнил эти черные чугунные решетки, это свинцовое северное небо, эту тяжело плескавшую волнами в выпуклые камни темную густую воду. Он помнил прозрачные девичьи дрожащие ладони, маленькую тонкую фигуру, огромные глаза. «Что с ней теперь? — подумал он. — Наверное, толстая, глупая и не помнит ничего...»

На главных улицах было слишком шумно. Высоко нависали над головой нарядные фасады зданий, раздражала яркая реклама. Зато стоило свернуть в любую арку или переулок, сразу становилось гадко от обшарпанных стен домов и захламленных дворов.

Возвращаясь обратно, Бельский зашел в парк, который окружал гостиницу. По тропинке он медленно спустился к замерзавшему пруду. Возле берега уже был тонкий лед. Там, где покрывалась рябью черная вода, плавало несколько уток. Захлопав крыльями, одна из них вспрыгнула на лед, встряхнулась и неловко зашлепала по подламывавшемуся льду.

Потом он стал подниматься вверх, под ногами скрипел снег. Не заметив, он ушел довольно далеко. Размышляя, подошел к красной кирпичной будке, от которой тянулись черные трубы, обмотанные железной сеткой и тряпками, от которых поднимался пар. Он остановился, глубоко вдыхая холодный воздух.

Он вдруг почувствовал на себе чей-то взгляд и, повернув голову, увидел девушку в грязном желтом пуховике, сидевшую на земле и тупо смотревшую на него. Она сидела, прислонив колени к груди и обхватив их руками.

На земле с пожухлой травой, где лежал таявший снег, все было усеяно шприцами.

Девушка смотрела на него молча и страшно. Ему стало не по себе. Он завернул за угол будки. Там их было уже много. При его появлении вся эта плотная живая куча, сидевшая возле костра, медленно нехотя зашевелилась. Он развернулся и пошел к видневшимся за деревьями жилым домам городской окраины.

Он вышел из леса и оказался у частных домов. Возле высоких железных ворот сидели на корточках две девочки. Раздался скрежет. Поднявшись, они положили деньги в выдвинувшийся лоток. Когда через минуту лоток выдвинулся снова, они взяли из него пакетик и торопливо прошли мимо Бельского. Он услышал обрывок из разговора:

— Она меня достала просто! Я ей говорю: «Тебя в школу вызывают». Она: «Зачем?» Я говорю: «Сходи и узнаешь. Чего ты до меня докопалась?»

Над забором возвышался огромный кирпичный дом с решетками. Переваливаясь в колее, к дому подъехала милицейская машина. Открыв дверь, выставив ногу, милиционер посигналил. Спустя немного времени из ворот вышла полная цыганка в цветастой юбке и черной кожаной куртке.

Они стали разговаривать, как старые знакомые. Заметив стоящего недалеко и угрюмо смотревшего на них Бельского, цыганка угрожающе крикнула, взмахнув руками:

— Что встал? Заблудился, как овца паршивый? Пошел отсюда!.. Пошел! Пока тебя милиция не забрал...

Из машины, улыбаясь, выглянул сержант. Бельский увидел его чистые голубые глаза, простое славянское лицо. Меховая шапка была сдвинута на затылок. Мокрый чуб пшеничных волос прилип ко лбу. В углу рта висела тлеющая сигарета.

— Всем нам в своей работе подчас приходится сталкиваться с такими крайними формами человеческого поведения, которые превосходят границы самого богатого воображения и смыкаются с кругами Дантова ада... — хрипло кашлянув в кулак, говорил Бельский. — Хотя иногда в материалах дела можно встретиться и с проявлением наивысшего альтруизма со стороны преступника. Нередко можно найти подтвержде-

ние распространенному мнению о том, что в каждом человеке дремлет двойственная личность, в которой мирно сосуществуют добро и зло.

Перевернув страницу, Бельский взглянул в зал. Он чувствовал легкое волнение. Прикусив нижнюю губу, передвинул диктофон и посмотрел на часы.

— Нередко возникают проблемы, обусловленные поведением обследуемого лица. Требуется хорошее владение собой, сдержанность и терпеливость. Обследуемые часто грубы, лживы, агрессивны, циничны и прочее. Не исключено сексуальное заигрывание обследуемого лица с экспертом. Особенно, когда они имеют разную половую принадлежность... — Бельский постарался не заметить оживление в зале, вызванное его словами. — В некоторых случаях создавшийся в ходе освидетельствования хороший дружеский контакт исподволь может вызвать гораздо большую эмоциональную близость к преступнику, чем к его жертве...

После обеда все снова зашли в зал и стали рассаживаться на свои места. Некоторое время еще раздавались шутки и смех. Громко кашляли, шаркали ногами, скрипели кресла. Постепенно установилась тишина.

4

В полной тишине раздался пронзительный звонок. С грохотом отодвинулась решетка. Бельский прошел в тамбур. За решеткой и стеклом сидела толстая прапорщица с короткой стрижкой. Бельский протянул ей в окошко свой паспорт. Раскрыв его, она внимательно посмотрела на Бельского и на фотографию.

— Улыбаться не надо, — хмуро сказала она.

— Я не улыбаюсь, — удивился Бельский, стоявший с сердито сдвинутыми бровями.

— Это она мне, — улыбаясь, пояснил из-за спины Бельского сопровождавший его надзиратель. — Вера Ивановна у нас строгая.

Записав в журнал, она вернула Бельскому паспорт, и спросила:

— Оружие есть?

— Нет.

— Мобильный телефон?

Бельский протянул ей в окошко телефон. Она положила его в ячейку деревянного ящика и дала жетон с номером. В ящике лежали телефоны всех посетителей и сотрудников. Один из них зазвенел. Она недовольно перебрала несколько и выключила.

Пройдя сопровождаемый пронзительными звонками еще через две решетки, Бельский вошел на территорию тюрьмы.

Спустя пять часов он вышел обратно и задумчиво встал на крыльце. Рядом в ожидании выстроилась очередь из женщин с сумками, принесших передачи. Некоторые грелись в поле у костра. Мимо проходил охранник с овчаркой. Овчарка потянулась в сторону Бельского. Вожатый короче взял поводок, подтянул ее к себе.

За спиной Бельского отворилась дверь, и в накинута на плечи бушлате вышел сопровождавший его надзиратель.

— А вы как собираетесь ехать? — прищурившись и щелкнув зажигалкой, спросил он. — Автобус не скоро будет. А из наших тоже вроде никто не собирается.

— За мной должна машина приехать. Подождать немного придется.

— А выйдите к нам в караулку. Что здесь мерзнуть?

Докурив, он проводил Бельского в караульное помещение. Сняв шапку и расстегнув пальто, Бельский присел к столу.

— Вить! — донесся из коридора женский голос.

— Ау? — откликнулся надзиратель.

— Сделай мне кофе.

— А где пожалуйста? — игриво спросил он.

— Пожалуйста! — томно попросила она.

К ноге Бельского подошла кошка и стала тереться головой о его ботинок. Наклонившись, Бельский почесал ее за ушами. Щелкнув, выключился электрический чайник.

— Вы будете? — спросил Витя.

— Да, если можно.

— Сами накладывайте, — улыбнувшись, сказал Витя и громко позвал: — Валя, бери!

Послышались шаги, вошла женщина с резиновой дубинкой, пистолетом и бряцающими на поясе наручниками. Взяв со стола кружку и сделав глоток, она посмотрела на Бельского и спросила:

— Вы к Макарову приезжали?

— Да, — сказал Бельский, размешивая ложкой сахар.

— Делать вам нечего. Мы бы его сами здесь зарыли на помойке. Я лично считаю, что таких вообще...

Она наклонилась, коснувшись мягкой грудью его плеча, так, что ему пришлось слегка подвинуться, и посмотрела в маленькое обледенелое окно за его спиной.

— Вон они стоят.

— Кто? — не понял Бельский, тоже повернувшись и посмотрев в окно.

— Жена и дочка его.

Возле костра стояли женщина и девочка в серых пуховых платках.

— А-а... — неопределенно протянул Бельский. — Так быстро приехали?

— А кто вам сказал, что они уезжали? — усмехнулась надзирательница. — Они тут с самого начала...

— Как это?

— Так. Живут у кого-то в поселке. Комнату снимают.

— Они и не знают, наверно... — глухо сказал Витя. — Что он откинулся.

— Иди обрадуй! — хмыкнула надзирательница.

Присев возле батареи, она открыла коробку с конфетами и подвинула на середину стола.

Полчаса назад перед Бельским на столе лежал длинный желтый труп уловника Макарова. На маленькой вытянутой голове — редкие волосы. У него был низкий скошенный лоб, выпирающая нижняя челюсть и оттопыренные уши.

— Вить, я серьезно... — допив чай, сказала она. — Иди скажи им.

— Ага, — он кивнул. — Сама иди.

Палал снег. Одиноко горели желтые фонари. Подняв воротник, Бельский вышел на балкон. Замерзший пруд лежал внизу, окруженный темными деревьями. Дети катались с горы на санках. Доносились их голоса и смех. За забором и черными деревьями с гулом и звонками проехал пустой трамвай. С грохотом в черном небе рассыпались огни салюта.

На берегу замерзшего пруда женщина с мальчиком пробовали толщину льда. Сначала мальчик бил по льду палкой, потом передал матери. Присев на корточку, она тоже ударила сильно несколько раз и бросила палку.

В комнату вошла жена. Подозрительно огляделась и спросила:

— Ты запах не чувствуешь никакой?

Сняв и положив на стол очки, Бельский повел носом, и пожал плечами:

— Нет.

— Неужели это мне опять кажется? И голова опять разболелась... — Она села на диван и приложила ладонь ко лбу. — Знаешь, я подумала. Может быть, я действительно виновата...

Услышав шум в прихожей, она поднялась, и вышла. Таня надевала куртку перед зеркалом, ее подруга застегивала сапоги.

— Уходите?

— Да.

— Тань, только не задерживайся. Мы с тобой как договаривались?

— Ладно.

Пропрощавшись с дочерью, она ушла в спальню. Проводив ее взглядом, Таня тихо сказала:

— Ненавижу их, когда они там.

— Где? — не поняла подруга.

— Там! — неприятно усмехаясь, Таня показала глазами на родительскую спальню.

Подруга молча с недоумением посмотрела на нее. Выйдя из подъезда, Таня спросила:

— Есть сигареты? Сегодня за весь день один раз только покурила.

Пламя зажигалки осветило ее бледное лицо. Шагнув в темноте и оступившись, Таня крепко выругалась. По темному пустому двору они прошли к арке.

— Мать похудеть не смогла...

— И что?

— Не хочет предстать не в форме. Что ты угораешь? Я серьезно. У нее логика такая. Она среди своих подруг должна лучше всех выглядеть.

Они шли по улице. Навстречу им двигалась радостная толпа. Сверкали огни, и играла музыка. Цокая подковами по тротуару, медленно прошел отряд конной милиции.

Сидя в кресле, Бельский смотрел телевизор. Жена поставила тарелки на стол и нервно сказала:

— Что ты об этом думаешь?

— О чем? — не повернувшись, спросил он.

— Например, о том, что я первый раз встречаю Новый год одна. То есть без дочери, без родственников, без друзей...

Он молча встал из кресла, взял со стола тяжелую зеленую бутылку. Раскрутив проволоку, стал осторожно вытягивать пробку. Раздался хлопок.

— Что ты хочешь от меня? Позвала бы кого-нибудь.

— Кого?!

— Я откуда знаю? — он пожал плечами.

Бельский стал наливать шампанское. Схватив бокал, она бросила его на пол. Со звоном разлетелись осколки. Сдерживая себя, Бельский тихо твердо сказал:

— Если тебе так плохо со мной, иди к этому своему любовнику. С ним, наверное, веселее?

— К какому любовнику? — поразилась она.

— Сама знаешь, — сказал он.

Она бросилась в прихожую. Он слышал, что она там рас-

кидывает все, что ей попадается под руку. Через минуту в шубе и сапогах она влетела обратно:

— Да! У меня есть любовник! А у тебя даже любовницы нет!..

Она хлопнула дверью и выскочила из квартиры. Оставшись один, Бельский погладил лоб, задумчиво посмотрел вокруг.

5

Бельский ехал с отцом в пустой электричке. Было раннее утро. Между ними стоял рюкзак и корзина с яблоками. Бельский сидел на свернутом плаще и, опершись локтями на колени, держал в руках книгу. Статный седой старик, его отец, сидел прямо и читал газету. Они вдвоем провели выходные на даче. Отец попросил съездить вместе. Одному ему было уже тяжело.

Сняв очки, старик посмотрел в окно, потом перевел взгляд на сына:

— Интервью с молодым премьером не хочешь почитать? — он протянул газету. — Возможно, будущий преемник.

Бельский загнул уголок страницы и положил книгу. Неохотно взял газету, невнимательно прочитал несколько абзацев. Потом с мягкой улыбкой вернул отцу:

— Я лучше потом почитаю.

Почесав лоб, он снова раскрыл книгу. Отец смотрел на проносившийся пейзаж за окном. Старая усадьба, рощи, поля. Не поворачиваясь, он с грустью произнес:

— А здесь мы были когда-то.

— Я помню.

— Интересно, что тут теперь?

Где-то далеко проворчал гром. На стекле появились капли дождя. Старик вздохнул:

— Я вот думаю в октябре к сестре поехать.

— Это было бы очень хорошо.

По вагону, гоня впереди себя таджика, с тяжелым топотом прошли милиционеры. Бельский снова уткнулся в книгу.

— Ты знаешь, что Бабенко умер?

— Нет, — Бельский чуть повернул к отцу голову.

— На прошлой неделе схоронили.

Бельский положил книгу в корзину. Толкнул ногой выкатившуюся из-под лавки пивную бутылку.

— Он ведь в свое время погорел на чем-то?

— Да, погорел... — хмуро ответил старик. — На юбилее своем. Справил пышно. А потом выяснилось, что на казен-

ные деньги.

— Давно хотел тебя спросить. За что ты его так ненавидел всю жизнь?

— Теперь это не важно.

— Ты ведь при нем поднялся, да?

— Да, — раздраженно согласился отец. — А потом так и сидел.

— Он не пускал?

Старик промолчал. Бельский посмотрел на его огромные руки лежавшие на коленях.

— Или связей не хватило?

— Не хватило.

Потом долго ехали молча. Отец все так же неотрывно смотрел в окно. Когда поезд остановился у пустой платформы, от края которой извилистая тропинка вела в лес, он вдруг задрожавшим голосом сказал:

— Раньше мы здесь, на этой станции сходили. Пока нашу не построили. По парку к дому как хорошо было идти. Мы с твоей матерью очень любили гулять здесь. Особенно весной.

— Да, да. Я помню.

Это была их последняя поездка. Потом отец долго болел, а потом его не стало. Сразу после его смерти продали и старую дачу.

Поезд с грохотом въехал на мост. За окном замелькали скрещивающиеся стальные балки. Под мостом бежала по камням речка. На пригорке возвышалась маленькая разрушенная церковь, окруженная железной оградой.

Прислонившись головой к стеклу, Таня исподлобья смотрела на своего парня, сидевшего напротив. Вытянув длинные ноги и сложив руки на груди, он угрюмо смотрел в окно. Рядом весело кричали и смеялись их друзья. Таня пнула его ногу и попросила:

— Сядь ко мне.

— Если я сяду, ты сразу ляжешь.

Она глотнула из бутылки пиво и обиженно отвернулась. Глубоко вздохнув, он закрыл глаза. Подождав немного, Таня встала:

— Подвинься.

— Что, места мало? — не шелохнувшись, недовольно буркнул он.

Сдвинув пакеты, она с трудом втиснулась и села с ним рядом. Положив голову ему на плечо, стала шептать ему на ухо. Не открывая глаз, он проворчал:

— И где я тебе сейчас возьму?

— Пожалуйста! — капризно попросила она.

— Отстань.

Она с гордым видом села отдельно от всех и стала смотреть в окно. Спусти некоторое время подошла и села рядом подружка. Повернувшись на ее шаги, Таня сказала, показывая на проносящиеся за окном дома дачного поселка:

— У нас тут тоже раньше дача была. Когда я маленькая была, мы сюда постоянно ездили. Потом, когда дед помер, продали.

— Зачем?

— Я откуда знаю? Родители придурки просто.

Поправив и разгладив на коленях юбку, подружка спросила:

— У тебя родители разводятся?

— Ой, пошли они... Мне главное, чтобы они в мою жизнь не лезли.

Потом, вспомнив о чем-то, Таня улыбнулась:

— Хочешь, прикол покажу?

Она раскрыла сумочку и стала что-то искать. Достала фотографии в черном бумажном конверте.

— Фу! Меня сейчас стошнит... — посмотрев, возвращая их, подружка поморщилась. — Они настоящие? Откуда они у тебя?

— У отца взяла.

— Зачем?

— Просто... — улыбнулась Таня и пожала плечами. — У него там еще полно.

6

После смерти отца Бельскому нужно было привести в порядок дачу, чтобы продать. Он выволок из кладовки, словно из небытия, словно ковшом вывернул, истлевший переваренный перегнивший чернозем прежней жизни. Перемешанные спрессованные слипшиеся вещи. Там среди книг, альбомов, фотографий, открыток и писем оказалась и эта его студенческая тетрадь с лекциями.

Старая тетрадь в коричневой матерчатой обложке. Пожелтевшие разлинованные в клеточку листы. Лекции второго курса, начинающиеся с определений простых понятий.

На первой странице мелким торопливым, но разборчивым почерком с множеством сокращений:

«Учение о смерти и трупных явлениях.

Смерть представляет собой необходимое, естественное завершение жизни. Процессы умирания в человеческом организме начинаются до его рождения. Еще у плода можно на-

блюдать изменения в органах и тканях, которые постепенно в течение всей жизни приводят к старению организма и к смерти.

Явл. неизбежным и закономерным завершением жизни, смерть наступает от старости, вследствие наступления физ. предела жизни. Преждевременная смерть происходит от болезней, явл. пока еще наиболее частой причиной смерти. В соц. гос-ве, где все силы общества направлены на улучшение условий труда и быта, преждевременная смерть от болезней будет все время снижаться.

Внезапная и скоропостижная смерть среди внешнего полного здоровья, наступающая в очень короткий промежуток времени, вызывает всегда недоумение и догадки...»

На последней странице среди номеров телефонов, адресов, имен, записей о долгах были переписанные им стихи: *«Похоронят, зароят глубоко, Бедный холмик травой зарастет. И услышу: далеко, высоко...»*

Старая лисья шуба с цигейковым воротником на деревянной вешалке. Выцветший военный китель. Длинное белое платье. Стоптаные туфли. Съеденная молью шапка. Черные резиновые сапоги. Серые хлопчатобумажные кальсоны. Шерстяной пиджак. Серое байковое одеяло с бурыми пятнами.

Подойдя к столу, Бельский поставил чайник. Отогнал рукой мух от тарелки с вареньем.

За окрашенным белой краской окном залиvisto пели птицы. Стоял душный летний полдень. В парке, окружавшем больничные корпуса, было жарко, а здесь среди обложенных кафельной плиткой стен, сумрачно и прохладно.

Низкий кирпичный барак посреди поляны с ромашками и одуванчиками. Поляну окружает березовая роща. Молодые деревья с белыми гладкими стволами и старые, черные у основания, с глубокими трещинами. Их тяжелые ветви с зелеными сережками устало опущены к земле. Над поляной порхают бабочки. Подул ветер, и тихо зашелестели листья. Скрипнула железная калитка.

Сначала Бельский осторожно ощупал голову с влажными и блестящими волосами. Глаза были приоткрыты. Под веками видны были помутневшие роговицы и расширенные зрачки. В полости открытого рта лежал распухший серый язык. Губы и десны были почти прозрачными.

Проведя наружный осмотр, Бельский сделал разрезы, проходящие через свод черепа. Потом отделил их от головы в виде лоскутов. Круговым распилом отделил и снял крышку

черепа. В продольной пазухе темнела кровь. Он осторожно извлек мозг в мягкой тонкой оболочке.

Закончив осмотр, составив акт, Бельский переоделся и вышел. Он сел на деревянных ступенях крыльца. В серых досках с облезлой краской торчали ржавые шляпки гвоздей.

Под покрашенными окнами росла крапива с широкими зубчатыми листьями, покрытыми жгучими волосками. Возле крыльца рос большой куст шиповника, прутья которого украшали венчики белых цветков с пурпурными лепестками.

7

Выйдя из арки, обходя лужи, к остановке подошли мужчина и мальчик. Дул холодный осенний ветер. Земля была усыпана пожелтевшими мокрыми листьями. Поправляя на шею шарф, мужчина крепко держал сына за руку.

Они ждали автобус, и мужчина смотрел на дорогу. А маленький мальчик, опустив голову, смотрел на сидевшую рядом бездомную собаку. Она была голодная и дрожала от холода. Ему было очень жалко ее. Наблюдая за сыном, мужчина медленно перевел на пса тяжелый взгляд. Это был человек бывалый, много переживший. Нахмурившись, он задумчиво посмотрел на собаку, а потом молча отвернулся.

Бельский сидел на лавке и наблюдал за ними. Расстегнув портфель, он достал бутерброд и показал мальчику на собаку. Мальчик протянул к нему руку. Но мужчина, не видя этого, повел его за собой к подъезжавшему автобусу. Бутерброд остался у Бельского в руке. Он хотел бросить его почуявшему колбасу псу. Но услышал сигнал и, повернувшись, увидел оперативную машину, которую он ждал. Ему стало неловко при мысли, что могут увидеть, как он кормит на улице бездомных собак, и спрятал бутерброд в карман пальто.

Бельский сел в машину. Соловьева подвинулась, уступая ему место. Это была уже не прежняя Катя, а опытный следователь. Длинная коса давно была отрезана. От прежней застенчивой девушки следа не осталось.

— А ты что хочешь сказать? Что у вас там в отделе людей не хватает? — смеясь, спорила она с сидевшим впереди лейтенантом. — У вас там столько орлов! Правда, не тех, которые летают.

Прошло полгода с тех пор, как Бельский ушел из семьи и жил один в чужой квартире. Он знал, что и дочь тоже не живет дома. Его отцовские чувства ослабели. Она мало чем отличалась от своей матери. Ничего не осталось от маленького милого существа.

— О чем думаете, Сергей Львович? — насмешливо спросила Соловьева. — Наверное, о том, какая сплошная достоевщина вокруг? Что сто, что двести лет назад. Дома, похожие на застенки. Темные двory. Сырые ямы подвалов. И сколько сейчас Раскольниковых свои топоры точат?

Прохожие шли близко к стенам домов, по краю тротуара потоками стекала вода. В глубине дворов возле гаражей горели костры.

— Скучно с вами, Сергей Львович... — вздохнула она. — Хоть бы рассказали что-нибудь. Как говорится, из практики. Типа «а вот было раз, вскрываю я такого-то...»

Она засмеялась. Обернулся и молча усмехнулся лейтенант. Она толкнула его ладонью в затылок:

— А ты не подслушивай! Мы не с тобой разговариваем. Лучше угости даму сигаретой.

— Вы стихи любите? — спросил Бельский.

— Ой, прочтите что-нибудь! — закуривая, игриво попросила она. — Современные мужчины не умеют ухаживать, стихов не читают.

Убрав с колен портфель, Бельский сухо произнес: «Краток наш век. Тяжек наш труд. Всяк человек будущий труп...»

Они подъехали к дому, возле которого стояли патрульные машины и милицейский автобус. Окна автобуса были прикрыты шторами. Кое-где виднелись прислонившиеся к стеклу спящие лица.

На платной стоянке возле высотного дома на крыше машины лежала укрытая простыней женщина. Простыня местами пропиталась кровавыми пятнами. Под промявшейся от удара крыши потрескались стекла. Из-под простыни торчали посиневшие босые ноги. С наклеенным пластырем на пятках и покрашенными ногтями.

За забором стоянки на детской площадке стояли и сидели на горках и качелях двумя отдельными группами любопытные женщины и дети.

У песочницы на корточках сидела девушка и нервно разговаривала по телефону:

— Я тебе говорю, что она с девятого этажа выбросилась и упала прямо мне на крышу.. Как? Вот так! Об косяк! Приезжай, погляди, если не веришь! Почему со мной постоянно какие-то истории? Ты приезжай и погляди, что она мне с машиной сделала. Не знаю, специально она прицеливалась или нет. Она у меня сейчас тут лежит, никто ее не убирает. Приезжай, сам увидишь.

Она захлопнула мобильный телефон и поднялась, опираясь на бедра юбку. Расстегнув висевшую на плече сумочку,

положила телефон и достала сигареты. Скинула с плеч на спину волосы и закурила.

Хлопнули двери, кликнула и моргнула сигнализация. К воротам стоянки медленно с достоинством прошла пара. Оба маленькие, пузатые, в шуршащих спортивных костюмах. Они лишь на мгновение задержались и пошли дальше. Зажимая под мышкой барсетку, он лениво движением бровей указал жене на укрытое тело:

— На ее месте должна была быть ты!

— Дурак! — смеясь, толкнула она его в спину.

Довольный своей шуткой, он с улыбкой потер нос. Подойдя к подъезду, приставил магнитный ключ к глазку домофона.

Подняв вверх голову, Бельский увидел открытое окно на девятом этаже, из которого развевалась на ветру белая занавеска. Подойдя к Бельскому, Соловьева бодро спросила:

— Видите, Сергей Львович, как теперь из окон выпрыгивают?

— Как выпрыгивают, не видел, — сказал он. — Вижу, как лежат.

— Жалко. Молодая была, симпатичная.

— А если бы была не симпатичная? — мрачно спросил Бельский. — Сколько ей лет?

— Двадцать три. Но она сама виновата... — поправляя развеваемые ветром волосы, Соловьева пояснила: — Она черных пустила на квартиру жить. Они ее, наверное, и выбросили. Она сама-то не здесь, а у матери жила. Пришла бы она сюда специально выброситься? У матери и этаж повыше...

— А наверху вы уже были?

— Нет. Вас жду.

Выйдя из лифта, они прошли в раскрытую квартиру. Там молча стояли или бродили бойцы в черной униформе. В тяжелых доспехах, в масках. Бельский слышал, как у него за спиной кто-то рассказывал Соловьевой:

— Тут все эти черти спали, когда мы зашли. Время 11 часов утра. Внизу подруга валяется. Вокруг толпа народу. Хай так стоит. А тут тишина...

Под ногами поскрипывают паркет и осколки стекла. На полу лежат несколько человек. Лицом в пол, широко раздвинув ноги, со сцепленными за спиной наручниками руками. Все разгромлено и перевернуто. Распахнутые шкафы, разбросанные посуда и белье. На полу валялся разбитый телевизор. Под потолком — разбитая люстра.

— Вы врач? — повернувшись, спросил один из бойцов, глядя на Бельского через узкие прорези в черной маске. — Там есть для вас клиентка. Никого к себе не подпускает. Слышите?

Из дальней комнаты доносился истеричный женский крик. Переступив через лежащего на полу мужчину, Бельский про-

шел по коридору. Посторонившись, его пропустили в комнату, в которой не было никакой мебели.

Девушка сидела, забившись в угол, закутанная в одеяло. Испуганно тараща глаза, сильно дрожала и громко часто дышала. При приближении к ней кого-либо, она начинала кричать. На ее голове клочьями были выдраны волосы. Ее лицо посинело от побоев. На плечах видны были ожоги от окурков.

Дрогнув, Бельский сделал шаг к ней. Она пронзительно завизжала, но резко умолкла и стала вглядываться в его лицо. Скинув одеяло, бросилась ему в ноги с отчаянным криком:

— Папа!..

Опустившись на колени, Бельский осторожно погладил ее по голове. Потом, улыбаясь, вместе с ней медленно тяжело стал валиться на бок.

Голая, с исполосованной шрамами спиной и растрепанными волосами, она страшно выла у него на груди. Раскинув руки, неподвижно лежа на полу, он безмятежно улыбался.

Трупы будущие, стоя возле трупа настоящего, ошеломленно переглядывались через узкие прорезы масок. Смущенно переговариваясь, они выходили из комнаты. От счастливой улыбки, застывшей на его лице, всем было жутко.

В последнее мгновение перед его глазами мелькнуло серьезное детское личико с умными глазками и нахмуренным лобиком.

Он услышал детский голос:

— Спи...

Сласковой строгостью пухлые розовые губки сказали ему:

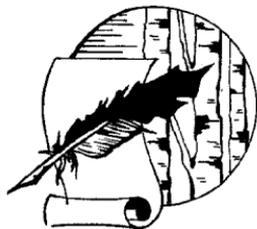
— Спи, папа...

Маленькая теплая детская ладошка легла на его лицо.

— Закрывай глазки...

Он улыбнулся. Стало темно и тихо.

*Материалы рубрики «Писательское братство»
подготовила Марина ПЕРЕЯСЛОВА*

*СТИХИ ПОЭТОВ
РОССИИ*

Антонина СПИРИДОНОВА

ЛЕТО 2010

Нынче выдалось лето жаркое,
Колос не дорос, поле жалкое.
Поле хлебное, а за ним погост,
Древние кресты, травы в полный рост.
Дедам-прадедам поле жалится:
Высохла земля, словно палица...

Хорошо, когда рядышком вода,
В доме есть еда и тепло всегда.
Соберешь семью за одним столом,
Молодеешь сам, молодеет дом.
От него к земле корни тянутся.
Если дом стоит, Русь останется.

Но пришла беда и оброк взяла,
Все село кругом — черная зола...
Испекла беда каравай ржаной,
Замесила хлеб на крови живой...
Не сгорел хором губернатора,
В крае главного демократора...

Уцелел дворец на пожарище,
Был приказ — тушить всем товарищам.
Поглотит огонь дачу царскую,
С кресел полетят зады барские...
Вся страна горит, до Кремля дымит.
Ядовитый смог над Москвой висит.

Под державною мы заботою,
Круглосуточно морг работает...
Защити живых, Богородица,
«Ниспошли нам дождь», — церковь молится.
Обещает царь выдачу рублей,
И дома к зиме, и приход дождей...

Даже нового губернатора
Вместо старого вороватого.
Царь посулами не откупится.
За простой народ Бог заступится.
Упадет зерно в землю влажную...
Не простит народ власть продажную!

Московская обл.

Юрий ЕЛИСЕЕВ

* * *

Все кладбище усыпано листвою.
И крик ворон
Срывается с крестов.
И падает озябшею слезою
Вода
С провисших в стоне проводов.
И там,
В углу ограды,
Где весною
Не тает снег апрельскою порой,
Сидит старушка,
Слившись с тишиною,
Наедине с последнею бедой.
Чуть вздрагивают
Худенькие плечи,
Глаза пусты,
Как высохший исток...
И тонкие березки,
Словно свечи,
Закатный луч
Над кладбищем зажег.

Тульская обл.

Сергей ПАНФЕРОВ

ФОНТАНКА

Над Фонтанкой чаек стая.
Меж гранита плеск волны.
Лед давно уже растаял
В этом царстве старины.

Здесь ограды и колонны.
Здесь горбатые мосты,
Разъяренные Горгоны,
Православные кресты.

Здесь смещение погоды.
Здесь смещение эпох.
Здесь дворцов помпезных своды
И блокады тяжкий вздох...

г. Рязань

Леонид ЧЕКАЛКИН

БЕЗМОЛВИЕ

Стояла мертвою вода,
Листва почти не шевелилась.
Наверно, с кем-нибудь беда —
Незримая — в тот час случилась.

Застыли в небе облака,
И тишина пришла такая,
Что слышу я издалека
Что говорит глухонемая.

ПАМЯТЬ

Деревни нет давно,
А дедов дом — стоит.
И в доме том — черно,
Там тишина молчит.

И нет следов родни —
Их не найти нигде.
Сгоревшие огни
Уплыли по воде.
Молчит за Вяткой лес,
Все тропы — заросли.
Старанием небес
Нам не спасти земли.
Лишь яркая свеча
Над облаком парит,
А дом из кирпича,
Что строил дед, — стоит.

г. Москва

Валерий ХЛЫСТОВ

* * *

Какое счастье ночью поздней
У речки, за родным селом,
У костерка глядеть на звезды,
Не думать больше ни о чем.

Ночной покой. Лишь лай собачий
Порой раздастся на посту,
Да пламя языком горячим
На ошупь лижет темноту.

За речкою петух полночный
Отправит звездам свой привет,
И строчкой телеграммы срочной —
В ответ звезды упавший след.

Свет звездный, тихий, исповедный —
Небес беззвучные уста.
В них растворяются бесследно
Обида, зависть, суета.

И ошутит внезапно вечность
Многострадальная душа,
И кажется — пьешь бесконечность
Взахлеб из звездного ковша.

г. Рязань

Николай КАПИТАНОВ

* * *

Постучусь, как зябнущая птица,
от волнения не чуя сил.
Выйдет по скрипучим половицам
женщина, которую любил.

Кротко оглядит меня и скажет,
узелок на шали тербя:
«Я тебя не вспоминала даже.
Слишком долго не было тебя.

И любовь свою не окликала
сквозь туманы белые вдали.
Раньше о тебе тайком вздыхала.
Но прошли года, как корабли».

А потом — недужное молчанье.
На исходе северного дня —
ласково коснется на прощанье
пальцами дрожащими меня.

И пойду неспешно по равнине,
наугад в вечерний снегопад —
одинокий, брошенный отныне.
И она не позовет назад.

Оглянусь на свет знакомой хаты,
ощущая жжение в груди.
И не скажет женщина: «Куда ты?
Вон какая темень впереди».

г. Тверь

ДВА РАССКАЗА

СУХОВЕЙ

С этим художником Владимир Краснов познакомился в Крыму, где успел пробыть две недели, не уставая радоваться курортной жизни Нового Света. Владимир в эти дни готовился к празднику Нептуна, на котором должен был играть одну из ролей, и заглянул в Зимний клуб пансионата, разыскивая художественную руководительницу. Ее он не нашел, зато заинтересовался в вестибюле второго этажа недавно выставленными картинами, иногда, как он заметил, лениво рассматриваемыми отдыхающими после ужина. Правда, все картины оказались под стать окружающей романтической природе и не очень-то удивляли в царстве гор и близкого моря. Только одна, будто случайно оказавшаяся здесь, привлекла внимание. Это был натюрморт, закрепленный на теневой стороне дальней колонны: сухие цветы в стеклянной вазе синего стекла. Тяжелая, литая, она подчеркивала иссушенную невесомость некогда пышных цветов, словно попавших под беспощадный суховец в самом буйном цветении, — и не цветов даже, а удивительно пушистых южных созданий, и после внезапно-го увядания не растерявших былой красоты, лишь слегка, казалось, поблекших. Такими их и запечатлел художник, словно напоминание о

ПРОЗА

чем-то важном. В этот момент Краснову подумалось, что у каждого человека есть свои воспоминания о пережитой любви, о потерянном в жизни... Да мало ли еще о чем?!

Работая на заводе инженером, Владимир всегда стремился к тому, чего не получил и не мог получить в техническом институте. Поэтому каждое соприкосновение с творчеством всегда наполняло радостью, особенно, когда удавалось познакомиться и поговорить с одаренным человеком. Тогда душа Краснова заполнялась приятной сопричастностью к волшебному миру, а знакомство заставляло по-настоящему всколыхнуть в себе тягу к прекрасному и какое-то время жить ею. Вот и в этот раз судьба неожиданно наградила новым знакомством, когда в Зимнем клубе он услышал мужской голос, на мгновение отвлекший от картин. Оглянувшись, Владимир увидел невысокого худошавого мужчину с интеллигентной седой бородкой, слегка неровной.

— Понравилась «Цветы воспоминаний»? — поинтересовался он таким тоном, словно заранее знал, что натюрморт не мог не понравиться, и оценивающе посмотрел снизу вверх на высокого Краснова.

— А вы кто? — почему-то спросил Владимир вместо ответа.

— Автор этого натюрморта, зовут меня Аркадий Теофилович... А у вас хороший вкус, молодой человек!

Сказав «спасибо» и назвав себя, Краснов, не зная, как поддержать разговор, продолжал рассматривать картину.

— Если у вас появилось желание приобрести ее, то могу уступить за четыреста долларов, по каталогу же ее цена пятьсот! — напомнил о себе художник. — Так что, на вашем месте, я и капли не сомневался бы. Тем более что возвращаться с курорта с картиной стало модно.

Посчитав стоимость картины слишком высокой, Краснов остерегся поспешно стать обладателем «Цветов», даже не стал ничего обещать:

— Понимаете, не располагаю сейчас такой суммой... Отпуск ведь заканчивается...

Аркадий Теофилович словно ожидал подобного отказа и поспешно предложил:

— Как вам будет угодно. Этот натюрморт можете приобрести и по моему возвращению в Москву, если вы, конечно, из этого города. Только придется подождать до октября. Это вас устроит?

— Вполне! — согласился Краснов, попытавшись поскорее выкрутиться из создавшегося положения, обнаружив за лестью и назойливостью художника безудержное желание продать картину.

Но тот не отпуская.

— Вообще-то в таких случаях полагается взять залог, но я вам доверяю, и поэтому снимаю с продажи натюрморт! — Он по-отечески похлопал по плечу Краснова.

Это окончательно насторожило Владимира. Ведь известно: чем настойчивее предлагают что-то купить, тем осторожнее надо вести себя и не очаровываться сладкими речами. Зная об этом, Краснов не захотел поддаться минутным эмоциям, к тому же ему в этот момент показалось, что за несколько месяцев он успеет проверить себя и убедиться: действительно ли нужен натюрморт или это очередная блажь, какие иногда случаются с ним под чьим-то настойчивым влиянием?! Наобещает бог знает что, а потом ругает себя и бесцельно тратит время и деньги, спасая честь. Расстались они все-таки дружески, договорившись связаться осенью, когда можно будет конкретно поговорить о приобретении картины.

По возвращении из отпуска октябрь подошел незаметно. Надо было звонить, но Краснов не отваживался. И не деньги являлись главным препятствием. К этому времени Владимира перестали волновать, должно быть, придуманные художником цветы, уничтоженные беспощадным суховеем. Они удивляли своим контрастом в Крыму, среди буйства жизни и красок, где даже обычный известняк блестит яркими минералами, но когда за окном поздняя московская осень, то совсем не хочется думать о мертвых цветах, если в природе, куда ни глянь, и так все умерло. «Но ты же обещал! — укорял он себя и успокаивал: — Конечно, если обещал, значит, позвоню, куплю, только чуть позже!» Об этом и решил сказать художнику. Пока собирался, он сам позвонил, напомнил о договоренности. А Краснов в очередной раз пообещал, что в скором времени непременно нагрянет за картиной, но опять не сдержал обещания.

Незаметно пришла зима, Краснов отправился в командировку, а возвратился через три недели. И сразу был поставлен в известность матерью:

— Тебе какой-то художник неоднократно звонил, фамилию, правда, забыла.

— Спасибо! Догадываюсь, о ком речь. Сегодня же свяжусь с ним.

Владимир позвонил более из-за матери и услышал, что Аркадий Теофилович снизил цену картины еще на сто долларов. Это сперва обрадовало, но все равно что-то не позволяло окончательно согласиться, и Краснов еще раз пообещал подумать. Думал долго, почти месяц, и звонить не спешил: душа не лежала к художнику и его «Цветам».

А как-то, проходя мимо художественного салона, Владимир заглянул в него посмотреть новые картины. Здесь он

иногда говорил с продавцами, а, если повезет, то и знакомился с кем-нибудь из художников, иногда даже покупал картины. К этому времени он почти забыл «Цветы воспоминаний», а теперь — надо же такому случиться! — сразу же всколыхнулся, увидев знакомый натюрморт. Душа обрадовалась ему, как старому знакомому. Вспомнилось море, яркое солнце и синее небо. Вспомнилось, как они готовились к празднику Нептуна — сколько тогда было веселья, необузданной радости среди молодежи, к которой тридцатилетний холостяк Краснов легко причислил себя. Вспомнился и Аркадий Теофилович. Невысокий, по-юношески худенький, на вид немного уставший, он поднимается с женой от моря. У фонтана остановился, чтобы полюбоваться им, а скорее — отдышаться, и его седая шевелюра под натиском дневного бриза вздыбилась, подобно сухим цветам, в кустистую поросль...

Вспомнив обещания художнику, Краснов застыдил сам себя, подумал: «Ждал он, ждал — и не дождался, выставил натюрморт на продажу. Но не все потеряно. Теперь эта картина моя!» Он еще раз прочитал фамилию автора и название натюрморта, словно не верил глазам своим: «А. Суховой. Цветы воспоминаний».

Но как только Краснов уточнил у продавца цену, оказавшуюся вчетверо ниже той, о какой он летом договаривался с художником, то в душе Владимира все перевернулось, а более всего — отношение к этому человеку. Сразу пришла другая мысль, нестерпимо обидная, хотя, может, кто-то и радовался бы на месте Краснова столь ловкому и удачному повороту, словно он изначально задумывал выждать время. Но Владимиру было не до радости, когда стало ясно, что Суховой неоднократно поступал нечестно, жульничал, всякий раз назначая завышенную цену. Он, грубо говоря, пытался обмануть, как льстивый и лживый базарный торговец! Но ведь всему есть предел. И то, что можно бы простить грубому торговцу, Краснов не смог простить творческому человеку.

Страдая от горестных переживаний, Владимир поспешно вышел из салона, решив никогда более не звонить Суховой.

ЧЕРНЫЙ ЛЕС

С утра Дмитрий Алексеевич Апенкин ждал обещанного накануне звонка, а пока его не было, помаленьку собирался, чтобы, когда позвонят и сообщат конкретный час встречи, быть готовым к выезду. Хотя и ехать-то недалеко — полчаса на трамвае, но все равно не хотелось опаздывать и, не дай Бог, заставлять ребят ждать. Он и прежде-то, когда работал с ними, все-

гда отличался пунктуальностью, за что его иногда называли немцем. Называли шутливо, потому все были моложе его и современнее. Особенно в знании компьютера. Ведь в то время, когда он учился в институте, и слыхом не слыхивали о них, а электронно-вычислительные машины того времени занимали отдельные комнаты. Когда же началась эра современных машин, Дмитрию Алексеевичу пришлось догонять в знаниях молодежь, учившуюся как раз в то время, когда компьютеры стали привычными. Он исправно посещал компьютерные курсы, освоил азы, а глубоко, конечно, копнуть не мог, да на курсах и не учили этому. Так что для него заглянуть в глубь «шайтан-машин», как он называл компьютеры, все равно, что забраться в темный лес без провожатого — обязательно заблудишься. Понятно, что приходилось постоянно обращаться к сотрудникам, особенно, когда происходил сбой. Они помогали, но всегда делали это усмешливо, словно намекали на отсталость его самого и того времени, в какое он учился. А он особенно и не распротранялся, что когда-то работал главным инженером солидного производства, на котором вполне обходились без компьютеров. И эти мальчишки, которые теперь посмеивались над ним, прежде стояли бы на задних лапках и ловили бы каждое его слово.

Конечно, Апенкин понимал, что прогресс не остановить, и всеобщая компьютеризация неизбежна, но уж больно все делается наперекосьяк, спешно, когда профессиональное развитие иных работников не поспевает за развитием техники. «А может, так и должно быть? — задавался вопросом Дмитрий Алексеевич. — Кто-то в этой гонке ведь должен отставать?!» Вот он сам — явный отстающий, даже отставший. Время опередило его. Он это понимал и внутренне соглашался. Впрочем, его, теперешнего пенсионера, не особенно это и расстраивало. Как говорится, всему свое время. И он благодарен коллегам по последней работе, где руководили дети его бывших учеников и куда приняли благодаря их протекции. И вот пригласили отметить юбилей одного из сотрудников! Разве не лестно? Очень даже лестно! Значит, молодежь не совсем уж испортилась, сохранила преемственность: и в работе, и в воспитании.

Еще накануне виновник предстоящего торжества Вадим обещал позвонить и лично пригласить. Польщенный таким вниманием, Дмитрий Алексеевич запасся бутылочкой коньяка, чтобы не прийти в отдел с пустыми руками, придумал небольшую речь, которую скажет по такому случаю. Тем более что с виновником всегда водились дружеские отношения: иногда по пиву ударяли, иногда коньячком баловались. Все бывало.

Приготовив костюм, показавшийся неожиданно просторным (уж не из-за отсутствия ли работы сохнет хозяин?!), Апенкин начал поглядывать на часы, потому что до окончания рабочего дня оставалось все меньше времени, а никто не звонил. Звонить кому-то другому Апенкин не стал бы, но Вадиму решил все-таки звякнуть. Трубку взял начальник отдела Борис Владимирович и сказал, что Вадим куда-то отошел, а он, начальник, тоже срочно уходит, потому что должен отлучиться по неотложному делу. И ни слова о дне рождения. Эта спешка, недосказанность и явное нежелание что-то объяснить показались Апенкину обидными. Получалось, что от него отделялись, водили за нос, видимо, не особенно-то и желая его присутствия на торжестве. Отдел их небольшой, все собирались за общим столом и мило, уважительно отмечали праздники и дни рождения. Всегда казалось, что именно такие дни сплачивают коллектив, особенно мужской. Теперь, видимо, что-то случилось такое, что мешает быть вместе. А что? Понять нетрудно. Видно, его возраст, статус пенсионера отпугивает. Наверное, ребята все-таки правы, хотя зачем тогда заранее говорить об этом, какие-то строить планы. Не проще ли промолчать и не трепать языком. «Ну что же: пусть будет по-вашему! — решил Дмитрий Алексеевич и убрал приготовленный костюм в шкаф. — Нет, так нет! Навязываться не собираюсь!»

— Вот и хорошо! — сразу обрадовалась жена. — Дома спокойнее, чем куда-то ехать на ночь глядя! Пошли пить чай.

С легкой душой они отправились на кухню, но телефонный звонок вернул Апенкина в комнату. Звонил Вадим.

— Приветствую вас, Дмитрий Алексеевич! Борис Владимирович сказал, что вы звонили. Что ж, вовремя. Спешу сообщить, что через час ждем вас на Соколе у ресторана... — Вадим произнес иностранное название, но Апенкин не понял, какое именно. — Место, думаю, вам известно! Так что не опаздывайте!

— Постараюсь... — пообещал Апенкин и положил трубку.

Дмитрий Алексеевич начал вспоминать название ресторана, но вспомнить не мог, только вертелось какое-то «свинское» название, начинавшееся на «Швайн», и что-то про лес. «Свиной лес», что ли? Но не может такое «благозвучное» название носить ресторан. «Ладно, на месте разберемся!» — решил Дмитрий Алексеевич и сразу начал одеваться, не желая опаздывать. Одевшись, прихватив коньячок и денег на тот случай, если придется устраивать складчину, торопливо чмокнул жену, поспешно вышел из дому и чуть ли не бегом отправился к трамваю.

В трамвае успокоился и еще раз вспомнил ожидание, разговоры по телефону и вдруг понял, что сегодня его бывшие коллеги хотели от него отделаться, считая его теперь чужим

человеком. Эта мысль сперва огорчила, а потом он начал ругать себя за поспешность, с какой сделал это открытие. Это, конечно же, не так. Ведь Вадим сам же позвонил и пригласил! Хотя стоп! Ведь позвонил-то после его разговора с начальником, а Борис Владимирович ловко врал, что, мол, куда-то срочно отбывает... И тогда Апенкин все понял. «Мало того, что они не могли договориться меж собой и дудеть в одну дуду, но зачем-то начали ловчить, изворачиваться. Словно он, Апенкин Дмитрий Алексеевич, уважающий себя человек, напросился с ними в ресторан, где его и видеть-то особенно не хотят. Он теперь для них персона нон грата! Молодцы! Пусть будет по-вашему!» — придумал он ответный ход, не желая поддаваться их несимпатичному поведению.

Эта мысль пришла к нему, когда трамвай катил Покрово-Стрешневским парком — густым, заросшим, почти диким, превратившимся в сплошной черный лес, казавшийся особенно черным в ранних сумерках, хотя в конце сентября они и без того ранние. Но это его не пугало. Апенкин вышел на следующей же остановке, решив окончательно и бесповоротно избавить бывших коллег от своего присутствия. Но и домой не хотелось, хотя знал, что жена только рада будет его возвращению. Но к ней он успеет, а сейчас захотелось побыть одному, поразмышлять о том, что случилось. Хотя нет — никаких мыслей, лишь бы поскорее забыть сегодняшние сборы и волнения, хоть как-то отвлечься.

На первой же скамеечке Дмитрий Алексеевич присел, облокотился о спинку и достал из бокового кармана плоскую бутылочку коньяка, с превеликим удовольствием сделал глоточек и обрадовался, что нечем закусить. Захотелось в этот момент, чтобы коньяк обжег, растекся по жилам, и вообще он спешил в этот момент захмелеть, расслабиться. И это произошло. Ему показалось, что в парке сейчас намного уютнее, чем в дымном и прокуренном ресторане. А самое главное — здесь не надо смотреть в глаза людям, которые были неискренни с ним, вели себя неуважительно. Да и ресторан-то какой-нибудь дрянной, типа забегаловки с засаленными грубыми столами. Да и какой приличный ресторан будет сравнивать себя с кабанами? Никакой!

В какой-то момент Дмитрий Алексеевич все-таки вспомнил, что Вадим упоминал в разговоре темный баварский лес. Допив коньяк и приведя мысли в порядок, Апенкин вернулся домой, заглянул в компьютер и нашел выражение «Schwarzwald»... Конечно же: именно так и ресторан называется! А переводится выражение просто: «Черный лес». Молодец, Вадим, предупредил!

БУЗУЛУКСКАЯ ИСТОРИЯ

Лет тридцать тому, как впервые оказался я в знаменитом Бузулукском бору и, охмеленный красотой, ринулся в корабельные рощи его, в таинственные дубравы.

— Не спешите, а то заблудитесь... без проводника, — остановил меня старейший лесник Андрей Федорович Ветров. — Лес наш за неделю не обойти: девяносто верст в длину и более сорока в ширину. А вокруг его степя да степя. А он посреди них — зеленый остров...

Из литературы я знал об этом удивительном парадоксе: откуда вдруг посреди ровной, как аэродром, знойной оренбургской степи вымахнул этот остров — «великолепное лесное царство на родине сусликов и ковылей»?

И вот оно... Медноствольные высоченные мачтовые сосны вперемежку с редкими березами и ширококронными дубами сливаются в бескрайнее иссиня-зеленое приволье, издающее бальзамический запах хвои... Где-то здесь, в глухих чащобах скрывались мятежные отряды Пугачева, беглые каторжники с уральских рудников и заводов. Неспешным шагом исходил многие его просеки и песчаные тропы Лев Толстой, самолично посадив здесь более сорока дубов, чье дыхание и поныне живет, витает над штыкастыми вершинами бора. Гигантским, в сто тысяч гектаров, зеленым щитом встал он на

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

пути злочих казахстанских суховеев, заслонив собою десятки земледельческих хозяйств Оренбуржья, почти на треть повышая урожаи их хлебных нив.

Бор уникален не только фауной и флорой, редчайшими видами деревьев и растений, занесенных в федеральную Красную книгу, но и сказочной выносливостью, выживаемостью, неустанной борьбой за свое здоровье: в лихие времена, когда лесным богатством страны распоряжались чиновники леспромпхозов, когда на всякий лес смотрели прежде всего как на древесину, стройматериал, Бузулукский бор выстоял, более сохранился в сравнении с другими лесами нашего неугомонно перестраивающегося отечества.

Выдержал он и особо страшный удар в шестидесятые годы XX века...

— Нефтяники тогда к нам нагрянули. Нефть под бором нашли. И что началось! — разоренно басил Ветров. — Давай дороги мостить, деревья рубить, корчевать, траншеи под трубы копать, скважины бурить, бетонировать. Тут и там пожары взорвались... Кинулись мы лес спасать. Да не вдруг-то. Кругом высокое начальство, ученые, специалисты — свое гнут: ничего вашему бору не станет, если нефть аккуратненько добывать. Это как аккуратненько, скажите на милость?.. Фронтвик я, но оробел. Техники нагнали — жуть! Вроде как перед штурмом Берлина.

Да, чудовищно силен, вооруженный машинами современный человек.

И зависла над бором угроза неминуемой, по чьему-то недогляду и недоразумению поспешно спланированной гибели.

— Какие драки шумели! — воспоминательно делился Ветров, обретя во мне понимающего слушателя. — До правительства дело дошло... Нашлись все ж умные люди, вступились за общую справедливость. Потому как только полный дурак в лесу заповедном нефтепромыслы ладит. Это ж равно порох и спички рядом держать... Отступили нефтяники. Надолго ли...

Тяжело, нехотя отступали, оставляя незавершенные дела свои. Более двухсот скважин успели пробурить, десятки километров коммуникаций по лесу проложить и уж начали нефть качать. А нефть-то высококачественной оказалась и залежала неглубоко. Ох нелегко было нефтедобытчикам от такого лакомого куса отказаться... Да они и не отказывались, просто под давлением прессы, ученых-экологов и общественности отступили на-пока, упрямо заявляя: скважины мы законсервировали, но рано или поздно нефть брать все-таки придется...

Это зловещее пророчество их с годами стало подкрепляться складывающимися обстоятельствами. Бетон в некоторых законсервированных скважинах начал по сейсмическим причинам (колебания почвы) трескаться. Металлические трубы подвергались коррозии, герметичность скважин нарушалась, нефть под давлением в 350 атмосфер могла вырваться наружу... Имея эти

грозные обоснования, высокопоставленные нефтяные чиновники снова ринулись в атаку: бор срочно нужно-де избавить от нефти, а потом уж браться за оздоровление его.

— Если будет что оздоравливать, если после «творчества» нефтяников бор останется в живых, в чем я очень сомневаюсь, — заявил на одном природоохранном симпозиуме оренбургский ученый, доктор географических наук, член-корреспондент Российской Академии наук Александр Александрович Чибилёв.

Надо было аргументированно убедить ретивых нефтедобытчиков в том, что затея их авантюрна, пагубна. «Где вы собираетесь брать воду для закачки в недра? — увещевал ученый. — Через бор протекает всего одна мелководная речушка. То есть воды здесь нет и осадков мизер. Если же в нарушение технологии вы ничем не будете заполнять пустоши, то заполнение начнется само собой... за счет грунтовых вод. Уровень их понизится, что повлечет необратимое усыхание корней деревьев, повсеместное разрушение плодородного слоя...

Приводил Чибилёв и такой аргумент: Бузулукский бор оказывает благодатнейшее воздействие на сухой резко-континентальный климат Южного Урала, на зоны рискованного земледелия Оренбуржья, где за год выпадает всего около 400 мм осадков, в близлежащих же к бору районах на 200—230 мм — больше. Соответственно и урожайность зерновых хозяйств там намного выше.

В стране меж тем воцарялась стихия рынка, в сознание людей спешно внедрялись новые нормативы бытия, психология напористого прогматизма, алчные призывы: «Бери от жизни все!», «Лови шанс!», «Обогащайтесь здесь и сейчас!»... Бузулукский бор сразу же привлек гончий взор новорусских деловых людей. Своему вторжению в него они опять нашли идеологическое и хозяйственное обоснование. Было это в канун жатвы 1998 года, горячего для хлебоуборочной техники оренбуржцам не хватало, а нефтекомпания «ОНАКО» отпускала его за очень большие деньги.

«У нас есть своя нефть, свое нефтеперерабатывающее производство, а мы церемонимся, лирические слюни распускаем: «Ах, лес, цветочки, красота!». Телегу впереди лошади ставим. О создании национального парка печемся, но сперва бор нужно от нефти освободить! — убеждал в областной газете один из соискателей лицензии на пользование недрами бора.

На узких, как тоннели, дорогах бора, ведущих к законсервированным скважинам, появились и торопливо, хищно засновали зеленые автофургоны «Оренбурггеологии», респектабельные иномарки... В это время доктор-географ А.А. Чибилёв направляет чиновникам федеральной службы лесного хозяйства аванпроект организации национального парка «Бузулукский бор», давно составленный им в соавторстве с известным лесоводом-краеведом Я.Н. Даркшевичем. Только придание бору природо-

охранного статуса, доказывали авторы проекта, может оградить, спасти его от посягательства энергичных временщиков. В верхах проект одобрили, но никаких конкретных мер для его осуществления не приняли, сославшись на отсутствие средств.

Уроженка Бузулука, журналистка-патриотка Наталья Кожевникова писала в те дни: «Бузулукский бор — уникальнейший памятник природы, жемчужина Южного Урала — в смертельной опасности. Столкнулись вокруг него интересы лесоводов и нефтяников, ученых и новых богачей, подвижников и бюрократов... Господи, пошли им благоразумие!»

Новый оренбургский губернатор А.А. Чернышев, понимая, как остро землепашцы области нуждаются в горюче-смазочных материалах, не спешил, однако, поддерживать нефтепромышленников.

— Перебои с горючим вызваны накладками в нынешней нестабильной экономике, — рассуждал Алексей Андреевич. — Но если мы пойдем на поводу временных трудностей и угробим тысячулетний бор, простят ли нас потомки?

Вторя губернатору, А.А. Чибилёв предлагал объявить месторождение нефти в Бузулукском бору стратегическим запасом России на сто лет.

С доводами оренбуржцев не торопились соглашаться землепользователи соседней Самарской области и предприниматели из Московского концерна «Юнит Ойл», которым принадлежала часть территории Бузулукского бора, та, что выходила за границы Оренбургской области. И опять — симпозиумы, дискуссии... Известные оренбургские ученые, доктора сельскохозяйственных наук Клементьев Александр Ильич, Зелепухин Александр Григорьевич, Юдичев Евгений Николаевич последовательно, взвешенно, а подчас с возмущенным изумлением выступали против возвращения нефтяников в бор. Ведь даже в годы войны, когда ради победы над грозным врагом Родина не жалела, не щадила никаких непрекосновенных богатств и запасов своих, Бузулукский бор оставался неприкасаемым. В 1944 году сюда была направлена научно-исследовательская экспедиция, по итогам которой вскоре вышло постановление правительства СССР, подписанное И.В. Сталиным «О мерах по улучшению лесного хозяйства в лесном массиве «Бузулукский бор». Оно определяло конкретные задачи сохранения, восстановления бора с полным запрещением рубок промышленного значения. Объявляло бор заповедным.

Но говорят же: мол, ничто так не ослабляет силу закона, как его неисполнение. Для геологоразведчиков и нефтяников собственные интересы были превыше всего.

Сыр-бор разгорался... Руководитель Управления Росприроднадзора по Самарской области Владимир Довбыш обратился к руководителям всех уровней власти с призывом принять безотлагательные меры против назревающей агрессии нефтяников.

Осенью 2006 года состоялось заседание профильных комитетов Законодательного собрания Оренбургской области и Самарской губернской Думы. Свое решение депутаты и законодатели направили в Правительство РФ.

После неоднократных письменных обращений в Министерство природных ресурсов России оренбургский губернатор Алексей Чернышев добивается предметного разговора с министром Ю.Т. Трутневым. Реакцией на эти настойчивые действия природоохранителей можно считать приезд в Оренбург заместителя министра Анатолия Темкина.

Вскоре после его плодотворного визита оренбуржцы получили обнадеживающий документ «Техническое задание на разработку эколого-экономического обоснования организации национального парка «Бузулукский бор». Задание было выполнено досрочно, и в канун 2008 года решением Правительства РФ парк этот наконец-то был создан. Тридцать лет борьбы и вот — победа!

Победа, однако, не вызвала особого ликования, как ни странно, у самих лесоводов бора. Придание ему нового статуса осложнило им работу, привычные способы хозяйствования. К примеру, раньше управление лесами «Бузулукский бор» рабочие планы выполняло в основном за счет рубки 70—80-летнего кругляка «золотой сосны» и старовозрастных матерых деревьев. Мелкотоварной древесиной интересовалось в последнюю очередь. Новый статус определил иные цели и задачи. Но осуществлять их непросто: федеральная власть держит бор на скудном пайке...

— Мой сын, Юрий, с отличием окончил лесной институт, приехал сюда, в родной бор, но работать ему негде. Вакансия есть, говорят, но платить нечем. Женат, двое детей, — рассказывал мне Владимир Васильевич Архипов, более двадцати лет отслужил он лесником, теперь на пенсии, но работает водителем. Надо же кормить детей и внуков.

На старенькой «Ниве» он повез меня в глубь бора. Шеренги гладкоствольных сосен сопровождали нас с обеих сторон. Выехав на отлогий косогор, дорога завалила вниз, в сумрачную чащобу и вдруг уперлась в нагромождение из валявшихся старых замшелых сосен. И далее путь наш раза три преграждали подобные завалы, вынуждая пятиться, выруливать в поисках объезда.

— А если пожар? Сюда же никакая машина не пройдет, — озабочился я.

— Не пройдет, — согласился бывалый лесник.

— А на что надежда? На вертолеты?

— Нету у нас вертолетов. И не было, — с тусклой улыбкой ответил Архипов. — Сейчас здесь не делается даже то, что мы, лесники, умели когда-то, старались... Эх-ма. Лесник — это ведь не сторож, а лес — не склад ценностей, повесил замок — и ушел. Тут все живое, в движении — и деревья, и вода, и птицы, и звери, и люди... Днем и ночью идут, едут — охотники, грибники,

ягодники. Со всеми умей поладить, чтобы не боялись тебя, а уважали... К тому и стремились. Теперь лесник — что ? Прав и обязанностей много у него, но что они, если бор ныне плохо защищен ? Вхож в него всяк, кому не лень...

Впереди, поперек дороги, вповал улеглись сухие, с зеленовато-коричневыми, будто в ржавчине, мертвыми ветвями сосны. Опять завал ?

— Таких захламлений мы старались не допускать. Очистку леса спецбригады вели. Теперь они сокращены. Денег нет. Отсюда и запущенность, — виноватился Архипов.

— Но древний бор — не скверик, не парк городской рукотворный, где насаждения непременно должны быть ухожены, подстрижены, побелены, — мягко возразил я. — Бор создан природой, и для его сбережения нужно всемерно поддерживать *естественные механизмы* экологического равновесия в нем, для чего, как предлагают ученые, оставить, выделить в тысячектартном лесном массиве заповедное ядро — крупную зону покоя, где вмешательство человека свести бы к минимуму.

— Некоторым лесным объектам неприкосновенность, возможно, и не повредит, но... запущенность, дремучесть никакой лес, согласитесь, не украсят, — заявил Архипов.

Я промолчал, не желая комментировать, умалять его хорошую в общем-то привычку к порядку и аккуратности.

Чуть погодя мы остановились у потаенного родничка. Он прятался в густой диковатой уреме из орешника, опутанного колючими петлями ежевики и гирляндами хмеля.

— Ох и вкусна водица! — напившись, сердечно и как бы рекламно восхитился Архипов. — А ведь глушь, дебри нехоженые, но хорошо... Воздух какой!

— Ну вот... дремучесть и запущенность, оказывается, не так уж неприглядны в таком бору, — в тон нашему благостному настрою сказал я и вспомнил недавнюю беседу с Александром Чибилёвым.

По его мнению, именно глухие, уремные места, старовозрастные, поросшие мохом долголетия сосны-вековухи, березы, «дубы-колдуны» и те, что стоят, и те, что отжили свое и пали, став обиталищем для чаговых копытцев и опять, шуршащая, пружинистая, спрессованная из хвои, листьев, древесного праха, пахнувшая грибной сыростью и прелью лесная твердь, — все это создает животворящую флору, тот уникальный воздух, который спасительно нужен планете, который не могут дать, произвести замечательные наши рафинированные рощи и аллеи, чья роль зачастую эстетико-декоративная. Старовозрастный «спелый», «перестойный» лес на корню имеет несравненно большую эколого-экономическую ценность, чем этот же лес в дровах и древесине. Старовозрастной лес может служить людям многие столетия, поставляя высококачественный целебный воздух, улущая климат, повышая урожайность полей.

— Экономике бора нельзя оценивать лишь кубами крупнокалиберного кругляка. Это примитивный способ: скорая, сиюминутная прибыль обернется невосполнимыми убытками и потерями, — уверяет А.А. Чибилёв.

— Совершенно верно, — соглашается заместитель директора Национального парка «Бузулукский бор» Валентин Евгеньевич Баранкин. — И первая задача сегодня — изменить психологию людей. Мы создали программу экологического просвещения наших работников и населения. Просвещаем словом и делом. Сделаны десятки столов, скамеек, табличек, панно, указателей, оборудованы противопожарные щиты, спецплощадки для мусора, для парковок автомобилей, для костров. Все эти обновления потребовали больших денег. А их — мизер.

Помолчав, Баранкин добавил озабоченно:

— Материализованное внимание нужно и ученым-экологам, ботаникам, зоологам нашей Боровой научно-опытной станции. Бездействует она уже многие годы. Летом мы создали научно-технический совет, куда вошли не только оренбургские ученые. Возглавил его наш директор Анатолий Алексеевич Карханин. На первом же заседании выработали программу-регламент действий. Документ послан в Москву, ждем утверждения, помощи...

Много хороших задумок у бузулукских лесоводов. «С деньгами повольней бы, тогда мы...» — мечтательно вздыхают они, но уклончиво говорят о том, как научиться самим деньги зарабатывать.

Условия и возможности для этого есть. Как-то, побывав в бору, немецкие предприниматели предложили (сделка пока не состоялась) эффективный способ переработки мелкотоварного леса, включая сучья, хворост, опилки, стружку...

Пора всерьез заняться бы судьбой известной в округе Колтубановской мебельной фабрики. Давно уж стоит, но нет заказов. А всегда были. Неужто у населения иссякла нужда в красивой мебели? Вряд ли.

Крепким подспорьем может стать служба туризма, если организовать ее на областном и всероссийском уровне. Ведь в истории Бузулукского бора яркие имена великих писателей, артистов и художников. Здесь родовые поместья Державиных, Карамзиных, Набоковых, немало достопримечательностей, связанных с пребыванием на бузулукской земле Л.Толстого, А.Пушкина, Ф.Шаляпина, выдающегося ученого-естествоиспытателя А.Тольского, легендарного народного героя В.И. Чапаева, с рождением космонавта Ю.Романенко, художника Н.Морозова...

Посмелее бы можно выходить и на международные контакты, привлекая инвестиции...

Никаких советов, подсказок, увещеваний я, конечно же, не высказал, не дал лесоводам, землякам моим. Опытные, матерые знатоки своего дела! Расставаясь с ними, теперь полно-

равными обладателями и стражами бесценного лесного сокровища, я счастливо сопереживал их недавней победе. Благодарение и какая-то тревожная радость наполняли душу. Но зрел в ней и молитвенно строгий наказ: победив, заимев охранную грамоту, не обольщайтесь, не расслабляйтесь благодушно, ибо рядом огромные, могущественные, никогда не дремлющие силы зла, всегда готовые воспользоваться малейшей промашкой, заминкой вашей, несовершенством законодательства общества нашего, где целью жизни объявлена нажива, чтобы снова ринуться в смертоносную атаку — на Жизнь, на Красоту.

Послесловие

Эта статья была опубликована в областной газете «Южный Урал», и пошли мне на нее отклики.

— У нас назревает экологическая катастрофа, — сообщал Александр Васильевич Павлов, в прошлом мастер, начальник смены, ныне работник нефтедобывающего управления «Бузулукнефть». — Пробуренные лет сорок тому назад скважины, а затем законсервированные, ныне разгерметизируются, оживают. Я случайно наткнулся на одну из таких: бетон вокруг неё растрескался, из щелей сочатся нефть и газ. Сообщил начальству. Приезжала комиссия, но ничего не изменилось. Бор и теперь, считай, как на гигантской мине. И никто не знает, когда она рванёт.

Известная журналистка, житель г. Бузулука Тамара Назина:

— Я беседовала со многими специалистами. Их резюме: скважины нужно срочно переконсервировать. Требуются большие деньги, где-то полмиллиарда рублей. У бузулукских лесоводов их нет, у областной администрации тоже не имеется. Время идёт, все ждут чего-то и даже ужасаются думать о грядущем... адском пожаре, либо взрыве, масштаб которых непредсказуем. Мыслимо ли: больше ста тысяч гектаров плотного сосняка польхнёт разом!

Высказал свое мнение и Рэм Андреевич Храмов, бывший начальник управления «Бузулукнефть». Именно его бурильщики первыми внедрились в заповедный бор и начали нефтедобычу.

— Отрадно, что после долгой и упорной борьбы экологов и общественности Бузулукскому бору постановлением правительства РФ присвоен статус национального парка, но это постановление не стало охранной грамотой, а породило новые проблемы. На территории бора находятся 160 скважин и десятки экологически опасных объектов и сооружений. Техническое состояние их вызывает серьёзную тревогу. У лесоводов нет должной охраны и средств пожаротушения... Одно время нефтяники предлагали «разрядить» часть недр методом наклонного бурения, то есть добывать нефть из-под бора не заходя на его территорию. Такой способ применяется в некоторых странах,

где даже в курортных зонах нефть добывают без ущерба для экологии. Но эта услуга нефтяников была отвергнута. Теперь лесоводы, возможно, жалеют об этом.

Ситуацию может выправить только мощная государственная организация по недропользованию, которую безотлагательно необходимо создать особым распоряжением правительства РФ при МЧС России с выдачей ей лицензии на спасательно-восстановительные работы в Бузулукском бору. Безотлагательно!

Сергей ЩЕРБАКОВ

КАК В СКАЗКЕ...

Лето 2009 года. Иринарховский крестный ход! Все счастливы, но жара невыносимая. В селе Ивановском отец Виктор, вытирая со лба пот, глянул на небо и утешил: «Тучка на солнышко найдет и ветерком потянет». Мы невольно вперили очи в небо. И тучка на солнышко нашла, и сразу ветерок подул. Да, это отец Виктор...

Впервые услышал я о нем на старом ярославском тракте. Ехали мы с трудником монастырским Пал Михалычем. В селениях я всегда держу скорость сорок километров — чтобы не задавить животных, чтобы не мешать людям жить. Им теперь непросто дорогу перейти: машины летят нескончаемой вереницей. В общем, в каждой деревне я притормаживал, и Пал Михалыч недовольно заметил, что так мы до утра домой не доберемся. Зная его твердое сердце, я нехотя признался, что жалею братьев наших меньших. Но он неожиданно улыбнулся: «Отец Виктор на дороге всех собак, кошек, птичек крестит». Летом того же года на Иринарховском крестном ходе меня познакомили с отцом Виктором. Стал я бывать в радушном доме Мироновых.

Первым у них пришел к Богу сын Петр. Сначала он, по его словам, из гордости занимался ушу, интересовался восточной философией. Потом стал говорить, что все это не то, что ему этого мало... Однажды открыл старое Евангелие, остав-

шееся после прабабушки Марии. Прочитал и воскликнул: «Вот что мне нужно!» Особенно запали в душу слова Сына Божия: «А вы не называйтесь учителями: ибо один у вас Учитель, Христос; вы же все братья». И пошел Петр, пошел... Воцерковился. Стал внушать родителям, что им надо обвенчаться, а не жить незаконно. Они долго собирались, и он предупредил: «Что-нибудь с машиной у нас случится». Вскоре лобовое стекло вытащили, потом аккумулятор выдрали вместе с проводами. Родители обвенчались, прилепились к храму, стали часто бывать в Оптиной Пустыни у отца Илии. Однажды он сказал: «Не пора ли вам, Виктор Иванович, рукополагаться?» И Виктор Иванович, будучи уже кандидатом технических наук, директором процветающей фирмы по разработке наукоемкой продукции, безпрекословно повиновался. Дали ему сельский приход при храме святителя Николая. Место, конечно, чудесное. На горке высокой — белый храм, а вокруг — старая березовая роща. Когда едешь из Москвы, то невольно заглядишься на такую красоту. Я же все собирался заглянуть туда хоть на минутку, словно чувствовал, что служат в этом храме люди, с которыми меня потом свяжет судьба... Но красота красотой, а с нее воду не пить.

Поначалу очень несладко пришлось Мироновым. Все в запустении, в порухе, денег не хватает. Да еще в храме хозяйничали бабушки. Но, как говорит о муже матушка Татьяна: «У нас батюшка, если знает, что он прав, то его с места не сдвинешь». Раньше бабушки признавали только общую исповедь; отпевание, крещение быстренько — за десять минут... Отец Виктор эти непорядки отменил. Они взбунтовались. Про индивидуальную исповедь говорили, что батюшка кагэбэшник и передает их исповедь в КГБ. Две семьи он вытащил из пьянства, так они про него распустили слух, что он колдун. За то, что носил офицерский ремень, его антихристом прозвали. Потом бабушки депутацию прислали: «Если не вернешься к нашим прежним порядкам, мы тогда в храм ходить не будем — ты с голоду околеешь». А отец Виктор им: «Священников Бог кормит, а не люди». Но, конечно, опечалился. При этом разговоре присутствовала кошка Алиса. Ушла вслед за бабушками и через пять минут принесла огромную мышь и положила у ног отца Виктора. Он ее похвалил, а она на другой день опять притащила большую мышь и положила у его ног. В среду вся семья со смехом ждала: что же она нам в постный день принесет? А Алиса принесла рыбью голову... Отец Виктор даже растрогался: «Все, Алиса, теперь я верю, ты нас прокормишь». С того дня она перестала приносить добычу..

Матушка Татьяна может весь вечер рассказывать о чудесах своей любимицы: «Как-то Алиса провинилась и батюш-

ка ее выгнал: «Все, иди». Сам ушел в храм служить, а она всю службу на паперти сидела, ждала его. Когда он вышел, то она сразу к нему: мяу-мяу. Батюшка нам: «Смотрите, как надо каяться. Все, Алиса, я тебя прощаю». Так она обрадовалась... Больше всех младшего нашего, Васю, любила. Если он падал, год-два ему было, Алиса бежала ко мне, кусала, дескать, почему ты за ребенком не смотришь. Если же он капризничал, то его прикусывала. Когда кто-то из гостей брал Васины игрушки, она прихватывала зубами за руку.

Вася песни поет и уходит по тропинке. Мы говорим: «Алиса, приведи его». Она — хвост трубой, он у нее огромный, и впереди Васи. Он пытается хвост поймать и идет за ней — так домой она его и возвращала.

Алиса и дом охраняла. Когда свои — она лапы на дверь, а чужие — у нее шерсть дыбом.

Как-то бабушки допекли отца Виктора, и он осерчал: «С кошками легче, чем с людьми. Один раз скажут нельзя, другой, третий, потом берут и топят». Вдруг с полатей удивленная морда Алисы высовывается. Батюшка: «Да нет, Алиса, тебя это не касается». Она сразу успокоилась и скрылась.

Однажды рыбина лежала на столе, и я ей говорю: подожди, я тебе голову отрежу. Она так напугалась, что я поправились: не тебе голову, а рыбе.

Одну соседку Алиса любила, а другую — за пятки кусала. Та принесла для примирения рыбью голову, швырнула в миску: «На, жри, скалапендра». Я ей сразу сказала, что Алиса не будет есть, пока ты прощения не попросишь. Соседка рассмеялась. Вечером зашла, а голова так и лежит нетронутая. Она настолько поразилась, что невольно вымолвила: «Алиса, я же не со зла. Прости меня». Алиса потерялась о ее ногу и съела голову. Больше за пятки не кусала...»

Отец Виктор тоже любит вспоминать, как Алиса клубнику от сорок спасла: «Мы ей сказали: «Алиса, ты поспи на грядке с клубникой, тебе ведь все равно где спать». Она послушно легла клубком. Потом заявила и смотрит на нас. Пошли мы за ней, а вместо нее на грядке четыре сороки рядком лежат. Потом таким же макаром черноплодку спасла. Как-то принесла малюсенькую мышь. Мы, шутки ради, налили в миску ложку молочка, дескать, какова добыча, так-то и вознаграждение. Алиса внимательно глянула на нас. Вскоре принесла большую мышь, села у миски и смотрит, мол, теперь много молока мне наливайте».

Завершает рассказ о кошке Алисе, конечно, матушка Татьяна: «Когда Алиса стала старенькая, мы взяли вторую кошку. Алиса обиделась и на несколько дней ушла из дому. Потом я ей сказала: ты у нас самая лучшая, самая любимая, — и она смирилась. Мы попросили ее, чтоб она новую кошку

охотиться научила. Учила: мышей той приносила... Перед смертью ушла. Мы поняли. Выбежала я за ней на крылечко: Алиса, вернись. Она вернулась. Приласкала я ее, попросились мы с ней. А ночью она крикнула под печкой, и все... У нее и дети были удивительные. Сын Тузик Васю вылечил. У Васи было воспаление оболочек мозга, и он полгода не учился. Поест и спать. Когда Вася заболел, Тузик стал лежать, прижавшись к больной Васиной голове, как шапка. Однажды ночью Тузик начал орать. Прибежали мы, а он сидит у Васи на груди, сосредоточился, будто мышей ловит. И лапой Васю по щеке бьет. Вася глаза откроет, он перестанет. Закроет, он снова его лапой по щеке. Потом давай голову Васе вылизывать. Врачи сказали, мол, кризис у Васи был и, возможно, Тузик его от смерти спас...»

Наконец навели Мироновы порядок в Никольском храме, а их — на новое место службы... Петр, когда собирались уезжать, сказал Барсику, внуку Алисы: «Если хочешь с нами уехать, сиди здесь». И Барсик два часа на одном месте сидел. А когда через год Мироновых снова перевели, то Барсик уже сам забеспокоился, забрался на гору вещей и так и сидел, дескать, меня не забудьте.

Однажды Вася ел сосиски. Барсик запрыгнул к нему на колени и стал глядеть. Вася большой шутник, впрочем, как и все Мироновы, кроме матушки Татьяны. Вот он и говорит Барсику: «Сосиски надо вилкой есть, а у тебя вилки нету». Вдруг Барсик поднял лапу, выпустил когти, подцепил ими сосиску и держал ее, пока Вася не согласился: «Есть, есть, у тебя вилка. Забирай сосиску».

Кошки Мироновых все слова понимают, с ними разговаривать можно. Потому что Мироновы относятся к своим кошкам, как к равным, не допуская сомнений, что те могут их не понять. С верой в их способности. И Бог воздаст по вере. Верь, и будет тебе — сказал Господь. Даже горы сможете переставлять. Горы Мироновы не переставляют, но кошек умными делают...

И на новом месте служения, конечно, все кошки и собаки собираются вокруг дома всех любящей матушки Татьяны. Пернатых друзей она тоже не забывает — перед дверью висит домик-кормушка. На мою похвалу, что она всю тварь Божью привлекает, матушка возражает: «Меня маленькие собаки почему-то боятся. Я думаю: а ты зачем сюда пришла? Она опускает голову и уходит».

А вокруг отца Виктора люди собираются. До сих пор из прежних мест многие за духовным окормлением приезжают. И бывшие сослуживцы частенько навещают отца Виктора. Понимают: по его молитвам дела их фирмы идут хорошо.

Но, главное, за пять лет служения в монастыре — на Литургии по воскресеньям храм полный. А сначала по три человека бывало. Не забывают Господь и святые Его семью Мироновых своей милостью. Еще в первые годы служения, в 1992 году, лето было сухое. Картошка, как горох. А для Мироновых — это важный продукт. Решили отец Виктор с Петром 17 июля, в день убиения царя мученика Николая, сугубо ими почитаемого, Всенощную ему отслужить и заупокойную Литургию с панихидой. Отслужили. После обеда все небо потемнело. И пошел град. Отец Виктор: «Я только «Ниву» свою покрасил. Думаю, теперь снова придется. Град-то с голубино яйцо. Ну, и клубнику, конечно, побьет. Вечером вышел. Везде между гряд лед лежит и всего две яголки сбиты. И на «Ниве» ни царапинки. А у соседей стекла в парниках вдребезги, и всю ягоду побило. Картошка была — во!» Отец Виктор сложил вместе обе ладонищи.

В монастыре Мироновым, конечно, очень хотелось узнать место упокоения основателя. Однажды Вася зачем-то пошел с фотоаппаратом в гаражах, где когда-то стоял храм, и вдруг на трех снимках проступил лик с явно татарскими чертами. Поняли, на этом месте мощи преподобного, татарина по происхождению, сокрыты. Поставили крест. Один прихожанин сфотографировал его. На снимке крест оказался в огне, и свет тени не давал. Совершенно утвердились. Да и дела после установления креста пошли на лад. Я порадовался за Мироновых, мол, Бог даст, и мощи обретете. Отец Виктор с сомнением покачал головой: «Преподобный-то захочет ли к нам, свиньям, выйти?» Нам, свиньям... Смиранным Бог помогает, а гордым противится... Как-то я спросил об одном работнике, мол, что-то не видно его. Отец Виктор: «Зачем мне дурак. Два дурака будет — куда деваться». Имея в виду первым дураком себя! Потому-то уже третий храм подымает. Слава Богу, помощники у него надежные. Матушка Татьяна, трое сыновей: Петр, Иван, Василий. Правильными, умными людьми они с малолетства росли: когда не могли заснуть, отец Виктор, тогда еще Виктор Иванович, начинал читать материалы очередного съезда коммунистической партии. Они сразу засыпали...

Петр теперь послушник в другом монастыре. В день возложения на него подрясника неожиданно приехал из Оптиной Пустыни старец Илия и сам благословил Петра. Откуда он узнал? Оттуда! Любит он семью Мироновых.

У меня с Петром особые отношения. С первой встречи я полюбил его и как-то выделял даже среди друзей. Сам не мог понять, почему я так, ведь знакомы-то всего ничего. Правда, потом матушка Татьяна рассказала, что в детстве Петр говорил: когда вырасту — буду жить в лесу со зверями, а я гово-

рил: в лесу с собакой. Души у нас родственные. Но все-таки это была любовь авансом. Года через три, когда по Божьему попущению у меня случился разлад с наместником монастыря и я прекратил с ним общение, то именно Петр сказал мне по телефону главные добрые слова, после которых я попросил у наместника прощения и жизнь моя опять вошла в нужную колею.

Обычно, войдя в наш храм, первого вижу Петра. По своим послушаниям он всегда стоит ближе к двери. А в Пасхальные дни, выходя из машины в монастыре, частенько слышу с неба: «Христос воскрес!» Радостно поднимаю глаза на колокольню: «Воистину воскрес!» Петр — звонарь монастырский. По этому поводу отец Виктор шутит: «Пчел своих колокольни пасет». Одно из послушаний Петра — пасека.

Николай Васильевич Гоголь любил бывать у старосветских помещиков. А я люблю бывать у отца Виктора с матушкой Татьяной. С ними все печали развеиваются, на душе становится ясно. Звоню в дверь. Открывает отец Виктор и сразу кричит в конец коридора: «Матушка, принимай гостей». На кухне она первым делом передвигает на длинном столе все на левый край, протирает правый. Понятно, я сегодня далеко не первый гость. Бедная матушка не успевает и со стола толком убрать — только передвигает. Но когда я сочувствую ей, отец Виктор решительно возражает: «Нет, она счастливая». Матушка, вылепившая котлеты, безропотно соглашается. Поставив их на огонь, она незаметно исчезает. Отец Виктор сразу спохватывается: «А матушка куда делась?» Дочь Маша с улыбкой отвечает: «Это же матушка...» А матушка только так и может хоть немножко дух перевести. Отец Виктор весело кричит в коридор: «Котлеты твои сгорели». Наконец слышится: «Иду, иду». Он невозмутимо кидает: «Можешь идти спокойно». Дескать, уже сгорели. Но она приходит в самое время. Отец Виктор собирает бороду в кулак, прячет ее под футболку. Матушка подает на стол, Маша ей помогает. Маше четырнадцать.

Сегодня Маша не просто сидит с нами, но готовится к сочинению о художественном слове. На этот раз что-то у нее не ладится, и отец Виктор подсказывает взять эпиграфом изречение апостола Павла «Всяко слово гнило да не исходит из уст ваших». Маша возражает, что для школьного сочинения это не годится. Отец Виктор спокойно поясняет: «Ты должна в школу нести православие, а не оттуда дрянь всякую». Она задумывается на секунду, потом берет ручку: «Повтори, пожалуйста».

А матушка Татьяна неожиданно пригорюнилась. Я вопросительно гляжу на нее. Она отвечает: «С отцом плохо. Рак.

Врачи отказались — девятый десяток ему. А он не хочет смириться, сам ищет средства излечения». Отец Виктор спокойно замечает: «Скорбми и болезнями в Царство небесное входят. А мы все хотим извернуться — не тесным, а широким путем войти, а широким не войдешь». Я сразу вспоминаю, что неделю назад у батюшки опять камень в почках задвигался. Надо бы операцию делать, а ему все некогда, да и он хорошо помнит, что «скорбми и болезнями»...

Приходит рабочий, и отец Виктор покидает нас. Пока его нет, я спрашиваю матушку Татьяну: какой день семейной жизни был самым счастливым? Она задумывается, потом говорит: «Отец Виктор хороший, внимательный. Ни разу не испачкался». Я просто замираю. Вот это да! Обычно говорят о ласке, доброте, верности, о том, что семью хорошо обеспечивает... А тут «ни разу не испачкался»! Ничего грязного, плохого не делал. За это она ему благодарна. В этом ее счастье с ним.

Неожиданно матушка Татьяна просто расслаилась: «Однажды батюшка фотообои купил. На них осень была, мое любимое время года. Бывало, устану, сяду на стул посреди комнаты и словно в лесу я. Тихо, светло. Даже вроде грибами пахнет... А кошки наши на деревья прыгали и все ободряли».

Возвращается отец Виктор, и я ему задаю тот же вопрос о самом счастливом дне. Очень мне интересно, что он скажет. Батюшка без раздумий: «У меня все дни счастливые. Много народу на службу пришло — счастье. Крест на храм водрузили — счастье. Купол поставили — счастье... Когда работы у нас опасные: купол, крест, крыша — всегда тишина, небо синее. А заканчиваем — сразу пурга». Я понимаю, это он о том, как Господь любит их. Восхищаюсь умением отца Виктора говорить кратко, образно. Рассказывая притчу о монахах, любящих выходить из монастыря, он начал так: «Идут они пьяненькие, как всегда за воротами». Каково замечание! Как всегда за воротами! Да, в миру искушения на каждом шагу подстерегают! Невольно вспоминаю святителя Николая сербского, книгу которого мне подарил отец Виктор: «Спасибо за святителя Николая. Такая великая простота, как редко у кого». Отец Виктор припечатывает: «Посидишь полгода в Дахау — будешь просто писать...»

Матушка Татьяна идет к плите за очередным блюдом. Вдруг наклоняется и говорит: «Вода из шланга сочится». Батюшка молча кивает, и безмятежное настроение продолжает царить за столом.

Почти при каждом моем гостеванье у Мироновых происходят какие-то «чп». То холодильник течет, то посудный шкафчик на бок падает... Оказывается, ножки у него лома-

ны. И всегда Мироновы через секунду забывали об этих мелочах. Я за них переживал, а они шутили как ни в чем не бывало, словно после моего ухода им не придется выбрасывать испорченные продукты, убирать пол, вызывать мастеров. Иногда, правда, уставшая матушка Татьяна удивленно спрашивала: почему все к отцу Виктору со своими нуждами обращаются. Мол, есть же другие батюшки, есть священноначалие, наконец. Отец Виктор невозмутимо замечал: «Крышка у тебя уже прыгает». Матушка сразу успокаивалась: «Я уже все выключила». Но к этой теме она больше не возвращалась. И в следующий раз, когда она снова забывалась от усталости и начинала спрашивать, отец Виктор снова напоминал ей про крышку, которая уже прыгает от нетерпения...

Конечно, матушка Татьяна не забывает своих чудесных кошек. Недавно поделилась горем. На Вознесенье умер последний внук Алисы Барсик. Вечером со всеми попрощался. Кошку Муську, котят ее облизал. На постель к матушке Татьяне запрыгнул, потом — к Маше. А на батюшку так посмотрел, словно сказал: «Скоро меня не будет». Лег под пианино, и все. Отец Виктор поясняет, что не случайно он умер под пианино. Барсик был говорящий, музыкальный кот. Он не просто мяукал, а пел. В порыве нежных чувств даже мог сказать матушке Татьяне: ма-ма. Отец Виктор подытоживает: «Все, закончились у нас чудесные кошки». Матушка Татьяна вздыхает, но я замечаю, что она не согласна — нынешнюю кошку Муську, хотя она и не из родовой Алисиной, матушка тоже любит. Когда отец Виктор шугает Муську из кухни, матушка защищает ее, мол, она в компанию хочет, а не куски выпрашивать. Отец Виктор гнет свое: «Глупая кошка. Чего вчера утром орала?» Матушка Татьяна удивленно смотрит на мужа: «Маша-то в школу проспала, вот она и будила». Отец Виктор смущенно: «Точно, я и забыл совсем, что Маша проспала».

Отец Виктор и матушка Татьяна провожают меня в прихожей. Как всегда не хочется расставаться с ними, и я утешаю себя, что, даст Бог, еще не раз приеду сюда. Хотя однажды я не выдержал: «Не придется ли вам и отсюда уходить?» Они спокойно ответили: «На земле ничего надежного нет. Может, и придется». Жалеючи их, я тяжело вздохнул, а они: «Господь сказал: Не надо ни к чему земному прилепляться». Глядя на неоштукатуренные уже несколько лет кирпичные дверные косяки, я вспоминаю потекший холодильник, шкафчик со сломанными ножками... Да, они не прилепились. А вот храм их трудами на глазах преобразается... Хотя отец Виктор сразу меня поправил: «Не нашими трудами, а милостью Божьей». Виновато признаюсь: «А я прилепился к сво-

ему Старово-Смолино... Но мне, наверное, и надо было прилепиться? Сначала к Старово прилепился, потом к монастырю Борисоглебскому. Стал писать о них. А не прилепился бы, и ничего бы не было. Выходит, мне-то надо было прилепиться?» Мироновы согласно кивнули.

Подошла Муська. Вскинула передние лапы на ногу матушки Татьяны и ласково потерлась о нее мордочкой. Я понял: поблагодарила матушку, ведь та не согласилась, что Муська глупая, защитила ее... Позднее, когда на доме меняли кровлю, отец Виктор наказал Муське: «Раз ты у нас такая умная — будешь прорабом». И она каждый день навевдалась наверх, к кровельщикам. А когда закончили, Муська забралась на конек и давай орать. Полезли на крышу, а там большая дыра... С тех пор отец Виктор не называет Муську глупой, но из кухни шугает по-прежнему. «А то на голову сядет».

Нет, не перевелись у Мироновых чудесные кошки... Говорят, каковы хозяева, таковы и домашние животные. Совершенно с этим согласен, глядя на отца Виктора и матушку Татьяну.

Теперь на дороге я, как отец Виктор, крещу кошек, собак... Вообще часто его вспоминаю. Только начну жаловаться на сильные боли в ноге — сразу приходят на ум слова отца Виктора, что все мы хотим извернуться — широким путем в Царство небесное войти. И я замолкаю. Да, только скорбми и болезнями. Тем более что я-то, говоря словами Давида псалмопевца, «охромоша от стезь своих».

В жару всегда, как отец Виктор, всех утешаю: «Тучка на солнышко найдет и ветерком потянет». Чудеса Божьи...

Недавно архиерей назначил отца Виктора настоятелем очередного храма, и еще попечителем собора. После отъезда владыки матушка Татьяна с надеждой, что она что-то не так поняла, ослышалась, переспросила батюшку о новых назначениях. Он развеял ее надежды и она, вздохнув, задумалась. Должно быть о том, что придется теперь ей стол еще длиннее покупать, что ничего ей не остается, как опять незаметно исчезать, чтобы перевести дух. А неутомимый батюшка опять будет весело кричать в коридор: «Котлеты твои сгорели»; а Маша подхватывать его шутливый тон: «Это же матушка». А довольные гости все будут сидеть, сидеть — никому неохота уходить от Мироновых. Матушка светло улыбается и предлагает тост за здоровье. Да, Мироновым его много нужно — счастливые они люди...

д. Старово-Смолино.